Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований

№ 1(4), 2012 г.

Адрес редакции:

119034, Москва, Б. Левшинский пер, д. 10/2.
Тел./факс (495) 927-01-93
Email: histudies@gmail.com

Учредитель журнала

Фонд содействия актуальным историческим исследованиям «Историческая память».

Отпечатано в ООО «Мосполиграф».
Москва, 4-ый Лихачевский пер., д.4.

Тираж 500 экз.

СОДЕРЖАНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции

В 1938 году, накануне положившего начало Второй мировой войне международного кризиса, Восточная Европа была разделенной в полном смысле этого слова. Возникшие на развалинах старых "домодерных" империй — Австро-Венгерской и Российской — новые государства, как правило, считались национальными. Однако гражданских наций в них не сложилось, а население этих государств было представлено далеко не только титульными этносами. Украинцы, белорусы, евреи и литовцы в Польше; молдаване, евреи и венгры в Румынии; русские, евреи и немцы в странах Прибалтики; немцы, поляки и венгры в Чехословакии рассматривались властями своих стран как «чуждый» и порою подозрительный элемент, который следует держать под контролем, ограничивать в правах и при возможности принудительно ассимилировать. Подобная политика не могла не вызывать межэтнического напряжения, вскоре обернувшегося массовым насилием.

Ситуация усугублялась наличием в составе восточноевропейских государств больших территорий, компактно населенных нетитульными этносами. Принцип права народов на самоопределение, провозглашенный Т. Вильсоном, так и остался лишь благим пожеланием. Новые государства Восточной Европы были детищами войн и революций; неудивительно, что их границы определялись, прежде всего, правом сильного: так, Польша захватила и впоследствии аннексировала Вильнюсский край, западные области Украины и Белоруссии, а Румыния оккупировала Бессарабию. Новые границы разделили целые народы, создав тем самым почву для межгосударственных конфликтов и стремления к ревизии сложившегося в регионе порядка. Эта ревизия, которой хотели столь многие, началась Мюнхенским соглашением Великобритании, Франции, Германии и Италии, продолжилась захватом Польшей Тешинской Силезии, Венгрией — Закарпатья, присоединением к СССР западных областей Украины и Белоруссии, Бессарабии и стран Прибалтики. Новые границы государств Восточной Европы были установлены только после окончания Второй мировой войны.

Вторая мировая война, спусковым крючком которой стала ревизия восточноевропейских границ, была одним из самых страшных событий истории Европы. Практическое воплощение расовой идеологии нацистов привело к уничтожению миллионов «расово-неполноценных» людей: евреев, цыган, русских, украинцев, белорусов. Однако массовое насилие в Восточной Европы не сводилось исключительно к нацистским преступлениям; такие события, как польско-украинская резня на Западной Украине, уничтожение сербов в Хорватии, осуществлявшиеся финскими оккупационными властями этнические чистки в Карелии и послевоенное изгнание немцев из Чехословакии и Венгрии, в определенной степени были результатом накопленного еще в довоенное время межэтнического конфликтного потенциала. Война способствовала радикализации и ужесточению этих конфликтов, однако корни их уходили в недавнее прошлое. После Второй Мировой главные из этих межэтнических противоречий были разрешены путем создания — за счет изменения границ и обмена населением — моноэтничных государств. Спустя сорок с лишним лет, после падения СССР, ужасающая вспышка межэтнического насилия произошла только на территории бывшей Югославии, одного из немногих по-настоящему полиэтничных государств региона. Трудно избавится от мысли, что переформатирование границ и этнического состава восточноевропейских государств в конце 30-х — 40-х годах XX века имело не только трагические, но и положительные последствия.

В настоящее время события 30-х — 40-х годов в Восточной Европы не получили однозначной оценки историков, находящихся,

как правило, в плену национального субъективизма. Кроме того, многие темы, связанные с проблемой юридической оценки процессов изменения госграниц региона и перемещения (в том числе насильственного) целых этнических групп, требуют привлечения не только историков, но и специалистов-правоведов. С целью интенсификации исследования этих проблем российским фондом «Историческая память» была организована международная научная конференция «Разделенная Восточная Европа: трансфер границ и населения, 1938 — 1947», состоявшаяся 2 — 3 сентября 2010 года в г. Львове (Украина). Материалы этой конференции стали основой очередного номера нашего «Журнала», который Вы, уважаемый читатель, держите в руках.

Вошедшие в номер статьи исследователей из России, Белоруссии, Украины, Польши, Молдавии, Израиля, Германии и США весьма разнообразны по тематике, подходам и оценкам исследуемых процессов; на наш взгляд, подобная полифония способствует более глубокому пониманию как исследуемых тем, так и специфики национальных историографических школ.

Не претендуя на исчерпывающее освещение выбранной темы мы, тем не менее, надеемся, что материалы данного номера поможет глубже осознать смысл процессов трансформации восточноевропейских государств в 30-х и 40-х годах XX века и, тем самым, даст возможность увидеть, как создавалась та общая политическая и социальная реальность, наследницей которой является современная Европа.

Александр Дюков,
Олеся Орленко

Статьи

Александр Шубин

Украинский фактор в развитии международной ситуации 1938–1939 гг.

Во время судьбоносных событий 1938–1939 гг., которые привели к большой войне в Европе, Украина не была субъектом международных отношений. Тем не менее, «украинский вопрос» играл очень важную, иногда ключевую роль в отношениях СССР и Запада, от которых в это время впервые (но не в последний раз) непосредственно зависели судьбы мира.

После Мюнхенского сговора СССР оказался в опасной изоляции и выходил из нее такими средствами, которые сегодня вызывают не только исторические, но и этические споры. В дискуссиях об истоках Второй мировой войны практически не учитывается «украинский фактор», и напрасно. Он позволяет объяснить некоторые «странности», и первая из них — задержка в повороте политики Чемберлена. После Мюнхенского договора Чемберлен планировал широкое сотрудничество с Германией в рамках политики «умиротворения», и в конце 1938 — начале 1939 гг. Это сотрудничество переживало время апогея и триумфа. Считается, что Чемберлен отказался от политики «умиротворения» в день падения Чехии, когда стало очевидно, что Гитлер нарушил договоренности. Но это не так.

На что обиделся Чемберлен?

15 марта 1939 г. Гитлер захватил Чехию (вернее то, что от нее осталось). Сначала британский премьер отнесся к этому событию спокойно — ведь Чехословакия «распалась сама», и сама же в лице президента Гахи сдалась на милость фюрера. Но буквально через день позиция премьер-министра Великобритании, истинного лидера Лиги наций, серьезно изменилась, и он стал обвинять Гитлера в обмане. «Чуть ли не за один день Чемберлен перешел от умиротворения к открытым угрозам»[1], — не без удивления пишет депутат-консерватор Л. Эмери. Что случилось?

Чтобы понять это, нужно вернуться на несколько месяцев назад. Мюнхенский сговор резко ослабил правительство Чехо-Словакии в Праге. 11 октября 1938 г. в населенном украинцами Закарпатье было создано автономное правительство. 2 ноября 1938 г. делившие Чехословакию в Вене представители Германии и Италии (первый Венский арбитраж) предложили создать на востоке страны государство «Закарпатская Украина». Поскольку на эту территорию претендовала Венгрия, ей отдали Ужгород, но не весь регион, где сохранилась автономия со столицей в Хусте. В крае был установлен авторитарный режим, 20 января были распущены все партии, кроме Украинского национального объединения (УНО). Не удивительно, что на выборах в Сейм 13 февраля УНО получило подавляющее большинство голосов. Была создана местная армия, «Карпатская сечь», в которую вошли 2000 бойцов.

В ноябре 1938 — марте 1939 гг. дипломатические круги оживленно обсуждали информацию о подготовке Гитлером похода на Украину. Э. Галифакс писал в конце января: «Сначала казалось — и это подтверждалось лицами, близкими к Гитлеру, — что он замышлял экспансию на Востоке, а в декабре в Германии открыто заговорили о перспективе независимой Украины, имеющей вассальные отношения с Германией»[2]. 30 ноября советник Чемберлена Г. Вильсон не без злорадства говорил советскому послу Майскому: «следующий большой удар Гитлера будет против Украины. Техника будет примерно та же, что в случае с Чехословакией. Сначала рост национализма, вспышка восстания украинского населения, а затем освобождение Украины Гитлером под флагом самоопределения»[3]. Сталин тоже опасался карпатской «букашки», которая с помощью Гитлера хочет «присоединить к себе слона», то есть всю Украину.

Как известно, Закарпатье не имело общей границы с СССР. Каким образом оно могло стать «украинским Пьемонтом»? И в Москве, и в Берлине прекрасно понимали, что это возможно в случае соглашения Германии с Польшей. Причем если для Германии это

была тема для переговоров, то для СССР — повод для самых страшных подозрений. И основания для них давали не только дружеские германо-польские отношения 1934–1938 гг. и злорадные рассуждения британцев, но и другая информация разведки. Так, например, со ссылкой на итальянских дипломатов советские разведчики сообщали еще в мае-июле 1938 г., что не позднее января 1939 г. на СССР будет произведено нападение широкой коалиции от Великобритании до Японии. При этом основной удар будет нанесен Германией через территорию Польши. После этого Украина будет поделена между Польшей и Германией[4]. Сейчас эти сообщения выглядят фантастически, но некоторые их детали затем подтвердились — прежде всего, информация о соглашении Британии и Германии при решении «чешского» и «испанского» вопросов, а также о полном подчинении Чехословакии Берлину. Кроме того, разведка заранее сообщила, что создание коалиции тормозится из-за задержки в решении «испанского вопроса»[5]. Скорее всего, информация (дезинформация) итальянцев отражала надежды Муссолини, которые сбылись лишь отчасти и приватно обсуждались с немецкими и британскими кругами. В отношении «украинского вопроса» для участников этих бесед было очевидно одно: заигрывание с украинскими националистами не означает, что Германия и Польша допустят создание даже формально независимого украинского государства. Однако передача Польше правобережной Украины позволяла вернуться к старой идее, которую раньше поддерживал Пилсудский, — создание формальной федерации с участием Украины и Литвы.

Итак, проект «решения украинского вопроса» как повода для раздела СССР в конце 1938 г. казался вполне реальным и Москве, и Лондону. Но решение должен был принимать Берлин, а намерения Гитлера оставались неясны.

15 марта, сразу после оккупации Чехии, Сейм Карпатской Украины провозгласил независимость и избрал президентом А. Волошина. Однако Венгрия на правах союзника Гитлера действовала на опережение и уже 14 марта развернула наступление на Хуст. Вопреки ожиданиям, Гитлер не заступился за Карпатскую Украину, а сечевики оказались слабыми бойцами и 16–17 марта были разбиты.

Впрочем, в среде украинской эмиграции при объяснении этого поражения всплывала и «немецкая тема». Командовавший сечевиками бывший австрийский офицер Р. Ярый считался «слепым орудием немцев», а сама Карпатская сечь создавалась при содействии немцев, и затем ее кадры были трудоустроены на оккупированной немцами территории[6]. Однако сведений о непосредственном приказе немцев своим подопечным командирам проиграть сражение с венграми нет[7].

Отказ Гитлера от «решения украинского вопроса» произошел раньше, но до марта 1939 г. об этом не было известно даже в узких берлинских кругах. Сигналы о том, что Гитлер может пойти не на восток, а на запад, проникая в Лондон, увязывались с отказом от «украинской игры» (о чем в январе также писал Галифакс)[8]. «Украинский вопрос» стал политической лакмусовой бумажкой, позволявшей, как казалось, оценить намерения Гитлера.

Решение Гитлера зависело от позиции Польши. Перемены в настроении поляков наметились после Мюнхена, когда нацисты перешли от «судетской проблемы» к «данцигской». Дело в том, что, согласно Версальскому договору, Германия уступала Польше Силезию и «балтийский коридор» — побережье Балтики в районе Гдыни (между основной территорией Германии и Восточной Пруссией), а населенный немцами Данциг становился вольным городом под патронажем Лиги наций. Фактически Данциг был оккупирован Польшей. Гитлер, верный своей политике возврата всех населенных немцами земель, намеревался присоединить Данциг и балтийский коридор. Поскольку Польша считалась дружественным государством, немцы были готовы найти ей компенсацию за чужой счет. Очень скоро стало ясно, что поляки не хотели бы создавать украинское государственное образование даже под своей эгидой. Не отказываясь публично от украинской игры, Гитлер был готов легко пожертвовать ею ради союза с Польшей в решении более важных для него вопросов. Но пока украинская карта могла играть и против поляков. В Варшаве опасались раскручивания «украинского вопроса» не меньше, чем в Москве.

24 октября 1938 г. Риббентроп предложил Польше проводить совместную политику в отношении СССР на базе Антикоминтерновского пакта. Германия обещала не создавать марионеточное украинское государство в Закарпатской Украине. В свою очередь, Польша должна была согласиться на передачу Герма-

нии Данцига и создание экстерриториального немецкого шоссе и железной дороги, соединяющей две части Рейха.

Риббентроп был готов обсудить и более выгодные варианты: обмен балтийского побережья на черноморское за счет СССР и без всякой независимой Украины. Выход Польши к Балтийскому морю можно было бы подыскать потом за счет стран Прибалтики. Восстановление границ Речи Посполитой по состоянию на начало XVIII века было заманчивой перспективой. Но удовлетворят ли немцы территориальные притязания Польши к СССР и Литве, обеспечив выход к морям, или, напротив, создадут новое украинское государство — это был вопрос будущего. А балтийское побережье собирались отобрать уже сейчас. Судьба Чехии показывала, что быть сателлитом Германии небезопасно. Польша стремилась продемонстрировать Гитлеру, что она все же не Чехия. Польские руководители решили, что слишком рискованно менять имеющийся выход к морю на «шкуру неубитого медведя» СССР. И отказали Германии.

Еще в ноябре германское руководство надеялось, что в случае «советско-германского конфликта Польша будет на нашей стороне»[9]. Но во время рождественских каникул Гитлер склонился к мысли, что Польша не станет участвовать в его смелых проектах перекройки Восточной Европы, а это меняло направление следующего удара. 8 марта Гитлер сообщил ближайшему окружению о намерении сначала сокрушить Запад, а уже потом уничтожить СССР. Тем не менее, Гитлер по-прежнему не прекращал консультаций с Польшей, и, отказываясь поддержать Закарпатскую Украину, оказывал полякам любезность. Точкой невозврата стали ближайшие дни после захвата Чехии. Поскольку Польша ответила на любезность неблагодарно, в апреле началось создание плана «Вейс», и пошел обратный отсчет германского нападения на Польшу.

Несмотря на отказ от использования «украинского вопроса» в публичной политике, германское руководство не отказалось от использования украинских националистов. До июля 1941 г. они не понимали, что Германия в любом случае не собиралась содействовать делу украинской "незалежности", и готовы были видеть в Гитлере союзника, а не просто господина. 15 августа Абвер сформировал из членов ОУН диверсионно-повстанческое подразделение во главе с членом Главного провода Р. Сушко для организации восстаний на Западной Украине. Услуги этого подразделения не понадобились, но оуновцы продолжили службу в охранных подразделениях в районах, примыкающих к СССР[10], что не могло не нервировать советскую сторону.

В Лондоне события 16–17 марта 1939 г. были восприняты с точки зрения прежней информации о намерении Гитлера использовать «украинскую игру» против СССР. Отказ Гитлера от похода на Украину наводил Чемберлена на мысль, что Гитлер, подчинив себе восточноевропейские страны, может развернуться на Запад.

Узнав о произошедшем, Чемберлен сменил милость на гнев. В гневной речи 17 марта 1939 г. Чемберлен сделал вид, что отказывается от политики умиротворения. 31 марта он предоставил Польше гарантии вступления Великобритании в войну, если страна подвергнется «прямой или косвенной агрессии». Под косвенной агрессией понималось то, что случилось с Чехо-Словакией в 1939 г. После захвата Албании Италией гарантии были предоставлены и балканским странам.

Британские гарантии Польше стали для Гитлера главной проблемой. Удар Чемберлена был рассчитан очень точно и должен был показать, кто в Европе хозяин. После отказа Польши участвовать в комбинациях Барту и совместного с поляками дележа Чехословакии Гитлер считал Польшу своим сателлитом. Приняв британские гарантии, Польша подтвердила, что таковым не является.

Британское предложение гарантий и одновременный ультиматум со стороны Германии 21 марта 1939 г. поставили Польшу перед выбором — либо превращение в германского сателлита, либо «равноправная» дружба с Западом. Дружить с Западом было почетнее, чем с Гитлером. Но ориентация на Великобританию делала союз Германии и Польши против СССР невозможным. Гитлеру не нужен был союзник, который управляется из Лондона. За шесть дней до нападения Германии на Польшу 24 августа Геринг говорил польскому послу Липскому: «Решающее препятствие для дружественных отношений между Рейхом и Польшей — не данцигский вопрос, а союз Польши с Англией»[11].

Расчеты и страхи

Остроумный французский посол в Москве Кулондр заметил, что от англо-французских гарантий наибольшую выгоду получил Ста-

лин, который теперь отгорожен от Гитлера антигерманской коалицией: «С этого момента он, как бы с балкона, сам будучи в безопасности, может следить за происходящими событиями»[12]. Но Сталин не спешил наслаждаться видом с балкона и гонять на нем чаи. Он понимал, что балкон непрочен. Он был чужим, и Сталину не позволяли укрепить непрочный балкон своей квартиры.

Кулондр плохо представлял, как из Москвы виделось будущее нападение на СССР. За все время существования единого Российского государства вторжения с запада велись по трем направлениям: с севера — здесь главной целью с XVIII века был Петербург-Петроград-Ленинград; в центре — на Москву, которая в силу своего транспортно-географического положения является наиболее удобным центром управления страной; с юга — на Украину и Кавказ, богатые ресурсами. В условиях войны XX века, когда действуют огромные армии, которые не могут снабжаться «подножным кормом», наступление должно обеспечиваться коммуникациями, по которым поступает продовольствие, боеприпасы, амуниция. Прямой прорыв на Москву в этих условиях становится почти невозможным — коммуникации легко перерезаются с севера и юга. Со времен гибели армии Наполеона в России этот урок был вполне очевиден.

Прямой бросок на Москву от западной границы был возможен только при одновременном наступлении на севере и юге по расходящимся направлениям. Война получается неэкономной — на главном направлении можно сконцентрировать примерно около трети войск, выделенных на всю кампанию. Но чтобы закончить войну с Россией, следует наступать именно на Москву. Поэтому единственный смысл наступления прямо на Москву и одновременно на севере и юге — закончить войну в один год. Если такая рискованная задача не ставится, то наступление должно вестись по северному и южному направлениям. Закрепившись в Прибалтике, армия вторжения, хорошо снабжаясь через Балтийское море, нападает на Петроград-Ленинград и захватывает его за год, получая хорошие зимние квартиры и опять-таки прекрасные коммуникации. И уже на следующий год с этой позиции можно начинать наступление на Москву. С юга в первый год идет борьба за Украину. Армия вторжения может снабжаться и через Польшу и Румынию, и по Черному морю, и от ресурсов самой Украины — восточноевропейской житницы. В случае захвата Украины на следующий год можно наступать на Москву также с относительно близкой дистанции. Либо, если большевики будут достаточно побиты, но не разгромлены полностью, можно заключить почетный «второй Брестский мир» (по образцу Брестского мира 1918 г.), получив ресурсы Украины и, возможно, Кавказа. Таким образом, оптимальной стратегией войны с Россией для европейских стран являлись «клещи» — наступление с севера и юга с последующим смыканием вокруг Москвы. Но у этой стратегии был важный недостаток — война растягивалась не менее чем на два сезона.

Опасность «клещей» делала советское руководство особенно нервозным, когда речь заходила о приближении потенциального агрессора к Прибалтике и Ленинграду, о заигрывании немцев с УНО и ОУН, а также об отмене установленного в мае 1936 г. на конференции в Монтре запрета на проход кораблей воюющих стран через принадлежащие Турции проливы в Черное море.

7 марта 1939 г. в Москве получили сообщение о германо-эстонском соглашении, которое позволяло разместить немецкие войска недалеко от Ленинграда. Вкупе с «Закарпатской Украиной» это были острия «клещей». О кризисе в германо-польских отношениях Сталин еще не знал. Стратегические «клещи» противника нависли над СССР дамокловым мечом.

В этих условиях собрался XVIII съезд ВКП (б). 10 марта Сталин выступил на нем с отчетным докладом, где изложил картину мировой борьбы: «Поджигатели войны» стравливают СССР и Германию из-за Украины, стремясь «загребать жар чужими руками», то есть сдерживать агрессора ценой жертв со стороны СССР, а самим оставаться в безопасности. Конечно, СССР, верный своей политике «коллективной безопасности», по-прежнему готов помогать жертвам агрессии, но только при условии, что это будут делать и страны Запада. Затем Сталин представил анализ отношений двух империалистических группировок. Политику Оси он представлял себе так: «Война против интересов Англии, Франции и США? Пустяки! “Мы” ведем войну против Коминтерна, а не против этих государств. Если не верите, читайте “антикоминтерновский пакт”, заключенный между Италией, Германией и Японией»[13]. Сталин

назвал эти действия стран Оси «неуклюжей игрой в маскировку». «Вождь народов» сигнализирует Западу: будьте сговорчивее с СССР, иначе поплатитесь. Затем последовал сигнал немцам. Их используют в чужой игре. Сторонники умиротворения стремятся «не мешать, скажем, Германии увязнуть в европейских делах, впутаться в войну с Советским Союзом, дать всем участникам войны глубоко увязнуть в тину войны, поощрять их в этом втихомолку, дать им ослабить и истощить друг друга, а потом, когда они достаточно ослабнут, — выступить на сцену со свежими силами, выступить, конечно, в "интересах мира", и продиктовать ослабленным участникам войны свои условия. И дешево, и мило!»[14]. Вторжение в СССР — начало конца Гитлера, Запад использует его в своих интересах и выкинет на помойку истории.

Никаких призывов к сближению с нацистами в речи еще нет, есть лишь попытка предотвратить военное столкновение, а заодно стравить «империалистов».

В то время фюрер не прочитал речь вождя. Но Гитлер и без сталинской подсказки уже почувствовал, что Чемберлен его использует и что кончится это все мировым господством Великобритании.

В речи Сталина на Западе увидели информированность и готовность к продолжению политики коллективной безопасности и решили откликнуться. Известные политические, а затем и военные переговоры летом 1939 г. основывались на расчетах, во много оказавшихся ложными.

Расчет англичан строился на том, что Гитлер может договориться с Великобританией, но не с СССР. Расчет французов — на том, что Сталин может договориться с Великобританией и Францией, но не с Гитлером. Расчет Гитлера на том, что Запад не решится на войну, поэтому важнее договоренность со Сталиным. Расчет Сталина строился на противоречиях между двумя группами «империалистов». Заключить соглашение можно с теми, кто больше даст для СССР.

Меньше всего в расчет принимали позицию Польши. И это обижало польских политиков. Великие державы забыли, что маленькая, но гордая нация может парализовать их планы, чего бы это ей потом ни стоило.

Военные переговоры в Москве зашли в тупик из-за проблемы прохода войск через Польшу. Как и в случае с политическими переговорами, в центре внимания оказался чехословацкий опыт. В 1938 г. СССР был готов оказать помощь жертве агрессии, но Красная Армия не могла пройти на поле боя. Тогда Польша была частью прогерманской коалиции. Может быть, теперь все будет иначе?

Но нет. Поляки твердо встали на защиту своих границ против СССР. И причиной неуступчивости во многом был все тот же «украинский вопрос». Польский главнокомандующий Э. Рыдз-Смиглы заявил: «независимо от последствий, ни одного дюйма польской территории никогда не будет разрешено занять русским войскам»[15]. При этом подразумевались как раз украинские и белорусские «дюймы» территории Речи Посполитой. Несмотря на то, что СССР признавал легитимность границ, определенных Рижским договором 1921 г., он оспаривал полный суверенитет Польши над западноукраинскими землями, требуя предоставления им автономии. Эти требования находили поддержку Великобритании и Франции в 1920-х — начале 1930-х гг. То, что Польша отказалась предоставить автономию национальным меньшинствам, подрывало легитимность ее владения Западной Украиной и Западной Белоруссией, по крайней мере, в глазах СССР[16].

«Военное совещание вскоре провалилось из-за отказа Польши и Румынии пропустить русские войска, — с сожалением пишет У. Черчилль. — Позиция Польши была такова: "С немцами мы рискуем потерять свободу, а с русскими — нашу душу"»[17] (фраза маршала Рыдз-Смиглы). Польше предстояло испробовать сначала одно, а потом другое. Что же, по крайней мере, душа польского народа все еще цела. «Препятствием к заключению такого соглашения служил ужас, который эти самые пограничные государства испытывали перед советской помощью в виде советских армий, которые могли пройти через их территории, чтобы спасти их от немцев и попутно включить их в советско-коммунистическую систему, — продолжает Черчилль. — Ведь они были самыми яростными противниками этой системы. Польша, Румыния, Финляндия и три прибалтийских государства не знали, чего они больше страшились — германской агрессии или советского спасения. Именно необходимость сделать этот жуткий выбор парализовала политику Англии и Франции»[18]. В действительности выбор 1939 г. был не столь уж «жутким» — ведь войска СССР пускали на территорию «Речи Посполитой» под ясно описанные условия и под присмот-

ром все еще могущественных Великобритании и Франции. Это была совсем другая ситуация, нежели в 1944–1945 гг., когда войска СССР входили в Восточную Европу по праву сильного. Но польское руководство не чувствовало себя уверенно даже в такой ситуации.

Чтобы снять излишние опасения, Ворошилов предложил конкретный план прохода советских войск через польскую территорию по двум узким коридорам. Варианты ведения войны, изложенные начальником генерального штаба РККА Шапошниковым, особенно впечатлили своей конкретностью французского представителя Думенка, который в отличие от британских коллег разбирался в сухопутных операциях, но имел слабое представление о восточноевропейском театре военных действий. План Ворошилова исходил из наличия наболевшей проблемы «клещей»: северная колонна проходит через Виленский коридор, блокируя поползновения немцев наступать в Прибалтике, а южная — через Галицию, отрезая немцев и от Украины, и от румынской нефти. Обе идеи будут иметь продолжение в дальнейшем советском военном планировании.

Французы поддержали идею прохода Красной Армии через четко очерченные полосы польской территории. Но поляков, когда они узнали подробности, эти планы скорее напугали. Движение войск предполагалось по самым спорным территориям. Сегодня советские войска займут Вильно и Галицию, а завтра откажутся оттуда выходить, напомнив, что это не польская земля. К тому же, поляков беспокоило участие СССР в будущей мирной конференции как одного из победителей, который будет требовать свою долю. Как раз за счет Польши.

Столкнувшись с сопротивлением поляков, союзники предложили заключить конвенцию без их согласия (в это время припугнуть Гитлера было бы весьма актуально уже даже для Чемберлена), но тут уж отказался Ворошилов. Красная Армия должна иметь право войти в Польшу в первый день войны, а не тогда, когда польская армия уже будет разбита.

Заключать соглашение без права прохода было очень опасно. За этим могла последовать простая комбинация. Германия нападает на Польшу, наносит ей поражение. Великобритания, Франция и СССР объявляют войну Германии. После этого французы и англичане топчутся у линии Зигфрида, а основные сражения развертываются на восточном фронте. После всех событий такая стратегическая ловушка представлялась наиболее вероятной. Собственно, Польша через месяц как раз в нее и попала.

17 августа британская дипломатия, обеспокоенная отказом Гитлера пойти навстречу ее предложениям, присоединилась к попыткам французов сдвинуть польскую позицию с мертвой точки. Но поляки были непоколебимы. Польский посол Ю. Лукасевич заявил в беседе с Боннэ: «Чтобы Вы сказали, если бы Вас просили доверить охрану Эльзас-Лотарингии Германии»[19]. И Эльзас, и Западная Украина были приобретениями, в надежности которых собеседники не были уверены. Удрученный Боннэ считал, что отказ согласиться на проход советских войск означал бы, что «Польша приняла бы на себя ответственность за возможный провал военных переговоров в Москве и за все вытекающие из этого последствия»[20]. То есть за войну, поглотившую Речь Посполитую.

Выбор Сталина

В 1942 г. Сталин рассказывал Черчиллю: «У нас создалось впечатление, что правительства Англии и Франции не приняли решения вступить в войну в случае нападения на Польшу, но надеялись, что дипломатическое объединение Англии, Франции и России остановит Гитлера. Мы были уверены, что этого не будет». Сталин привел в пример такой диалог с представителем союзников: «“Сколько дивизий, — спросил Сталин, — Франция выставит против Германии после мобилизации?”. Ответом было: “Около сотни”. Тогда он спросил: “А сколько дивизий пошлет Англия?”. Ему ответили: “Две, и еще две позднее”. “Ах, две, и еще две позднее, — повторил Сталин. — А знаете ли вы, сколько дивизий мы выставим на германском фронте, если мы вступим в войну против Германии?” Молчание. “Более трехсот”»[21]. Сталин преувеличивал свои намерения трехлетней давности (все-таки во время разговора с Черчиллем шла Великая Отечественная война, когда выставить пришлось все, что было, и даже больше). На переговорах 1939 г. Ворошилов заявил, что СССР выдвинет против Германии 136 дивизий. Но все равно это было больше, чем могли выдвинуть французы (в реальности за время польско-германской войны они

сумели сосредоточить 78 дивизий), и несопоставимо больше, чем британцы, пытавшиеся с такими силами дирижировать всем европейским концертом.

Именно тупик в переговорах с Великобританией и Францией толкал Сталина на принятие предложения Германии, а не стремление к сближению с Германией порождало тупик в переговорах с Антантой.

К 22 августа французское правительство было готово к подписанию соглашения, но без согласия Польши это ничего не меняло.

15 августа посол Шуленбург получил инструкцию Риббентропа предложить советской стороне принять в ближайшее время визит крупного руководителя Германии. Это предложение следовало зачитать Молотову, но не отдавать в руки. Если дело сорвется, противник не должен получить бумаг. Выслушав это предложение, Молотов согласился, что в этом вопросе нужна быстрота.

Но в итоге приятной беседы Молотов разочаровал немецкого посла — с визитом Риббентропа торопиться не надо, «чтобы все не ограничилось просто беседами, проведенными в Москве, а были приняты конкретные решения»[22].

17 августа, когда Шуленбург появился у Молотова, тот уже проконсультировался со Сталиным и дал ответ на предыдущий запрос Риббентропа: «Советское правительство принимает к сведению заявление германского правительства о его действительном желании улучшить политические отношения между Германией и СССР...». Но дальше следовало перечисление прошлых обид. Однако «раз уж теперь германское правительство меняет свою прежнюю политику», то оно должно сначала доказать серьезность своих намерений и заключить экономические договоры: выделение Советскому Союзу кредита в 200 миллионов марок на семь лет (в 1946 г. о нем никто и не вспомнит), поставки ценного оборудования. Сначала — договоры, потом — все остальное. А вот следующим шагом можно заключить пакт о ненападении или подтвердить старый договор о нейтралитете 1926 г. И, наконец, самое важное: «с одновременным подписанием протокола, который определит интересы подписывающихся сторон в том или ином вопросе внешней политики и который явится неотъемлемой частью пакта»[23]. В этом протоколе можно оговорить все, вплоть до отношения к Польше, ради чего немцы и готовы были идти на сближение с недавним врагом. Но о разделе сфер влияния и секретности протокола речь не шла.

Только 19 августа советское руководство уступило немецким ухаживаниям, и путь к визиту Риббентропа в Москву был открыт.

Наиболее спорным документом, принятым 23–24 августа 1939 года и с правовой, и с этической точки зрения является секретный протокол. Нас интересует в данном случае его политическое значение. Здесь интересно обратить внимание на различия с документами, подписанными 28 сентября. Основных различий два. Во-первых, речь идет не о территориальном разделе, а о сферах влияния. Во-вторых, разграничение этих сфер проходит по основным землям польского государства («примерно по линии рек Нарев, Висла и Сан»), а 28 сентября СССР уже не претендовал на земли, лежавшие за линией Керзона. При этом 23 августа не исключается, что Польское государство в урезанных границах будет сохранено[24]. Тогда ясно, что СССР должен включать часть этого будущего польского государства в свою сферу влияния (а не в свою территорию), чтобы не отдавать его полностью под опеку Германии.

«Обещаны украинцам»

К 17 сентября исторический туман рассеялся, и стало ясно, что Великобритания и Франция не оказали своему союзнику реальной поддержки, что их гарантии оказались блефом, а объявленная ими война Германии — «странной войной». Польское государство потерпело поражение в борьбе с Германией один на один, и Гитлеру было незачем его сохранять. Секретный протокол 23 августа уже начал устаревать. Стали меняться и планы Сталина.

До 17 сентября Сталин тянул со «вступлением в игру», демонстрируя всему миру, что не участвует в германо-польской войне. Это нервировало германское руководство, оказавшееся единственным агрессором. Встал даже вопрос о том, что делать с восточной частью Польского государства, входящей в советскую сферу интересов, если СССР так и не введет туда войска. 12 сентября Риббентроп говорил Кейтелю и Канарису о возможности создать там украинское государство (правда, пока не враждебное СССР). Лидер ОУН А. Мельник с подачи Канариса стал готовить коалиционное правительство для Галиции[25].

Армия СССР перешла границу. Польскому послу в Москве была вручена нота с офи-

циальным объяснением советских действий: «Варшава как столица Польши не существует больше. Польское правительство распалось и не проявляет признаков жизни. Это значит, что польское государство и его правительство фактически перестали существовать». В действительности правительство продолжало жить и работать в Коломые близ румынской границы. Использовались аргументы, введенные в дипломатический оборот Чемберленом после распада Чехословакии. Если государство распалось, то и договоры с ним недействительны: «Тем самым прекратили свое действие договора, заключенные между СССР и Польшей». Это был главный тезис, ради которого нужно было сообщать об «исчезновении» польского правительства. Далее вступали в силу ключевые для советской внешнеполитической пропаганды мотивы безопасности: «Предоставленная самой себе и оставленная без руководства, Польша превратилась в удобное поле для всяких случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу для СССР. Поэтому, будучи доселе нейтральным, советское правительство не может более нейтрально относиться к этим фактам». Это означало, что СССР выходил из режима нейтралитета, то есть, по сути, вступал в войну. «Советское правительство не может также безразлично относиться к тому, чтобы единокровные украинцы и белорусы, проживающие на территории Польши, брошенные на произвол судьбы, остались беззащитными». Это был важный поворот в советской идеологии, который стал новым этапом в длительной эволюции от интернациональных приоритетов к национальным. Если раньше СССР планировал «освобождать» и «защищать» все народы, то теперь — только те, которые уже имели свои территориальные образования в составе СССР. Объединение «единокровных» — важнейший мотив гитлеровской идеологии — теперь стало частью идеологии Советского Союза. «В виду такой обстановки советское правительство отдало распоряжение Главному командованию Красной Армии дать приказ войскам перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии». Идеологический переход происходил постепенно, тем более что часть территорий, населенных преимущественно поляками, оставалась в советской сфере влияния: «Одновременно советское правительство намерено принять все меры к тому, чтобы вызволить польский народ из злополучной войны, куда он был ввергнут его неразумными руководителями, и дать ему возможность зажить мирной жизнью»[26]. В этот момент идея о линии разграничения сфер влияния еще была актуальна. Сотрудники ведомств, которым предстояло проводить советизацию, еще были сориентированы на то, что часть польских территорий войдет в СССР в виде Польской советской республики[27]. Однако всего через несколько дней проект ПССР исчезнет в архивах.

Белорусский и Украинский фронты, охватывая территорию востока Речи Посполитой с севера и юга, встретили несоизмеримо меньшее, чем немцы, сопротивление слабых польских сил, еще оставшихся в этом регионе.

Украинское и белорусское население, недовольное политикой польской власти, выходило на улицы, демонстрируя радость по поводу прихода Красной Армии. Часть жителей, конечно, не радовалась, но с протестом не выступала. 20 сентября при штурме Гродно местное население помогало советским войскам.

19 сентября было опубликовано советско-германское коммюнике, в котором СССР вынужден был говорить о своих вооруженных силах в контексте политики вермахта: «Задача этих войск… заключается в том, чтобы восстановить в Польше порядок и спокойствие, нарушенное распадом собственного государства, и помочь населению Польши переустроить условия своего государственного существования»[28]. Четвертый раздел Польши, одним словом. Но Сталин хотел бы провести раздел не собственно Польши, а многонациональной Речи Посполитой — отделить районы, населенные поляками, от районов, населенных белорусами и украинцами. Об этом 19 сентября был проинформирован Шуленбург. 25 сентября Сталин лично объяснил Шуленбургу свои мотивы. Раздел собственно польского населения может вызвать трения между СССР и Германией. Поэтому можно обменять польскую часть советской сферы влияния до Вислы на Литву.

Сталин умолчал о других мотивах. Не претендуя на захват части Польши, Сталин искусно уклонялся от обвинения в агрессии. Агрессию совершила Германия, а СССР просто взял под защиту народы, большая часть которых проживает в СССР. На поляков Советский Союз не покушается. Никакого угнетения. Первоначальное включение

части Польши в советскую сферу влияния было нужно Сталину на случай, если события приведут к сохранению Польши в урезанных границах. Тогда это государство было бы зависимо и от Германии, и от СССР. Теперь такая необходимость отпала, и Гитлер мог получить лавры покорителя Польши в полном объеме и со всеми вытекающими из этого международными последствиями. Расчет Сталина оказался верным. Страны Запада предпочли не считать СССР агрессором.

Германский исследователь Г.Л. Вайнберг обратил внимание на военно-стратегическую «странность» этого сентябрьского обмена части Польши на Литву: «Сталин дал возможность немцам подойти ближе к Москве, отдаляя их, однако, от Ленинграда»[29]. Сталин пожертвовал безопасностью Москвы ради невмешательства в германо-англо-французскую войну? Это очень важное замечание. Но Сталин ничем не пожертвовал. Такой обмен — еще одно доказательство того, что Сталин видел большую угрозу в ударе против Ленинграда (вариант стратегических «клещей»), чем в немецком наступлении строго на запад, в направлении Москвы.

28 сентября Варшава пала. В этот день Германия и СССР заключили договор о дружбе и границах. Стороны провозглашали стремление обеспечить «мир и порядок», «мирное сосуществование народов» и делили Речь Посполитую по новой линии. Приехавший в Москву Риббентроп встретил более теплый прием, чем раньше, но торговались по-прежнему долго. Камнем преткновения стали районы Сувалок, нижнего течения реки Сан и Августовские леса. Немцам был нужен лес и нефтепромыслы. В отношении остальных требований Сталин был неумолим, ссылаясь на то, что территории «обещаны украинцам». Что же это за «украинцы», которым были обещаны территории и которые прямо-таки держали Сталина за горло, не давая ему идти на уступки немцам? Однако за этой фигурой речи стояли и реальные обстоятельства. Сталин твердо и неуклонно следил за тем, чтобы у немцев не оставалось украинских территорий (в 1940 г. он, уже вопреки новому секретному протоколу, устранит и еще один потенциальный «украинский Пьемонт» в Северной Буковине, вызвав неудовольствие Германии), не претендуя на польские. Потворствуя национальным чувствам украинцев и тем самым укрепляя поддержку коммунистического режима, подорванную голодом 1932–1933 гг., Сталин в то же время демонстрировал всему миру свою приверженность принципам национально-этнического формирования границ, на основании которых Великобритания и Франция в 1930-е гг., пошли на уступки Гитлеру в Австрии и Чехословакии. Этот националистический подход обеспечивало восприятие сталинской внешней политики как вполне справедливой не только в Берлине, но и в Лондоне.

Решение «украинского вопроса»

Нет недостатка в резко-отрицательных оценках действий советского руководства и Сталина лично в сентябре 1939 г. Не буду сейчас спорить с этими оценками. Но хотелось бы ясности и отсутствия двойных стандартов. Ведь практически те же самые люди, которые возмущены «московским сговором», считают положительной ценностью существование Украины, объединяющей Галицию и Левобережье. А ведь такое объединение украинского народа произошло в сентябре 1939 г. в результате столь неблагородных и агрессивных действий Сталина. Можно сколько угодно спорить о его мотивах, среди которых важнейшими, на мой взгляд, были военно-стратегические — предотвращение захвата Москвы в «клещи» противника. Но Сталина подтолкнули к тому, чтобы проводить политику территориального расширения под флагом «решения украинского вопроса», и этот вопрос был в тот момент действительно решен настолько, насколько его можно считать решенным сегодня.

Надо как-то определиться. Либо единство украинского народа в границах одного государства — это благо. Тогда благом является и «освободительный поход Красной Армии». Либо нападение на Речь Посполитую в безнадежной уже для нее ситуации, но все же нападение, агрессия — это зло. И тогда злом является Украинское государство, существование которого вытекает непосредственно из факта этой агрессии.

Я историк, а не юрист, и для меня важно выяснить не столько «законность» событий, сколько их причины и следствия. Причинами событий того времени был глубочайший кризис индустриального общества, начавшийся вместе с Великой депрессией и вылившийся в возникновение индустриальных этакратий, часто — в тоталитарной форме, в борьбу между ними за ресурсы и в конечном

итоге за мировое господство. Эта борьба велась жестоко и кроваво, что не мешало прикрывать циничные расчеты юридическими покрывалами. Этим занимались и СССР, и Великобритания, и Германия, и их союзники. В этой истории одни и те же государства совершали преступления и были жертвами преступлений (разве что в деятельности в рамках нацизма и фашизма очевидно преобладают преступления). Украина не была субъектом этой борьбы, но ее ресурсы были одной из важнейших ставок, а «украинский вопрос» — одной из главнейших лакмусовых бумажек. И за эти риски народ был нежданно вознагражден объединением в сентябре 1939 г. (с учетом Северной Буковины — в 1939–1940 гг.).

Сами преобразования в Западных Украине и Белоруссии проводились с расчетом на национальные чувства большинства и имели внешне демократичный характер (что, разумеется, не совпадало с истинным содержанием). В советской зоне проводилась агитация украинских и белорусских масс за советский образ жизни. Кинематограф, выступления советских артистов, корректное поведение военных — все это контрастировало с карикатурными картинами советской жизни, которые рисовались в довоенной Польше. Население в большинстве своем решило, что его просто обманывали и жизнь в СССР гораздо лучше, чем в довоенной Польше. Контрпропаганда была подавлена репрессивными органами. Не удивительно, что 22 октября абсолютное большинство населения проголосовало за кандидатов, предложенных новыми властями. Депутаты тут же проголосовали за введение советской власти и воссоединение с Украинской и Белорусской ССР, что и было сделано 2 ноября 1939 г.

---

[1] **Эмери Л.** Моя политическая жизнь. М., 1960. С. 564.

[2] Год кризиса. 1938–1939. Т. 1. М., 1990. С. 201.

[3] Документы внешней политики СССР. М., 1977. Т. 21. С. 658.

[4] Вестник Архива Президента РФ. СССР — Германия 1933–1941 гг. М., 2009. С. 163.

[5] Там же. С. 164.

[6] ЦА ФСБ. Ф. 100. Оп. 11. Д. 7. Л. 10, 16.

[7] Р. Ярый активно сотрудничал с немецкими спецслужбами, но после войны спокойно жил в советской оккупационной зоне в Австрии (См.: **Кучерук О.** Рико Ярий — загадка ОУН. Львів, 2005). Это дает почву для подозрений в сотрудничестве уже с советскими спецслужбами. Однако даже если такое сотрудничество имело место (при чем не обязательно в 1939 г.), это не значит, что Ярый плохо сопротивлялся венграм по приказу немцев или коммунистов. Закарпатская Украина не имела шанса долго противостоять Венгрии, находясь в полной изоляции и имея рядом враждебные Польшу и Румынию.

[8] Год кризиса. 1938–1939. М., 1990. Т. 1. С. 201.

[9] **Фляйшхауэр И.** Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии 1938–1939. М., 1991. С. 92.

[10] **Дюков А.** Второстепенный враг. ОУН, УПА и решение «еврейского вопроса». М., 2008. С. 30–31.

[11] **Проэктор Д.М.** Фашизм: путь агрессии и гибели. М., 1989. С. 206.

[12] Цит. по: **Фляйшхауэр И.** Пакт. С. 112.

[13] **Сталин И.В.** Вопросы ленинизма. М., 1946. С. 569.

[14] Там же. С. 570.

[15] Цит. по: **Мельтюхов М.** Советско-польские войны. М., 2001. С. 194.

[16] Подробнее см. **Макарчук В.** Государственно-территориальный статус западно-украинских земель в период Второй мировой войны. Историко-правовое исследование. М., 2010. С. 132–147.

[17] **Черчилль У.** Вторая мировая война. М., 1991. Кн. 1. С. 177.

[18] Там же. С. 163.

[19] Там же. С. 19.

[20] Цит. по: **Сиполс В.** Тайны дипломатические. Канун Великой Отечественной войны. 1939–1941. М., 1997. С. 79.

[21] **Черчилль У.** Вторая мировая война Кн. 1. С. 177–178.

[22] СССР — Германия 1939. Документы и материалы о советско-германских отношениях с апреля по октябрь 1939 г. Вильнюс, 1989. С. 37.

[23] Там же. С. 40–41.

[24] Там же. С. 63–64.

[25] **Макарчук В.** Государственно-территориальный статус западно-украинских земель… С. 158.

[26] «Правда». 1939. 18 сентября.

[27] **Макарчук В.** Государственно-территориальный статус западно-украинских земель… С. 187.

[28] «Правда». 1939. 19 сентября.

[29] **Вайнберг Г. Л.** Открытые вопросы и спорные моменты // Сообщения совместной комиссии по изучению новейшей истории российско-германских отношений. М., 2002. Т. 1. С. 88.

Михаил Мельтюхов

«Санитарный кордон»: стратегическая проблема и ее решение

В годы Революции и Гражданской войны Советская Россия утратила завоеванные Российской империей позиции на международной арене и территории в Восточной Европе. По уровню своего влияния в Европе страна оказалась отброшенной на 200 лет в прошлое и находилась вне рамок новой системы международных отношений. Неслучайно советское руководство взяло на вооружение концепцию «мировой революции», сочетавшую новую идеологию и традиционные задачи внешней политики по усилению влияния страны в мире. Стратегической целью внешней политики Советского Союза стало глобальное переустройство Версальско-Вашингтонской системы международных отношений, что делало основными противниками Англию, Францию и их союзников.

Вполне естественно, что способствовавшие возникновению на западных границах СССР новых государств Англия и Франция были заинтересованы в их враждебном отношении к Москве. По мнению творцов нового мирового порядка, Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, Польша и Румыния являлись своеобразным «санитарным кордоном» против русской революции и должны были выполнять важную функцию в борьбе с большевистской опасностью. Во-первых, обеспечить у себя физическое истребление носителей большевистской идеологии; во-вторых, активно внедрять в сознание масс идеологию национализма, как средство от распространения большевизма, и, в-третьих, не допускать объединения революции в СССР с возможной революцией в Германии. Кроме того, эти страны должны были быть противовесом разоруженной Германии в Восточной Европе.

Первоначально англо-французские политики попытались создать в Восточной Европе единый военно-политический блок между Баренцевым и Черным морями, но оказалось, что у расположенных там стран существует немало собственных проблем друг с другом. Наиболее значительной из них был польско-литовский конфликт из-за Виленской области, оккупированной и аннексированной Польшей, что в принципе исключало участие Литвы в подобных начинаниях. Определенные опасения в отношении польского экспансионизма испытывала и Латвия, которая также боялась сближения с Варшавой. Финляндия склонялась к союзу в большей степени со скандинавскими странами, нежели со своими южными соседями. В итоге единого военно-политического блока не получилось. Вместо него возникли польско-румынско-французский и эстонско-латвийский союзы. Англия традиционно оставалась вне каких-либо военных соглашений, но оказывала определенную поддержку Эстонии и Латвии, которые могли предоставить базы для ее флота на Балтийском море. Несколько позднее сложилось и тайное финляндско-эстонское военное сотрудничество, имеющее целью организацию блокады советского Балтийского флота в восточной части Финского залива.

Естественно, Советский Союз был заинтересован в недопущении создания на своих западных границах единого блока враждебно настроенных государств. Используя противоречия между государствами региона, советскому руководству удалось удержать страны Прибалтики от более тесного сближения с Польшей. На антипольской основе сложилось довольно тесное, хотя и не формальное, сотрудничество СССР с Литвой и Германией. Одновременно Советскому Союзу к середине 1920-х гг. удалось нормализовать отношения с великими европейскими державами, что, конечно, снижало для него угрозу новой интервенции. Вместе с тем, Москва воспринимала ситуацию второй половины 1920-х гг. как мирную передышку, полагая, что неизбежное новое обострение кризиса капитализма будет чревато новой мировой войной. Понятно, что страны «санитарного кордона» воспринимались в этом контексте как потенциальные противники и возможные плацдармы для развертывания интервенционистских сил.

Кроме того, вплоть до начала 1930-х гг. суммарные военные возможности стран «санитарного кордона» были вполне сопоставимы с военными возможностями Красной Армии. В данном случае ограничивающим фактором было военное производство, заметно отстававшее, по оценкам советских специалистов, от соответствующих возможностей западных держав, которые, безусловно, стали бы тыловой базой снабжения восточноевропейских стран в случае войны с СССР.

В стратегическом плане главным звеном «санитарного кордона» была Польша, чье географическое положение, а также крупные вооруженные силы делали ее главным потенциальным противником Красной Армии. Любые возможные действия Москвы против стран Прибалтики или Румынии лимитировались позицией Варшавы, которая предпочитала выступать на дипломатической арене в качестве регионального лидера. Хотя подобная позиция далеко не всегда одобрялась другими странами «санитарного кордона», она давала им возможность лавирования в отношениях с СССР. В этом смысле довольно показателен ход переговоров относительно соглашений о ненападении, которые велись между Москвой и ее западными соседями во второй половине 1920-х гг. Все советские попытки заключить двусторонние договоры наталкивались на польскую позицию, в той или иной степени поддержанную странами Прибалтики, которая сводилась к подписанию многостороннего договора о ненападении или хотя бы к параллельным переговорам по этой проблеме и одновременному подписанию нескольких двусторонних договоров. Соответственно была жестко пресечена попытка Латвии самостоятельно пойти на парафирование некоторых статей будущего договора с СССР, подписывать который Рига в тот момент вовсе не собиралась. Естественно, что в этой ситуации советские усилия по заключению подобных договоров оказались безрезультатны. Своеобразным паллиативом стало подписание 9 февраля 1929 г. между Советским Союзом, Эстонией, Латвией, Польшей и Румынией протокола о досрочном вводе в действие пакта Бриана-Келлога, к которому 9 апреля присоединилась и Литва.

Только в 1932 г. в условиях нормализации советско-французских отношений СССР удалось добиться определенных дипломатических гарантий относительно позиции своих западных соседей и подписать двусторонние договоры о ненападении с Финляндией, Эстонией, Латвией и Польшей. Правда, в качестве дополнительной гарантии от возможности использования этих договоров в агрессивных целях в них было включено положение об их автоматической денонсации в случае нападения одной из участвующих в договоре сторон на третье государство. Вероятно, немаловажным фактором, способствовавшим подписанию этих договоров странами «санитарного кордона», был и начавшийся рост технической оснащенности Красной Армии. Созданная в годы первой пятилетки советская промышленность смогла начать выпуск вполне современной военной техники, и Советский Союз впервые в своей истории мог надежно гарантировать себя от нападения со стороны своих непосредственных западных соседей. Все это, безусловно, повысило заинтересованность стран «санитарного кордона» в получении дипломатических гарантий своей безопасности со стороны СССР. В итоге заинтересованность сторон в сохранении стабильных отношений и привела к подписанию соответствующих договоров, действие которых было в 1934 г. продлено до конца 1945 г.

Тем временем значительные перемены произошли в международной позиции Германии, где к власти пришло новое национал-социалистическое руководство, позиционировавшее себя как главного борца против «мирового коммунизма». Для Советского Союза возникла довольно серьезная угроза возможной консолидации на антисоветской основе как минимум всей Центральной и Восточной Европы. Особенно эта угроза возросла после нормализации германо-польских отношений в январе 1934 г. Настораживало Москву и попустительство Англии и Франции требованиям Германии о восстановлении ее военного равноправия. В этих условиях СССР в конце 1933 г. поддержал французскую идею «коллективной безопасности», которая в идеале должна была обеспечить сохранение политического статус-кво в Европе, сделав Москву одним из его гарантов и значительно снизив угрозу новой войны. Однако переговоры о Восточном пакте в 1934 г. показали, что при попустительстве Англии Германия и Польша, которые активно воздействовала на позицию стран Прибалтики, фактически блокировали реализацию этой идеи. Единственным итогом всех этих дипломатических усилий было вступление СССР в

Лигу Наций, что было негативно воспринято как в Берлине, так и в Варшаве. В марте 1935 г. Германия в одностороннем порядке отказалась от выполнения военных ограничений Версальского договора, что вызвало лишь нерешительные протесты Англии, Франции и Италии.

Правда, этот шаг Берлина способствовал тому, что Париж пошел на подписание договора о взаимопомощи с Москвой. Вскоре был подписан и аналогичный советско-чехословацкий договор. Учитывая уже существовавший франко-чехословацкий договор о взаимопомощи, казалось бы, появилась возможность создания тройственного военного союза Франции, Чехословакии и СССР, который можно было бы использовать как базу для реализации политики «коллективной безопасности». Однако в действительности Париж, а с оглядкой на него и Прага, вовсе не был склонен идти на полноценное военное сотрудничество с Красной Армией. Кроме того, Франции следовало решать проблему совместимости своих союзных договоров с Варшавой и Москвой. В результате советско-французский и советско-чехословацкий договоры так и остались скорее политическими декларациями о намерениях, хотя и способствовали расширению советских военно-технических заказов в этих странах. В любом случае, СССР убедился, что Франция не желает оказать влияние на Польшу с целью добиться ее отхода от прогерманского курса и брать на себя какие-либо обязательства по обеспечению безопасности стран Прибалтики.

Сложившаяся во второй половине 1930-х гг. в Восточной Европе международная ситуация была крайне неблагоприятна для СССР. Вместо противодействия дипломатическим усилиям Германии по расширению своего влияния в регионе, Польша содействовала или нейтрально относилась к этим устремлениям Берлина. Учитывая попустительство практически любым действиям Германии со стороны Англии и Франции, страны «санитарного кордона» все более склонялись к учету позиции Берлина. При этом основой любого политического сотрудничества между Германией и этими странами был традиционный для них антисоветизм. Естественно, что в этих условиях СССР должен был позиционировать себя как главного борца за «коллективную безопасность», что позволяло получать определенную поддержку со стороны тех политических сил в Англии и Франции, которые опасались чрезмерного усиления Германии. Однако по мере развития событий становилось все очевиднее, что подобные настроения на Западе отнюдь не являлись господствующими. Фактически, в рамках проводимой Лондоном и Парижем политики «умиротворения» Германии, Берлину были позволены любые действия в отношении стран Центральной и Восточной Европы, кроме открытой войны.

Особенно показательным в этом отношении был 1938 г., когда Германия впервые перешла к изменению территориального статус-кво в Европе. Если присоединение Австрии к Германии не вызвало заметного ажиотажа в мировой политике, то Чехословацкий кризис затронул интересы всех великих европейских держав. Именно события вокруг Судетского вопроса показали, что Польша и Венгрия стали прямыми союзниками Германии в расчленении Чехословакии. Кроме того, Польша заявила, что ни при каких условиях не пропустит через свою территорию Красную Армию для оказания помощи Чехословакии в случае германского нападения на нее. Соответственно Варшава оказывала давление на Эстонию, Латвию и Румынию, чтобы и они не соглашались на пропуск советских войск или авиации. Конечно, главным фактором подобной позиции восточноевропейских стран была политика, проводимая Англией и Францией в отношении Германии. Мюнхенское соглашение показало всем странам Восточной Европы, что им стоит усилить прогерманский крен своей внешней политики, а это, в свою очередь, требовало определенных уступок с их стороны. Фактически осенью 1938 г. Германия была как никогда близка к полному подчинению этого региона своему влиянию. Одновременно советское руководство убедилось, что политика «коллективной безопасности» все менее соответствует сложившейся международной ситуации.

Однако начавшееся зимой 1939 г. охлаждение германо-польских отношений и экспансионистские действия Берлина в марте 1939 г. привели к возникновению нового политического кризиса. Как СССР, так и Англия с Францией, обеспокоенные нарушением Мюнхенского соглашения Германией, постарались оказать поддержку Польше, чтобы она не шла на уступки Германии. Правда, Варшава упорно отказывалась от каких-либо антигерманских договоренностей с СССР, но согласилась на англо-французские гарантии

своей независимости. Начало политического кризиса 1939 г. в Европе активизировало международную политику всех великих держав и резко расширило возможности внешнеполитического маневрирования Советского Союза. Шли тайные и явные англо-франко-советские, англо-германские и советско-германские переговоры, происходило оформление англо-франко-польской и германо-итальянской коалиций.

Поскольку в благожелательной позиции СССР были заинтересованы и Англия с Францией, и Германия, Москва получила возможность выбирать, с кем и на каких условиях договариваться. В своих расчетах советское руководство исходило из того, что нарастание кризиса или возникновение войны в Европе — как при участии СССР в англо-французском блоке, так и при сохранении им нейтралитета — открывало новые перспективы для усиления советского влияния на континенте. Союз с Лондоном и Парижем делал бы Москву равноправным партнером со всеми вытекающими из этого последствиями, а сохранение Советским Союзом нейтралитета в условиях ослабления обеих воюющих сторон позволяло ему занять позицию своеобразного арбитра, от которого зависит исход войны. Продолжая действовать в рамках идеи «коллективной безопасности», советское руководство попыталось добиться заключения союза с Англией и Францией. Однако англо-франко-советские переговоры показали, что западные державы не готовы к равноправному партнерству с Москвой. В европейской политике сложился своеобразный «заколдованный круг». Советский Союз стремился к соглашению с Англией и Францией, которые предпочитали договоренность с Германией, а она, в свою очередь, добивалась нормализации отношений с Москвой. Определенную роль в срыве англо-франко-советских переговоров сыграла и позиция восточноевропейских соседей СССР, которые заявляли Англии и Франции о своей незаинтересованности в гарантии их независимости с участием советской стороны.

Подобный ход переговоров наряду с угрозой англо-германского соглашения заставил Москву более внимательно отнестись к германским предложениям о нормализации двусторонних отношений. Подписанный 23 августа 1939 г. советско-германский договор о ненападении стал большим успехом советской дипломатии. Использовав склонность Германии к соглашению, советское руководство сумело добиться серьезных уступок со стороны Берлина. Германская сторона признала Финляндию, Эстонию, Латвию, территорию Польши к востоку от рек Писса-Нарев-Висла-Сан и оккупированную Румынией в 1918 г. Бессарабию советской «сферой интересов». Таким образом, Советскому Союзу удалось на определенное время остаться вне европейской войны, получив при этом значительную свободу рук в Восточной Европе и более широкое пространство для маневров в собственных интересах между воюющими группировками. При этом следует подчеркнуть, что советско-германский договор о ненападении не был детонатором войны в Европе. Ведь вместо честного выполнения своих союзнических обязательств перед Варшавой Англия и Франция продолжали добиваться соглашения с Германией, что фактически подтолкнуло ее к войне с Польшей.

Пассивная позиция Англии и Франции в начавшейся Второй мировой войне позволила Советскому Союзу активизировать свою внешнюю политику в Восточной Европе и приступить к ревизии западных границ, навязанных ему в 1920–1921 гг. Разгром Польши Германией дал советскому руководству возможность ввести 17 сентября 1939 г. войска Красной Армии на территорию Западной Белоруссии и Западной Украины, которые после проведенных там выборов и провозглашения советской власти в ноябре 1939 г. были включены в состав Белорусской и Украинской ССР, став частью Советского Союза. Тем временем, согласно советско-германскому договору от 28 сентября 1939 г. о дружбе и границах, Литва была включена в советскую «сферу интересов», а территория Польши между реками Висла и Западный Буг — в германскую. Устранение польского сегмента «санитарного кордона» развязало Москве руки в отношении его северного и южного участков. В сентябре-октябре 1939 г. Эстония, Латвия и Литва были вынуждены заключить с СССР договоры о взаимопомощи и согласиться с размещением на своих территориях советских военных баз. Военно-дипломатические успехи СССР по установлению советского контроля над «сферой интересов» в Восточной Европе оказались прерванными Финляндией, которая ценой войны с СССР в условиях угрозы вмешательства Англии и Франции сумела сохранить независимость, хотя и уступила некоторые территории.

Разгром Германией Франции в июне 1940 г. резко изменил стратегическую ситуацию в Европе и вынудил СССР активизировать свою политику в отношении стран Прибалтики и Румынии. 15–16 июня Литва, Латвия и Эстония приняли советские требования относительно создания просоветских правительств и допуска на свою территорию дополнительных контингентов советских войск. При поддержке советских эмиссаров новые прибалтийские правительства провели ряд социальных реформ и развернули активную пропагандистскую кампанию по их обоснованию, ссылаясь на опыт СССР. В рамках этой кампании были проведены выборы, и новые парламенты трех стран восстановили в них советскую власть и обратились к СССР с просьбой об их включении в его состав. Соответствующие решения Верховный Совет СССР утвердил в начале августа 1940 г. Тем временем, в конце июня 1940 г. Румыния была вынуждена принять советское предложение о возвращении СССР Бессарабии и передаче ему Северной Буковины. Таким образом, к середине 1940 г. Советский Союз смог ликвидировать «санитарный кордон».

Были ли действия СССР в отношении Польши, Финляндии, стран Прибалтики и Румынии агрессией? Согласно конвенции об определении агрессии 1933 г., предложенной именно советской стороной, агрессором признавался тот, кто совершит «объявление войны другому государству; вторжение своих вооруженных сил, хотя бы без объявления войны, на территорию другого государства; нападение своими сухопутными, морскими или воздушными силами, хотя бы без объявления войны, на территорию, суда или воздушные суда другого государства; морскую блокаду берегов или портов другого государства; поддержку, оказанную вооруженным бандам, которые, будучи образованными на его территории, вторгнутся на территорию другого государства, или отказ, несмотря на требование государства, подвергшегося вторжению, принять, на своей собственной территории, все зависящие от него меры для лишения названных банд всякой помощи или покровительства». Причем в конвенции специально оговаривалось, что «никакое соображение политического, военного, экономического или иного порядка не может служить оправданием агрессии» (в том числе внутренний строй и его недостатки; беспорядки, вызванные забастовками, революциями, контрреволюциями или гражданской войной; нарушение интересов другого государства; разрыв дипломатических и экономических отношений; экономическая или финансовая блокада; споры, в том числе и территориальные, и пограничные инциденты)[1].

Исходя из содержания конвенции, получается, что Советский Союз совершил агрессию против Польши и Финляндии. Однако в отношении стран Прибалтики единственным действием Москвы, которое подпадало под действие этой конвенции, было введение военно-морской блокады региона. Вступлению же советских войск на территорию Эстонии, Латвии и Литвы предшествовали дипломатические переговоры, завершившиеся согласием прибалтийских правительств с советским вариантом решения проблем в двусторонних отношениях. В отношении Румынии СССР вообще не совершал действий, подпадающих под действие этой конвенции. Не говоря уже о том, что применение термина «советская агрессия» к оккупированной Румынией территории Бессарабии вообще невозможно. Вступлению же Красной Армии на территорию Северной Буковины предшествовали дипломатические переговоры, завершившиеся согласием румынской стороны с советским вариантом решения Бессарабского вопроса. Как справедливо отметил А. Тэйлор, «права России на балтийские государства и восточную часть Польши (а также Бессарабию. — М.М.) были гораздо более обоснованными по сравнению с правами Соединенных Штатов на Нью-Мексико»[2]. В этом смысле невозможно не согласиться с мнением Н.М. Карамзина: «Пусть иноземцы осуждают раздел Польши: мы взяли свое»[3]. В итоге Советскому Союзу вновь удалось совместить политическую и геополитическую границы между «Западной» и «Российской» цивилизациями, как это уже имело место в конце XVIII века.

В результате ликвидации «санитарного кордона» в состав СССР осенью 1939 — летом 1940 г. вошли территории общей площадью около 457 тыс. кв. км с населением в 23 млн. человек[4]. Советские западные границы были отодвинуты от жизненно важных центров страны, и были созданы новые возможности для развертывания советских вооруженных сил. Это значительно улучшило стратегические позиции и укрепило обороноспособность СССР. Таким образом,

успешно лавируя между двумя воюющими блоками, советское руководство смогло значительно расширить территорию Советского Союза, вернув контроль над стратегически важными регионами, большая часть которых ранее входила в состав Российской империи и была утрачена в годы Гражданской войны в результате внешней агрессии. Поэтому события 1939–1940 гг. были в определенном смысле советским реваншем за поражения времен Гражданской войны. Кроме того, эти присоединения стали прецедентом, на который советское руководство могло ссылаться при решении проблемы послевоенного устройства Европы. В международно-правовом плане все эти территории были закреплены в составе Советского Союза договорами 1945–1947 гг.

---

[1] Документы внешней политики СССР. М., 1970. Т. 16. С. 388–392, 403–406, 408–411.

[2] Вторая мировая война: Два взгляда. М., 1995. С. 457.

[3] **Карамзин Н.М.** История государства Российского. СПб., 1843. Кн. 3. Приложение 2. С. XLVII.

[4] По мнению В.А. Исупова, территория СССР увеличилась в 1939–1940 гг. на 460,3 тыс. кв. км (Россия и ее регионы в XX веке: территория — расселение — миграции. М., 2005. С. 28).

Оксана Петровская

Формирование границ Западной Белоруссии в 1939–1940 гг.

Освободительный поход Красной Армии в сентябре 1939 г. положил начало формированию границ Западной Белоруссии, которая после 1921 года воспринималась в СССР скорее как геополитическое понятие и не имела ясно очерченной территории. Трансформация границ СССР и советизация присоединенных регионов в 1939–1941 гг. были направлены на изменение их этнического состава и инкорпорацию в СССР. Между тем, ученые признают, что Западная Белоруссия до сих пор сохраняет особенности, отличающие ее от остальной территории страны[1], а очертания ее границ по-прежнему остается темой для споров[2]. Во многом это объясняется теми обстоятельствами, в которых происходила легализация этого территориального образования в 1939–1940 гг.

Формально-правовому оформлению границ БССР в ее западных областях в начале Второй мировой войны содействовали три основных группы факторов: осуществление военно-стратегических операций Красной Армии в сентябре 1939 г.; дипломатия советского правительства; законотворческая деятельность партийной элиты и Верховного Совета СССР. Руководство СССР в своих решениях, в первую очередь, учитывало стратегические и политические интересы советского государства, одновременно пытаясь решать задачи национального строительства по советскому образцу.

Проблемы определения границ Западной Белоруссии

Граница, установленная Рижским мирным договором и разделившая белорусов, не устраивала ни Польшу, ни СССР. Для представителей режима «санации» были характерны мессианские настроения о цивилизационной роли Польши на востоке в целом и защите Европы от коммунизма в частности[3]. Для советской внешней политики реванш хотя и не был первоочередной задачей, но сохранял свою актуальность с 1921 г. При подписании советско-польского договора М.М. Литвинов подчеркивал, что это не является признанием справедливости и законности границ[4].

17 сентября 1939 г., воспользовавшись благоприятной международной обстановкой, Красная Армия вступила на территорию Польши. Однако при переходе советско-польской границы ясного понимания цели операции в обстановке строгой секретности не было ни у командования, ни в подразделениях, ни у политорганов. По всей видимости, не было его и у высшего партийного руководства, которое вынуждено было принимать решения по ходу продвижения советских войск. Следуя логике украинского историка В. Макарчука, в германо-советском договоре от 23 августа1939 г. СССР не брал на себя обязательств осуществить военную операцию против Польши, в нем лишь разграничивались сферы интересов[5]. А польский историк Я. Войтковяк обращает внимание на отсутствие информации о том, насколько неожиданным для советского руководства было нападение на Польшу утром 1 сентября 1939 г. По его мнению, Красная Армия рассчитывала на значительно больший срок для подготовки к практическим действиям[6]. То, что к началу советского наступления немецкие части уже перешли среднее течение Вислы и Сана и вышли на линию Радзин-Любартов-Люблин-Красностав-Замостье-Томашов-Городок-Дрогобыч, не могло не вызывать беспокойства Сталина. Запоздалое начало операции Красной Армией обусловило стремительность действий и задачу захвата как можно большей территории Польши. Ее пределы (линия Нарева, Вислы и Сана) были известны только высшему руководству страны. Поэтому, например, в листовке 4-й стрелковой дивизии говорилось, что Красная армия идет освобождать всю Польшу[7].

В итоге за пять дней был осуществлен марш-бросок в 450–500 км, а за 12 дней РККА заняла территорию в 190 тыс. кв.км.[8] Расширение пределов СССР укрепляло патриотические чувства и усиливало гордость за

могущество великой страны. Политорганы поддерживали в комбатантах уверенность, что они выполняют великую историческую миссию.

Советская пропаганда не скрывала целей реванша. Между тем, необходимо было найти правильную, по словам Первого секретаря ЦК КП(б)Б П.К. Пономаренко, «политическую и историческую формулировку» для действий Красной Армии. Она же, в свою очередь, зависела от планов советского руководства в отношении земель, которые отошли к сфере интересов СССР в соответствии с договором от 23 августа 1939 г. В секретном протоколе к этому договору указывалось, что «вопрос, является ли в обоюдных интересах желательным сохранение независимого Польского государства, и каковы будут границы этого государства, может быть окончательно выяснен только в течение дальнейшего политического развития»[9]. В силу наступательной активности Германии конкретных решений в отношении польских территорий к началу похода принято не было. Они могли быть включены в состав БССР и УССР. Не исключался также вариант создания Польской социалистической республики. Поскольку, согласно записям в дневнике Г. Димитрова, действия Красной Армии рассматривались Сталиным, прежде всего, как дело мировой революции[10], первоочередной в тот момент являлась задача социально-политических преобразований на территории бывшей Польши. В постановлении № 01 Военного Совета (ВС) Белорусского фронта (БФ) от 16 сентября 1939 г. видна отчетливая перспектива возникновения самостоятельной Польской республики в составе СССР. В частности, директива предусматривала для принятия решения о характере власти созвать помимо Белорусского и Украинского, еще и третье — Польское Народное собрание[11]. В речи Молотова 17 сентября 1939 г. также говорилось о необходимости вызволения польского народа «из злополучной войны, куда он был ввергнут его неразумными руководителями»[12]. Следовательно, до конца сентября существовало намерение сохранить остатки Польши. Однако уже ночью 20 сентября 1939 г. посол Германии в СССР Ф. Шуленбург сообщал в Берлин: «Молотов дал понять, что первоначальное намерение, которое вынашивалось советским правительством и лично Сталиным, — допустить существование остатка Польши — теперь уступило место намерению разделить Польшу по линии Писса-Нарев–Висла-Сан». 25 сентября он выслал очередную телеграмму, в которой информировал, что поскольку сохранение независимого остатка Польши, по мнению Сталина, в будущем может вызвать трения между СССР и Германией, последний предлагает обмен этнических польских территорий на Литву[13]. На основании этих данных польские историки возлагают вину за утрату собственной государственности исключительно на Сталина[14], тогда как СССР по сути лишь отказался от создания новой советской республики, полностью передав судьбу польского государства в руки Гитлера.

По мере изменения планов советского руководства задача освобождения братьев по классу, которая была возложена на Красную Армию в начале похода, все больше фокусировалась лишь на братьях по крови — белорусах и украинцах. Все более актуальной становилась и идея воссоединения этносов.

Кампания, проходившая под лозунгами освобождения Западной Белоруссии, предполагала наличие у нее определенных территориальных пределов. Однако проблема границ осложнялась отсутствием естественных географических границ местности, а также соответствующих работ советских ученых: давал о себе знать характерный для 1920-1930-х гг. упадок гуманитарных наук. К началу похода четких обоснованных сведений о географии, этнографии и истории региона не было. Не случайно в сентябре 1939 г. СССР переживал картографический бум[15].

Понятие «Западная Белоруссия» использовалось в межвоенный период в официальных партийных и советских документах СССР и носило скорее политический характер. Ряд белорусских историков и в настоящее время продолжает определять ее границы территорией, где в 1921–1938 гг. действовала Коммунистическая партия Западной Белоруссии (КПЗБ), деятельность которой подробно изучена советскими историками партии. К этой территории, в частности, относились «Виленское и Новогрудское воеводства полностью, Полесское без учета Сарненского и Каменец-Каширского поветов и восемь восточных поветов Белостокского воеводства (Августовский, Белостоцкий, Бельский, Волковысский, Гродненский, Соколовский, Сувалкский и часть Высоко-Мазовецкого), площадью 113 тысяч кв. км, что составляло 29% всей территории Польши. На ней проживало

тогда 3 372 174 человек, что составляло 12,5% населения Польши»[16]. Другая же часть современных белорусских историков, придерживающаяся этнического принципа определения границ Западной Белоруссии, относит к ней только те земли, которые отошли БССР после Второй мировой войны (82 тыс. кв.км.). По их мнению, численность населения Западной Белоруссии в 1931 г. чаще всего определяется в 4,6 млн. человек, где белорусы составляли 65%, а поляки 15%[17].

Своя точка зрения по этому вопросу имеется у польских исследователей. В Польше традиционно используется понятие «Крэсы всходне»[18]. Однако представления об их пределах у разных поколений поляков различаются[19]. В межвоенный период к северо-восточным «Крэсам» стали относить территорию, охватывающую Виленское, Новогрудское и Полесское воеводства (за исключением Сарненского повета), а также Гродненский и Волковысский поветы Белостокского воеводства[20]. По мнению польского исследователя П. Эберхардта, здесь проживало 4 126 тыс. человек, из которых поляки составляли 36%, белорусы — 47,6%, евреи — 9,4%[21]. Таким образом, единой точки зрения на то, что представляет собой территория Западной Белоруссии, не было не только в конце 1930-х гг., но нет и сейчас.

Сложность определения этнического состава региона была обусловлена недостаточностью статистических данных. Переписи населения проводились в Польше в 1919, 1921 и 1931 гг. Однако в 1919–1921 гг. еще продолжалось перемещение населения, вызванное Первой мировой войной, а в 1931 г. выявлялись только родной язык и вероисповедание, но не самосознание населения. По данным переписи 1931 г. в Польше проживало лишь 984,1 тыс. белорусов, а в трех западнобелорусских воеводствах (Виленском, Новогрудском и Полесском) они составляли только 22,5%[22]. В силу этого многие белорусские историки считают данные этой переписи сфальсифицированными.

Определение границ региона осложнялось также его этнокультурной спецификой, заключавшейся в его полиэтничности (рядом с белорусами проживали поляки, евреи, литовцы, украинцы и др. этносы), а также бикультурной ориентации. Часть населения избегала однозначной самоидентификации и могла изменять национальность в зависимости от политического выбора[23]. Население с нечеткой национальной ориентацией называло себя «тутейшими». Таких, согласно переписи 1931 г. насчитывалось 707 тыс. человек и проживали они преимущественно в Полесском воеводстве[24]. В 1930-х гг. польские власти поддерживали самоопределение «тутейших», введя официально название «полещуков» для того, чтобы отделить их от белорусов и украинцев. Еще с начала 1920-х гг. Полесью была отведена роль клина, разделяющего белорусское и украинское национальные движения[25].

Особенности этнокультурного развития Западной Белоруссии с одной стороны облегчали манипуляции с цифрами и поиск «идеологического обоснования», с другой — осложняли процесс принятия решений в кругах высшего руководства СССР.

При подготовке освободительного похода в начале сентября 1939 г., партийное руководство опиралось на справочные документы о Польше, подготовленные Восточноевропейским отделом НКИД и Особым бюро НКВД. В этих документах перепись 1931 г., согласно которой 69% населения страны являлись поляками, 14,3% — украинцами, 3,9% — белорусами, подвергалась сомнению, поскольку она преуменьшала удельный вес национальных меньшинств. Более достоверные, по мнению составителей, источники определяли численность белорусов в Польше в 2 млн. человек, а удельный вес поляков в Новогрудском и Брестском (вероятно имелось в виду Полесское) воеводствах составлял менее 25% населения[26]. Тем самым обосновывалась правомерность включения этих земель в состав Белоруссии.

Есть сведения, что при определении границы использовались выкладки диссертации сотрудника кафедры экономической и политической географии капиталистических стран МГУ П. Глушакова «Послеверсальская Польша», которая была спешно доработана. При этом автор использовал метод, который критиковался в 1930-е гг. в СССР: он выделял пункты с католическим и православным населением[27].

В результате и теоретически, и фактически установление границ Западной Белоруссии в 1939–1940 гг. проходило сложно, драматично и имело неоднозначные последствия для местного населения. Основным критерием при определении границ являлась воля советского правительства, опиравшегося на договоры с Германией. Показательны в этом отношении слова и действия комдива

А.И. Еременко, который при пересечении польской границы приказал выкопать и погрузить на автомашину советский пограничный столб № 777[28], заявив, что он «будет стоять именно там, где укажут поставить его товарищ Сталин, правительство нашей великой родины»[29]. Таким образом, Красная Армия по указанию партийного руководства устанавливала «справедливую границу», которая часто не опиралась ни на исторически сложившиеся рубежи, ни на этническую доминанту, ни на военные успехи и результаты боевых сражений.

Установление границы с Германией

Отсутствие четкого представления об очертаниях Западной Белоруссии и ясных целей расширения территории СССР обусловило неоднократное перемещение войск при установлении советско-германской границы.

Поскольку немецкое командование не было информировано о секретных статьях договора от 23 августа 1939 г., которые предписывали, что «граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Писсы, Нарев, Вислы и Сана»[30], уже во второй декаде сентября линия раздела была в нескольких местах пересечена немецкими войсками. До 17 сентября руководство Вермахта не обозначало линию, за которую не следовало переходить, а приказы от 17 и 20 сентября, отданные армиям «Север» и «Юг» о демаркационной линии по течениям рек Писы, Нарева и Вислы, не изменили ситуацию на фронте[31].

Нахождение частей Вермахта значительно восточнее линии раздела сфер влияния обусловило стремительность продвижения Красной Армии и ограничение действий Белорусского фронта в боевом приказе № 01 уничтожением и пленением вооруженных сил Польши, действующих восточное Литовской границы и линии Гродно-Кобрин[32].

Быстрое продвижение частей Красной Армии, практически не встречавшей сопротивления противника, привело к тому, что уже 19 сентября они вступили в контакты с немецкой армией. Сближение позиций двух армий и необходимость вытеснения немецких войск побудили военное руководство провести переговоры об установлении демаркационной линии, которая была определена восточнее, чем в договоре от 23 августа 1939 г. [33] и проходила рекам Писса, Нарев, Буг, Висла и Сан[34]. Сувалкская область отходила к СССР.

В договоре определялись сроки передачи Вермахтом территорий к востоку от рек Писа, Нарев и Сан. Было установлено, что Вермахт начнет обратное движение на запад 22 сентября и до 4 октября завершит перемещения[35].

Однако Германия задерживалась с выводом войск с советской территории. Во-первых, немецкие военные без энтузиазма приняли необходимость оставлять территории, занятые в результате боевых сражений. Генерал Г. Гудериан в мемуарах писал о том, как трудно ему было оставить Брестскую крепость, в боях за которую он потерял своего адъютанта, подполковника Браубаха. Во-вторых, перед войсками Вермахта была поставлена, по сути, нереальная задача. Как вспоминал генерал, «покинуть всю территорию восточнее демаркационной линии мы должны были до 22 сентября. За этот срок мы не успели бы даже вывезти всех раненых и отремонтировать поврежденные танки. Наверное, при принятии решения о демаркационной линии и прекращении огня не присутствовало ни одного военного»[36]. К тому же предусматривался не только отход, но и по возможности вывоз трофеев. Поэтому 21 сентября немецкое руководство попросило названные в совместном протоколе сроки для отвода войск отодвинуть еще на 24 часа[37].

Сталина очень беспокоило такое положение. В разговорах с Шуленбургом он неоднократно настаивал на соблюдении границы и сетовал, что все военные очень неохотно отдают занятые территории. До конца сентября части Красной Армии хотя и вышли на линию Щучин-Ломжа-Замбров-Цехановец-Соколов Подляский-Седлице-Луков , но не на всех участках достигли установленной демаркационной линии. Так, города Остроленка, Вышков, Минск-Мазовецкий предполагалось передать СССР лишь 4 октября 1939 г. Вместе с тем сам отход немецких войск после подписания советско-германского коммюнике укреплял чувство веры в мощь и непобедимость Красной Армии, убеждал в правильности государственной политики. Красноармейцы восхищались: «Вот это отхватили сталинский кусочек!»[38].

Однако к 25 сентября в Кремле появилась новая версия западной границы СССР. Сталин обратился к немецкому послу с очередным предложением. Взамен на влияние

в Литве СССР он предлагал Германии Люблинское и свою (правобережную) часть Варшавского воеводства[39]. Отказ от этнических польских земель позволял осуществить план включения Западной Белоруссии и Западной Украины в состав БССР и УССР, отодвигал границу СССР на запад, устранял возможные разногласия с Германией по поводу поляков и придавал завершенный вид балтийскому проекту Советского Союза, включая в сферу его влияния все три государства региона (Эстонию, Латвию и Литву).

Несмотря на неожиданный поворот в вопросе о границах, руководство Германии приняло предложение, и очередная демаркационная линия была установлена 28 сентября 1939 г. в новом Договоре о дружбе и границе между СССР и Германией, согласно которому граница радикально изменялась в центральной части. В западнобелорусском регионе она проходила по Бугу до области Нур, оставляя на советской стороне Семятичи, Дрогичин и Цехановец. Затем она отходила от Буга и шла по прямой линии до Нарева в районе Остроленки таким образом, что Замбров оставался СССР, а Остров Мазовецка — Германии. Далее граница тянулась по реке Нарев до Писсы и вниз по ее течению доходила до бывшей границы Польши с Восточной Пруссией. Помимо этого, Германии отходили Сувалкский и северная часть Августовского поветов, но без Августова[40]. Эти территории СССР уступил по личной просьбе Риббентропа, добивавшегося августовских лесов, поскольку в них, по его мнению, водились прекрасные олени. Идя навстречу пожеланию, Сталин заявил, что эта территория должна перейти Германии для того, чтобы обеспечить охоту министру иностранных дел[41].

При столь поспешных изменениях границы не обошлось без происшествий. 29 сентября в «Известиях» была опубликована недостоверная карта советско-немецкой границы, которую использовали многие газеты. В частности, граница ошибочно прошла западнее города Остроленка, а Кристинополь был помещен на восточном берегу Буга[42].

2 октября командующий Белорусским фронтом М. Ковалев отправил в Москву телеграмму, в которой обосновывал изъяны границы, проведенной по Бугу и разделившей Брест-Литовск на две части. В пересмотре границы было отказано, но чтобы сохранить за собой всю Брестскую крепость, советские войска запрудили Буг, взорвали перемычки крепостного рва и выдали обводной канал перед Тереспольским укреплением за русло Буга, по которому и была проведена граница[43].

4 октября 1939 г. в Москве был подписан дополнительный протокол, уточняющий линию границы. Части Красной Армии получили новый приказ — теперь об отходе с занятых территорий на Восток. Он начался с утра 5 октября и был рассчитан на скорость в 20 км в день[44]. 6 октября был передан Седлице, 9 октября — Лосицы, 10 октября — Сарнаки. Перемещения закончились 12 октября, когда арьергардные части 4-й армии отошли на восточный берег Буга[45]. Вывозились и трофеи, которые не успели забрать немцы. Из Белой Подляски, например, забрали современные станки для авиации[46]. За Буг вместе с частями Красной Армии уходило население.

Изменения границы вызывали большое волнение и разочарование на Белорусском фронте: «Мы нацелились Варшаву брать (осталось 70 км), а нам — уйти за Буг»; «Мы же воевали за Варшаву!». Отказ от Варшавы вызвал недовольство во многих других военных округах[47].

Военнослужащие сетовали также по поводу отсталости территорий, отошедших к СССР. Так, красноармеец Концевой недоумевал: «Зачем СССР захватил разбитую Польшу, у нас земли и без нее много. Гитлер захватил себе хорошую промышленность»[48] Высказывания не в пользу СССР подобное разграничение территории вызывало и у местного населения. Учитель Врублевский из г. Цехановец говорил: «Советы — дураки, а немцы — умные, они захватили всю промышленную часть Польши, а Советам оставили самую бедную»[49]. Действительно, если территория Польши была поделена практически пополам (48,4% отошло Германии и 51,6% СССР), то две трети населения оказалось на немецкой территории (62,7%)[50]. Советскому Союзу достались отсталые аграрные районы.

Не только неудовлетворенные территориальные амбиции волновали красноармейцев, но и последствия их интернациональной миссии: «Мы, красноармейцы, политически понимаем больше, чем население, а вот рабочие скажут, освободили, а потом продали». «Жаль рабочих и крестьян. Мы их обманули»[51]. Беспокойство населения еще больше заставляло военнослужащих волноваться. Даже в октябре после завершения перемещения войск, жители многих районов продолжали опасаться, что РККА уйдет и будут восстановлены старые по-

рядки. Женщины местечка Радунь в день выборов в Народное Собрание (НС) пришли на избирательный участок и потребовали, чтобы Красная Армия не уходила из местечек[52].

Вместе с тем сам отход за демаркационную линию был аргументом в пользу освободительной миссии, так как убеждал красноармейцев, что к СССР отошли лишь Западная Украина и Западная Беларусь, а не чужие польские территории[53].

К 7 октября было закончено формирование новых пограничных отрядов для охраны новой границы с Германией, и они сменили части РККА[54]. После перегруппировки войск 8 октября на границу вышли пограничные войска НКВД.

Окончательная демаркация советско-германской границы на протяжении 1500 км закончилась в феврале 1940 г[55]. При этом установление ее на местности совместной комиссией оказалось сложным делом, так как советская сторона твердо придерживалась синей линии, обозначенной на карте с подписями Риббентропа и Сталина, которая была приложена к Договору о дружбе и границе, даже если граница делила населенные пункты[56]. В целом государственная граница прошла по 23-м приграничным районам БССР[57].

Демонстративный отказ от этнических польских земель был главным аргументом в пользу того, что отошедшие к СССР территории являются Западной Белоруссией и Западной Украиной. Пропагандировалось осуществление исторической справедливости, восстановление геополитической границы между Европой и Россией, которая существовала на протяжении многих столетий. Формировалось убеждение, что все польские земли остались на немецкой стороне, а на восток от Буга поляков нет. Первый секретарь ЦК КП(б)Б П.К. Пономаренко доказывал, что после освобождения белорусы «прижали поляков», поскольку их было 90%, а поляков — только 10%[58].

Между тем, этническая карта присоединяемых к БССР территорий существенно отличалась от желаемых пропорций. Мониторинг национального состава населения с первых недель проводили как армейские политотделы, так и органы местной администрации. В частности, как сообщал заместитель председателя временного управления Кобринского уезда Бродкин, во время организации выборов в НС, помимо выявления численности избирателей, управление проводило выяснение национального состава населения[59]. В справке о политико-экономическом состоянии воеводств Западной Белоруссии, составленной в октябре 1939 г., указывалось, что поляки составляют 72% в Белостокском воеводстве, 59,9% — в Виленском, 52,6% — в Новогрудском, 14,5% — в Полесском; белорусы — 11,1%, 24,2%, 33,0% и 46,6%, соответственно. Иначе говоря, в среднем в четырех воеводствах, причисленных к Западной Белоруссии, поляки насчитывали 49,8%, а белорусы — 28,7%. Помимо них, здесь проживали 4,4% литовцев, 9% евреев, 7,43% украинцев и другие национальности[60].

Согласно данным современных гродненских исследователей, к БССР в 1939 году отошли территории с населением 4 908 200 человек, на которых поляки составляли 43% (2 110 500 человек), белорусы — 42% (2 061 400)[61]. Следовательно, количество белорусов и поляков было примерно равным. Численность польского населения увеличивали Августовский, Белостокский, Высоко-Мазовецкий, Ломжинский, Сокольский, уезды Белостокской, Щучинский Барановической, Ошмянский и Брацлавский Вилейской областей. Этнический состав этих районов региона не изменился и после очередной территориально-административной реорганизации в декабре 1939 г., когда уезды были заменены более мелкими районами. В составленных 15–17 сентября 1940 г. справках начальников райотделов НКВД о политико-экономическом состоянии районов сообщалось, что Цехановецкий район «населен исключительно польским населением, за исключением гор. Цехановец, где проживает до 4000 евреев», в Чижевском районе проживает 90% поляков, в Кольновском — 84,6%, в Граевском — 93%, в Едвабновском районе из 38 885 человек поляки составляют 37 300, в Ломжинском из 66 193 человек — 59 500, в Снядовском районе из 36 627 человек — 33 856. В Замбровском районе из 48 900 человек — 43 176[62]. Белорусов же в этих районах практически не было.

Таким образом, в отличие от остальной территории, отнесенной к Западной Белоруссии, где поляки составляли не более одной трети населения, в Белостокской области они доминировали. При этом основная масса польского населения по материальному положению не отличалась от белорусской. В четырех восточных воеводствах к зажиточным слоям относилось не более 2,6% всего польского населения. Если на Полесье, где поляков было мало, они чаще всего выступали

как помещики, осадники или чиновники, то в Белостокском воеводстве основную массу составляли коренные жители, проживавшие в сельской местности[63].

В связи с этим представляет интерес вопрос, почему, отказавшись от своих первоначальных планов границы по Висле, Нареву и Сану, СССР оставил Белосточину и Ломжинщину в своих пределах, хотя ни исторического, ни этнического обоснования этому решению не было? Эти области лежали также западнее линии Керзона. Польские историки, отвергая тезис советской историографии о стратегических целях СССР, считают, подобно М. Гнатовскому, что Сталин просто хотел иметь кусок польской земли[64]. Белорусские исследователи чаще разделяют точку зрения советской историографии. С.А. Пивоварчик пишет, что для обороны страны Белостоцкий выступ действительно не годился, так как его легко можно было ликвидировать фланговыми ударами, но он хорошо подходил для удара во фланг и тыл германским войскам[65].

Думается также, что советское руководство стремилось по возможности отодвинуть границу максимально дальше на Запад, провести ее по рекам. Сталин мог учитывать и потенциальную значимость Белостока как административного и промышленного центра. Ведь в Российской империи он был крупным центром текстильной промышленности. Несмотря на то, что в межвоенный период происходил упадок города, роль Белостока оставалась высокой в отсталом аграрном регионе. После передачи Вильно Литве он был самым крупным центром Западной Белоруссии, насчитывавшим более 100 тыс. населения. Из них 12,9 тыс. были русскими[66]. Сталин благоволил Белостоку. Он выбрал его из двух городов (альтернативой были Барановичи), где предлагалось провести Народное Собрание Западной Белоруссии[67], и сделал политическим центром региона, а позже причислил к режимным городам[68]. Наконец, при принятии решений о границах советское руководство могло не иметь полных и достоверных сведений об этническом составе населения.

Таким образом, конфигурация определенной советским руководством границы с Германией в Западной Белоруссии не основывалась строго на этническом принципе, хотя его и декларировала. В итоге национальные особенности районов, населенных поляками, до лета 1940 г. во внимание не принимались, а в процессе «изъятия» «классово чуждого» и «социально опасного» элемента основную долю составили поляки. В свою очередь польское население оказывало пассивное и активное сопротивление советизации, создавая много проблем для местной власти[69].

Граница с Литвой

В 1922 г. в результате решения сейма Средней Литвы, созданной в 1920 г. генералом Л. Желиговским, Вильно и Виленщина вошли в состав польского государства. СССР, как и Литва, с таким положением дел не согласились. Вильно в межвоенный период считался территорией, аннексированной Польшей.

Согласно секретному протоколу договора от 23 августа 1939 г. и СССР и Германия признали Вильно за Литвой. Сама же Литва вошла в сферу интересов Третьего Рейха. Поэтому после нападения на Польшу Гитлер начал подстрекать Литву к предъявлению претензий на Вильно. Посол Литвы в Германии К. Скирпа призывал МИД Литвы воспользоваться случаем и занять Вильно и Виленщину, как только поляки выведут оттуда свои войска. Однако президент А. Сметона ни на шаг не отступил от провозглашенного нейтралитета, хотя Литва и не выразила Польше сочувствия[70].

Между тем, именно Вильно стал одной из главных стратегических целей польского похода Красной Армии, начатого 17 сентября 1939 г. На Вильно были нацелены главные ударные силы — 3-я и 11-я армии БФ. При этом советское руководство невероятно спешило. Стремительность продвижения привела к тому, что уже к концу 17 сентября тыл 3-й армии растянулся на 80–100 км, а 19 сентября 1939 г. в 11часов 30 минут танковые части уже вошли в город. Вечером того же дня командующий БФ остановил продвижение правофланговых армий и потребовал выставления сторожевых застав на литовской и латвийской границах[71]. При этом советская пресса без колебаний объявила Вильно западно-белорусским городом. Советские газеты в сентябре 1939 г. без оговорок причислили Вильно к «старинным русским городам». Защитником этой версии стал член-корреспондент АН СССР В.И. Пичета, обосновавший полоцкое происхождение города[72]. Историческое и этническое подтверждение белорусской принадлежности городов Вильно и Троки с прилегающими территориями обнаружить было несложно. Их население в состав «белорусского племени» включали в

начале XX века Л. Нидерле и Е. Карский[73]. В сентябре 1939 года даже ходили слухи о переносе в Вильно столицы БССР[74].

Успехи Красной Армии обеспечили советскому руководству основания для пересмотра сфер влияния, разграниченных договором от 23 августа 1939 г. По Договору о дружбе и границе Литва отходила к сфере интересов СССР[75] при сохранении за Германией участка юго-западной Литвы[76]. Тем самым складывались благоприятные условия для включения Виленщины в состав Западной Белоруссии.

Тезис о белорусской принадлежности Вильно активно поддерживало белорусское население, для которого Вильно оставалось колыбелью и центром национального движения. В 1918 г. Виленщина была включена в состав Белорусской народной республики (БНР), которую пытались образовать при помощи Германии лидеры белорусского национального движения. В 1920 г., выступив на стороне Л. Желиговского, часть белорусских националистов (А. Луцкевич, А.Смолич, Б. Тарашкевич, М. Гарецкий) пыталась назвать новое государство Западной Беларусью. В межвоенный период Вильно стал политическим и культурным центром Западной Белоруссии, ее неофициальной столицей. Хотя после присоединения Средней Литвы к Польше позиции белорусского просвещения значительно ослабели[77], в Вильно действовали белорусские гимназия, научное общество, музей, редакции газет и журналов, культурно-просветительные организации. Белорусское национальное движение здесь поддерживал не только СССР, но и Литва[78].

Националистически настроенная интеллигенция приветствовала воссоединение белорусов, осуществленное Красной Армией в 1939 г. После занятия Вильно за сотрудничество с советской властью выступили лидеры белорусского национального движения Р. Островский, А. Трепка, Я. Пазняк и другие во главе с А. Луцкевичем, для которого перспектива присоединения Вильно к Белоруссии оказалась более сильным фактором, чем отрицательное отношение к коммунизму[79]. Правда, большинство из них были арестованы в ночь с 26 на 27 сентября 1939 г.[80]

Вступление Красной Армии в Вильно приветствовал 30-тысячный митинг с участием рабочих, служащих, мелких торговцев, которые высказались за присоединение к БССР[81]. Больше 2 тыс. человек присутствовали на собрании студентов Виленского университета 9 октября 1939 г., где овация четыре раза перерастала в пение интернационала. Особенно восторженными и радостными были выступления студентов — этнических белорусов и евреев[82].

Постановление ЦК ВКП(б) «Вопросы Западной Украины и Западной Белоруссии» со сценарием референдума, принятое 1 октября 1939 г., однозначно отнесло к территории Западной Белоруссии Виленское воеводство[83]. Как и в других белорусских областных центрах, в Вильно начала выходить газета «Виленская правда» на белорусском языке, формировались новые органы власти[84]. 2 октября 1939 г. председателем Временного управления Виленской области был назначен Я.А. Жилянин, а города председателем управления Вильно — П.Е. Красков[85]. Вместе с тем, после подписания Договора о дружбе и границе в Москву был вызван литовский министр иностранных дел Ю.Урбшис, и на переговорах, которые начались поздно вечером 3 октября 1939 г., советская сторона предложила Вильно литовцам в рамках трактата о взаимной помощи. Литовское руководство соглашалось на предложение, но без размещения советских войск. Оно пыталось найти поддержку у Третьего Рейха, однако немецкий посол Э. Зехлин ясно дал понять, что Германия не может противостоять россиянам на территории сферы их интересов[86].

В итоге 10 октября 1939 г. был подписан договор, где в «целях закрепления дружбы» Литовской республике передавались город Вильно и Виленская область. Документ предоставлял СССР право для совместной защиты границ держать на территории Литвы контингент советских войск до 20 тыс. человек и подробно определял границу Литвы и Западной Белоруссии протяженностью в 220 км.[87] Литва, таким образом, получала от Западной Белоруссии территорию в 6880 кв.км.[88] 12 октября договор был ратифицирован Указом Президиума Верховного Совета СССР[89]. 11 октября 1939 г., газета «Правда» писала, что тем самым был создан «железный пояс обороны по всей Прибалтике»[90].

Советской пропагандой Вильно теперь провозглашался древней столицей литовского народа, захваченной польскими генералами[91]. Однако Виленщина имела пестрый этнический состав. Всего, по подсчетам польских исследователей, на территории, занятой Красной Армией в 1939 г. проживали 84 тыс. литовцев[92]. Из них 43 тыс. человек находились

в Свенцянском повете, что составляло 31,5% населения этой административной единицы. В Брацлавском повете Виленского воеводства по переписи 1931 г. насчитывалось 3,5% литовцев, а в Ошмянском — 1,5%[93]. Согласно польской переписи 1931 г., с точки зрения языковой структуры, из 195,1 тыс. населения города Вильно поляки составляли 128,6 тыс. (65,9%), евреи — 54,6 тыс. (28%), русские — 7,4 тыс. (3,8%), литовцы — 1,6 тыс. (0,8%), белорусы — 1,7 тыс. (0,9%)[94]. Значительный приток в Вильно беженцев (по оценке Ванеева, 45–50 тыс. человек)[95] еще больше усилил еврейский облик города.

Отсутствие на Виленщине литовского населения не вызывает сомнения и у самих литовцев, которые определяют долю литовского населения на территориях, отошедших к СССР в октябре 1939 г., в 5,7%. Еще одним доказательством является то, что литовское правительство не было перемещено в Вильно. По мнению П. Эберхардта, с одной стороны, Литва не хотела дополнительных международных осложнений, с другой — небольшое число литовцев в Вильно затрудняло организацию центральной администрации[96].

Тот факт, что в Вильно и Виленской области живут в своем большинстве не литовцы, признавало и советское руководство. Молотов в речи 2 ноября 1939 г. в Верховном совете заявил: «Мы знаем, что большинство населения этой территории не литовское. Но историческое прошлое и стремления литовского народа тесно связаны с городом Вильно, и правительство СССР сочло необходимым уважать эти моральные факторы»[97]. На собрании студентов Ковенского университета 22 октября 1939 г. один из журналистов, бывавший в Москве, заявил, что Сталин объяснял незначительную численность литовцев в Вильно их склонностью к ассимиляции, которую он сам наблюдал во время встреч с представителями этой нации, и считал, что надо помогать малым народам[98]. Действительно, в самосознании литовцев существовал культ Вильно как исторической столицы Литвы[99]. Получение Вильно из рук Сталина способствовало росту симпатий к СССР со стороны части литовского общества, уставшего от многолетнего авторитарного правления президента А. Сметоны, и усилению влияния действовавших нелегально коммунистов, которые преследовались властями[100].

Однако передача Вильно и Виленской области Литве вызвали непонимание и раздражение части советского общества, особенно участников освободительного похода, поскольку этот акт противоречил классовым лозунгам кампании, обесценивал физические, моральные и материальные затраты Красной Армии. Причины такого непостоянства советской политики часто недопонимали даже политруки. Солдаты же недоумевали: «Вы же, товарищ политрук, говорили, что мы рабочих и крестьян в обиду не дадим». Их волновала судьба тех, кто открыто встал на сторону советской власти: «Теперь будут издеваться над теми людьми, которые разделили помещичью землю»[101]. Кроме того, такой поворот событий расценивался как удар по мифу о непобедимости Красной Армии: «РККА с позором отступает из ранее занятых городов, неужели мы настолько слабы?». Ходили слухи о том, что Англия и Франция высаживают десант против СССР, а Америка предъявила ультиматум. «Видимо, нас принуждают отдать Вильно. Добровольно никто бы не согласился отдать», — полагали красноармейцы[102]. Подобные настроения объясняли обывательским, а не государственным мышлением. Красноармейца Литвиненко, например, исключили из комсомола за то, что он совсем не понимал, почему от пакта Литвы и СССР укрепляется мощь государства[103].

Крайне негативно восприняла уход Красной Армии часть жителей Вильно. 12 октября Литовское посольство вывесило свой флаг, но его сразу же украли, 14 октября посольство попыталось сделать это вновь, но с тем же результатом[104]. Абсолютное большинство евреев, которые почувствовали реальную опасность, были опечалены переходом Виленщины Литве. «Нас, евреев, сегодня ударили обухом по голове», — говорили они. Военнослужащим Красной Армии на улицах не давали прохода: «Мы будем делать для вас что угодно, только не уходите»[105]. Жители выражали стремление поднять восстание и установить в Вильно советскую власть, спрашивали: «А что будет, если мы устроим плебисцит и выскажемся за СССР?». В ожидании погромов еврейское население стремилось уйти вместе с Красной Армией. В политорганы попадали послания следующего содержания: «Господин товарищ Сталин! Мы, евреи, остерегаем Вас, чтобы Вы поляков не везли в Россию, ибо они Вам сделают там переворот, революцию. <…> Лучше увезите нас, евреев, там мы с Вами будем работать так, как пожелаете Вы»[106].

Для поляков уход Красной Армии был весомым аргументом антисоветской пропаганды. Так, в польской листовке, выпущенной в Вильно 15 октября 1939 г. говорилось: «Большевизм своим выступлением в Польшу показал все свои слабые стороны, в Вильно нет уж Белоруссии, хотя они кричали всякими способами в течение трех недель. Искусственное монтирование Западной Белоруссии не выйдет большевикам добром»[107].

Многие жители Виленщины уходили вместе с воинскими частями, пополнив ряды беженцев. Сообщалось, что на станции Вильно скопилось большое количество желающих уехать, которые просили помощи в перевозке у РККА. С органами советской власти уходили деятели белорусского национального движения[108], а также местные активисты[109]. При отходе РККА было вывезено оборудование бумажной фабрики, молочного и винокуренного заводов, радиостанции «Польское радио Вильно», предприятия «Электрит», а также паровозы, вагоны, бронепоезд, уголь, материалы библиотек и архивов и прочие трофеи[110]. Части Красной Армии окончательно покинули Вильно к 15 декабря.

27 октября 1939 г. литовцы заняли Виленскую область, а 28 октября литовские войска вступили в Вильно[111]. В донесениях ПУ сообщалось, что литовскую армию встречали более 5 тыс. человек. В городе прошел парад, в котором участвовало 9 танков и рота велосипедистов[112]. Белорусы были глубоко опечалены этим событием. Вот как вспоминал эти события Язеп Малецкий: «22 октября 1939 года в Вильню приехали расфуфыренные, словно петухи, первые литовские полицейские. <…> 28 октября летувиская полиция полностью заполнила город. <…> За внешний вид и непонятную речь виленчуки метко прозвали их «калакутасы» — индюки. <…> Сразу ввели жемойтский язык во всех органах и учреждениях. Теперь Вильня стал немой: повсюду требовался переводчик. Люди жаловались, проклинали, возмущались, что не могут договориться в своем родном городе по самым мелким житейским делам»[113]. Переход территорий к Литве спровоцировал многочисленные еврейские погромы[114]. Евреев обвинили в спекуляции и сотрудничестве с советами[115].

Литовцы, как сообщали сотрудники НКИД, рассматривали договор с СССР как наименьшее зло. Они не были до конца удовлетворены новыми границами, полагая, что получили мало, а передача нескольких оставшихся у СССР литовских волостей могла бы вызвать симпатии научной интеллигенции. В.М. Молотов, в свою очередь, предлагал литовцам из Западной Белоруссии выехать в Литву[116].

Провозглашение 21 июля1940 г. Литовской ССР привело к очередному изменению границ Западной Белоруссии. В Законе Верховного Совета СССР от 3 августа 1940 г. помимо удовлетворения просьбы сейма Литвы о включении Литовской ССР в состав Советского Союза, говорилось о передаче Литве от Белорусской ССР Свенцянского района и части территорий с преобладанием Литовского населения Видзовского, Годутишковского, Островецкого, Вороновского и Радунского районов БССР[117].

Несмотря на то, что Пономаренко сам выступил в Верховном Совете 3 августа 1940 г. с пламенной речью о передаче территорий, которая вызвала ликование литовцев и одобрение Сталина[118], определение точной белорусско-литовской границы оказалось для него непростым вопросом. Первый Секретарь ЦК КП(б)Б явно не хотел отдавать Литве территории с белорусским населением, прежде всего курорт Друскеники. На заседании Бюро ЦК КП(б)Б 26 сентября 1940 г., где обсуждался вопрос об установлении границы с Литовской ССР, П.К. Пономаренко ссылался на слова Сталина: «Если мы узнаем, что там много литовцев, а вы не передадите, мы тогда вас накажем. Я согласен, курорт пусть остается у вас». Однако отстоять Друскеники не удалось. На заседании Бюро ЦК КПБ(б) 11 октября 1940 г. был принят литовский вариант границы, хотя и подчеркивалось, что в Друскениках нет белорусского населения. Не все члены ЦК КП(б)Б поддерживали П.К. Пономаренко. Эйдинов, например, полагал, что стремление присоединиться к Литве кроется в тяге к большому городу — Вильно, а по мнению Захарова, проблему сглаживал межреспубликанский статус курорта. Кулагин, считавший, что спорить не солидно, предложил согласиться с литовским предложением[119]. Точная граница между Белорусской ССР и Литовской ССР была установлена Указом Верховного Совета СССР от 6 ноября 1940 г. В результате к Литве отошли три городских поселка и сельская местность с населением 81 750 человек[120]. Западная Белоруссия утратила еще 2 647 кв. км.[121]

Столь быстрая трансформация границ препятствовала стабилизации жизни насе-

ления приграничных территорий и вела к панике. Зам. начальника НКВД по Барановической области лейтенант Политико писал Первому секретарю Барановического обкома И.П. Туру 26 ноября 1940 г.: «По Вороновскому району в последнее время упорно циркулируют слухи, что пять сельсоветов этого района отходят в Литовскую СССР, а именно: Девенский, Поговянский, Юргелянский, Дайлидский и Б. Солечнический. Слухи эти еще более усугубляют своим поведением отдельные руководители рай/хоз. организаций, которые <…> начали из этих сельсоветов стягивать в район все гос. имущество». В частности, как сообщал лейтенант, директор промкомбината Левинов стал разбивать недостроенную кузницу и увозить кирпич, забрал с лесопильного завода 800 кубометров стройматериала и т.д. Зав. отделением связи снял телефоны с почты в Б. Солечниках и пытался забрать оттуда несгораемый шкаф. Все это отражалось на настроении населения, которое «прекратило всякие платежи государству, как то: хлеб, деньги, мясо»[122].

Кроме того, разница в уровне жизни и снабжении привела к спекуляции, которая началась с самого начала открытия границы с Литвой. Хозяйственные руководители проявили массовое стремление к приобретению и вывозу из Литовской СССР в Западную Белоруссию товаров: бумаги, бензина, стройматериалов, масла, ветчины, конфет и т.д. Только по Барановической области на момент 20 января 1941 г. были арестованы и привлечены к ответственности 23 хозяйственных руководителя[123].

Таким образом, советское руководство, осуществляя сложную комбинацию включения Литвы в состав СССР, расплачивалось с ней белорусскими землями, часто изменяя идеологические обоснования трансформации границ. В результате Литве отошли территории, где доминировало польское и белорусское население, поставленное под угрозу ассимиляции. Симпатии Сталина явно были на стороне литовцев, а белорусский проект в данном случае имел второстепенное значение.

Внутренние границы

Внутренние границы республик в братской семье народов СССН не имели большого значения и носили административный характер. Тем не менее, Законы о включении Западной Белоруссии и Западной Украины в состав СССР содержали пункты о предоставлении Верховными советами УССР и БССР проектов разграничения районов областей между республиками[124]. Однако украинский и белорусский проекты существенно различались, что вызвало спор между руководством республик и осложнило отношения П.К. Пономаренко и Н.С. Хрущева.

Украинский проект предполагал включение в УССР городов Бреста, Пружан, Столина, Пинска, Лунинца и Кобрина, а также большей части Беловежской пущи[125]. Эти территории являлись предметом спора белорусов и украинцев на протяжении всего межвоенного периода. В 1918 г. в соответствии с положениями мирного договора в Бресте часть Западного Полесья была передана Украинской народной республике (УНР). Деятели БНР выразили несогласие с подобным размежеванием территорий, что обострило отношения украинцев и белорусов еще в 1918 г.[126]. Споры относительно территорий продолжались и в межвоенной Польше. Все украинские национальные партии и организации, отстаивавшие идею независимой Украины, включали Полесье в ее границы. На белорусско-украинском пограничье активно действовали украинские общественно-политические, культурно-просветительские и экономические организации. Наиболее широкую сеть библиотек-читален в конце 1920-х — 1930-х гг. сформировало региональное культурно-просветительское общество «Просвіта Палесся»[127].

Территориальные претензии украинцев соответствовали основанной на исследовании диалектов русского языка этнографической карте «белорусского племени» Е. Карского[128], который относил к «малорусскому племени» уезды: Бельский, Брестский с г. Брестом, Дрогиченский, Кобринский с г. Кобрином, Пружанский с г. Пружаны, Пинский с г. Пинском, Столинский. Напротив, М. Довнар-Запольский, консультант белорусской делегации во время белорусско-украинских переговоров в Киеве в 1918 г. считал, что Восточное, Западное Полесье и Брестчина должны находиться в границах БНР, а не УНР[129]. Он полагал, что белорусы имели историческое, экономическое и этнографическое право на Полесье. Кроме того, южная часть была, по мнению ученого, жизненно необходима белорусам, так как на востоке они обрусели, а на западе ополячены[130].

Поскольку, по признанию П.К. Пономаренко, серьезных работ советских ученых,

которые содействовали бы разрешению вопроса о границах между Белоруссией и Украиной, не было[131], белорусскому руководству в 1939 г. пришлось искать свое идеологическое обоснование границы с Украиной. При обосновании проекта использовались в основном данные статистики Российской империи, Польши и местных советских органов власти о национальном составе населения. Активное участие в поиске аргументов для выгодной белорусам позиции приняли член-корреспондент АН СССР В.И. Пичета и П.К. Пономаренко.

В.И. Пичета в докладной записке по поводу разграничения областей и районов БССР и УССР назвал карту Е. Карского документом «сомнительного научного качества» и заявил, что диалектология не может быть основанием при определении границы. Он утверждал, что в карте Е. Карского отразилось «его полонофильское и украинское лицо»[132].

Подобная точка зрения излагалась и в фундаментальной докладной записке, отправленной П.К. Пономаренко 16 ноября 1939 г. И.В. Сталину. В документе отмечалось, что Е. Карский основывался на неправильных методологических принципах буржуазного языковедения, а весомым аргументом, доказывающим ошибочность его границы, было доведение ареала расселения «белорусского племени» на востоке до Ржева, Великих Лук и Опочки. При этом белорусское руководство, как это ни парадоксально, указывало, что при определении белорусско-украинской границы в равной мере «нельзя руководствоваться» и трудами других буржуазных ученых (Флоринского, Зеленина, Дурново и др.), не исключая и Довнар-Запольского[133].

Перепись Российской империи 1897 г. не давала в полной мере нужных аргументов, так как, согласно ей, в Брестском уезде Гродненской губернии проживало 64,3% украинцев, в Кобринском — 79,5%, в Пружанском — 6,6%[134]. Поэтому белорусское руководство было вынуждено обратиться к польским переписям, которые, как указывалось выше, подвергались критике при установлении западной границы. Для аргументации же южной границы Западной Белоруссии они оказались весьма удобны. Так, перепись 1921 г. выявила резкое сокращение украинцев, которых в Полесском воеводстве было выявлено лишь 1,8%[135]. Достаточно тенденциозной по отношению к украинскому населению оказалась и перепись 1931 г. Политика изоляции Полесья от влияний украинского национализма, проводившаяся в межвоенной Польше, сопровождалась поддержкой региональной промежуточной модели национального самоопределения («тутейшие», «полещуки»). В итоге доля украинского населения во время проведения переписи 1931 г. искусственно занижалась. Этот факт признавал даже полесский воевода Я. Крагельский, который писал, что во многих местностях переписные комиссары занимали демонстративную позицию игнорирования украинского населения. Зачастую людей, которые декларировали украинский язык как родной, приписывали к группе «тутейших», белорусов или даже русских[136]. Таким образом, по официальным итогам переписи 1931 г. численность украинского населения составляла всего 53 578 человек или лишь 4,8% от всего населения Полесского воеводства[137].

Опираясь на данные этих польских переписей, белорусское руководство, как и польские власти, стремилось занизить численность украинцев и игнорировало сведения, поступавшие с мест во время выборной кампании. В частности, в справке о политико-экономическом состоянии воеводств Западной Белорусии осенью 1939 г. указывалось, что украинцы составляют в Полесском воеводстве 16,9%[138]. А по данным заместителя председателя Временного управления Кобринского уезда Бродкина, который при составлении списков избирателей ориентировал комиссии на выявление национального состава жителей, в уезде проживало 32% (39 763) украинцев[139]. Тот факт, что южные части Кобринского и Камень-Каширского поветов были заселены украинцами, признают и польские ученые[140]. Пономаренко же, соглашаясь отдать Камень-Каширский уезд украинцам, тем не менее утверждал, что в Кобринском уезде белорусы вместе с «тутейшими» составляют большинство[141]. Иначе говоря, отсутствие устойчивого этнического самосознания позволило советскому руководству, не признававшему полутонов в национальной идентичности, причислить всех «тутейших» к белорусам.

Аргументируя необходимость включения Западного Полесья в состав БССР, белорусы обращались к единству бытовых особенностей жителей Полесья, а также выявленному местными властями закреплению данной территории как своей в самосознании бело-

русов[142]. По мнению В.И. Пичеты, следовало опираться на старые административные границы Российской Империи, которые объединяли Белосток, Бельск, Брест, Пинск в одно экономическое целое[143].

В итоге белорусский проект, который был утвержден ЦК КП(б)Б 19 ноября 1939 г., провел линию по старым южным границам бывших Минской и Гродненской губерний, отделявших их от Волынской губернии[144].

На том же заседании ЦК КП(б)Б было принято постановление о создании на территории западной Белоруссии пяти областей вместо четырех. «Разукрупнение» Полесской области на Брестскую и Пинскую объяснялось отсталостью Полесья и тяготением Пинской области к Полесской области БССР[145].

22 ноября в Кремле Н.С. Хрущев и П.К. Пономаренко были приняты Сталиным. На совещании «правильной» была признана граница П.К. Пономаренко с небольшими изменениями в районе Беловежской пущи. Об объективности этой границы, по мнению вождя, свидетельствовало предложение белорусов о добровольной передаче Камень-Каширского района Украине. Кроме того, Сталин полагал, что граница, предложенная Н.С. Хрущевым, вела к исчезновению западных областей БССР[146]. Декрет о разграничении Украинской и Белорусской социалистических республик Президиум Верховного совета СССР принял 4 декабря 1939 г.[147]

Украинское население Западной Белоруссии продолжало игнорироваться местными властями и в дальнейшем. В сентябре 1940 г глава Брестского района Дядев утверждал, что большинство населения в районе белорусы, а украинцы разговаривают с белорусами на одном языке[148], и проблем с ними, в отличие о поляков, нет[149]. Вместе с тем численность украинцев на территории Западного Полесья резко увеличилась в годы Великой Отечественной войны после включения его в состав Рейхскомиссариата «Украина», что является еще одним доказательством отсутствия устойчивой идентичности у местного населения. В Лунинецком повете, например, количество украинцев увеличилось с 16 человек в 1941 г. до 7 тыс. человек в 1942 г.[150]

Таким образом, благодаря энергии и настойчивости белорусского руководства, в отличие от границы с Литвой, белорусский вариант южной границы Западной Белоруссии отстоять удалось. В территориальном споре украинцев и белорусов Сталин, как обычно, занял сторону белорусов. При этом его позиция была подкреплена не этническими аргументами, а стремлением сформировать полноценную белорусскую нацию социалистического образца.

Западная Белоруссия в 1939–1941 гг. сохранила также свою восточную границу. Это была линия старой советско-польской границы, относительно проницаемой в 1930-е гг. Мощная просоветская агитация вела к тому, что в 1935–1938 гг. многие западнобелорусские крестьяне (в основном молодежь) массово переходили границу и уходили на восток в поисках лучшей доли[151]. Во время похода Красной Армии в сентябре 1939 г. пограничные войска БОВО получили приказ ликвидировать польские пограничные войска, а также продолжить охрану границы и не допустить ее переход как с советской, так и с польской стороны[152]. Между тем, местные жители вспоминают, что сразу вслед за советской армией люди стали переходить границу в поисках родных и знакомых и военнослужащие этому не препятствовали[153]. Однако вскоре границу закрыли. В результате линия, определенная Рижским мирным договором в 1921 г., явилась наиболее стабильной западнобелорусской границей. «Единственное, что почти не изменилось (ирония истории), — это старая граница, разделявшая между собой две части Белоруссии — Восточную и Западную, для пересечения которых требовалось особое разрешение», — записал очевидец[154].

Установлению пропускной системы на старой границе способствовали традиционное недоверие к жителям Западной Белоруссии, стремление оградить их от реалий советской действительности, а также различия в уровне жизни по обе стороны границы. С материальной точки зрения, западнобелорусская деревня жила лучше и сохранила традиционный крестьянский уклад. Торговые заведения предлагали широкий выбор товаров, поэтому одним из новых негативных явлений в РККА после перехода границы стало «барахольничество» — стремление военнослужащих, в том числе командиров и политруков, к скупке и вывозу товаров. Несмотря на то, что вскоре полки магазинов заметно опустели, советское руководство предпринимало специальные меры по усиленному снабжению западных регионов Белоруссии, особенно Белостока.

Вместе с тем переход внутренней границы между Восточной и Западной Белоруссией не так строго карался и по сравнению с тем временем, когда она была государственной границей, даже стал проще. Поэтому за покупками стали пробираться военнослужащие из восточных районов Белоруссии. В частности, были отмечены случаи перехода границы в Западную Беларусь в районе Тимковичского укрепрайона[155]. В августе 1940 г. органы НКВД сообщали, что массовыми стали переходы границы жителями из Копыльского района Минской области в Несвиж для закупки продуктов, что привело к повышению цен. Так, 8 августа 1940 г. на рынке Несвижа было обнаружено 250 крестьян Копыльского района. В итоге за две недели цены на мясо выросли с 5 рублей до 12 рублей за килограмм. Увеличился расход печеного хлеба с 4 до 11 тонн в сутки. К тому же приезжие распространяли «провокационные слухи» по поводу колхозов[156].

Закрытие границы было дополнительным аргументом в антисоветской пропаганде. Так, «Союз борцов за независимость» в ноябре 1939 г. вопрошал в листовках: «Почему же они боятся свободно пропускать наших граждан в их рай? Почему все еще закрыта для нас их граница? Почему они все вывозят отсюда к себе, если у них всего вдоволь?»[157].

Политика советской власти, сохранявшая разницу в уровне жизни и обеспечении товарами, вела к возникновению напряженности между белорусами по обе стороны границы и не способствовала их унификации. Дальнейшему формированию психологических барьеров содействовала война. Жители запомнили, что партизаны лучше относились к населению Восточной Белоруссии, а немцы — к населению Западной[158]. Как показывают этнографические экспедиции, в самосознании жителей Белоруссии эта граница сохранилась до сих пор. Восточные белорусы осознают разницу в образе жизни и мышлении своих западных собратьев, обусловленную польским влиянием. Им приписывают "несоветскость", сопротивление советизации и коллективизации[159]. По-разному в сознании жителей двух регионов Белоруссии отражаются и события начала Второй мировой войны. Если для восточных белорусов война началась в 1941 г., а предшествующие события в лучшем случае связываются с освобождением польских территорий без каких-либо военных действий, то для западных белорусов война началась в сентябре 1939 г. и время «за первыми Советами» отчетливо отразилось в их памяти[160].

И по сей день, как пишет Н. Иванов, западная часть Белоруссии выражает симпатии Европе, а Восточная — Москве[161].

* * *

Таким образом, польский поход РККА в сентябре 1939 г. положил начало новому этапу реализации советского проекта по формированию белорусской нации и ее государственности. Продвигая границы СССР на запад, советское руководство подпитывало белорусский национализм, объединяло этнос рамками одного государства и укрепляло его самосознание, а также защищало белорусов от немецкой угрозы. Целенаправленная кадровая, национальная и социокультурная политика советской власти была направлена на придание западному региону республики этнического белорусского облика. Между тем, изоляция региона не способствовала цели унификации образа жизни и мышления населения Восточной и Западной Белоруссии, которую преследовала советизация.

Благодаря усилиям Красной Армии, внешнеполитическим договорам и внутриполитическим решениям правящей в СССР партии Западная Белоруссия из аморфного понятия межвоенного времени превратилась в географическую реальность с очерченными границами и стала белорусской территорией. Формирование границ региона осложнялось его полиэтническим характером, а также частыми изменениями внешнеполитических решений высшего руководства СССР. В Западную Белоруссию вошли территории Варшавского, Виленского, Белостокского, Новогрудского и Полесского воеводств довоенной Польши. К 1941 г. ее западная граница совпадала с внешней границей СССР и Германии. Внутренними административными границами Западная Белоруссия была отделена в декабре 1939 г. от Украинской ССР и в ноябре 1940 г. от Литовской ССР. А закрытый пропускной режим изолировал ее от Восточной Белоруссии. Границы Западной Белоруссии формировались без учета интересов населения, проживающего на этой территории, а также серьезного этнического и исторического

обоснования. Поэтому в составе Западной Белоруссии оказалось много поляков и украинцев, а белорусы попали в состав Литвы. Границы определялись в большей степени стратегическими, политическими и экономическими целями Советского Союза, а «идеологические и исторические формулировки» подбирались в соответствии с поставленными задачами и не всегда опирались на достоверные данные. Во многом это способствовало тому, что после окончания Второй мировой войны границы Западной Белоруссии вновь подверглись трансформации.

---

[1] См., например: Заходні рэгіён Беларусі вачыма гісторыкаў і краязнаўцаў: зборнік навуковых артыкулаў / рэдкал. І.П. Кзэнь, У.І. Навіцкі, В.А. Белазаровіч [і інш.]. Гродна, 2006.

[2] **Мілеўскі Я.Е.** Заходняя Беларусь: да пытання тэрыторыі і насельніцтва // Беларускі гістарычны часопіс. 1993. № 3. С. 40–42; **Міхнюк У.** Заходняя Беларусь: граніцы, тэрыторыя і насельніцтва (гістарыяграфічныя нататкі) // Беларускі гістарычны часопіс. 2004. № 11. С. 14–21.

[3] **Струнец С.В.** Межнациональные отношения в северо-восточных воеводствах II Речи Посполитой во второй половине 30-х гг. XX в. // Берасцейскі хранограф: зборнік навуковых прац. Брэст, 2010. Вып. 5. С. 155.

[4] **Токарев В.А.** Антипольская парадигма и пакт Молотова-Риббентропа // Проблемы истории, филологии, культуры / Редкол. Арзамзон М.Г. и др. Москва; Магнитогорск, 2000. Вып. IX. С. 292 .

[5] **Макарчук В.** Государственно-территориальный статус западноукраинских земель в период Второй мировой войны: Историко-правовое исследование. М., 2010. С. 152.

[6] **Войтковяк Я.** Советско-польский вооруженный конфликт в сентябре 1939 г. // Международный кризис в трактовках российских и польских историков / Под ред. М.М. Наринского и С. Дембского. М., 2009. С. 454.

[7] Российский государственный военный Архив (РГВА). Ф. 9. Оп. 29. Д. 505. Л. 653.

[8] **Лебедева Н.** Рижский договор 1921 года и четвертый раздел Польши // Traktat Ryski 1921 roku po 75 latach. Toruń, 1998. S. 295–317. S. 315

[9] Год кризиса, 1938–1939: Документы и материалы. В 2 т. Т. 2. 2 июня 1939 г. — 4 сентября 1939 г. / Рекол.: Бондаренко А.П. и др. М., 1990. С. 321.

[10] **Димитров Г.** Дневник: Март 1933 — февруари 1949. Избрано. Г. Димитров / Съст. Д. Сирков [и др.]. София, 2003. С. 84.

[11] Беларуская нацыя: уз'яднанне. Верасень 1939 г. — чэрвень 1941 г.: зб. дакументаў і матэрыялаў / Аўт.-уклад. У.Ф. Ладысеў. Мінск, 2004. С. 51.

[12] Оглашению подлежит. СССР — Германия. 1939–1941: Документы и материалы / Сост. Ю.Г. Фельштинский. М., 2004. С. 109–110.

[13] Там же. С. 113, 115.

[14] Подобная точка зрения особенно характерна для учебной литературы. См., например: **Szcześniak A. L.** Historia. Polska i świat naszego wieku. Podręcznik dla klasy ósmej. Warszawa: Bellona, 1997. S. 186; **Tusiewicz R.** Historia 3: XX wiek: podręcznik dla klasy III gimnazjum. Warszawa: AGMEN, 2001. S. 89; **Śniegocki R.** Historia. Burzliwy wiek XX. Podręcznik dla III klasy liceum ogólnokształcącego, liceum profilowanego i technikum. Warszawa: Nowa Era, 2004. S. 173.

[15] **Токарев В.А.** Советская внешняя политика и картографические коллизии 1930-х гг. // Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск, 2003. Вып. 1. С. 402.

[16] **Міхнюк У.** Заходняя Беларусь: граніцы, тэрыторыя і насельніцтва С. 20

[17] Гісторыя Беларусі: У 6 т. Т. 5. Беларусь у 1917–1945 гг. / А. Вабішчэвіч [і інш.]; рэдкал. М. Касцюк (гал. рэд) і інш. Мінск, 2007. С. 371; Нарысы гісторыі Беларусі. У 2-х ч. Ч. 2. / М.П. Касцюк і інш; рэдкал. М. П. Касцюк (гал. рэд) і інш. Мінск, 1995. С. 221.

[18] Kresy wschodnie — восточные окраины Польши, пограничные территории с полиэтничным составом населения.

[19] **Milewski J. J.** Kresy północno-wschodnie Drugiej Rzeczypospolitej — próba zdefinowania // Kresy północno-wschodnie Drugiej Rzeczypospolitej (stan badań) / Pod red. J.J. Milewskiego. Białystok, 1993. S. 7–17; **Eberhardt P.** Kresy wschodnie — granice, teritorium, ludność // Europa NIEprowincionalna / Pod red. K. Jasiewicza. Warszawa-Londyn, [1999]. S. 36.

[20] **Мілеўскі Я.Е.** Заходняя Беларусь: да пытання тэрыторыі і насельніцтва. С. 40.

[21] **Eberhardt P.** Struktura narodowościowa Polski północno-wschodniej w latach trzydziestych XX wieku // Społeczeństwo bialoruskie, litewskie i polskie na ziemiach pólnocno-wschodnich II Rzeczypospolitej (Bialoruś Zachodnia i Litwa Wschodnia) w latach 1939–41. Warszawa, 1995. S. 52

[22] Гісторыя Беларусі: У 6 т. Т. 5. С. 369–370.

[23] **Струнец С.В.** Межнациональные отношения в северо-восточных воеводствах… С. 156–57.

[24] Гісторыя Беларусі. Т. 5. С. 369.

[25] **Milewski J.J.** Struktura narodowościowa ziem północnowschdnich Polski w okresie międzywojennym // Чалавек. Этнас. Тэрыторыя. Матэрыялы міжнароднай наву-

кова-практычнай канферэнцыі. Брэст, 23–24.04.1998 г. У 2-х ч. Брэст, 1998. Ч. II. S. 117.

[26] Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 121. Д. 15. Л. 5–7.

[27] **Токарев В.А.** Советская внешняя политика и картографические коллизии 1930-х гг. С. 408.

[28] **Еременко А.И.** Помни войну. Автобиографический очерк. Донецк, 1971. С. 111

[29] Освободительный поход: Дневники, очерки, рассказы, стихи. М. 1941. С. 148.

[30] Год кризиса, 1938–1939: Документы и материалы. Т.2. С. 321, 335.

[31] **Eberhardt P.** Polska Granica Wshodnia. 1939–1945. Warszawa: Editions Spotkania, 1993. S. 18.

[32] **Лебедева Н.С.** Четвертый раздел Польши и катынская трагедия // http://katyn.codis.ru/lebedeva.htm.

[33] **Семиряга М.И.** 17 сентября 1939 г. // Советское славяноведение. 1990. № 5. С. 11

[34] Оглашению подлежит. СССР — Германия. 1939–1941. С. 113

[35] **Случ С.З.** Советско-германские отношения в ходе польской кампании и вопрос о вступлении СССР во Вторую мировую войну // Славяноведение 1999. № 6. С. 37; Wieliczko M. Lwów-Białystok-Wilno: o specyfice i prawidłowości procesu historycznego pod sowiecką władzą na przełomie lat 1939–1940 // Sowietyzacja i rusyfikacja północno-wschodnich ziem II Rzeczypospolitej (1939–1941) / Studia i materially / Red. naukowa M. Gnatowski, D. Boczkowski. Białystok, 2003. S. 69–70.

[36] **Гудериан Г.** Воспоминания немецкого генерала. Танковые войска Германии во Второй мировой войне. 1939–1945. М., 2007. С. 87–88.

[37] **Мельтюхов М.И.** Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941: документы, факты, суждения. М., 2000. С. 124.

[38] РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3773. Л. 80.

[39] Оглашению подлежит. СССР — Германия. 1939–1941. С. 115.

[40] Там же. С. 119–120.

[41] Eberhardt P. Polska Granica Wshodnia. S. 22.

[42] Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 117. Д. 38.

[43] **Мельтюхов М.И.** Упущенный шанс Сталина. С. 131.

[44] Там же. С. 130–131.

[45] РГВА. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 477. Л. 71; РГВА. Д. 285. Л. 233.

[46] **Пономаренко П.** Дневник // Нёман. 2008. № 7. С. 169–178. С. 176

[47] РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3979. Л. 101; Д. 3773. Л. 100; Ф. 35086. Оп. 1. Д. 264. Л. 18.

[48] Ф. 35086. Оп. 1. Д. 264. Л. 105.

[49] **Gnatowski M.** W radzieckich okowach: Studium o agresji 17 września 1939 r. i radzieckiej polityce w regionie łomżyńskim w latach 1939–1941. Łomża: Łomżyńskie T-wo Nauk. im. Wagów, 1997. S. 212.

[50] **Eberhardt P.** Polska Granica Wshodnia. S. 26.

[51] РГВА. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 264. Л. 14; Д. 256. Л. 200.

[52] Там же. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3316. Л. 437.

[53] **Невежин В.А.** «Если завтра в поход…»: Подготовка к войне и идеологическая пропаганда в 30–40-х гг. М., 2007. С. 180.

[54] Пограничные войска СССР. 1939 — июнь 1941: сборник документов и материалов. М., 1970. С. 280.

[55] **Иларионова Т.С.** Обмен населением между СССР и Германией накануне и в начале Второй мировой войны // Отечественная история. 2004. № 4. С. 59.

[56] **Eberhardt P.** Polska Granica Wshodnia. S. 23.

[57] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 262. Л. 345.

[58] Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4п. Оп. 1 Д. 16768. Л. 74.

[59] Беларуская нацыя: уз'яднанне. С. 90–91.

[60] НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 14718. Л. 26.

[61] Польское подполье на территории западных областей Беларуси (1939–1954) / С.А. Ситкевич, С.А. Сильванович, В.В. Барабаш, Н.А. Рыбак. Гродно: ГГАУ, 2004. С. 92.

[62] **Gnatowski M.** W radzieckich okowach. S. 228, 234, 245, 256, 264, 277, 282.

[63] Польское подполье на территории западных областей Беларуси. С. 95, 117–118.

[64] **Gnatowski M.** W radzieckich okowach. S. 135.

[65] Пивоварчик С. Использование местного населения на строительстве военных спецобъектов в Белостокской области // Sowietyzacja i rusyfikacja północno-wschodnich ziem II Rzeczypospolitej (1939–1941) / Studia i materialy; red. naukowa M. Gnatowski, D. Boczkowski. Białystok, 2003. S. 156.

[66] **Mironowicz E.**, **Tokć S.**, **Radzik R.** Zmiana struktury narodowościwej na pograniczu polsko-białoruskim w XX wieku. Białystok, 2005. S. 70.

[67] «Ты с Заходняй, я з Усходняй нашай Беларусі…». С. 21

[68] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 198. Л. 70.

[69] **Strzmbosz T.** Opór wobec okupacji sowieckiej w Zachodniej Białorusi w latach 1939–1941 // Studia z dziejów okupacji sowieckiej. Obywatele polscy na kresach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej pod okupacją sowiecką w latach 1939–1941 / Pod red. T. Strzmbosza. Warszawa, 1997. S. 105–204.

[70] **Kasperavičius A.** Lata 1939-1945 w pamięci historycznej Litwinów // Rok 1945/ Między wojną a pokojem. W 60. rocznicę zakończenia II wojny światowej / pod red. S. Achremczyka i C. Kuklo. Olsztyn: Ośrodek Badań Naukowych im. W. Kętrzyńskiego. Olsztyn, 2008. S. 108.

[71] РГВА. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 664. Л. 232, 234–235.

[72] **Токарев В.А.** Советская внешняя политика и картографические коллизии 1930-х гг. С. 403.

[73] **Міхалюк Д.** Ад моўнай мяжы да дзяржаўнай: этнічныя мапы Беларусі XIX — пачатку XX стагоддзяў // Беларусь і суседзі гістарычныя шляхі, узаемадзеянне і ўзаемаўплывы / Р.Р. Лазько (адказ. рэд.). Гомель2006.

С.77–79.

[74] **Wierzbicki M.** Polacy i Białorusini w Zaborze Sowieckim. Stosunki polsko-białoruskie na ziemiach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej pod okupacją sowiecką 1939–1941. Warszawa, 2000. S. 26.

[75] Германо-Советский договор о дружбе и границе между СССР и Германией. Секретный дополнительный протокол. 28 сентября 1939// http://www.mochola.org/russiaabroad/28091939.htm.

[76] Только 10.01.1941 г. Германия за 7,5 млн золотых долларов, равных 31,5 млн германских марок, согласилась уступить и эту территорию СССР.

[77] **Вабішчэвіч А.М.** Нацыянальна-культурнае жыццё заходняй Беларусі. Брэст, 2008. С. 37.

[78] **Milewski J.J.** Województwo białostockie. Zarys Dziejów (1919–1975). Bialystok, 2011. S. 82; **Kasperavičius A.** Współcześni historycy litewscy o sprawie Wilna i stosunkach polsko-litewskich w latach 1918–1940 oraz zmiany w potocznej świadomości Litwinow // Historycy polscy, litewscy i białoruscy wobec problemów XX wieku. Historiografia polska, litewska i białoruska po 1989 roku / Red. K. Buchowski i W. Śleszyński. Białystok, 2003. S. 110; **Вабішчэвіч А.М.** Нацыянальна-культурнае жыццё заходняй Беларусі. С. 43–44.

[79] **Wierzbicki M.** Ludność białoruska i polska wobec Armii Czerwonej po 17 września 1939 r. // Białoruskie Zeszyty Historyczne. 1999. № 11. S. 159–160; **Iwanow M.** Srawa przynależnoŚci Wilna I problem narodowoŚciowe na Bialorusi // Społeczeństwo bialoruskie, litewskie i polskie na ziemiach pólnocno-wschodnich II Rzeczypospolitej (Bialoruś Zachodnia i Litwa Wschodnia) w latach 1939–41. Warszawa, 1995. S. 89.

[80] **Wieliczko M.** Lwów-Białystok-Wilno. S. 72–73.

[81] НАРБ. Ф. 1п. Оп. 1. Д. 14616. Л. 17.

[82] «Ты с Заходняй, я з Усходняй нашай Беларусі…». С. 33.

[83] Там же. С. 20.

[84] **Мигун Д.** Германия, Беларусь и СССР в 1939 году // Беларусь у гыстарычнай рэтраспектыве XIX–XX стагоддзяў: этнакультурныя і нацыянальна-дзяржаўныя працэсы: зборнік навуковых артыкулаў: у 2 ч. Ч.1 / Рэдкал. В.А. Міхедька [і інш]. Гомель, 2009. С. 168–169.

[85] «Ты с Заходняй, я з Усходняй нашай Беларусі…». С. 26.

[86] **Wieliczko M.** Lwów-Białystok-Wilno. S. 61.

[87] Полпреды сообщают: сборник документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией. Август 1939 г. — август 1940 г. М., 1990. С. 92–98.

[88] **Eberhardt P.** Polska Granica Wshodnia. S. 26.

[89] Беларуская нацыя: уз'яднанне. С. 84

[90] Западная Украина и Западная Белоруссия. Сборник материалов. Ростов-на-Дону, 1939. С. 111.

[91] Западная Украина и Западная Белоруссия. Сборник материалов. С. 112.

[92] Polska 1939–1945: Straty osobowe i ofiary represji pod dwiema okupacjami / Pod red. W. Materskiego i T. Szaroty. Warszswa, 2009. S. 33.

[93] **Eberhardt P.** Polska Granica Wshodnia. S. 34–35.

[94] **Eberhardt P.** Struktura narodowościowa Polski północno-wschodniej w latach trzydziestych XX wieku. S. 47; Eberhardt P. Polska Granica Wshodnia. S. 35.

[95] Назаўсёды разам: да 60-годдзя ўз'яднання Заходняй Беларусі з БССР: сб. / Уклад. У.І. Навіцкі; пад агул. рэд. М.П. Касцюка, І.Я. Навуменкі. Мінск, 1999. С. 205.

[96] **Eberhardt P.** Polska Granica Wshodnia. S. 27, 35.

[97] Цит. по: **Зенькович Н.А.** Чья Белоруссия? Границы. Споры. Обиды. М., 2002. С. 301.

[98] **Kasperavičius A. A.** Lata 1939-1945 w pamięci historycznej Litwinów. S. 67-68.

[99] **Wieliczko M.** Op. cit. S. 56.

[100] **Kasperavičius A.** Lata 1939-1945 w pamięci historycznej Litwinów. S. 67-68.

[101] РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3358. Л. 156; Д. 3575. Л. 174; Ф. 35086. Оп. 1. Д. 257. Л. 77, 108.

[102] Там же.. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3574. Л. 151; Д. 3575. Л. 174; Ф. 35086. Оп. 1. Д. 256. Л. 155,175.

[103] Там же.. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 257. Л. 300.

[104] Там же.. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 256. Л. 199.

[105] Там же.. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 264, Л. 22; Д. 256, Л. 196; Ф. 9, Оп. 36. Д. 3575. Л. 153.

[106] Там же. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 256. Л. 196, 234; Д. 264. Л. 23; Ф. 9. Оп. 36. Д. 3574. Л. 318.

[107] Там же. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 256. Л. 12.

[108] **Белая С.А.** Да роднага ганку: З журналісцкага нататніка пачатку 90-х Гутаркі з віленскімі беларусамі Амерыкі. Мінск, 2009. С. 183.

[109] **Климов И.Ф.** Далекое и близкое. Минск, 1987. С. 31.

[110] **Wieliczko M.** Lwów-Białystok-Wilno. S. 73.

[111] Полпреды сообщают. 189, 281.

[112] РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3358. Л. 151.

[113] Цит. по: **Хомич С.** Как менялись границы Беларуси в XX веке // Деды: дайджест публикаций о беларуской истории. Минск, 2009. Вып. 1. С. 25.

[114] РГВА. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 256. Л. 250; Ф. 9. Оп. 36. Д. 3358, Л. 151; Полпреды сообщают. С. 281.

[115] **Buchowski K.** Litwa wobec ludnośći polskiej od września 1939 do czerwca 1940 roku. // Polska i jej wschodni sąsiedzi w XX wieku. Studia i materialy / Red. naukowa H. Konopka, D. Boćkowski. S. 334.

[116] Полпреды сообщают. С. 113–114, 136, 140, 286.

[117] Там же. С. 496.

[118] **Пономаренко П.** Дневник. С. 173.

[119] «Ты с Заходняй, я з Усходняй нашай Беларусі…». С. 190–193.

[120] Рассчитано по: «Ты с Заходняй, я з Усходняй нашай Беларусі…». С. 204–205.

[121] **Eberhardt P.** Polska Granica Wshodnia. S. 26.

[122] Государственный архив Брестской области (ГАБО). Ф. 7580п. Оп. 1. Д. 29. Л. 189–190.

[123] ГАБО. Ф. 7580п. Оп. 1. Д. 243. Л. 21–23.

[124] «Ты с Заходняй, я з Усходняй нашай Беларусі…».

С 52.

[125] **Куманев Г.А.** Рядом со Сталиным. М., 1996. С. 111.

[126] **Лебедева В.М.** Белорусско-украинские территориальные проблемы в контексте становления новой государственности (весна 1918 г.) // Регионы и границы Украины в исторической ретроспективе. М., 2005. С. 190, 194.

[127] **Вабішчэвіч А.М.** Нацыянальна-культурнае жыццё заходняй Беларусі. С. 233–234.

[128] **Сергійчук В.** Етнічні межі і державний кордон України. Тернопіль,1996. С. 152.

[129] **Міхалюк Д.** Ад моўнай мяжы да дзяржаўнай. С. 88.

[130] **Лебедева В.М.** Белорусско-украинские территориальные проблемы… С. 196.

[131] «Ты с Заходняй, я з Усходняй нашай Беларусі…». С. 54.

[132] НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 14635. Л. 6–7.

[133] «Ты с Заходняй, я з Усходняй нашай Беларусі…». С. 55–56.

[134] Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Распределение населения по родному языку, губерниям и областям // Демоскоп Weekly № 475–476. 29 августа — 11 сентября 2011 // URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97.php.

[135] «Ты с Заходняй, я з Усходняй нашай Беларусі…». С. 58.

[136] ГАБО. Ф. 1. Оп. 9. Д. 2253. Л. 7.

[137] Там же. Ф. 1. Оп. 9. Д. 45. Л. 1–2.

[138] НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 14718. Л. 26.

[139] «Ты с Заходняй, я з Усходняй нашай Беларусі…». С. 52

[140] **Eberhardt P.** Polska Granica Wshodnia. S. 37.

[141] «Ты с Заходняй, я з Усходняй нашай Беларусі…». С. 58

[142] Там же. С. 57–58.

[143] НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 14635. Л. 2–12.

[144] Назаўсёды разам. С. 196–197.

[145] «Ты с Заходняй, я з Усходняй нашай Беларусі…». С. 62

[146] **Куманев Г.А.** Рядом со Сталином. С. 113.

[147] **Sudoł A.** Początki sowietyzacji Kresów Wschodnich Drugiej Rzeczypospolitej (jesień 1939 roku): Wybrane problemy polityczne i organizacyjne. Bydgoszcz-Toruń, 1997. S. 26–27.

[148] Местные жители пользуются украинским языком.

[149] НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 16768. Л. 49.

[150] **Крывашэй Д.А.** Нацыянальныя супольнасці Беларусі ў перыяд германскай акупацыі (чэрвень 1941 — ліпень 1944 г.). Мінск, 2009. С. 93–94.

[151] **Радзюк А.** Савецка-польская мяжа ў калектыўнай памяці беларускага насельніцтва Докшыцкага раёна // ARCHE. 2009. № 8. С.102–103.

[152] **Люцік З.** «Беларускі фронт» Вайсковая аперацыя Чырвонай арміі (верасень 1939) // ARCHE. 2009. № 8. С. 169.

[153] **Радзюк А.** Савецка-польская мяжа… С. 108.

[154] **Гальперин И.** Свет не без добрых людей. В Польше и Западной Белоруссии в годы Второй мировой войны. Тель-Авив, 2004. С. 25–26.

[155] РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3574. Л. 123.

[156] ГАБО. Ф. 7580П. Оп. 1. Д. 35. Л. 271.

[157] РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3574. Л. 419.

[158] **Радзюк А.** Савецка-польская мяжа… С. 110.

[159] **Мазько Э.** Заходняя Беларусь вачыма жыхароў усходу Беларусі // ARCHE. 2009. № 8. С. 347–348.

[160] **Смулкова Э.** Заходняе и ўсходняе памежжа Беларусі — агульнае і спецыфічнае. Уступныя заўвагі // Беларусь и беларусы ў прасторы і часе / Пад. рэд. С. Запрудскага [і інш.]. Мінск, 2007. С. 284.

[161] **Iwanow M.** Czynnik Polski w kształtowaniu społeczeństwa obywatelskiego Białorusi w XX wieku // Białoruś: trudna droga do demokracji / Kolegium Europy Wschodniej im. Jana Nowaka-Jeziorańskiego; pod red. M. Iwanowa. Wrocław, 2006. S. 49.

Сергей Назария

Присоединение Бессарабии к СССР: дипломатические и правовые аспекты

В начале 1918 г. вопреки воле подавляющего большинства молдавского народа и вопреки всем нормам международного права Бессарабия была аннексирована королевской Румынией. Следует отметить, что данный акт так и не был признан международным сообществом.

В последние предвоенные годы в двухсторонних советско-румынских отношениях бессарабский вопрос открыто не поднимался. Хотя Советский Союз никогда, начиная с 1918 г., не признавал аннексию Бессарабии Румынией, приближение новой мировой войны постепенно ставило бессарабский вопрос в плоскость практического решения. Так называемый «пакт Молотова-Риббентропа» от 23 августа 1939 г. стал первым реальным сигналом подготовки решения бессарабского вопроса и вызвал растерянность в Бухаресте. Советское руководство понимало «свою заинтересованность в Бессарабии» исключительно как ее возврат и включение в состав СССР. В Бухаресте, естественно, не зная о дополнительном секретном протоколе, в целом правильно оценили возможные последствия советско-германского договора для Румынии[1]. Как писал тогдашний министр иностранных дел Г. Гафенку, Россия «хочет вернуть свои границы периода до 1914 г., а Германия не имеет ни права, ни желания помешать ей в этом»[2].

27 августа румынское руководство в очередной раз уверило нацистов в свой дружбе, в качестве аргумента в пользу этого тезиса заявив, что ничего не делало для улучшения отношений с СССР. Будущее своей страны румынское руководство видело исключительно на пути теснейших взаимоотношений с Германией. Румыния «хочет идти рука об руку с Германией в русском вопросе» и останется «нейтральной в любом конфликте между Германией и Польшей, даже если Англия и Франция вмешаются в него». Также было обещано продолжать продавать стратегическое сырье рейху.

Начало войны в Европе, успехи Германии в Польше и бездеятельность Англии и Франции усилили стремление Румынии дистанцироваться от них. Вступление Красной Армии в Польшу привело к тому, что Бухарест, вопреки действующему польско-румынскому договору, заявил 8 сентября 1939 г. о своем нейтралитете в происходящих событиях[3] и активизировал поиски союзника против Москвы среди великих держав. Для этого румынское руководство постоянно напоминало всем заинтересованным сторонам, что «на Днестре оно защищает от большевизма не только себя, но и всю европейскую цивилизацию».

Поскольку и Англия с Францией, и Германия с Италией заняли уклончивую позицию, румынская элита продолжала свою «политику баланса»[4]. Но на практике Румыния все более и более уходила под германское влияние. С целью заручиться поддержкой Третьего рейха член Коронного совета и один из крупнейших румынских промышленников И. Джигурту был направлен в Берлин под видом «частного лица». 9 сентября он был принят Г. Герингом, которого заверил, что Германия может доверять Румынии, так как последняя нужна рейху, чтобы «сдерживать Россию»[5]. А 19 сентября румыны интернировали польское правительство, пытавшееся эвакуироваться через Румынию на Запад. Как отметил российский историк М. Мельтюхов, «Румыния предпочла прислушаться к “дружеским” советам Германии»[6].

Даже в условиях начавшейся мировой войны румынское руководство было более всего озабочено «возможностью» румыно-советского конфликта. Так, 28 сентября оно запросило французское правительство: «Вступят ли Франция и Великобритания в войну против России? Сумеют ли они обеспечить нам эффективную помощь путем присылки эскадрилий в страну и англо-французского флота в Черное море?» Указание французского дипломата в Бухаресте на необходимость разгрома Германии, а не соглашения с ней, вызвало ответную реплику со стороны Гафенку: «Поражение Германии не решит

проблему Европы. За спиной Германии поднялась Россия... Поэтому, после победы над Германией, потребуется новая победа над Россией»[7].

Таким образом, румынское руководство выступало за англо-франко-германское соглашение за счет СССР. В этом смысле 30 сентября румыны предложили итальянцам посодействовать нахождению компромисса между воюющими странами, поскольку продолжение войны идет на пользу лишь коммунизму и славянству. Бухарест вновь и вновь напоминал великим державам о том, что на Днестре именно он являются «защитником европейской цивилизации» от большевизма. Однако ни одна из воюющих сторон не видела в Румынии особой ценности в деле «защиты европейской цивилизации», поэтому все эти «предложения» были проигнорированы[8].

3 ноября Румыния вновь попыталась выяснить у Англии и Франции, распространяются ли их гарантии на Бессарабию, шантажируя их возможностью сближения с Германией. 14 декабря Англия заявила, что гарантии распространяются на Бессарабию в том случае, если Румынии немедленно поможет Турция, и если Италия не будет препятствовать этой помощи. Франция присоединилась к этому ответу. Вместе с тем, 15 декабря Румыния просила Англию сохранить ее ответ в тайне, поскольку его разглашение могло бы толкнуть СССР на насильственное решение бессарабского вопроса. Попытки Румынии получить гарантированную поддержку против СССР со стороны соседей также не принесли результатов. Союзники по балканской Антанте не были заинтересованы во втягивании в советско-румынский конфликт. Венгрия и Болгария стремились реализовать собственные территориальные претензии к Румынии. Италия рассчитывала продолжить сближение с Венгрией и ограничилась общими обещаниями. В ответ на постоянные запросы румынского руководства относительно возможности советской агрессии, Германия, добивавшаяся стабилизации цен на нефть, 8 февраля 1940 г. ответила, что положение Румынии ее не беспокоит, поскольку она не предвидит никакой русской агрессии.

29 марта 1940 г. НКИД В.М. Молотов на сессии Верховного Совета СССР заявил: «У нас нет пакта о ненападении с Румынией. Это объясняется наличием нерешенного спорного вопроса о Бессарабии, захват которой Румынией Советский Союз никогда не признавал, хотя и никогда не ставил вопрос о возвращении Бессарабии военным путем». Это заявление вызвало в Румынии определенное беспокойство. Уже 30 марта румынский премьер-министр Г. Тэтэреску уведомил Германию о необходимости дальнейшего перевооружения румынской армии и просил повлиять на Москву, чтобы она не претендовала на Бессарабию. На это был получен ответ, что отношения с Румынией будут зависеть от выполнения ею своих экономических обязательств перед Германией»[9].

В таких условиях к середине 1940 г. усиливается дальнейшая прогерманская ориентация внешней политики румынских правящих кругов. Немцам был выгоден иррациональный страх румынской олигархии перед лицом СССР и усиление ее антисоветского курса, поскольку при этом Бухарест еще теснее привязывался к Берлину. Так, например, заявляя румынским правящим кругам, что она постоянно «заступается» за Румынию в Москве, Германия добивалась все новых уступок от румынской стороны. Еще 28 марта 1940 г. германские дипломатические представители в Бухаресте Фабрициус и Клодиус объясняли своим шефам в Берлине, что, благодаря такой линии, Германия покупает румынскую нефть по цене на 150% ниже, чем на мировом рынке[10].

28 мая с Германией был заключен «нефтяной пакт», в результате которого вермахт получил надежную и стабильную сырьевую базу. Тогда же Коронный совет принял решение предложить Германии «дружбу» и добиваться политического союза с ней. Однако одновременно румыны опасались оккупации своей страны немцами. В начале того же месяца Карл II через своего эмиссара обратился в Берлин с просьбой «помочь возвести оборонительную стену на востоке» — на советско-румынской «демаркационной линии». Тогда же король принял Фабрициуса и заявил ему, что будущее Румынии зависит только от Германии. 22 мая с той же просьбой к германскому послу в Бухаресте обратился министр иностранных дел Г. Гафенку, однако Фабрициус посоветовал ему урегулировать румыно-советские отношения мирным путем[11]. Вскоре Гафенку подал в отставку, и на его место был назначен И. Джигурту, откровенный сторонник теснейшего сближения Румынии с Германией. Гитлеровская Германия, однако, не спешила ответить положительно на румынские предложения.

20 июня премьер Г. Тэтэреску передал Фабрициусу ноту, в которой предлагал свою страну в качестве «верного союзника рейха», говоря о «всегда существовавшей общности интересов» между двумя государствами. Он отмечал, что мощь Румынии является гарантией того, что она будет в состоянии выполнить свою роль защитника Днестра и устья Дуная. О том же в беседе с американским посланником Ф. Гюнтером 24 июня говорил и И. Джигурту, заявив, в частности, что «Румыния надеется получить в ближайшее время большое количество немецкого оружия, при помощи которого она сможет в течение не менее 4-х месяцев вести войну с СССР. Румынский министр иностранных дел заявил также, что надеется на помощь итальянской авиации»[12].

Фабрициус сообщал в Берлин о надеждах Бухареста на то, что после скорой победы на Западе, Германия будет «сдерживать» Советский Союз. Министр иностранных дел даже заявил о «готовности» вернуть СССР часть Бессарабии в границах 1856 г., но не пускать его к Дунаю[13]. Естественно, в сложившейся международной ситуации, когда в результате гитлеровского наступления на Запад Франция и Англия надолго «выходили из игры», а основные силы вермахта были скованы на западе Европы, Советский Союз посчитал весьма разумным использовать данное положение с целью мирного разрешения бессарабского вопроса.

Параллельно с военными, советское правительство предприняло и дипломатические усилия по окончательному разрешению территориального спора с Румынией. 23 июня оно предупредило германское правительство о своих намерениях в отношении Бессарабии и Буковины[14]. Как видно из сообщения посла Шуленбурга в Берлин, Молотов заявил ему, что «решение бессарабского вопроса не терпит дальнейших отлагательств... Советское правительство еще старается разрешить вопрос мирным путем, но оно намерено использовать силу, если румынское правительство отвергнет мирное соглашение»[15]. Немцы согласились с вхождением в состав СССР, помимо Бессарабии, еще и северной части Буковины[16].

26 июня в 10 часов вечера министр иностранных дел СССР В.М. Молотов предъявил румынскому правительству ноту, в которой потребовал уступить Бессарабию и Северную Буковину в течение 24 часов[17]. В ответе Молотову посланник Дэвидеску пытался оспорить советские аргументы, однако это не произвело на наркома никакого впечатления[18]. Уже 28–29 июня эти территории де-факто вошли в состав Советского Союза. Карл II обратился за помощью к Германии, но не получил ее[19], так как в соответствии с пактом Молотова-Риббентропа немцы уже заверили советское правительство в «отсутствии интереса» в отношении Бессарабии[20]. Румынские власти обратились к своим турецким, греческим и югославским союзникам, однако и с их стороны не получили никаких гарантий помощи в случае военного столкновения с СССР[21].

В этой связи известный германский историк А. Хилльгрубер констатирует, что «политически в бессарабском вопросе Румыния оказалась в полной изоляции»[22]. А румын И. Константин делает вывод, что «и Берлин, и Рим дали "зеленый свет" Московскому правительству для аннексии Бессарабии и разрушения таким образом территориальной целостности Румынии»[23].

Интересна трактовка событий, принадлежащая известному израильскому историку Габриэлю Городецкому: «Получив ультиматум, король Кароль, буквально в бешенстве, вызвал германского посла во дворец. Однако бесконечные интриги короля лишили его всякого уважения в глазах всех великих держав. Риббентроп прямо обвинил его в натравливании одной воюющей стороны на другую, когда он сначала получил английские гарантии, а потом искал поддержки у Германии после того, как ее превосходство стало очевидным. К своему ужасу, король обнаружил, что итальянцы тоже сочувствовали претензиям русских. В конце концов, он попытался заручиться поддержкой англичан, мрачными красками рисуя советскую угрозу Проливам. Он призывал Черчилля действовать, "как лорд Солсбери и мистер Дизраэли, когда Бессарабия перешла в другие руки в 1878 г.". Но в Лондоне к подобным намекам отнеслись как к "желанию румын в настоящий момент напугать нас до дрожи замыслами русских"»[24].

Дело, однако, состояло в том, что англичане были, в первую очередь, озабочены обеспечением собственной безопасности и «румынские проблемы» волновали их меньше всего. С этой целью важнейшей задачей являлось налаживание нормальных связей с Советским Союзом, как потенциальным союзником в борьбе с гитлеровской Германией.

После поражения Франции в Москву прибыл новый английский посол Стафорд Криппс, сторонник теснейшего взаимодействия Великобритании и СССР[25].

Во время своей первой беседы с новым послом, 14 июня 1940 г. В.М. Молотов отметил, что СССР имеет особые интересы в Румынии. В Лондоне правильно поняли, чего хочет Москва, поэтому в ночь с 24 на 25 июня Криппсу был выслан текст послания премьер-министра. «Криппс, — указывает официальный британский историограф второй мировой войны Л. Вудвард, — был проинструктирован уклоняться от дискуссий о Бессарабии. Если необходимо, он мог сказать, что наше отношение в значительной мере будет зависеть от турецкой позиции. Если будут упомянуты балтийские государства, сэр Криппс должен будет высказать убеждение, что недавние действия Советского правительства были вызваны "величиной и размахом" немецкой военной опасности, сегодня угрожающей России, что и действия Советского правительства можно считать мероприятиями по самозащите»[26].

В этом контексте, украинский исследователь Владимир Макарчук отмечает, что «с Великобританией, "гарантом" румынских границ, торг [СССР] за Бессарабию начался скорее, чем с Германией, и проходил куда легче». А уже 22 октября 1940 г. английское правительство направило советскому руководству меморандум, в котором отмечалось, что «британское правительство признает де-факто суверенитет СССР в Прибалтике, Бессарабии, Западной Украине и Западной Белоруссии»[27].

А вот как комментируют англосаксонскую позицию румынские историки В. Фл. Добринеску и И. Константин: «Английская реакция на аннексию Бессарабии, Северной Буковины и района Герца выразила безразличие и пассивность... В то драматическое для румынского народа время Англия нашла "оправданными" советские и болгарские претензии на важнейшие части румынской территории и желала румыно-венгерского столкновения, которое де-факто вывело бы СССР к Карпатам и спровоцировало бы советско-германский конфликт... Реакция американских властей в отношении трагических событий, свалившихся на Румынию в конце июня 1940 года, выразилась в "молчаливом согласии", что не могло не повлиять и на общественное мнение этой страны»[28].

И. Константин осведомляет читателя, что «вся английская пресса, — информировал Бухарест посол Румынии в Великобритании В. Циля, — "приветствует успех русской дипломатии в отношении вступления в Румынию". Эти издания пришли к выводу, что данная акция "не имеет антианглийской направленности, а, напротив, будет иметь катастрофические последствия для Германии и Италии, если возрастет русское влияние на Балканах". Такие газеты, как "New Chronicle" и "Daily Herald", считали претензии Советского Союза к Румынии "справедливыми"»[29].

Г. Городецкий, оценивая эти события, отмечает, что «мотивы поведения Сталина обусловливались в первую очередь чистой Realpolitik... Оккупация Бессарабии и Северной Буковины в конце июня 1940 г. была скорее результатом желания обезопасить себя на Балканах и побережье Черного моря, чем следствием ненасытного аппетита русских, как это часто представляют в литературе. Экспансия per se была лишена всякого идеологического мотива... Распространение советской системы безопасности на устье Дуная создавало необходимую глубину обороны для Севастополя и Одессы, находившихся всего лишь в 40 км от румынской границы... Оккупация Северной Буковины также мотивировалась стратегическими соображениями. Она принесла Сталину контроль над главными железными дорогами между Украиной и Бессарабией через Черновцы и Львов... Королю Каролю было настоятельно рекомендовано уступить Бессарабию без сопротивления»[30].Врумынской историографии делаются попытки доказать, что события 28 июня 1940 года являются прямым следствием пакта Молотова-Риббентропа. Де-юре это не соответствует истине, поскольку подписанные документы не содержали никаких сведений по поводу раздела территорий[31]. Де-факто это отчасти верно, так как в них идет речь об «интересе» сторон в отношении ряда территорий. Но, опять-таки, вхождение Бессарабии в состав СССР не являлось прямым следствием советско-германского соглашения. 28 июня стало возможным благодаря серьезным переменам в международной конъюнктуре. Кроме того, не следует забывать, что данное событие стало следствием 22-летней борьбы советской дипломатии за возврат Пруто-Днестровской Молдовы в состав советского государства.

Политическое руководство Румынии капитулировало и отдало без борьбы провинции, которые считало «исторически румынскими»[32]. Советскому Союзу уступили без малейшего, пусть и символического, сопротивления более 50 тыс. кв. км с населением около 4 млн. человек.

Поскольку до настоящего времени появляются спекуляции на счет позиции румынского руководства в июньские дни 1940 г., сошлемся на суждение весьма осведомленного деятеля официального Бухареста той поры. 28 августа 1940 г. премьер-министр Румынии И. Джигурту писал германскому министру иностранных дел И. Риббентропу: «Бессарабия объединилась с Румынией в конце Первой мировой войны… Мы не боролись за это объединение, и, между прочим, это объединение не было одной из целей, которые мы преследовали в великой войне. Поэтому… понятно, почему наш народ согласился с уступкой (Бессарабии. — С.Н.) без всякой борьбы»[33].

В этом контексте возникает еще один логический вывод: в 1940 г., а также в 1944-м, уступив Бессарабию Советскому Союзу, румынские власти ни в какой форме — предъявления протеста советской стороне, адресованного международной общественности заявления, официального обращения к государствам мира и международным организациям или любой другой акции — не выразили возмущение в связи с тем, что уступка осуществляется под давлением, что она незаконна, так как Бессарабия является «румынской землей». Другими словами, румынская сторона не предприняла никакой акции юридического характера, которая объявляла бы передачу Бессарабии незаконным актом как с точки зрения международного права, так и с позиций румынского национального законодательства. Наоборот, приняв без подобного рода декларации советское предложение, румынское правительство де-факто и де-юре признавало, что передает СССР не принадлежащую Румынии советскую территорию.

Правда, некоторые современные румынские историки не согласны с этим тезисом. Например, Ш. Константинеску утверждает, что «включение Бессарабии и Северной Буковины в состав СССР является откровенным и грубым выражением применения силы в международных отношениях. Действие Советского Союза в июне 1940 года в отношении Румынии ясно доказывает, что Москва являлась агрессором, а наша страна оказалась подвергнутой агрессии»[34]. И для того, чтобы аргументировать свой тезис, автор ссылается на Конвенцию от 3 июля 1933 г., определявшую в качестве агрессора государство, которое «вторглось своими вооруженными силами... на территорию другого государства»[35].

Однако, на наш взгляд, ссылка на Конвенцию является несостоятельной. Подписывая указанную конвенцию, советская сторона подчеркнула, что ни в коем случае не признает включение Бессарабии в состав Румынии. Таким образом, с точки зрения международного права, тезис об «агрессии против Румынии» является беспочвенным. Де-факто и де-юре это было признано румынскими властями и летом 1940 г. и в 1944 г. при подписании перемирия[36], а также на Парижской мирной конференции в 1946–1947 гг.[37]

Принимая во внимание наличие разных оценок произошедшего, следует вместе с тем признать, что для молдавского народа включение Бессарабии в состав СССР явилось положительным событием, освободившим его от 22-летнего чужеземного господства и создавшим условия для восстановления его государственности. 2 августа 1940 г. была образована Молдавская ССР, правопреемницей которой является современная Республика Молдова.

---

1 **Scurtu I.** Istoria României în anii 1918-1940. Evoluția regimului politic de la democrație la dictatură București, 1996. P. 179.

2 Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. Документы и материалы. М., 1996. С. 321–322.

3 **Hillgruber** A. Hitler, regele Carol şi mareşalul Antonescu. Relațiile germano-române (1938-1944). Bucureşti, 1994. P. 91.

4 **Мельтюхов М.И.** Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941 (Документы, факты, суждения). М., 2000 (militera.lib.ru/research/meltyukhov/index.html).

5 **Колкер Б.М.**, **Левит И.Э.** Внешняя политика Румынии и румыно-советские отношения (сентябрь 1939 — июнь 1941). М., 1971. С. 25.

6 **Мельтюхов М.И.** Бессарабский вопрос между мировыми войнами. 1917–1940. М., 2010. С. 207.

7 Там же. С. 208.

8 См.: ДВП СССР. М., 1992. Т. XXII. Кн. 2. С. 153–154.

9 militera.lib.ru/research/meltyukhov/index.html; см. также: Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. С. 322; **Tătărescu Gh.** Mărturii pentru istorie.

Bucureşti, 1996. P. 237; Chiper I. Obiective, mijloace şi metode ale diplomaţiei române în anul 1941. // Revista istorică. Academia Română. 1991, Nr. 3-4. P. 122; Calafeteanu C. România, 1940: urmările unei nedreptăţi. // Historia. Revistă de istorie. 2008, Nr. 6. P. 16-17; **Мельтюхов М.И.** Бессарабский вопрос между мировыми войнами. С. 214–215.

10 **Колкер Б.М.**, **Левит И.Э.** Внешняя политика Румынии и румыно-советские отношения. С. 86.

11 **Buzatu Gh.** România cu şi fără Antonescu. Iaşi, 1991. P. 84; **Bărbulescu M.**, **Deletant D.**, **Hitchins K.**, **Papacostea Ş.**, **Todor P.** Istoria României. Bucureşti, 1998. P. 448.

12 См.: **Колкер Б.М.**, **Левит И.Э.** Внешняя политика Румынии и румыно-советские отношения. С. 105, 106, 107.

13 Там же. С. 108.

14 См. документы: Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. С. 323–324, 343–346.

15 Там же. С. 323, 343.

16 **Şişcanu I.** Basarabia în contextul relaţiilor sovieto-române. 1940. Chişinău, 2007. P. 79-85; Pactul Molotov – Ribbentrop şi consecinţele lui pentru Basarabia. Culegere de documente. Chişinău, 1991. P. 8-11; Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии. С. 344-348, 357, 359, 360.

17 См.: Basarabia. 1940. Chişinău, 1991. P. 32; Documente privind istoria României între anii 1918-1944. Bucureşti, 1995. P. 529, 530; **Şişcanu I.** Raptul Basarabiei. 1940. Chişinău, 1993. P. 29; **Şişcanu I.** Basarabia în contextul relaţiilor sovieto-române. P. 85-111; **Meurs W.P. van.** Chestiunea Basarabiei în istoriografia comunistă. Chişinău, 1996. P. 106; Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии. С. 324, 348-349.

18 Там же. С. 354–356; **Dobrinescu V.Fl.** Bătălia diplomatică pentru Basarabia. 1918-1940. Iaşi, 1991. P. 215-216.

19 См.: **Tătărescu Gh.** Mărturii pentru istorie. P. 236-237; **Buzatu Gh.** România cu şi fără Antonescu. P. 85-86; **Dobrinescu V. Fl.** Bătălia diplomatică pentru Basarabia. P. 154; **Şişcanu I.** Basarabia în contextul relaţiilor sovieto-române. P. 98; **Meurs W.P. van.** Chestiunea Basarabiei în istoriografia comunistă. P. 108; Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии. С. 358-359.

20 Diplomaţia cotropitorilor. Culegere de documente. P. 135-140, 151-152; **Dobrinescu V. Fl.** Bătălia diplomatică pentru Basarabia. P. 154, 181.

21 См.: **Cretzianu A.** Ocazia pierdută. Iaşi, 1998. P. 235-236; **Dobrinescu V. Fl.** Bătălia diplomatică pentru Basarabia. P. 154-155; **Constantin I.** România, Marile puteri şi problema Basarabiei. Bucureşti, 1995. P. 77.

22 **Hillgruber A. A.** Hitler, regele Carol şi mareşalul Antonescu. P. 97.

23 **Constantin I.** România, Marile puteri şi problema Basarabiei. P. 69.

24 **Городецкий Г.** Роковой самообман: Сталин и нападение Германии на Советский Союз. М., 2001 (militera.lib.ru/research/gorodetsky_g/index.html).

25 **Севостьянов П.П.** Перед великим испытанием: Внешняя политика СССР накануне Великой Отечественной войны. Сентябрь 1939 — июнь 1941. М., 1981. С. 180.

26 Цит. по: **Макарчук В.** Государственно-территориальный статус западно-украинских земель в период Второй мировой войны. М., 2010. С. 223 (со ссылкой на: **Woodward L.** British Foreign Policy in the World War. London, 1970. Vol. 1. P. 466).

27 Там же. С. 223, 224–225.

28 **Dobrinescu V. Fl., Constantin I.** Basarabia în anii celui de-al doilea război mondial (1939-1947). Iaşi, 1995. P. 177, 178, 179.

29 **Constantin I.** România, Marile puteri şi problema Basarabiei. P. 98.

30 **Городецкий Г.** Роковой самообман: Сталин и нападение Германии на Советский Союз. М., 2001 (militera.lib.ru/research/gorodetsky_g/index.html).

31 См.: Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы в 2-х томах. М., 1990. Док. №№ 602, 603.

32 Diplomaţia cotropitorilor. Culegere de documente. P. 150; Basarabia. 1940. P. 51-52, 53-55.

33 **Колкер Б.М.** Из истории румыно-советских отношений в конце 1940 года // Русско-румынские и советско-румынские отношения. Кишинев, 1969. С. 112.

34 **Constantinescu Ş.** Eliberarea Basarabiei şi Bucovinei de Nord. 33 de zile de vară. // Historia. Revistă de istorie, 2006, Nr. 12. P. 52..

35 Ibid.

36 Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. М., 1946. Т. 2. С. 205–212; Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Документы и материалы. М., 1984. Т. 2. С. 501–506; Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Документы и материалы. М., 1983. Т. 2. С. 152–157.

37 Мирный договор с Румынией. М., 1947. С. 5.

Правда, не все в Румынии признают законность ее решений (см.: **Dobrinescu V.-Fl., Tompea D.** România la cele două Conferinţe de Pace de la Paris (1919-1920, 1946-1947). Un studiu comparativ. Focşani, 1996. P. 106; **Dobrinescu V. Fl., Constantin I** Cit. op. P. 343).

Александр Прусин

Пусть эта земля снова станет германской!
Нацистская демографическая политика в Вартегау, 1939–1941 гг.

Вскоре после подписания в августе 1939 г. пакта о ненападении, фактически поделившего Восточную Европу на сферы влияния, нацистская Германия и Советский Союз вторглись на территорию Польши и начали широкомасштабные кампании, направленные на изменение этносоциального состава оккупированных территорий, превратившие их в экспериментальные площадки для массового перемещения населения и государственного террора небывалого масштаба[1]. В данном исследовании дается краткий обзор нацистской демографической политики в так называемом имперском крае Вартегау — западных польских землях, вошедших в состав Третьего Рейха, — в период между осенью 1939 г. и началом советско-германской войны. Хотя попытки германизировать этот регион, сопровождаемые различной степенью гонений и законности, имеют давние исторические корни и берут свое начало еще в Германской империи, именно жестокость нацистов привела к наиболее тяжелым испытаниям и гибели сотен тысяч людей.

Идеологические обоснования германизации в ходе Второй мировой войны были сформулированы Адольфом Гитлером, пропагандировавшим объединение всех территорий, где говорили на немецком языке, в «Великую Германию» и завоевание «жизненного пространства» (Lebensraum), обширных областей на Востоке, изобилующих продовольственными и природными запасами и населенными «низшими» расами. Гитлер, однако, не первый высказал подобные идеи, и они не были чем-то необычным для Германии. Начиная со второй половины XIX века, некоторые представители европейских политических, культурных и интеллектуальных элит были озабочены высоким уровнем рождаемости среди «низших» этнических групп, увеличение численности которых, якобы, значительно повышало плотность населения и приводило к нехватке продовольственных ресурсов. В Европе и Соединенных Штатах невероятными темпами множились псевдонаучные общества и ассоциации, находившие моральную и финансовую поддержку в политических кругах, у военных и в широких массах. Таким образом, нацисты унаследовали идеологию империалистического расизма и колониализма, дополнив ее экстремистскими антиславянизмом и антисемитизмом.

* * *

Первые попытки заново определить демографические и социоэкономические пределы восточных провинций Германии — Западной Пруссии, Силезии и Познани — были предприняты императорскими властями в 1850-х гг., когда коэффициент рождаемости среди этнических поляков превысил коэффициент рождаемости среди этнических немцев. Чтобы помешать этому процессу, германские власти опробовали несколько методов, которые в конечном итоге не принесли положительных результатов. Например, кампания по привлечению большего числа германских колонистов провалилась, поскольку относительно небольшое количество немцев предпочитало восточные земли, большей частью сельскохозяйственные и культурно «отсталые», индустриально развитым центральным районам. Культурная борьба (Kulturkampf) Бисмарка, которая приобрела определенный антипольский колорит, также была обречена на провал, поскольку вызывала сопротивление немецкой католической церкви[2].

Качественные изменения антипольской политики произошли после создания Германской империи. В 1885–1887 гг. прусское правительство отдало приказ о выселении примерно 26 тыс. поляков и евреев с австрийским или русским подданством с территории Познани, Силезии и Восточной Пруссии. К началу XX века специальная Комиссия по колонизации пыталась увеличить число германских колонистов в западных землях Польши, но, несмотря на все ее усилия, количество земли, находящейся в собственности поляков, постепенно увеличивалось.

Ассоциации германских националистов дошли до того, что предлагали переселение в Западную Польшу германских колонистов из России (такие планы в конечном итоге привели бы к желаемому результату лишь к 1939 г.). Среди других дискриминационных мер также был запрет на использование польского языка в общественных местах. И все же эта антипольская кампания имперской Германии оставалась в рамках закона, а выселения из Пруссии привели к протестам со стороны германского парламента (юрисдикции которого, однако, внутренние дела Пруссии не подлежали)[3].

Первая мировая война обеспечила подходящую испытательную площадку для возрождения германской колонизационной кампании на востоке. После 1915 г., когда германская армия оккупировала Латвию и некоторые районы Белорусси, военная администрация стала реализовывать комплексный проект по колонизации этих территорий, выселяя коренное население (которое, согласно этническому происхождению, было разделено по категориям) и проводя новые административные границы. Пользуясь моментом, в июле 1915 г. 1 347 представителей немецкой интеллигенции подали петицию в правительство с требованием «очистить» провинции Познань и Силезию, а также южные районы Восточной Пруссии от национальных меньшинств и заселить эти территории исключительно германскими колонистами. Хотя развал Союза центральных держав в конце 1918 г. и приостановил осуществление этих планов, ни польское, ни германское правительство не рассматривало новые границы в качестве окончательных, поскольку по Версальскому мирному договору в Германии оставалось примерно 928 тыс. поляков и около миллиона немцев проживали в Польше. Немцы воспринимали версальскую систему как олицетворение проигранной войны и общенациональное унижение; стремления к «исправлению» границ на востоке подогревались безмолвным согласием официальных лиц и мощной поддержкой общества[4].

Таким образом, с возникновением нацистского движения его лидеры лишь использовали уже существующие общественные настроения и сделали территориальный экспансионизм центром всей своей идеологии. Уже в 1920 г. их партийная программа рассматривала Восточную Европу как на стратегический запас продовольствия и плодородной почвы для избыточного немецкого населения. Такие главные нацистские идеологи, как Рихард Вальтер Дарре (который позже станет руководителем Управления по расовым и этническим вопросам и министром продовольствия и сельского хозяйства) и Альфред Розенберг, отказались от заморских колониальных амбиций и сделали акцент на необходимости использовать и германизировать земли, расположенные в направлении средневекового «Натиска на Восток». Они настаивали на том, что именно расовые критерии, а не имперские методы «разделяй и властвуй», должны стать основой демографической политики на новоприобретенных территориях[5].

Немецкие ученые, юристы и военные эксперты сформулировали сходные концепции, включавшие в себя безудержный антисемитизм и антиславянизм. Другим идеологическим выводом, популярным в германских военных и экономических кругах, был утилитарный подход к экономике, посредством которого они объясняли экономическую недоразвитость Восточной Европы расовой «неполноценностью» населения этого региона. Так, в 1927 г. в военном отчете говорилось, что в то время как «высшая» немецкая культура оказывала положительный эффект на этнических поляков в Познани и Силезии, их родня в бывшей русской Польше все еще оставалась отсталой в культурном отношении[6]. Немецкие специалисты в сельском хозяйстве также подчеркивали, что польское сельское хозяйство было, по существу, отсталым и представляло собой существенную преграду для германской экономической экспансии. Согласно их воззрениям, каждый второй, нанятый на работу в польском сельскохозяйственном секторе, становился бесполезным. Избавление от этого «мертвого груза» должно было помочь достижению как экономических, так и идеологических целей: создать новые этнические и социально-экономические общества, основанные на предварительно установленных расовых и социальных критериях. Другими словами, крупномасштабная расправа над расовыми группами воспринималась не как акт уничтожения, а исключительно как созидательный акт. Это яркий пример того, как нацистская расовая идеология слилась с германской экономической экспансией и народным негодованием в отношении Версальского мирного договора[7].

* * *

Польша занимала видное место в планах создания «жизненного пространства» и как важный экономический район, и как олицетворение послевоенного мироустройства. Уже после подписания польско-германского договора о ненападении в 1934 г. Йозеф Геббельс спровоцировал скандал в дипломатических кругах, когда открыто заявил лондонской «Sunday Times» что Германия готова отнять Польский коридор и «некоторые из западных [польских] провинций» и переместить людей, населявших эти территории, дальше на восток. Иоахим фон Риббентроп был столь же резок, заявляя в разговоре с Черчиллем в 1937 году, что Польша в обязательном порядке должна быть присоединена к сфере германского «жизненного пространства»[8].

Некоторые нацистские организации стали соперниками при осуществлении экспансии на восток и колонизации. Иностранный отдел Управления по расовым и этническим вопросам (нем. Volksdeutsche Mittelstelle или VoMi) координировал деятельность немецких общин за пределами Германии. При подготовке к вторжению в Польшу немецкие военные и разведывательные службы подчеркивали, что западные польские провинции представляли собой территорию «наиострейшего этнического конфликта» между поляками и немцами; такая ситуация могла быть разрешена только посредством применения грубой силы. В 1938 г. Гиммлер, лелеявший честолюбивые замыслы по созданию империи СС на востоке, наконец устранил своих соперников и вдохновил Главное управление СС по вопросам расы и поселений (RuSHA) разработать расовые критерии и сельскохозяйственные концепции, которые должны были применяться на предполагаемых территориальных приобретениях[9].

22 августа 1939 г. в беседе с руководством вермахта в Оберзальцберге Гитлер обрисовал свои планы в отношении Польши, заключавшиеся в сокращении населения и колонизации. Таким образом, война должна была приобрести новое измерение, будучи нацеленной не на поражение польского государства, а на его физическое уничтожение. Для достижения этого были сформированы специальные подразделения — айнзатцгруппы (Einsatzgruppen), — уничтожавшие польскую интеллигенцию и политическую элиту, да и любого, кого считали опасным для Третьего Рейха. В сентябре, действуя в арьергарде немецких армий, эти айнзатцгруппы расстреляли тысячи представителей польской интеллигенции, политических активистов, выдающихся граждан, которые были внесены в так называемые списки поляков (Sonderfahndungsbuch Polen) и обтекаемо назывались «террористами, эмигрантами, диверсантами». К концу октября только в районе Познани было убито примерно 10 тыс. человек. У карательных отрядов также были задания от Главного управления по этническим и расовым вопросам, преследовавшего собственные цели по захвату и регистрации еврейского имущества, рассматривавшиеся как первая стадия кампании по германизации общества[10].

Война все еще продолжалась, когда Гитлер выпустил несколько директив в отношении управления оккупированными польскими территориями. Согласно концепции завоевания, которая давала оккупационной державе полную власть над побежденными территориями, Польшу планировалось воспринимать только как порабощенное государство. 25 сентября 1939 г. правительство Германии выпустило декрет, который упразднил польскую правовую систему и заменил польские суды немецкими. Хотя концепция завоевания открыта для толкований — она приобретала юрисдикцию, только когда неприятельское государство и его правительство прекращали свое существование[11]. Таким образом, германские политика грубо нарушала статью 43 Гаагской конвенции 1907 г., обязывавший оккупанта «использовать все средства, имеющиеся в его распоряжении, для восстановления, насколько это возможно, закона и нормальной цивилизованной жизни» и «соблюдать законные права оккупированного государства за исключением тех, что вступают в противоречие с правами оккупанта»[12].

8 октября 1939 г. Гитлер отдал распоряжение о присоединении Познани (и Западной Пруссии) к германскому Рейху. Основанное на довоенной (до Первой мировой войны) территории прусской провинции Познань, новое административное образование называлось Рейхсгау Позен (Reichgau Pozen) и было переименовано в январе 1940 г. в Вартеланд (Wartheland) или Вартегау (Warthegau, название произошло от имени реки Варты). Таким образом были компенсированы территориальные потери Версаля, при этом только

провинция Познань (15 420 кв.км.) включала в себя бывшие территории Германской империи. Остальная часть Вартегау состояла из районов Калиш (14 061 кв.км.) и Иновроцлав (14 461 кв.км), до 1915 г. входивших в состав русской Польши. Присоединение этих районов было необходимо для усиления немецкого элемента в новой провинции. Также, несмотря на сопротивление главы Генерал-губернаторства (административного образования, созданного на части территории оккупированной Польши) Ганса Франка, Гитлер приказал присоединить к Вартегау «Польский Манчестер» — легкопромышленный район Лодзь (переименованный в Лицманштадт (Litzmannstadt))[13]. В результате, в ноябре 1939 г. из 4 200 тыс. жителей провинции Вартегау этническими поляками были 3 960 тыс., что составляло подавляющее большинство населения (85%); вторыми по численности были евреи (336 тыс. чел., 8%) и только третьими — немцы (327 тыс., 7%). Таким образом, увеличение размеров Вартегау значительно нивелировало нацистские планы по сокращению негерманского населения в этом новом административном образовании[14].

В силу этого нацистское руководство начало второй этап кампании по германизации. Человек, назначенный управлять Вартегау, казался наиболее подходящей для этого кандидатурой. Артур Грейзер был награжденным орденами и медалями ветераном Первой мировой войны, а в послевоенный период членом нескольких радикальных националистических организаций. В 1930 г. Он вступил в НСДАП, а в 1932 г. – в СС; между 1935 и 1939 гг. он был председателем Сената, а потом и главой правительства Свободного города Данцига (Гданьска). Поначалу Грейзер действовал в качестве временного главы гражданской администрации под управлением военных, но 26 октября 1939 г. его назначили губернатором (Reichstaathalter — дословно «имперский наместник») и руководителем — гауляйтером (Gauleiter) — НСДАП Вартегау. Известный как человек с амбициями, жажда власти которого стала причиной вражды между ним и наместником Западной Пруссии Альбертом Форстером, Грейзер имел твердое намерение оправдать ожидания высокого начальства и заявил, что в долгосрочной перспективе имеет целью превратить свой удел в модель для всех гау Третьего Рейха[15].

Хотя со стороны казалось, что власть Грейзера в качестве губернатора безгранична, на самом деле он должен был делить ее с СС. В качестве группенфюрера (Gruppenführer) он и его подчиненный, высший фюрер СС и полиции Вильгельм Коппе отчитывались перед Гиммлером; в то же время, Коппе мог действовать независимо от Грейзера и рапортовать напрямую Гиммлеру. В добавок к этому, 27 сентября 1939 г. Гиммлер еще больше укрепил свои позиции, объединив все службы безопасности и полицию в одну организацию — Главное управление имперской безопасности (Reichssicherheitshau ptamt, сокр. RSHA), в полномочия которой входило, в том числе, управление программой по переселению. В результате 7 октября Гиммлер создал и возглавил специальное управление — Имперский комиссариат по вопросам консолидации германского народа (Reichskommissariat für die Festigung des Deutschen Volkstums, сокр. RKFDV), чтобы заниматься этими вопросами во всех землях, предназначенных для колонизации. Поскольку главы гражданских администраций на оккупированных территориях стали представителями RKFDV, то фактически Гиммлер вывел Грейзера из игры[16].

Эта двойственность власти была в дальнейшем подчеркнута тем фактом, что должностные лица СС занимали руководящие должности на новой территории. Глава гражданской администрации в Познани доктор Виктор Бюттнер был штандартерфюрером СС, в то время как отделение RKFDV находилось под руководством оберфюрера СС Ганса Дёринга и штандартафюрера СС Герберта Хюбнера. Также в ноябре 1939 г. айнзатцгруппа III, действовавшая в Познани, была распущена и реорганизована в отделения местной службы безопасности, которые были укомплектованы примерно 2 тыс. человек, отвечавшими перед высшим фюрером СС и полиции за общую безопасность и порядок, но при этом получавшими оперативные директивы из RSHA[17].

* * *

Цели нацистов в Вартегау основывались на двух взаимосвязанных концепциях — очистка и обеспечение безопасности (Säuberung und Sicherung) — и воспринимались как избавление от любых «чужаков», что в нацистской интерпретации означало евреев и поляков. Уже в середине сентября 1939 г. айнзатцгруппа III и отряды Главного управления СС по вопросам расы и поселений

начали составлять списки имущества евреев и передавать их германским попечителям. Для ускорения данного процесса несколько управлений СС объединило свои усилия. РСХА назначила специальных должностных лиц для организации и управления первыми выселениями евреев и поляков, в то время как работники RuSHA проверяли соответствие германских поселенцев, которые начали прибывать из центральной части Польши и оккупированных Советами восточных провинций Польши, расовым критериям[18].

Несколько организаций участвовали в конкурсе на получение эксклюзивных прав на польское и еврейское имущество. 27 сентября 1939 г. вооруженные силы Германии вынесли предписание о том, что их представительства в Вартегау будут решать экономические вопросы в интересах армии. 19 октября Герман Геринг в качестве руководителя четырехлетнего плана, издал приказ о создании специального подразделения — Главного управления по опеке «Восток» (Haupttreuhandstelle — HTO OST), которое осуществляло контроль над негерманским имуществом. В октябре 1939 г. в Познани гестапо ускорило конфискацию финансовых активов еврейской общины. Одновременно с этим местная германская администрация, действуя самостоятельно, захватывала еврейские и польские предприятия; в сельской местности конфискованные земельные участки распределялись между германскими поселенцами с Волыни. 17 сентября 1940 г. германское правительство выпустило постановление о том, что поляки утратили право на все свое имущество; оно переходило в ведение специальных германских подразделений и подлежало конфискации, если это требовалось «для обязательного процветания» германской империи. Всего к февралю 1941 г. HTO OST получило под свою юрисдикцию 264 больших, 9 тыс. средних и 76 тыс. мелких польских промышленных объектов и 9 120 крупных и 112 тыс. мелких коммерческих предприятий[19].

Одновременно с национализацией экономических активов в провинции Грейзер начал массированное наступление на польскую культуру. 13 декабря 1939 г. он приказал «прикрыть» все библиотеки и издательства, принадлежавшие полякам, и конфисковать все издания. Польские театры, консерватории и школы были германизированы или стали использоваться в качестве германских учреждений, что было нарушением 56 статьи Гаагской конвенции 1907 г., в которой недвусмысленно говорилось о незаконности любого уничтожения или ликвидации культурных и образовательных учреждений. Все еще работающим библиотекам было запрещено выдавать книги полякам, а департамент пропаганды администрации Вартегау запретил использование 3 тыс. польских званий. Университет Познани был закрыт сразу же после немецкого вторжения, и многие из его преподавателей, включая таких выдающихся ученых, как профессоры права Богдан Винарский и Ян Боссовский, историки Зигмунд Войцеховский и Казимеж Тыменецкий и профессор политэкономии Эдвард Тейлор, были арестованы и отправлены в концентрационные лагеря. Работать разрешалось только польским начальным школам. Специальные положения регулировали время, когда поляки могли делать покупки в магазинах и на рынках, а в апреле 1940 г. германская администрация вынесла приказ о запрещении использования любых польских знаков и символов на улицах, почтовых ящиках и продуктовых упаковках[20].

С самого начала неослабевающий террор стал приметой будней Вартегау. Тюрьмы и временные концентрационные лагеря были переполнены действительными и потенциальными сторонниками сопротивления, которых намеренно морили голодом или заставляли работать до полного измождения и смерти. Публичные казни стали ежедневным явлением. Штаб-квартиры полиции безопасности и СД были превращены в камеры пыток, откуда тысячи людей были отправлены на места казней, включая печально известный Форт VII в Познани. Одновременно была развернута кампания уменьшению численности населения (Entvölkerung), нацеленная на евреев и членов таких польских политических организаций, как Национальная демократическая партия, Католическое действие, и любых других ассоциаций, считавшихся враждебно настроенными по отношению к германским интересам. 21 сентября 1939 г. на конференции командиров айнзатцгрупп были представлены специальные указания по депортации евреев в Генерал-губернаторство.

Таким образом, «решение польского вопроса» было определено как многоступенчатый процесс, в котором уничтожение интеллектуальной элиты должно было со-

провождаться массовой мобилизацией поляков к принудительному труду и депортациями на восток[21].

22 октября 1939 г. подразделения полиции безопасности и СД, жандармерия и добровольческие отряды самообороны, состоящие из этнических немцев (Selbstschutz), приступили к первым операциям по депортации, которые начались в городах и позже распространились в деревни. Среди жертв этих депортаций были зажиточные польские купцы, владельцы крупного имущества, фермеры, политические активисты, учителя и священники. Их имущество переходило в ведение Управления по вопросам переселения (Umsiedlungsamt)[22]. Депортируемых под конвоем приводили на центральную грузовую железнодорожную станцию Познани, откуда в вагонах для перевозки скота отправляли в Генерал-губернаторство. В каждом из таких вагонов было от 800 до 1 500 человек. Германские военные и гражданские власти также начали строительство транзитных лагерей, в которых тысячи людей много дней ожидали своей очереди на депортацию. 7 октября 1939 г. под юрисдикцией гестапо в цитадели Познани был организован самый большой «транзитный» лагерь, получивший ужасающую репутацию – Форт VII. Похожие лагеря были организованы в других местах Познани и в Лодзе. В то же время, наряду с систематическими депортациями, местные германские власти, в нарушение инструкций Грейзера, проводили и так называемые «дикие» высылки, во время которых многих людей вышвырнули из их домов и квартир и переселили в другие районы, где они испытывали нехватку продовольствия[23].

8 ноября Гиммлер созвал высших фюреров СС и полиции (HSSPF) Западной и Восточной Пруссии, Познани и Вроцлава (Бреслау) в Краков, где он обрисовал программу переселения всего польского народа, которая повлияла бы на жизни одного миллиона человек, включая 200 тыс. поляков и 100 тыс. евреев из Вартеланда. Центральным вопросом конференции были экономические задачи переселения, в результате, 22 ноября 1939 г. Коппе издал циркуляр, по итогам этой встречи, в котором отмечалось, что депортируемые должны будут оставлять все свое имущество и ценности в юрисдикции полиции и германских организаций. Полякам разрешалось взять с собой 200, а евреям — 40 злотых; поскольку польская валюта была намеренно девальвирована, эти суммы не имели абсолютно никакой финансовой значимости. Золото, серебро и любые произведения искусства передавались в ведение специального агентства — Центрального сборного пункта (Zentralsammelstelle). Если изначально координация процесса депортаций находилась в руках начальника полиции безопасности и СД Генерал-губернаторства Бруно Штрекенбаха, то в конце ноября 1939 г. Гиммлер передал эту обязанность РСХА. В свою очередь, РСХА передала этот вопрос Управлению IVB4 и его руководителю, гауптштурмфюреру СС Адольфу Эйхману, наиболее опытному специалисту в «еврейском вопросе». В результате, сотрудники управления полиции безопасности и СД предоставляли еврейским советам сутки для того, чтобы они подготовили свои общины к депортации; им полагалось оставить все деньги и ценности, а супруги евреев германского происхождения могли сделать выбор — либо получить развод, либо также быть депортированными. Уже в декабре все еврейские общины покинули Вартегау. Например, 11 декабря 1939 г. в эшелон было погружено примерно 2 тыс. евреев из района города Могильно, имевших при себе только саквояжи. Две городских синагоги были переданы германской администрации (одна была превращена в склад мебели, а другая — в бассейн). Еврейское кладбище было разрушено, а надгробные плиты использовали для мощения дорог. На следующий день после этого управление полиции безопасности и СД рапортовало о том, что район Могильно был тщательно «очищен» от евреев[24].

Зимой 1940 г., в связи с германо-советским соглашением от ноября 1939 г. об обмене населением, скорость депортаций увеличилась. Этот план полностью совпадал с соображениями идеологии и безопасности Германии и Советского Союза. В то время как Гитлер приветствовал возможность поселить этнических немцев на аннексированных территориях западной части Польши, советское правительство считало необходимым удалить потенциальных нарушителей спокойствия из западных областей, аннексированных в 1939–1940 гг. К февралю 1940 г., предвидя прибытие германских поселенцев из Восточной Польши и Прибалтики, администрация Вартегау депортировала в Генерал-губернаторство 90 тыс. польских жителей, которых предупредили о депортации только за час до

ее начала. Еще 40 тыс., согласно так называемому «Транзитному плану», были отправлены на восток между 10 февраля и 3 марта. В результате, к весне несколько местностей утратили более половины своего населения. Например, население в Калише уменьшилось с 80 тыс. до 20 тыс. человек (после переселения этнических немцев из СССР оно увеличилось до 43 тыс.); население Влоцлавека снизилось с 67 тыс. до 18 тыс. 21 февраля 1940 г. газета «Grenzzeitung» с гордостью сообщила о том, что центр города Лодзь был тщательно «деполонизирован» и подготовлен для германских поселенцев[25].

Для поляков результаты этих переселений были ужасны. Были разорваны традиционные семейные связи, разрушены воспоминания о детстве и юности, осталось только неопределенное будущее в незнакомом окружении. Большинство транзитных лагерей не было оборудовано для обеспечения жизни такого огромного количества людей. Так, главный лагерь в городе Лодзь был настолько сильно перенаселен, что его обитатели спали посменно. В лагере не было отопительной системы, поэтому в скором времени заболели многие заключенные. Некоторые германские чиновники, отвечавшие за выселения, признавали бедственное положение и страдания изгнанников. На совещании у Эйхманна 4 января 1940 г. представитель центрального управления полиции безопасности и СД в Генерал-губернаторстве доложил о том, что в некоторых случаях большое количество людей было заперто в вагонах для перевозки скота без какой-либо возможности освободиться; в одном из вагонов сто человек погибли от холода[26].

Если поляков депортировали из их домов, то для депортации евреев Эйхманн и его подчиненные использовали другие методы, уже апробированные ими в Германии, Австрии и Чехословакии. Во-первых, евреев регистрировали в местной администрации, после чего полиция сгоняла их в одно место и отправляли в транзитные лагеря, откуда на поездах их перевозили либо в гетто в городе Лодзь, либо в Генерал-губернаторство. В результате, к июню 1940 г. были депортированы 140 тыс. евреев, которые были лишены собственности и сбережений и имели право взять только один чемодан и двухнедельный запас продовольствия на человека. На основании официальных статистических данных Германии было подсчитано, что к январю 1941 г. из Вартегау было депортировано 260 тыс. поляков и евреев[27].

Насильственная миграция на восток сопровождалась притоком этнических немцев из Прибалтики, Волыни, Восточной Галиции, Буковины и Бессарабии. Немцы из района Белостока (присоединенного к Восточной Пруссии) и с территорий Люблина и Хелма, входивших в Генерал-губернаторства, также были отправлены в Вартегау. Кроме того, нацистское руководство планировало переселить в бывшие польские провинции около двух миллионов немцев из Рейха. Согласно германской статистике, к январю 1941 г., в западные польские провинции прибыли 418 тыс. немцев, включая 130 тыс. из восточной Польши, 180 тыс. из Бессарабии и Буковины, 51 тыс. из Латвии, 12 тыс. из Эстонии и 14 тыс. из Добруджи[28].

* * *

7 мая 1941 года Грейзер с гордостью заявил о том, что «впервые в нашей истории можно в полной мере воспользоваться военной победой. Никогда больше полякам не будет принадлежать и дюйм завоеванной нами земли»[29]. Несмотря на подобные заверения, процесс германизации в Вартегау с самого начала столкнулся с трудностями. Нацистские биологические и расовые категории были весьма неопределенны и давали местным политикам широкое поле для проведение отборов. Взять хотя бы «дикие» высылки, которые постоянно пересекались с планами систематических выселений. Едва начались депортации, как 26 октября 1939 г. Гиммлер приказал их отсрочить, поскольку у гражданской администрации, партийных чиновников и СС возникли разногласия изза главенства при принятии решений. Чтобы выделить центральную роль RKDVF, Гиммлер издал указ, который подчеркивал необходимость систематических и организованных депортаций[30].

Однако расовые критерии, которые, предположительно, должны были обосновывать процесс депортации, так и оставались крайне трудным для понимания термином. Нацистские чиновники не знали, давать ли определение термину «германское общество» по расовому или культурному признаку; различными организациями, одновременно, издавались директивы по поводу различия между признаками «пригодный по расовому признаку» и «чужой», которые вносили толь-

ко еще большую неразбериху. Например, в октябре 1939 г. полиция безопасности и СД доверила освободить от депортаций несколько категорий — поляков, у которых родственники проживали в Германии или служили в Вермахте или которые состояли в смешанных браках, и представителей народов «с дружелюбным отношением к Германии», таких как украинцы. Гиммлер самолично издал несколько противоречащих друг другу положений. В ноябре 1939 г. он отправил записку, в которой выражал категорический протест против ассимиляции поляков. А 20 мая 1940 г. писал Высшим фюрерам СС и полиции (HSSPF), что столетняя кампания прусского имперского правительства по германизации полностью провалилась, потому что польское население Вартегау, Пруссии и Силезии сохранило высокий уровень национального сознания. С другой стороны, для «повторной германизации» (Wiedereindeutschung) Вартегау применялись только расовые методы. Впоследствии Гиммлер предлагал, чтобы наиболее «подходящие» для германизации (Eindeutschungfähig) поляки, которые должны были быть отправлены в Германию, проходили через несколько ступеней проверки германизации; остальные, на ближайшие 5—10 лет, должны были восприниматься как рабочая сила, а потом быть депортированными в Генерал-губернаторство. Однако Гиммлер не предлагал никаких определений, которые могли бы прояснить критерии отбора. Такими же сбивающими с толку были инструкции, издаваемые Расово-политическим управлением (Rassenpolitisches Amt) NSDAP, которое делило население аннексированных территорий на «чужых по крови» (fremdblütig), «чужих по расовому признаку» (fremdvőlkisch), «германского происхождения» (deutschstämmig) и «родственные» (artverwandt). Подобная классификация прямо противоречила настойчивому требованию Гиммлера применять исключительно расовый подход (тем самым отражая соперничество между ним и Розенбергом) и объективно позволяла применять германизацию не только к «пригодным по расовому признаку», но также к трудолюбивым, энергичным и предприимчивым полякам. Неудивительно, что управления полиции безопасности и СД в Познани и Лодзе торопились перейти на собственные инструкции, подчеркивавшие, что польские рабочие в Германии не подлежали германизации[31].

Таким образом, процесс отбора людей, «пригодных по расовому признаку», был хаотичен. 5 мая 1940 г. Центральное отделение миграции (Umwanderungs-Zentralstelle, UWZ) в Лодзе предоставило отчет о том, что из 5 388 депортированных только 99 человек были признаны потенциально подлежащими германизации. К концу сентября 1940 г. в транзитном лагере в Лодзе из 93 872 депортированных были отобраны 767 человека, которых отправили в Германию. В том же месяце Центральное отделение миграции в Познани предложило Грейзеру применить расовые критерии к трем группам — пригодных для германизации, непригодных для германизации (имеющих смешанную польско-еврейскую кровь, психически больных и неспособных работать) и всем остальным. Данное тестирование нужно было, чтобы предоставить Комиссии статистический материал, который позже должен был применен во всем Вартегау[32].

Применение расовых критериев показало себя практически неэффективным во время советско-германского обмена населением, когда многие украинцы и поляки из Восточной Галиции и Волыни заявили, что они принадлежат германской традиции. Вследствие этого местные германские чиновники поместили их в так называемый Фолькслист (Volksliste), что давало привилегии при распределении земли, домов и товаров между этническими немцами. И снова, нарушая рекомендации Гиммлера, ведомство Грейзера классифицировало как потенциально пригодных к германизации тех поляков, которые состояли в семейных отношениях с немцами или спасли жизнь немцу, а также украинцев и кашубов (этнолингвистическая группа, якобы германского происхождения). Включение двух последних групп в Фолькслист было исключительно прагматичным действием, поскольку это по сути давало дополнительных 200 тыс. человек, пригодных для службы в армии[33].

Между тем, сопротивление со стороны поляков набирало обороты. Уже в ноябре 1939 г. Копе издал циркуляр, в котором говорилось о том, что поляки отказались относиться «с уважением» к оккупантам, тем самым нанося ущерб образу немецкого народа и немецкой власти. Благодаря хорошо организованной сети информантов поляки заранее узнавали о надвигающихся депортациях (иногда от дружелюбно настроенных немцев или от под-

купленных германских чиновников). Многие поляки исчезали накануне депортационной акции и возвращались когда СС и полиция уже уходили. В июле 1940 г. управление полиции безопасности в Лодзе рапортовало, что под депортацию попало только 40% от общего количества поляков, предназначенных для переселения. К началу войны между Германией и Советским Союзом около 10–19 тыс. поляков избежали депортаций; другие разрушили или сожгли свои дома перед тем, как их депортировали[34].

Сопротивление депортациям проявлялось с самых неожиданных сторон. Некоторые германские чиновники настаивали на том, что многие поляки, особенно занятые в сельском хозяйстве и ремесленном производстве, были жизненно необходимы региональной экономике, и освобождали их от депортаций. Точно также некоторые германские должностные лица считали непрактичными депортации таких польских специалистов, как работники суда, и заходили настолько далеко, что исключали из числа депортируемых работающих на предприятиях евреев; семьи таких евреев также на некоторое время освобождались от выселения и помещались во временные гетто. Хотя большинство германских чиновников действовали как сатрапы в своих районах, в редких случаях гуманистическая составляющая превалировала. Александр Хохенштайн, назначенный мэром маленького городка Пониатовец, пытался облегчить страдания евреев и поляков. Кроме того местные этнические немцы использовали любую возможность, чтобы купить польскую собственность по наиболее низким ценам, тем самым подрывая стремление Берлина к централизованному контролю над землей и имуществом на аннексированных территориях. Многочисленные отчеты показывали, что многие германские должностные лица и работники СС устанавливали дружеские отношения с поляками и включали их в Фолькслист. 25 апреля 1941 г. Копе издал циркуляр, согласно которому за подобные действия предусматривалось серьезно наказание – такое же, как за воинское неподчинение. Нацистское руководство настаивало на том, чтобы при переселении приоритет отдавался германо-балтийским крестьянам, поскольку Вартегау преимущественно был аграрным районом. Однако многие приезжие были городскими жителями и, не имея никакого опыта или желания заниматься сельским хозяйством, направлялись в города[35].

Вопрос, касающийся владения собственностью, также оставался неясным. Поскольку большинство германских чиновников рассматривали основную часть собственности в Вартеланде в качестве «украденной» у немцев после 1918 г., они конфисковали ее, не дожидаясь никаких приказов сверху. Но претендентов на это имущество было слишком много. В то время как СС и узколобые партийцы намеревались, до прибытия этнических немцев с востока, сохранить все товары и имущество под своим контролем, местные немцы, возмущенные подобными привилегиями для переселенцев, захватывали все, что можно, в качестве компенсации за свои «страдания» в Польше в межвоенный период. Поскольку Грейзер на административных постах в Вартегау предпочитал видеть партийных активистов, а не экспертов, многие германские чиновники прославились волокитой, алкоголизмом и спекулянтством. Свойственная нацистскому режиму коррупция показала себя во всей безграничности, когда «любезности» раздавались по желанию и благодаря личным связям, а сумма взятки, в конечном итоге, определяла, кто получит оспариваемую землю или дом. В ноябре 1939 г. Коппе был вынужден написать письмо в гражданские и полицейские ведомства с напоминанием о том, что конфискованное имущество «предназначается для нужд германского Рейха», а не для личного обогащения[36].

* * *

Хотя начало войны между Германий и Советским Союзом положило конец грандиозным планам нацистов, процесс германизации в Вартегау привел к огромным людским и материальным потерям и глубоким изменениям в социально-экономической структуре польского общества. Уничтожение польской интеллектуальной элиты и среднего класса, массовые депортации лишили провинцию руководящих лиц и довели население до нищеты. В годы войны большая часть оставшихся поляков зарабатывала себе на жизнь неквалифицированным трудом. Такое положение привело к разобществлению огромного количества людей, разных по своему социальному происхождению и образованию, и заложило фундамент для формирования абсолютно других ориентиров, ставших клю-

Таблица 1. Население Вартегау на 1 января 1942 г.

Район	Общая численность населения	Германцы	%
Познань (Posen)	1 339 470	249 752	18,6
Лодзь (Litzmannstadt)	2 059 492	330 631	16,1
Иновроцлав (Hohensalza)	1 177 541	194 323	16,5
Всего	4 576 503	774 706	16,9

YVA, M29/R70, Bundesarchiv Koblenz, "Stand der Ordnungspolizei in Reichgau Wartheland (Stichtag 31.12.1941)," p. 3.

чевыми в политических разногласиях послевоенного периода.

С другой стороны, германская политика в Вартегау обнаружила глубокий разлад между нацистской расовой теорией и социально-экономической и человеческой реальностью. Амбиции Грейзера по созданию гармоничной германской провинции так и не были реализованы, поскольку три сообщества — немцы из Рейха, местные немцы и немецкие поселенцы — были обижены друг на друга. Процедуры переселения, идеологическое регулирование, технический надзор, методы разделения имущества и конкуренция между различными организациями сделали процесс германизации хаотичным и непродуктивным. В результате к началу 1942 г. в сельской местности все еще преобладало польское население (см. таблицу).

Половина возделываемой земли обрабатывалась поляками, и подобная ситуация определенно подрывала иллюзии нацистов о превращении региона в процветающий немецкий сельскохозяйственный регион. Грейзер с неохотой признал, что его планы по превращению Вартегау в «образцовую провинцию» провалились. В феврале 1943 г. он издал меморандум, в котором повторял, что хотя имперская немецкая политика в отношении поляков оказалась неэффективной, нацистская расовая политика должна в конечном итоге привести к успеху в будущем. Не принимая в расчет «некоторые исключения», большинство поляков не должны подвергнуться германизации, поскольку «чужая раса, говорящая на немецком языке, будет подвергать риску целостность и честь [Германии] своей недочеловеческой природой»[37]. Грейзер, однако, не указал, как эти «некоторые исключения» могут быть установлены.

Нацистское руководство мечтало о Востоке как об огромной лаборатории для революционных расовых и экономических экспериментов, и присоединение Вартегау к «Великой Германии» должно было стать первым шагом в этом деле. Однако вместо систематического организованного процесса, оно ясно продемонстрировало наиболее утопичные элементы строительства нацистской империи, административный хаос, усугублявшийся жадностью и жестокостью. Одновременно история Вартегау продемонстрировала отличительные черты государственной демографической политики XX века. Унаследовав идеологические постулаты XIX века о всеобщем национализме, колониализме и социальном дарвинизме, нацисты организовали насильственную миграцию, несравнимую ни с чем в своем масштабе и жестокости, и продемонстрировали, что утопические цели по «благоустройству человеческого сада» могли быть достигнуты только через использование ресурсов современного государства, таких как наука, технология, полицейские силы и бюрократия.

---

[1] В отличие от захваченных Германией польских территорий, включенные в состав СССР территории Западной Украины и Западной Белоруссии не могут считаться оккупированными. Подробный правовой разбор проблемы см.: **Макарчук В.С.** Государственно-территориальный статус западно-украинских земель в годы Второй мировой войны: Историко-правовое исследование. М., 2010. (Прим. ред.)

[2] **Domansky E.** The Transformation of State and Society in World War I Germany // Landscaping the Human Garden: Twentieth-Century Population Management in a Comparative Framework / Ed. by Amir Weiner. Stanford, California: Stanford California Press, 2003. P. 50; **Koehl R.** L. RKFDV: German Resettlement and Population Policy 1939–1945. A History of the Reich Commission for the Strengthening of Germandom. Cambridge: Harvard University Press, 1957. P. 2–4.

[3] **Marczewski J.** Hitlerowska koncepcja polityki kolonizacyjno-wysiedleńczej i jej realizacja w "Okręgu Warty". Poznań: Instytut Zachodni, 1979. P. 24–25, 37, 41.

4 **Liulevicius V.G.** War Land on the Eastern Front: Culture, National Identity and German Occupation in World War I. Cambridge, Massachusetts: Cambridge University Press, 2000; **Marczewski J.** Cit. op. P. 54, 63–64.

5 **Lower W.** Nazi Empire-Building and the Holocaust in Ukraine. Chapel Hill, NC: The University of North Carolina Press, 2005. P. 20–22.

6 **Lower W.** Nazi Empire-Building,. P. 22; **Rossino A.B.** Hitler Strikes Poland: Blitzkrieg, Ideology, and Atrocity. Lawrence, Kansas: University Press of Kansas, 2003. P. 23.

7 **Heim S.**, **Aly G.** The Holocaust and Population Policy: Remarks on the Decision on the 'Final Solution // Yad Vashem Studies. Vol. 24 (1984). P. 47–49; **Bauman Z.** Modernity and the Holocaust. Ithaca, New York: Cornell University Press, 1989. P. 66–67, 92–94; **Mazower M.** Hitler's Empire: How the Nazis Ruled Europe. New York: The Penguin Press, 2008. P. 183.

8 **Jastrzębski W.** Hitlerowskie wysiedlenia z ziem polskich wcielonych do Rzeszy w latach 1939–1945. Poznań: Instytut Zachodni, 1968. P. 13–14.

9 **Rossino A.B.** Hitler Strikes Poland,. P. 24–25; **Koehl**, RKFDV. P. 42–43.

10 **Marczewski J.** Hitlerowska koncepcja. P. 85, 93; Radziwończyk K. "Akcja Tannenberg" grup operacyjnych Sipo i SD w Polsce jesienią 1939 r. // Przegląd Zachodni. Vol. 22 (5) (1966). P. 97–98.

11 В послевоенных судебных процессах над нацистскими военными преступниками польские юристы убедительно доказывали, что поскольку польская армия и правительство продолжало функционировать вне границ Польши, то Германия нарушила международные конвенции в части правил ведения войны. См.: **Prusin A.V.** Poland's Nuremberg: the Seven Court Cases of the Supreme National Tribunal, 1946–1948 // Holocaust and Genocide Studies. Vol. 24 (1) (2010). P. 1–25.

12 United States Holocaust Memorial Museum (USHMM). Record Group 15. Accession 1998.A.0242 "Proces Artura Greisera = Trial of Arthur Greiser" (cited as "Proces Artura Greisera"). Reel 2. Vol. 21. P. 1–8. Reel 14. Vol. 34. P. 2–5.

13 Вследствие этого административный цент провинции Калиш был перемещен в Лицманштадт.

14 USHMM. "Proces Artura Greisera". Reel 4. Vol. 34. P. 2; **Broszat M.** Nationalsozialistiche Polenpolitik, 1939–1945. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1961. P. 34–37, 42; **Łuczak C.** Polityka ludnościowa i ekonomiczna hitlerowskich Niemiec w okupowanej Polsce. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 1979. P. 14.

15 USHMM. "Proces Artura Greisera". Reel 4. Vol. 34. P. 2–3, 40–41. Reel 5. Vol. 38. P. 855; **Epstein C.** Model Nazi: Arthur Greiser and the Occupation of Western Poland. Oxford, UK: Oxford University Press, 2010. P. 130.

16 **Marczewski J.** Hitlerowska koncepcja,. P. 97–98; **Epstein C.** Model Nazi,. P. 154–155.

17 **Nawrocki S.** Hitlerowski aparat do zwalczania ruchu oporu na ziemiach wcielonych do Rzeszy (na przykładzie Kraju Warty) // Przegląd Zachodni. 1998. № 3. P. 82–87; **Radziwończyk K.** "'Akcja Tannenberg",". P. 103.

18 **Marczewski J.** Hitlerowska koncepcja,. P. 97–98; **Koehl R. L.** RKFDV,. P. 67.

19 **Koehl R.L.** RKFDV,. P. 58–59; USHMM. "Proces Artura Greisera". Reel 2. Vol. 21. P. 6. Reel 3. Vol. 27. P. 112. Reel 4. Vol. 34. P. 23, 27; **Łuczak C.** Polityka ludnościowa. P. 255.

20 USHMM. "Proces Artura Greisera". Reel 4. Vol. 34. P. 15, 19. Reel 6. Vol. 531. P. 346; Epstein C. Model Nazi,. P. 201.

21 USHMM. "Proces Artura Greisera". Reel 4. Vol. 33. P. 730–734. Reel 7. Vol. 13. P. 4; Jastrzębski W. Hitlerowskie wysiedlenia, P. 18.

22 Yad Vashem Archive (cited as YVA). RG-15.015M. Reel 4. "Der Chef der Sicherheitspolizei und des SD Umwanderzentrallestelle Posen". P. 3, 7–8.

23 USHMM. "Proces Artura Greisera". Reel 4. Vol. 24. P. 34. Vol. 34. P. 23; **Mallmann K.-M.**, **Bőhler J.**, **Matthäus J.** Einsatzgruppen in Polen: Darstellung und Dokumentation. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesselschaft, 2008. P. 82–83, 87; **Łuczak C.** Polityka ludnościowa,. P. 124.

24 YVA. RG-15.015M. Reel 2. "Abschiebung von Juden und Polen aus dem Reichgau 'Wartheland'". P. 1. Reel 4. "Der Chef der Sicherheitspolizei und des SD Umwanderzentrallestelle Posen". P. 17; Ibid. M29/70. Bundesarchiv Koblenz. "Abschiebung von Juden aus dem Reichgau 'Warthe-Land'". P. 47–48; "Transportanweisung für das Begleitkommando der Evakuirungszüge". P. 43–44; USHMM. "Proces Artura Greisera". Reel 3. Vol. 27. P. 113. Reel 7. Vol. 13. P. 17–18; **Radziwończyk K.** "'Akcja Tannenberg",". P. 104; **Jastrzębski W.** Hitlerowskie wysiedlenia. P. 32–34.

25 YVA. RG-15.015M. Reel 2. "Nahplan". P. 1–6; USHMM. "Proces Artura Greisera". Reel 4. Vol. 34. P. 23–24; **Jastrzębski W.** Hitlerowskie wysiedlenia,. P. 60–61, 63, 69.

26 **Jastrzębski W.** Hitlerowskie wysiedlenia. P. 106-107; **Marczewski J.** Hitlerowska koncepcja. P. 166.

27 **Marczewski J.** Hitlerowska koncepcja,. P. 207–208; **Broszat M.** Polenpolitik. P. 100.

28 YVA. RG-15.015M. Reel 4. "Der Chef der Sicherheitspolizei und des SD Umwanderzentrallestelle Posen". P. 10–11, 14, 17; USHMM. "Proces Artura Greisera". Reel 4. Vol. 34. P. 27; **Marczewski J.** Hitlerowska koncepcja. P. 336, 338–339.

29 USHMM. "Proces Artura Greisera". Reel 4. Vol. 34. P. 23.

30 **Jastrzębski W.** Hitlerowskie wysiedlenia. P. 52.

31 YVA. RG-15.015M. Reel 4. "Der Chef der Sicherheitspolizei und des SD Umwanderzentrallestelle Posen". P. 21, 30; Ibid. "Einsatz von eindeutschungsfähigen Polen". P. 11–12; **Madajczyk C.** Faszyzm i okupacje 1938–1945: wykonywanie okupacji przez Państwa Osi w Europie. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 1983. Vol. 2. P. 219–221; **Mazower M.** Hitler's Empire,. P. 190; **Jastrzębski W.** Hitlerowskie wysiedlenia. P. 116.

32 Ibid. P. 121, 126–127.

33 YVA. RG-15.015M. Reel 4. “Nachweis der deutschen Staatsangehőrigkeit im Reichgau Wartheland”. P. 6–8; Ibid. “Insassen der Lagers Lakowa, die bei der Rückführung der Wolhynien-und Galiziendeutschen nach Lodsch gelangten”. P. 8–11; Ibid. “Politische Űberprüfung rassisch ausgesuchter Familien”. P. 50.

34 YVA. M29/R70. Bundesarchiv Koblenz. “Grüspflicht für die männliche polnische Bevőlkerung”. P. 307; “Abschrift”. No page; Marczewski J. Hitlerowska koncepcja. P. 184–185.

35 YVA. RG-15.015M. Reel 4. “Vermeidung der Evakuirung polnischer Dienstkräfte”. P. 5; Ibid. “Evakuirung von ehemals polnischen Justizbeamten”. P. 1–2; Ibid. “Vorbereitungen für zukünftige Judenevakuirungen”. P. 34; **Burleigh M.** The Third Reich: A New History. New York: Hill and Wang, 2000. P. 452–453.

36 **Koehl R.L.** RKFDV. P. 80–81; **Epstein C.** Model Nazi. P. 175.

37 USHMM. “Proces Artura Greisera”. Reel 1. Vol. 12. P. 51; **Epstein C.** Model Nazi, P. 175–176.

Владимир Комар

Польские планы решения украинского вопроса накануне Второй мировой войны

Избранная тема уже привлекала внимание исследователей. Особой актуальностью отличаются монографии польских историков[1]. В украинской историографии можно выделить работы М. Швагуляка, в которых рассмотрены планы военного руководства Польши в национальной политике относительно украинцев[2]. В нашем исследовании анализируются особенности политики польских властей в украинском вопросе, а также механизмы ее реализации. На основании изучения архивных документов и материалов автор пытался внести некоторые коррективы в освещение этой проблемы.

В политике Польши в межвоенный период конкурировали между собой две политических концепции. Первая из них — концепция федерализма — предлагалась Начальником государства и Верховным главнокомандующим Войска польского, маршалом Ю. Пилсудским и его ближайшим окружением. Автором второй — концепции инкорпорации — был Р. Дмовский, главный идеолог и самая влиятельная фигура в среде польских национальных демократов (эндеков), политический оппонент Ю. Пилсудского.

Федерализм Ю. Пилсудского и пилсудчиков предусматривал решение двуединого вопроса: 1) ослабление России, как считалось, главной угрозы независимости Польши; 2) привлечение к реализации этой цели литовского, белорусского и украинского народов, которые вместе с польским сосуществовали в шляхетской Речи Посполитой[3]. Благодаря реализации концепции федерализма, возрожденная Польша в союзе с независимыми Литвой, Беларусью и Украиной должна была обеспечить себе лидерство в Центрально-Восточной Европе и претендовать на роль сверхдержавы[4].

Согласно концепции инкорпорации, считалось целесообразным присоединить к Польше все территории, на которых имелось этническое или же экономическое и культурное превосходство поляков. То есть в границах Польского государства должны были оказаться Литва, часть Беларуси вместе с Минском, Полесье, Волынь и Подляшье. Остальные спорные территории было решено оставить России. Непольское население присоединенных земель должно было стать объектом национальной ассимиляции[5].

Не подлежал обсуждению в Польше вопрос Восточной Галиции. Невзирая на то, что она была населена преимущественно украинцами, которые 13 ноября в 1918 г. провозгласили Западно-Украинскую Народную Республику (ЗУНР), пилсудчики и эндеки в равной мере считали ее неотъемлемой частью Польского государства. Польско-украинская война, которая началась уже во время боев за Львов в ноябре в 1918 г., стала первым шагом в реализации восточной политики возрожденной Польской республики. Представители Антанты настаивали на необходимости перемирия между поляками и украинцами. Они хотели направить польский фронт исключительно против большевистской России. Однако Ю. Пилсудский решил форсировать события при помощи наступательной операции против войск Украинской Галицкой Армии (УГА). Он пытался утвердиться в Галиции и укрепить польские позиции на будущих переговорах с Антантой относительно юридического статуса Восточной Галиции[6].

Польским геополитическим концепциям противостояла идея всемирной революции, носителем которой была советская Россия. Главная идея члена большевистского правительства Льва Троцкого заключалась в «экспорте революции» в Европу силами Рабоче-крестьянской Красной Армии (РККА). Большевики были убеждены в необходимости удержания под своей властью национальных окраин, особенно западных, поскольку лишь через их территорию можно было пробиться к европейскому пролетариату и успешно завершить начатое ими в октябре в 1917 г. дело социалистической революции. Советско-польская война стала результатом столкновения двух противоположных концепций[7].

Ее завершение ознаменовалось подписанием мирного договора в Риге 18 марта 1921 г.[8]. Последствия этого договора оказались парадоксальными для Ю. Пилсудского. Фактически под его руководством была построена новая Польша, о которой мечтал Р. Дмовский. Теперь рижская граница совпадала с предложениями последнего, хоть и была немного отодвинута на запад. Несмотря на то, что сам Ю. Пилсудский, как профессиональный конспиратор, не оставил никаких воспоминаний относительно этих событий, с этого момента его все чаще видели мрачным и обеспокоенным. Это замечали люди из его ближайшего окружения, в частности А. Кавалковский, который впоследствии констатировал, что подписывая Рижский договор, поляки подготовили себе поражение 1939 г.[9].

В период «парламентской демократии» 1921–1926 гг. в Польше была фактически санкционирована инкорпорационная программа эндеков, составной частью которой стала национальная ассимиляция меньшинств и попытки превращения Польши в государство исключительно польской нации. Территория Польши по итогам Рижского договора оказалась мала для того, чтобы создать государство многих национальностей, и чересчур велика, чтобы создать национальное государство. Более 4 млн украинцев, которые компактно проживали в этнически украинских землях Восточной Галиции, Западной Волыни, Западного Полесья, Холмщини и Подляшья, стали объектом политики национальной ассимиляции[10].

Осуществив переворот в мае в 1926 г., Ю. Пилсудский вернулся к власти. В политике режима санации в рамках концепции прометеизма возобновились попытки объединения народов СССР в общем антисоветском и антикоммунистическом фронте. В авангарде выступала Польша, которая, подобно мифическому Прометею, возложила на себя освободительную мисию на востоке Европы. Считая украинскую проблему ключевым звеном в реализации своих планов, теоретики и практики прометеизма рассматривали ее в двух аспектах — внешнем и внутреннем, то есть в международной и национальной политике государства. Этот тезис убедительно аргументировал активный деятель прометеевского движения — В. Бончковский: «Грузия, Азербайджан, Северный Кавказ, Туркестан, Украина и другая, образовывая так называемый промтетеевский фронт, представляют собой мощную силу, которая может изменить расстановку сил в Восточной Европе. Однако ключом к решению проблемы и основным элементом в создании единого фронта, который может радикально изменить ситуацию в регионе, является Украина...»[11]. По этому поводу в докладной записке Отдела II Генштаба Польши отмечалось, что верховное командование Войска польского серьезно оценивало только потенциал Украины, а остальные «были декорациями и тактическими дополнениями к урегулированию украинского вопроса»[12].

Объединяющей целью для поляков и украинцев в концепции прометеизма выступала защита Польского государства в условиях угрозы со стороны Советского Союза и сотрудничество в построении независимого Украинского государства над Днепром[13]. В связи с этим считалось, что только прометеевский фронт народов мог изменить ситуацию в Восточной Европе в интересах Польши, которой отводилась роль координатора национально-освободительных движений народов СССР. Украинский вопрос рассматривался польским руководством, в первую очередь, как средство нейтрализации «империалистической политики Москвы»[14]. В свою очередь, взвешеная национальная политика Польши в русле концепции прометеизма была призвана убедить украинцев в необходимости сотрудничества с государственными и общественными польскими организациями. Вследствие этого ориентация вектора украинского национализма должна была измениться с антипольского на антисоветское[15].

Вторым объединяющим моментом являлось понимание украинского вопроса как внутреннего дела Польши. Украинский вопрос был главной проблемой в национальной политике Польской республики на протяжении всего межвоенного периода. Наиболее остро украинская проблема проявилась в Восточной Галиции. Украинцы-галичане считали себя униженными поражением в войне с поляками 1918–1919 гг., и на них возлагали всю ответственность за исчезновение национального государства — ЗУНР. Галицию пилсудчики, как и ендеки, считали исконной польской территорией. В отличие от национальных демократов, идеологи прометеизма признавали, что здесь проживает украинское население, но отрицали его право на самоопределение. В противовес по-

литике национальной ассимиляции сторонники Ю. Пилсудского предложили государственную асимиляцию меньшинств. Чтобы у них «при условии сохранения собственной национальности формировалось сознательное чувство принадлежности к польской государственности»[16]. Уступки правительства должны были так соединить западноукраинские земли с Польшей, чтобы даже в случае создания «независимой Украины над Днепром это не вызывало бы изменения восточных границ»[17].

Противоречивость политики Ю. Пилсудского и пилсудчиков в украинском вопросе была очевидной. С одной стороны, декларировалась поддержка независимой Украины над Днепром, а с другой — Галиция считалась неотъемлемой частью Польши. Они будто бы не замечали органического единства между западными и восточными украинскими землями, которое было зафиксировано и юридически 22 января 1919 года во время воссоединения ЗУНР с Украинской Народной Республикой (УНР). По этому поводу выдающийся пилсудчик Л. Василевский писал: «Что с того, если во внешней политике Польша с энтузиазмом будем отстаивать независимую Украину вплоть до Кавказа, а во внутренней — руководствоваться нравственностью захватчика?»[18].

Несмотря на декларации, во внутренней политике Польши вплоть до 1930 г. так и не удалось выработать механизмы реализации политики государственной асимиляции. Исключение составлял политический эксперимент в Волыни, который проводился в течение 1928–1938 гг. под руководством воеводы Генрика Юзефского. Эксперимент был санкционирован самим Ю. Пилсудским. В условиях абсолютного преобладания украинцев «единственным возможным средством удержания этих земель от сепаратистских тенденций, — по мнению Г. Юзевского, — была государственная ассимиляция»[19]. Эксперимент предусматривал создание польско-украинского анклава, ориентированного против СССР. Он должен был стать примером для других украинских земель в межвоенной Польше. Отбрасывая эндецкие теории национальной ассимиляции, Г. Юзевский пытался формировать у украинцев чувство лояльности к польской государственности.

Совсем по-другому выглядела политическая ситуация в Галиции. Здесь, в отличие от Волыни, развивалось мощное украинское национально-освободительное движение, которое уходило корнями еще во времена Австро-Венгрии. Среди легальных партий самым влиятельным здесь было Украинское национально-демократическое объединение (УНДО)[20]. Правительство Польши, опираясь на поддержку УНДО, решило изменить негативное отношение украинцев Галиции к польскому государству[21]. Ради этого были заключены формальные соглашения, в частности 1931 и 1935 гг., последнее из которых известно в историографии как часть политики «нормализации» польско-украинских отношений[22]. Но одного желания некоторых правительственных чиновников и представителей одной, хоть и влиятельной, украинской партии было маловато для укрепления взаимоотношений, которые постоянно обострялись в результате целенаправленной ассимиляционной политики властей.

После смерти Ю. Пилсудского в 1935 г. и прихода ко власти генералитата под предводительством Генерального инспектора вооруженных сил маршала Э. Ридз-Смиглы и министра генерала Т. Каспжицкого ситуация в государстве изменилась коренным образом. В верхних эшелонах власти негативно оценивали перспективы прометеизма и политики государственной ассимиляции. В украинском вопросе стали доминировать эндецкие теории национальной ассимиляции. Их носителями стало командование Войска польского, которое, захватив ведущие позиции в государстве, оказывало решающее влияние на его внутреннюю политику[23].

В результате этого в 1938 г. Г. Юзевский был вынужден оставить воеводскую должность на Волыни. Его эксперимент, рассчитанный на отдаленную перспективу, был заменен репрессивными действиями властей, направленными на ополячивание украинцев, которое привело к неслыханному обострению международных отношений в этом регионе. В том же 1938 г. стало понятно, что политика нормализации провалилась, несмотря на незначительные уступки властей, и привела лишь к усугублению противостояния в украинском политикуме[24].

Именно в 1938 г. высшее военное командование обобщило опыт своей предыдущей деятельности в сфере национальных отношений, что отразилось в тезисах министра вооруженных сил относительно национальной политики в Галиции и Волыни[25]. Здесь в концентрированном виде были сформулиро-

ваны механизмы реализации национальной политики Польши в украинском вопросе. Ее цель заключалась в утверждении польского национального превосходства в юго-восточных воеводствах государства — там, где украинцы составляли этническое большинство. Внимание акцентировалось на уже испробованных ранеее методах ассимиляции украинцев: гуцулский, лемковский и полесский регионализм, шляхетская акция, ликвидация влияния греко-католической и православной церкви, внутренняя миграция и эмиграция за пределы страны. В результате реализации этой политики демографическая ситуация в Западной Украине должна была кардинально измениться в пользу поляков.

С целью разделения украинского национального организма отдельные этнографические группы в политике польских военных возвышались до уровня этносов. Так, например, начались эксперименты создания отдельного гуцульского и лемковского народов. Еще в начале 30-х гг. XX ст. в украинской Гуцульщине польская власть начала акцию создания гуцульського этноса, который провопоставляли украинцам. Правящие круги Польши обратили внимание на культурные, бытовые и языковые особенности этой этнографической группы украинского народа. Исходя из пропагандируемых эндеками концепций о существовании в Западной Украине «отдельных племен гуцулов, лемков, бойков» и т.п., была сделана попытка искусственного создания отдельного гуцульского этноса[26].

Претворением этих планов в жизнь занялось военное командование вооруженных сил Польши. На его взгляд, полонизация гуцулов, учитывая их расположение в труднодоступных горных районах и присущий им консерватизм, казалась проблематичной. Поэтому была применена тактика отделения этой этнографической группы и противопоставления ее украинцам. Следует заметить, что украинские этнографические группы в пределах Польши считались переходным элементом, который впоследствии должен был поддаться национальной ассимиляции. С этой целью 12 декабря 1933 г. было образовано Общество приятелей Гуцульщины (ОПГ), которое возглавил генерал Т. Каспжицкий[27]. Прикрываясь заботой о местном фольклоре, ремеслах и туристическом движении в Карпатах, военные вместе с воеводскими административными органами, объединившись в ОПГ, ликвидировали на Гуцульщине украинские национальные общества. На государственные деньги издавался «Гуцульский календарь», в котором гуцулы признавалось как этнос наравне с чехами, русскими и украинцами[28]. Таким образом, гуцулов искусственно возносили до уровня других славянских народов.

Значительно более широкий размах приобрела полонизационная акция на Лемковщине. Кульминацией образовательной политики стало распространение искусственного «лемковского языка»[29]. В конце 1938 г. предлагалось убрать из школ всех учителей-украинцев и заменить их поляками — отставными военными. Одновременно с процессом полонизации лемковского региона происходило усиление влияния римско-католической церкви.

Определенными особенностями обладала и политика польских властей в отношении украинцев Полесья. Население украинско-белорусского порубежья отличалось сравнительно невысоким национальным сознанием, что было следствием отдаленности от украинских культурно-политических центров. Украинцы, которые проживали в Полесье, были объявлены людьми без национальности — «тутейшими» (месными). Причем таких «тутейших», согласно переписи населения 1931 г. насчитывалось 700 тыс. человек[30]. Их предлагалось полонизировать с помощью умело проведенных колонизационных мероприятий. Орудием полонизации здесь также выступала римско-католическая церковь, а территория Полесья превращалась в арену борьбы за религиозное влияние между православием и католицизмом[31].

Православная церковь в Польше рассматривалась польской властью как фактор, содействующий формированию национального сознания украинцев. Поэтому власть начала борьбу с православием на Холмщине под предлогом ликвидации нефункционирующих религиозных объектов. Военные начали активно действовать в этом направлении в июне в 1938 г. К участию в акции были привлечены подразделения саперов, польские рабочие и молодежь. В результате было ликвидировано 127 православных объектов, в том числе 91 церковь[32]. Однако итоги акции не оправдали ожиданий властей: только 10% православных стали католиками[33].

Отдельную группу в полонизационных акциях польской власти составляли представители мелкопоместной украинской шляхты.

Несмотря на то, что их родным языком был украинский, они были объявлены поляками, которые забыли о своем происхождении. В целом в Западной Украине было «обнаружено» около 1 млн таких, якобы польских шляхтичей, которых польские военные старались приобщить к польской культуре с перспективой их полонизации[34].

Особенное внимание правительство Польши уделяло проблеме Украинской греко-католической церкви (УГКЦ), которая противостояла попыткам полонизации автохтонного украинского населения Галиции и оставалась основным фактором сохранения национального самосознания украинцев. Проводя политику «разделяй и властвуй», польская власть пыталась углубить раскол не только в украинском обществе, но и в греко-католической церкви. Старания польских чиновников были направлены, в первую очередь, на усугубление идейных расхождений между львовским митрополитом А. Шептицким и станиславовским епископом Г. Хомишиным. Митрополит отстаивал национальный характер УГКЦ. Г. Хомишин хотел еще более укрепить связи греко-католической церкви с интегральным католицизмом за счет ослабления православных влияний. Власть сочла целесообразным поддержать епископа Г. Хомишина в противовес А. Шептицкому[35].

Укрепление польского элемента в Западной Украине, по мнению военных, должно было происходить, в частности, путем увеличения сети католических костелов и подъема авторитета польского языка и культуры во всех областях общественно-политической жизни. Особое место в этих мероприятиях отводилось скоординированной деятельности польских общественных организаций на территории Восточной Галиции, которые объединились под предводительством командующих военных округов и стали орудием для реализации их планов[36].

Отмеченные тезисы военного министра впоследствии легли в основу правительственной программы Польши в украинском вопросе. В начале марта 1939 г. было принято постановление Совета министров Польши относительно укрепления польского элемента в юго-восточных воеводствах государства. По своим основным положениям постановление совпадало с тезисами генерала Т. Каспжицкого[37]. Особо хотелось бы подчеркнуть запланированные акции переселения украинцев из Галиции и Волыни. С одной стороны, это была так называемая эмиграция за границу, а с другой — внутренняя миграция. Украинцев призывали оставлять родные земли и отправляться в Южную Америку. А украинских учителей и служащих с целью их ассимиляции планировалось переселять в этнически польские земли — в центральные и западные воеводства Польши. Результатом запланированных акций должно было стать превращение западноукраинских земель в территорию с польским этническим большинством.

Начало Второй мировой войны помешало реализации польских правительственных планов в Западной Украине, которые до конца 1941 г. должны были реализоваться в этническом превосходстве поляков в этом регионе. Зато замыслы польских политиков в условиях несколько других политических реалий частично были воплощены в жизнь после войны. Парадоксально, но коммунистическая власть Польши осуществила планы «санационного» руководства, которые под предлогом борьбы с антигосударственным элементом были направлены на переселение украинцев из Лемковщины, Холмщины и Подляшья.

---

[1] **Stawiecki P.** Następcy Komendanta. Wojsko a polityka wewnętrzna Druqiej Rzeczypospolitej. Warszawa, 1969. 322 s.; **Chojnowski A.** Koncepcje polityki narodowościowej rządów polskich w latach 1921–1939. Wrocław, 1979. 262 s.

[2] **Швагуляк М.** З історії українсько-польських взаємин напередодні та під час німецько-польської війни 1939 р. // Україна-Польща: історична спадщина і суспільна свідомість. Київ: Либідь, 1993. С. 232–241; **Швагуляк М.** Українське питання в міжнародних політичних кризах передодня Другої світової війни // Вісник Львівського Університету. Серія історична. Львів: ЛНУ ім. Ів. Франка, 2000. С. 296–321.

[3] **Materski W.** Na widecie. II Rzeczpospolita wobec Sowietów 1918–1943. Warszawa: Instytut Studiów Politycznych PAN; Oficyna Wydawnicza RZTM, 2005. S. 26.

[4] **Charaszkiewicz E.** Przebudowa Wschodu Europy. Fragmenty faktów y lat 1917–1921 // Niepodległość. Czasopismo poświęcone najnowszym dziejom Polski. Tom IX (po wznowieniu). Londyn-Nowy Jork, 1974. S. 251.

[5] **Brzoza Cz.** Polska w czasach niepodleglości i II wojny światowej (1918–1945) // Wielka Historia Polski. Kraków: FOGRA; Warszawa: Świąt Książki, 2003. T. 5. S. 30.

[6] Biblioteka Polska w Paryżu (BPP). Akta Aleksandra Kawałkowskiego (AAK). Sygn. 1144. K. 18 (List J. Piłsudskiego do gen. Rozwadowskiego. Belweder, 14.II. 1919 r.).

[7] **Матвеев Г.Ф.** Предисловие российской стороны // Красноармейцы в польском плену в 1919–1922 гг. Сборник документов и материалов. М.:; СПб.: Летний сад, 2004. С. 4.

[8] Podpisanie Traktatu w Rydze. Przebieg uroczystego posiedzenie // Rzeczpospolita. Warszawa. 1921. 19 marca. №77. S. 1.

[9] BPP. AAK. Sygn. 1183. K. 142 (A. Kawałkowski. Przyczyny klęski (1964 r.)).

[10] **Кубійович В.** Західні українські землі в межах Польщі 1920–1939 (Етнографічні відношення). Чікаго; Нью Йорк, 1963. С. 26.

[11] **Bączkowski W.** Na marginesie prób tworzenia polskiej racji stanu w kwestii ukraińskiej // Biułetyń Polsko-Ukraiński. 1932. № 1. S. 11.

[12] **Lewandowski J.** "Prometeizm" — koncepcja polityki wschodniej piłsudczyzny (Część 1) // Biuletyn Wojskowej Akademii Politycznej (seria historyczna). Warszawa, 1958. № 2. S. 130.

[13] Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 308. Оп. 1. Д. 40. Л. 6 (Dyspozycja referatu o zagadnieniu prometeuszowskim. Referat opracowuje Szef Ekspozytury 2 na Konferencje u Szefa Oddziału II Sztabu Głównego w dniu 19.11.1937 r.).

[14] Centralne Archiwum Wojskowe (CAW). Oddział II Sztabu Głównego (Od. II Stz. Gł.). Sygn. I.303.4.5577. K. 3 (Biułetyń Polsko-Ukraiński); **Bączkowski W.** Problem problemów Polskich // Biułetyń Polsko-Ukraiński. 1938. № 9. 27 lutego. S. 101.

[15] **Hołówko T.** Kwestia narodowościowa w Polsce. Warszawa, 1927. S. 27.

[16] **Paprocki S.** Kwestia ukraińska. Londyn, 1949. S. 10.

[17] **Hołówko T.** Minimalny program polityki polskiej we wschodniej Galicji i na tzw. "kresach" // Droga. 1924. № 10. S. 539.

[18] **Wasilewski L.** O drogi porozumienia // Biułetyń Polsko-Ukraiński. 1932. № 2. S. 4.

[19] **Józewski H.** Życie konspirowane // Karta. Warszawa, 1991. № 5. S. 56.

[20] **Соляр І.** Консолідаційні процеси національно-державницьких сил Західної України (1923–1928). Львів: Інститут Українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України, 2010. С. 116.

[21] Archiwum Akt Nowych (AAN). Ministerstwo Spraw Zagranicznych (MSZ). Sygn. 5321. K. 118a–118b (Prof. Dr Olgierd Górka — sekretarz generalny I. W. Pro memoria. Instytut Wschodni do WW MSZ na ręce WDyrektora T. Kobylańsliego 20.II.1939 p.).

[22] **Зашкільняк Л.** Українсько-польське порозуміння 1935 р. (за матеріалами архіву Я.С. Лося) // Проблеми слов'янознавства. Львів, 1996. Вип. 18. С. 48–62.

[23] **Mackiewicz S.** (CAT). Historia Polski od 11 listopada 1918 r. do 17 września 1939 r. Łódż, 1941. S. 263.

[24] Державний архів Івано-Франківської області (ДАІФО). Ф. 2. Оп. 1. Спр. 1305. Арк. 76.

[25] Центральний державний історичний архів України у Львові (ЦДІАУЛ). Ф. 442. Оп. 1. Спр. 45.

[26] **Giertych J.** O program polityki kresowej. Warszawa, 1932. S. 118.

[27] ДАІФО. Ф. 2. Оп. 1. Спр. 1574. Арк. 9.

[28] Гуцульський календар за 1935 рік. 1935. С. 81.

[29] Biblioteka Narodowa w Warszawie (BN). Rękopisy Ukraińskie (RU). Ukraińskie Narodowo —Demokratyczne Objednannia. Sygn. mf. 71931. K. 8.

[30] Drugi powszechny spis ludności z dn. 9 grudnia 1931 r. Województwo Poleskie. Warszawa, 1938. S. 20.

[31] **Tomaszewski J. Z** dziejów Polesia 1921–1939. Zarys stosunków spoleczno-ekonomicznych. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1963. S. 149–151.

[32] CAW. Dowództwo Okręgu Korpusu II (DOK II). Sygn. I.371.2.173. K. 32.

[33] **Stawiecki P.** Następcy Komendanta. Wojsko a polityka wewnętrzna Drugiej Rzeczypospolitej. Warszawa: Wydawnictwo Ministerstwa Obrony Narodowej, 1969. S. 196.

[34] AAN. Komitet do spraw Szlachty Zagrodowej na Wschodzie Kraju. Sygn 1. K. 8.

[35] Warszawski Dziennik Narodowy. 1935. 15 lut.; **Łubieński H.** Kościół Greko-Katolicki w województwach południowo wschodnich // Sprawy Narodowośćiowe. Warszawa, 1934. № 5–6. S. 537–555.

[36] AAN. Prezydium Rady Ministrów (PRM). Syqn. 64–17. K. 53.

[37] Ibid. Sygn. 148–264. K. 392–396.

Дмитрий Толочко

Проблема беженцев из Польши в советско-германских отношениях (сентябрь 1939 – июнь 1940 гг.)

В истории XX века есть немало «трудных» тем, к числу которых, безусловно, относится все, что связано с переделом Европы накануне и в ходе Второй мировой войны. Одной из недостаточно изученных проблем является вопрос о беженцах из Польши в БССР в советско-германских отношениях в течение сентября 1939 — июня 1940 гг.

1 сентября 1939 г. произошло вторжение войск фашистской Германии в Польшу. Одновременно с этим тысячи беженцев, в основном еврейской и в меньшей степени польской национальности, двинулись из центральных и западных районов Польши на восток страны, в том числе на территорию Западной Украины и Западной Беларуси. О масштабах бегства населения Польши свидетельствует, в частности, фрагмент из письма Я. Говорской (непосредственной очевидицы указанных событий): «Весь край был в походе на восток. В этом непрерывном потоке беженцев, бежавших от немцев, были и дети, и грудные младенцы, которые попросту умирали с голоду, так как ничего нельзя было купить»[1]. Корреспондент газеты «Чырвоная змена» В. Ильянков, побывавший в конце сентября 1939 г. в районе Белостока, был поражен количеством беженцев, идущих с немецкой территории[2].

17 сентября 1939 г. началась военная операция Красной Армии. В этой связи большинство польских беженцев бросилось из Западной Украины и Западной Беларуси на территорию, занятую Германией, а некоторая часть — в Румынию и Литву. Однако и оставшихся в западных областях Беларуси беженцев было достаточно для того, чтобы значительно увеличить численность населения региона. Более того, как отмечает израильский исследователь Д. Левин, вступление в Польшу регулярных войск Красной Армии стало мощным стимулом для многих польских евреев, кто еще оставался в западных и центральных районах страны, к бегству на восток. Именно с советской властью эти люди связывали свои надежды на будущее[3].

Подавляющее большинство беженцев составляли представители еврейской национальности. Это обстоятельство было обусловлено несколькими причинами. Во-первых, евреи занимались не сельским хозяйством, а главным образом, ремеслом и торговлей, в связи с чем они легко становились на путь беженства. Во-вторых, немалую роль здесь сыграла политика немецких властей по отношению к еврейскому населению. Так, в сообщениях беженцев, прибывших с оккупированной Германией территории Польши, приводятся такие факты: «Почти все 100% евреев безработные. С нового года евреям не будет выдаваться право на промышленные патенты. Евреев избивали, ловили и ежедневно направляли на работу… из одного дома арестовали 53 еврея и всех расстреляли за то, что еврей-спекулянт из этого дома убил полицейского. В городке Гарболина приказали 30 евреям выкопать себе могилу, после чего их расстреляли… » (письмо П. Варгафтер, г. Белосток). В письме бывшей политзаключенной П. Кварта читаем следующее: «В последнее время гитлеровцы вывезли из Калиша почти все еврейское население в закрытых вагонах в неизвестном направлении, разделяя жен от мужей, детей от родителей. Вид этих людей ужасающий…»[4]. В докладной записке «О положении дел на границе и в пограничной полосе» секретаря Брестского обкома Киселева отмечалось: «Немецкие власти издеваются над еврейским населением, выгоняют из городов и местечек, старикам обрезают бороды, запрещают ходить по улицам и заниматься какой-либо торговлей. Кроме того, евреев используют на черновых работах по очистке городов»[5].

Следует отметить, что на сегодняшний день существует несколько определений понятия «беженец». Одно из них более широкое и используется чаще всего в обыденной речи. В этом случае оно означает всех, кто стремится спастись от обстоятельств естественного или личного характера. Причин для беженства может быть множество: угроза для жизни

или свободы, война или гражданский конфликт, стихийные бедствия, голод и прочее[6].

В области международного права государства ограничили содержание понятия «беженец». В этом случае под «беженцем» понимается лицо, которое «в силу вполне обоснованных опасений стать жертвой преследования по признаку расы, вероисповедания, гражданства, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений находится за пределами страны своей гражданской принадлежности не может или не желает пользоваться защитой этой страны вследствие таких опасений, или, не имея определенного гражданства и находясь вне страны своего предыдущего проживания в результате подобных событий, не может или не желает вернуться в нее вследствие таких опасений»[7]. Из категории беженцев исключаются лица, которые скрываются от правосудия за совершение преступлений. В это понятие не входят также «экономические беженцы», то есть лица, которые оставляют свою страну добровольно в поисках лучшей жизни. Указанное определение понятия «беженец» в международном праве впервые было зафиксировано в Конвенции 1951 г. о статусе беженцев и Протоколе 1967 г., касающегося статуса беженцев. В этих документах были также предусмотрены обязательства для государства, куда прибыли беженцы, по обеспечению их работой, жильем, недопустимости какой-либо дискриминации и т.д.[8]

В 1939 г. универсального определения понятия «беженец» в международном праве не существовало. В период с 1921 по 1939 гг. в рамках деятельности Лиги Наций был принят ряд соглашений и конвенций, в которых были только сделаны попытки сформулировать определение понятия «беженец», выработать необходимые мероприятия по защите этих лиц. Среди принятых документов можно выделить: Соглашение о выдаче удостоверений личности русским и армянским беженцам, подписанное в Женеве в 1926 г.; Конвенцию о международном статусе беженцев (1933 г.); Конвенцию о статусе беженцев, прибывающих из Германии (1938 г.) и другие[9].

В указанных документах при определении беженцев был использован категориальный или групповой подход, то есть в число лиц, которые могли считаться беженцами, попадали только лица определенной национальной группы. Например, согласно Соглашению о выдаче удостоверений личности русским и армянским беженцам 1926 г., к беженцам относились лица русского происхождения, «которые не пользовались, либо более не пользуются защитой правительства Союза Советских Социалистических Республик и которые не приобрели иного гражданства». Второй пункт указанного соглашения относил к числу беженцев лиц армянского происхождения, прежде являвшихся подданными Оттоманской империи.

Начало Второй мировой войны оттеснило проблему беженцев на второй план. Никаких принципиальных изменений в характере международной миграционной политики не произошло[10]. Исходя из этого, можно констатировать, что лица, стремившиеся покинуть оккупированную Германией Польшу, согласно действующему на тот период международному праву, не могли быть отнесены к категории беженцев. Это объясняется следующим. Исходя из Конвенции о статусе беженцев, прибывающих из Германии в 1938 г., беженцами считались лица, «обладающие или обладавшие германским гражданством и не обладающие каким-либо иным гражданством, в отношении которых установлено, что они не пользуются, по закону или фактически, защитой германского правительства», либо «лица без гражданства… которые покинули германскую территорию после того, как поселились на ней, и в отношении которых установлено, что они не пользуются, по закону или фактически, защитой германского правительства»[11]. Согласно нормам международного права, проигранная война и оккупация территории не являются концом государства. В случае с Польшей, подвергшейся нападению Германии, непрерывно существовало конституционное правительство, по-прежнему признанное международным сообществом. Следовательно, формально люди покидали территорию Польского государства, хотя и оккупированную Германией, оставаясь при этом гражданами Польши. Это позволяет утверждать, что, исходя из действовавшего на тот период международного права, беженцами они не являлись. Следовательно, никакие гарантии со стороны принимающих их государств на них не распространялись.

В официальных советских и партийных документах того времени (спецсводках, докладных, отчетах) мы регулярно сталкиваемся с понятиями «беженцы из оккупированной Германией Польши, беженцы из бывшей Польши». Исходя из текста документов,

можно констатировать, что официальные власти СССР включали в эту категорию тех, кто до сентября 1939 г. постоянно проживал в центральных и западных районах Польши и в Литве, а затем в силу различных причин оказался на территории, отошедшей в сферу влияния СССР. В этом контексте мы и будем рассматривать эту категорию населения в настоящей работе.

В советско-германских отношениях по вопросу беженцев можно выделить два этапа. Первый охватывал период с 28 сентября по 25 декабря 1939 г. 28 сентября 1939 г. был подписан советско-германский договор о дружбе и границах. В соответствии с ним произошел раздел Польши между договаривающимися странами. Уже в доверительном протоколе к отмеченному договору указывалось, что правительство СССР берет на себя обязательство не препятствовать лицам немецкого происхождения в их желании переселиться в Германию. Аналогичные обязательства в отношении украинцев, белорусов и русских брала на себя немецкая сторона[12].

Активную роль в переселенческом процессе сыграло Переселенческое управление при СНК СССР, которое к середине октября подготовило и внесло на рассмотрение в СНК СССР предложения по штатам и по количеству и местам расположения уполномоченных по переселению, были регламентированы их служебные обязанности и права[13]. Во время подготовки этих предложений Е.М. Чекменев (руководитель управления) активно проводил консультации с правительством Беларуси. Более того, было даже проведено специальное совещание по этому вопросу в Белостоке с представителями Временных управлений городов и районов западных областей Беларуси. В этой связи он сообщал зам. наркому иностранных дел А. Вышинскому следующее: «Предложенный мной проект инструкции согласован с СНК БССР, а также с секретарем ЦК КП(б)Б т. Кулагиным. Кроме того, проект инструкции был проработан на совещании руководителей Временных управлений в г. Белостоке. Все замечания учтены»[14]. Подготовленные Переселенческим управлением документы были рассмотрены и 21 октября 1939 г. утверждены постановлением СНК СССР[15].

В развитии этого постановления 16 ноября 1939 г. по итогам переговоров в Москве было подписано межправительственное соглашение об эвакуации украинского, белорусского, русского и русинского, а также немецкого населения с территории бывшей Польши. Документ не был опубликован ни в СССР, ни в Германии и носил, по сути, секретный характер. Он состоял из 23 пунктов — статей, в которых подробно была расписана процедура переселения. Так, в первом пункте указывалось следующее: «Обе Договаривающиеся стороны обязуются при подписании настоящего Соглашения <…> приступить к эвакуации всех граждан украинской, белорусской, русской и русинской национальностей, проживающих на территории бывшей Польши и в настоящее время находящихся в границах государственных интересов Германии, а также граждан немецкой национальности, проживающих на территории бывшей Польши и в настоящее время находящихся в сфере интересов Союза ССР»[16]. В этой связи можно согласиться с утверждением российского исследователя Г.В. Костырченко о том, что советское руководство мало интересовала судьба польских евреев, следствием чего и явилось принятие указанного документа, в котором оговаривалось только перемещение русского, белорусского и украинского населения[17]. В соглашении отмечалось, сколько и каких вещей мог взять с собой переселенец, количество денег, драгоценных металлов и прочее.

Для проведения переселения в середине октября 1939 г. была создана совместная советско-германская комиссия по переселению. С немецкой стороны ее возглавил советник посольства Германии в СССР Ф. Твардовский, с советской — бывший нарком иностранных дел М.М. Литвинов[18]. Эвакуация должна была начаться с момента подписания соглашения (16 ноября 1939 г.) и продолжаться до 1 марта 1940 г. В десятидневный срок желающие переселиться подавали в комиссии заявления, которые рассматривались уполномоченными. В результате положительного решения заявления должны были утверждаться главными уполномоченными. В Западной Беларуси уполномоченные размещались в Гродно, Бресте, Барановичах, Новогрудке, Белостоке. По советским представлениям, в СССР могли переселиться около 1 млн человек. Германская сторона готовилась принять порядка 70 тыс. фольксдойче[19].

Следует отметить, что советское Переселенческое управление первоначально не представляло, сколько в действительности человек желает переселиться в СССР с тер-

ритории, которая «вошла в сферу интересов Германии». Например, Е.М. Чекменев в начале ноября докладывал А. Вышинскому, что «по предварительным данным советских представителей, количество населения, которое подлежит эвакуации, определяется в миллион человек. Данных о составе населения по роду занятий комиссия не имеет». Из каких источников Чекменев взял цифру «в один миллион человек» стало известно из другой его записки, направленной Вышинскому в конце октября 1939 г. Глава Переселенческого управления отмечал: «Советская делегация в комиссии дает различные цифры: от 524 тысяч до 2 миллионов человек. Переселенческим управлением грубо ориентировочно был взят один миллион человек и на это количество проведен расчет»[20].

Непосредственная деятельность представителей немецкой стороны советско- германской смешанной комиссии на территории Беларуси началась в начале декабря 1939 г. Как свидетельствуют документы Национального архива Республики Беларусь (НАРБ), 4 декабря 1939 г. в Белостокскую область прибыл из Германии районный уполномоченный вместе с территориальными уполномоченными — всего 30 человек. Они немедленно начали работу по регистрации лиц, изъявивших желание выехать за пределы СССР.

Органы НКВД БССР вели за немцами тщательную слежку. В НАРБ хранятся десятки донесений, направленных органами НКВД высшему партийному руководству страны. Приведем фрагмент одного из них: «По данным агентуры, наружного наблюдения, а также путем личного соприкосновения с немцами установлено, что в Белостоке в составе смешанной комиссии с германской стороны имеются представители гестапо и члены фашисткой партии, и имеющие опыт разведывательной работы. Указанные факты свидетельствуют, что немецкие представители пытаются использовать все возможности для ведения шпионажа. Например, напротив дома бывшей ратуши один из них встречался с женщиной, которая передала ему какой-то сверток. Кроме того, они массово скупают советскую литературу: брошюры, постановления советского правительства, полевой устав артиллерии, пехоты и др…»[21].

Следует отметить, что среди желающих покинуть советскую территорию было немало представителей польской национальности. «В комиссию массово являются поляки, которые требуют вывоза в Германию, при этом высказывают резкое недовольство советской властью». Так, например, в комиссию явился Бельский и в присутствии наших представителей заявил: «Сердце мое во время войны было за немцев. Если Вы меня не возьмете, я нелегально уйду в Германию, так как не терплю большевиков». Некий Журбовский так объяснил свое желание выехать в Германию: «Я крестьянин, а в Германии много земли, там мне дадут землю и я заживу хорошо». В документах органов НКВД отмечалось, что немцы проявляют значительный интерес «к полякам, являющимся в комиссию и заявляющим о своем желании поехать на жительство в Германию. Они тщательно записывают таких лиц, их родственников и местожительство»[22].

Советские уполномоченные прибыли к местам назначения 20–22 ноября 1939 г. Тем не менее вплоть до конца декабря месяца они так и не приступили к своей непосредственной работе из-за «отсутствия данных об общей численности лиц, которые подлежат эвакуации и обустройству»[23].

Как нами было отмечено выше, изначально советская сторона намеревалась принять порядка 1 млн переселенцев. Более того, 26 ноября 1939 г. бюро ЦК КП(б)Б даже направило руководству западных областей республики письмо, в котором предложило «разработать план размещения эвакуируемых в промышленности и сельском хозяйстве, подготовить имеющийся жилой фонд»[24]. Впоследствии, как свидетельствует докладная записка, направленная наркому иностранных дел СССР В.М. Молотову со стороны руководства смешанной комиссии от 24 января 1940 г., советская сторона пересмотрела свое решение и согласилась принять только 20 тыс. человек[25].

Такая позиция советского руководства, на наш взгляд, объяснялась сложной экономической и санитарно-эпидемиологической обстановкой в западных областях БССР и УССР в связи с наличием здесь значительного количества беженцев. Вот типичная картина, которая наблюдалась в пограничных городах Западной Беларуси в конце 1939 г. «…Беженцев так много, что все вокзалы крупных городов заняты ими. В Белостоке, где мне приходилось проезжать, весь вокзал занят беженцами. Целые семьи с малыми детьми по несколько суток сидят на вокзале. В одной синагоге находится 5 тысяч беженцев. Живут

в ужасных антисанитарных условиях, в поездах полно беженцев, беженцы идут во всех направлениях. В городе Белостоке на толкучке беженцы продают одежу и другие личные вещи, покупают продукты питания...» — отмечалось в докладной записке некого Проковича в ЦК КП(б)Б[26]. Аналогичная ситуация наблюдалась и в других городах Западной Беларуси. Например, в Бресте в ожидании отправки в Германию к 19 ноября 1939 г. насчитывалось 20 тыс. человек. Положение с беженцами, согласно докладной начальника погранвойск НКВД Белорусского округа Богданова в ЦК КП(б)Б, было угрожающим. Среди них фиксировались случаи заболевания тифом, около 2 тыс. человек находились по открыты небом, ежедневная смертность достигала 4–5 человек. 18 ноября 1939 г. толпа беженцев в количестве 200 человек, преимущественно женщин и детей, собралась у здания временного управления города Бреста и требовала отправки через границу, мотивируя это тем, что она не имеет одежды, обуви и других средств к существованию[27]. Можно привести и другие примеры. По нашим данным, только на территории Западной Беларуси к концу 1939 г. могло находится не менее 100 тыс. беженцев. Разумеется, прибытие в регион дополнительной массы эвакуируемых могло только усложнить ситуацию.

Согласно данным белорусского исследователя В.Е. Снапковского, из оккупированной Германией территории Польши в БССР выехало около 15 тыс. белорусов[28]. К концу 1939 г. германская сторона сумела вывезти из Беларуси 5 462 человек. Из них немцы составляли — 5 335, поляки — 108, украинцы — 10, русские — 8, чехи — 1[29]. Следует отметить, что поляки, украинцы и другие были вывезены в обход соглашения от 28 сентября 1939 г., которое предусматривало эвакуацию в Германию только представителей немецкой национальности.

Отдельно хотелось бы отметить ситуацию с еврейскими беженцами. К концу октября 1939 г. на приграничной с СССР территории Германии находились тысячи еврейских беженцев, стремившихся любой ценой попасть в число эвакуированных.

Однако СССР совсем не был заинтересован в этом контингенте. Вот как описывал эту ситуацию один из очевидцев: «Зимой 1939–1940 года вдоль всего течения Буга разыгрывались невообразимые сцены. На двухкилометровой нейтральной полосе вдоль Буга в течение декабря, января, февраля и марта — под голым небом, на ветру и морозе, под снегопадом располагались толпы бедолаг... Иногда ночью от бесформенной массы людской толпы отрывалась какая-нибудь тень, пробегала заснеженным полем несколько сот метров и, пойманная в луч прожектора с советской стороны, падала лицом в снег под пулеметной очередью»[30].

17 октября 1939 г. уже упомянутый нами Ф. Твардовский докладывал в Берлин о позиции представителей советской комиссии, которые заявляли, что «заинтересованы в переселении только украинского и белорусского пролетариата и широких масс, а не богатеев и евреев». 21 октября 1939 г. по итогам первого дня заседания советско-германской смешанной комиссии представители немецкой делегации сделали вывод, что «советскую делегацию не интересует судьба евреев»[31]. Подтверждением тому является также документ, обнаруженный российским историком П.М. Поляном в Российском государственном архиве социально-политической истории. Это письмо начальника Переселенческого управления при СНК СССР Е.М. Чекменева В.М. Молотову от 9 февраля 1940 г. В нем Чекменев отметил, что со стороны Берлинского и Венского переселенческих бюро были получены два письма, в которых предлагается переселить еврейское население из Германии в СССР, конкретно — в Биробиджан и Западную Украину. Автор подчеркивал, что указанные предложения не могут быть приняты, так как «по соглашению Правительства СССР с Германией, эвакуируются лишь украинцы, белорусы, русины и русские»[32].

Немецкие власти пытались переправлять еврейских беженцев под видом лиц украинской национальности. Однако сотрудники советской смешанной комиссии отказывались их принимать. Эта позиция советской стороны объяснялась различными обстоятельствами. Но главным, на наш взгляд, было то, что в западных областях УССР и БССР уже находились десятки тысяч беженцев из Польши, которые в значительной мере осложняли социально-экономическую и санитарно-эпидемиологическую обстановку в регионе.

Не имея возможности попасть в число эвакуированных, еврейские беженцы из Польши пытались самостоятельно пересечь советско-германскую границу. Немецкие власти со своей стороны не чинили препятствий для этого.

В данной связи нам хотелось бы привести фрагмент из воспоминаний И. Гальперина, который зимой 1939 г. нелегально перешел советско-германскую границу и оказался в Западной Беларуси. «Мы вышли в группе, состоявшей из десяти мужчин и женщин. Уже через несколько минут заметили двух немецких солдат, которые, улыбаясь, дожидались нас возле дома в конце деревни. Проводник сразу скрылся (не был ли это уговор?), а эти двое вежливо пригласили войти в дом для проверки вещей. Я понял, что они намереваются ограбить нас, и остался сзади. Пока солдаты были заняты распределением вещей первых жертв, я незаметно спрятал свои карманные часы, подарок, который получил в день моей бар-мицвы, под шкафом при входе в комнату. Они забрали у меня только одну рубашку. При выходе я сумел незаметно вернуть свои часы… Копель и Мотуния (одни из участников этого перехода. — Д.Т.) пошли искать другого проводника. Через час они вернулись довольные и рассказали, что на этот раз цена, правда, в два раза выше, но зато проводник кажется более надежен и к тому же основная часть платы будет передана ему только на той стороне границы. Теперь мы шли группой из двадцати человек… После часа медленной ходьбы мы неожиданно наткнулись на двух советских солдат. Они остановили нас и о чем-то спросили. Проводник перевел: "Они хотят знать, если ли у кого-нибудь оружие?". Ответ не удовлетворил их, они проверили несколько рюкзаков и потом приказали нам вернуться. Проводник пытался подкупить их бутылкой спирта, но напрасно. Мы вернулись назад примерно на сто метров и стали ждать. Небо было облачным, тьма абсолютной. После того как солдаты ушли, мы снова пошли вперед, но гораздо быстрее…»[33].

Руководство советских пограничных войск, начиная с сентября 1939 г., неоднократно обращалось к германской стороне с просьбами прекратить массовый переход беженцев на территорию СССР. Так, в сентябре 1939 г. на переговорах между представителями пограничных ведомств СССР и Германии со стороны начальника отдела Владимира Волынского было заявлено следующее: «В настоящее время германская пограничная охрана не препятствует массовому переходу на советскую территорию беженцев и пленных... Прошу господина представителя запретить незаконный переход границы, в противном случае я буду вынужден передать этот вопрос на рассмотрение НКИД». На это представитель германской стороны ответил следующее: «Мы не можем договориться с местным населением, а стрелять в переходящих границу нам запрещено, кроме того, у нас мало людей, поэтому мы не можем предотвратить переход границы. Если Ваши пограничники будут стрелять, то перехода не будет. Мы не запрещаем перехода в нашу сторону, но к нам переходов почти нет, а от нас идет действительно много. Я прошу передать нам часть перебежчиков, я их накажу, и они больше ходить не будут… Я приму все меры к предотвращению нарушения границы»[34].

Однако немецкие власти не только не препятствовали переходу беженцев на советскую сторону, но и пытались всеми средствами содействовать этому. В качестве примера можно привести фрагмент из сообщения начальника штаба Верховного Главнокомандования вооруженных сил Германии В. Кейтеля: «Выдворение евреев на русскую территорию происходило не так гладко, как, вероятно, ожидалось. На деле практика была, например, такой: в тихом месте в лесу тысяча евреев была выдворена за русскую границу; в 15 километрах (от этого места) они снова вернулись к границе вместе с русским офицером, который пытался заставить немецкого (офицера) принять их обратно»[35].

На наш взгляд, эта политика преследовала следующие цели. Во-первых, под видом беженцев они пытались перебросить на советскую сторону своих разведчиков. Об этом, в частности, сообщали партийному руководству БССР представители НКВД республики. Так, 9 января 1940 г. в Минске был задержан Зарембский, обвиненный в том, что занимался сбором сведений о состоянии фабрик и заводов СССР[36]. П.К. Пономаренко (в 1938–1947 гг. первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии) в своих мемуарах отмечал следующее: «С октября 1939 года по декабрь 1940 года по западной границе было обезврежено более пяти тысяч вражеских агентов. С приближением войны их число возрастало: в первом квартале 1941 года — в 15–20 раз по сравнению с первым кварталом 1940 года. Как правило, это были профессиональные разведчики, в большинстве своем снабженные оружием, боеприпасами, радиостанциями»[37]. Однако хотелось бы отметить, что ряд дел по обвинению беженцев в шпионской деятельности был просто-напросто сфабрикован

органами НКВД. Так, в Центральном архиве КГБ Республики Беларусь нами было найдено дело беженца из Литвы Т. Кузмиша. Ему было предъявлено обвинение в шпионаже, в дальнейшем он был приговорен к 15 годам исправительных работ. На допросе обвиняемый показал, что был завербован немецким полковником с целью сбора информации о грузоподъемности мостов на реке Днепр, состоянии шоссейных дорог и т.д. При этом на последующих допросах выяснилось, что он неграмотен. Это, а также другие данные, как отмечалось в протесте о порядке надзора в отношении обвиняемого от 31 марта 1994 г., «заставляет усомниться в его умственной полноценности»[38].

Во-вторых, такого рода действиями немецкие власти пытались ослабить социально-экономическую напряженность в пограничных с СССР регионах, которая была вызвана большим наплывом сюда беженцев.

Российский исследователь С.З. Случ отмечает, что к середине декабря 1939 г. подобным образом немецкой стороной было переправлено более 5 тыс. беженцев[39]. К сожалению, историк не приводит ссылки на источник. В нашем распоряжении также отсутствуют документы, которые могут подтвердить или опровергнуть эти цифры. Очевидно одно: такого рода факты приобрели столь массовый характер, что вынудили вмешаться высшее руководство СССР.

17 декабря 1939 г. заместитель наркома иностранных дел СССР В.П. Потемкин во время официальной встречи с послом Германии в СССР В. Шуленбургом высказал свое возмущение многочисленными случаями насильственной переброски германскими военными беженцев еврейской национальности. «Я (Потемкин. — Д.Т.) пригласил Шуленбурга, чтобы сообщить ему о ряде случаев насильственной переброски через границу на советскую территорию значительных групп еврейского населения. Я отметил, что при попытках обратной переброски этих людей на германскую территорию германские пограничники открывают огонь, в результате чего десятки людей оказываются убитыми». Затем Потемкин потребовал посла немедленно связаться с Берлином, «чтобы оттуда германскому командованию были даны распоряжения немедленно прекратить указанные действия»[40].

Однако вплоть до января 1940 г. немецкая сторона продолжала, хотя и с меньшим размахом, осуществлять указанные мероприятия. Свидетельством тому является беседа наркома иностранных дел СССР В.М. Молотова с В. Шуленбургом от 25 января 1940 г. Здесь Молотов, в частности, упомянул о необходимости прекращения насильственного перемещения еврейских беженцев на территорию СССР. В ответ Шуленбург заверил министра, «что по его представлению, германским властям даны указания не допускать подобного»[41]. В дальнейшем такого рода действий со стороны немецких властей в источниках не фиксируются. Более того, к концу февраля 1940 г. была закончена демаркация советско-германской границы. После этого, как отмечали беженцы, «граница была полностью перекрыта и нелегальные поездки стали невозможны».

Не имея возможности разместить и трудоустроить всех беженцев из Польши, руководство СССР посчитало возможным переправить их в Германию. 25 декабря 1939 г. эта проблема была обсуждена в Москве на встрече В.П. Потемкина с советником посольства Германии в СССР В. Типпельскирхом. Г.В. Костырченко утверждает, что указанное перемещение инициировала немецкая сторона[42]. Данный тезис кажется нам несостоятельным.

Подтверждением тому служит текст беседы В.М. Молотова с В. Шуленбургом, опубликованный в очередном томе «Документов внешней политики». Молотов от имени руководства СССР предложил Германии вывезти из пределов западных областей страны порядка 60 тыс. беженцев. В качестве основной причины указывалось, что «наплыв беженцев причиняет большие затруднения СССР»[43]. Немецкая сторона была вынуждена согласиться. Исходя из тех условий, которые она при этом выдвинула, можно констатировать, что это согласие было вызвано целым рядом причин. Во-первых, руководство Германии рассчитывало, прежде всего, переселить тех этнических немцев, которые еще не успели эвакуироваться с территории СССР. Во-вторых, возвратить в Германию арестованных лиц немецкой национальности, которые находились в заключении на территории Западной Украины и Беларуси, а также семьи польских чиновников, «ныне работающих на территории, находящейся в сфере германских интересов». Принятое решение гласило, что в ближайшее время с советской стороны будут вывезены 60 тыс. беженцев, а

с германской — 14 тыс. В числе перемещенных из Германии лиц руководство СССР намеревалось принять прежде всего белорусов, украинцев, русских, то есть лиц, которые не успели эвакуироваться согласно соглашению от 16 ноября 1939 г. Но, как свидетельствуют немецкие источники, значительная часть их не желала переселяться[44].

Таким образом, с января 1940 г. в советско-германских отношениях по проблеме беженцев из Польши начинался новый этап, который продолжался до 5 июня 1940 г. Так, 29–31 марта 1940 г. в Кракове находились представители советской контрольно-пропускной комиссии по эвакуации беженцев. Советская комиссия состояла из 3 человек: В.С. Егнарова, И.И. Невского и В.Н. Лисина. В задачи делегации входило обсуждение ряда вопросов, связанных с организацией обмена беженцами, и подписание с представителями германской стороны соответствующего протокола. Партнерами советской стороны выступали губернатор Краковской области О.Г. Вехтер, являвшийся председателем Германской главной комиссии, его заместитель Г. Фладе и два представителя министерства иностранных дел Германии. Подписанный 29 марта 1940 г. протокол являлся, по сути, дополнением к соглашению от 16 ноября 1939 г. Только на этот раз в документе речь шла не об эвакуированных, а о беженцах. Под беженцами понимались лица, которые «в 1939 г. находились на работе (вне родных мест) и в результате военных действий оказались отрезанными от своего постоянного места жительства, своих семей и своего имущества». Кроме того, сюда включались также те, кто находился вне родных мест на учебе или в отпуске. Эта категория населения по желанию могла быть эвакуирована на место своего постоянного проживания[45].

Такое половинчатое толкование понятия «беженец», на наш взгляд, было обусловлено нежеланием немецкой стороны принимать беженцев, в первую очередь, еврейской национальности, то есть тех, кто оказался «вне своих родных мест», просто-напросто спасая свою жизнь. Любопытно отметить, что, начиная с января 1940 г., зарегистрироваться на выезд из СССР стремилось значительное число еврейских беженцев. Надо сказать, что подобная, во многом парадоксальная, ситуация имела свои веские основания. Она объяснялась отсутствием у значительной части из них работы, жилья, желанием воссоединиться с семьями. Беженцы из западных областей БССР вели активную переписку с родственниками, знакомыми, которые остались на территории бывшего Польского государства. Последние нередко сообщали в письмах, что «жизнь при нацистской оккупации не так уж страшна»[46].

Так, один из свидетелей тех событий Ю. Блюменстраух отмечал: «Если евреи бегут из страны, где свобода, равенство и счастье, под нож гестапо, то наверное, нет необходимости добавлять, что в этом раю им было во сто раз хуже, чем у явного врага — немца. Полагаю, что любые объяснения излишни. Хотелось бы привести маленький фактик. Когда во Львов, Владимир и Брест прибыли немецкие комиссии для реализации выезда за Буг, именно массы добровольцев-евреев сотнями и тысячами прославляли Германию и Гитлера. Только представьте себе толпы евреев кричащих: “Да здравствует Гитлер!”». Другой свидетель Х. Хедес писал: «Во время регистрации, по нескольку часов в очереди, я наконец получил карточку на выезд, что тогда воспринималось как счастье. Один немецкий офицер обратился к толпе евреев и спросил: “Евреи, куда вы едете? Вы что не понимаете, что мы вас убьем?”» Г. Шухман, зубной техник, замечал: «Началась регистрация беженцев, затем открылась советско-немецкая комиссия, которая должна была выслать всех беженцев в Германию. Часть беженцев уехала, часть осталась и устроила манифестацию, чтобы Красная Армия пропустила их в немецкую зону»[47]. «У пункта регистрации желающих вернуться стояли огромные очереди. Когда я подошел туда, мне стало больно: ведь главным образом очередь состояла из еврейского населения», — отмечает в своих воспоминаниях Н.С. Хрущев[48]

Между тем немецкие власти вовсе не стремились принимать еврейских беженцев. Об этом они говорили без обиняков: «О возвращении еврейских беженцев на территорию Германии не может быть и речи». Обоснование было следующим: «С точки зрения Германии, при рассмотрении еврейского вопроса мы имеем дело не с принадлежностью людей к определенной национальности, а с их принадлежность к определенной религии и расе»[49]. Представители германской делегации отмечали, что эти люди с вечера занимали очередь, пытаясь получить разрешение на выезд. Зимой 1940 г. без еды, на лютом морозе многие не выдерживали, с

некоторыми случались обмороки. Попав на прием и узнав, что из-за своей национальной принадлежности они не подлежат эвакуации, мужчины и женщины падали на колени и просители представителей германской делегации разрешить им выезд. Только в городе Бресте немецкие власти отказались принять около 1 500 еврейских беженцев[50].

Однако документы свидетельствуют, что части еврейских беженцев все же удалось покинуть пределы СССР. Некоторые проходили под видом лиц польской национальности. По свидетельству Н.С. Хрущева некоторые еврейские беженцы даже давали представителям немецкой комиссии взятки. Последние охотно их брали и переправляли беженцев на территорию Польши, отошедшую к Рейху.

Г.В. Костырченко указывает, что количество переправленных в немецкую зону влияния еврейских беженцев равнялось 25 тыс. человек. К сожалению, историк не приводит ссылку на соответствующий источник. В этой связи более точной нам представляется другая цифра — 14 тыс. человек. Эти данные были представлены Министерством иностранных дел Германии[51].

Кроме того, согласно этому же документу, в период деятельности смешанной комиссии по переселению беженцев около 164 тыс. человек записались на выезд в Германию. Очевидно, что все они беженцами (то есть лицами, которые до сентября 1939 года постоянно проживали в центральных и западных районах Польши, Литве, затем, в силу различных причин, оказались на территории, отошедшей в сферу влияния СССР) не являлись. Это можно объяснить следующим образом. Часть беженцев из западных областей УССР и БССР к этому времени уже была направлена в восточные регионы Украины, Беларуси, на Донбасс, часть согласилась принять советское гражданство. В этой связи в западных областях УССР и БССР просто не могло находиться такое количество беженцев, желающих выехать в Германию.

Покинуть территорию СССР стремилось значительное число поляков. Тысячи из них, опасаясь репрессий со стороны советских властей, стремились попасть в число переселенцев. Формально, исходя из текста соглашения от 29 марта 1940 г., значительная часть их не могла быть эвакуирована. Это было связно с тем, что ранее эти люди являлись уроженцами западных областей Украины и Беларуси. Вместе с тем документы свидетельствуют, что большинству поляков, записавшихся на выезд из СССР, удалось покинуть страну. Например, немецкой комиссией, работавшей в Перемышле, было отобрано и направлено в Германию 26 556 человек, из которых подавляющее большинство — 90-98% — составили поляки[52]. Это было связано с тем, что германская сторона, взяв на себя обязанность эвакуировать из СССР 60 тыс. человек, просто-напросто не могла найти такого количества лиц немецкой национальности, а также поляков, кто ранее постоянно проживал в западных и центральных районах Польши. Поэтому комиссия была вынуждена переселять также поляков — уроженцев западных областей Украины и Беларуси. Кроме того, последние нередко доставали документы с подложными сведениями относительно места рождения[53].

Первоначально закончить работу по переселению беженцев планировалось к началу мая 1940 г. Однако к указанному сроку с немецкой стороны было эвакуировано 13 319 человек, с советской — 40 тыс. Это объяснялось в первую очередь желанием немцев максимально продлить работу комиссии, для того чтобы выявить и переправить в Германию как можно больше переселенцев из числа этнических немцев. Значительная часть их к этому времени уже была арестована и находилась в советских тюрьмах по подозрению в шпионаже. Однако руководство СССР со своей стороны всячески препятствовало этому[54].

Так, 20 мая 1940 г. на встрече В.М. Молотова с В. Шуленбургом последний поднял вопрос о продлении сроков работы комиссии по переселению беженцев, заявив при этом о своей заинтересованности в эвакуации только около 3 тыс. лиц немецкого происхождения и заключенных. В ответ Молотов дал понять, что вопрос об эвакуации указанных категорий граждан является исчерпанным и подлежит обсуждению только на правительственном уровне. Он подчеркнул, что «нельзя смешивать вопросы эвакуации лиц немецкого происхождения и эвакуации». В этот же день последовало официальное разъяснение НКИД СССР, где выражалось согласие руководства СССР на продление сроков работы комиссии на 15 дней.

5 июня 1940 г. деятельность советско-германской комиссии была завершена. В дальнейшем германской стороной неоднократно

поднимался вопрос об эвакуации лиц немецкой национальности, однако руководство СССР отвечало неизменным отказом.

Тех беженцев, кто не был принят немецкой стороной, ждала незавидная участь. Все они были депортированы в конце июня 1940 г. в глубь СССР. В этой связи ряд зарубежных историков высказывает предположение о существовании некой договоренности между представителями немецкой и советской сторон относительно проведения депортации. В качестве основного аргумента ученые приводит факт наличия у органов НКВД после отъезда немецкой делегации списков беженцев, желающих выехать из страны[55]. Однако такая договоренность представляется нам маловероятной. Органы НКВД проводили собственную регистрацию беженцев параллельно с немецкой стороной. В Государственном архиве Российской Федерации нами была обнаружена анкета, которая являлась своего рода дополнением к указанной директиве. Здесь, помимо ФИО, места и года рождения, следовало указать местожительство до 1 сентября 1939 г., время прибытия на территорию западных областей УССР и БССР, место проживания на момент составления анкеты, состав семьи, а также сведения о возможном наличии родственников в Польше, Германии или СССР[56].

В заключение можно сделать следующие выводы. В период германо-польской войны десятки тысяч жителей Польши, опасаясь преследований со стороны немецких властей, оказались на территориях, отошедших в дальнейшем к СССР. Формально, согласно действовавшему тогда международному праву, они не могли быть отнесены к беженцам. Однако, исходя из трактовок данного понятия, которое присутствует в официальных партийных и советских документах того времени, мы считаем возможным применять в отношении их определение «беженцы». В советско-германских отношениях по данной проблеме можно выделить два этапа. Первый этап пришелся на сентябрь-декабрь 1939 г. Основным содержанием его являлось проведение политики по переселению русских, белорусов и украинцев из оккупированной Германией Польши на территорию СССР. В Германию из СССР, соответственно, переправлялись лица немецкой национальности. Одновременно с этим Германия проводила политику насильственного переселения на территорию СССР беженцев еврейской национальности. Следующий этап можно датировать январем 1940 — июнем 1940 г. Он характеризовался стремлением руководства СССР ослабить социально-экономическую напряженность в западных областях УССР и БССР путем эвакуации за пределы страны беженцев из бывшего Польского государства. Основную их массу составляли лица еврейской и польской национальности. Значительная часть их, не имея средств к существованию, а также по причине боязни представителей польской национальности репрессий со стороны советских властей, стремилась покинуть территорию СССР. Однако немецкие власти ограничили количество подлежащих эвакуации лицами, до сентября 1939 г., постоянно проживавшими в западных и центральных регионах Польши, а кроме того, категорически отказывались принимать беженцев еврейской национальности. Однако, несмотря на это, какая-то часть еврейских беженцев все-таки сумела перебраться на территорию Германии.

---

1 Национальный архив Республики Беларусь (далее: НАРБ). Ф. 4. Оп. 21. Д. 1777. Л. 1–13.

2 Чырвоная змена. 1939. 28 верасня.

3 **Levin D.** The Lesser of two evils: Eastern European Jewry under Soviet Rule, 1939–1941. Philadelphia; Jerusalem: Jewish Publication Society, 1995. S. 123.

4 НАРБ. Ф. 4. Оп. 21. Д. 1777. Л. 12.

5 Там же. Д. 1585. Л. 3.

6 **Гудвин-Гилл Г.С.** Статус беженца в международном праве / Пер. с англ. М.И. Левиной. М.: ЮНИТИС, 1997. С. 15.

7 **Тодорович И.** Решение проблемы беженцев в начале XXI в. / И. Тодорович, Ю.Ф. Моргун, А.В. Селиванов // Журнал международного права и международных отношений. 2005. №1. С. 29.

8 **Моргун Ю.Ф.** Беженцы — глобальная проблема XXI века // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2001. № 2. С. 88.

9 Документы Лиги Наций, касающиеся беженцев // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2000. № 1. С. 37–55.

10 **Воронович В.** Проблема беженцев и перемещенных лиц из СССР в период Второй мировой войны и послевоенные годы (1939–1951 гг.): белорусский аспект / В. Воронович, В. Саматыя // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2004. № 3. С. 67.

11 Документы Лиги Наций, касающиеся беженцев / Сост. Ю.Л. Серашевский // Белорусский журнал

международного права и международных отношений. 2000. № 1. С. 49.

[12] Знешняя палітыка Беларусі: Зб. дакументаў і матэрыялаў: У 6 т. Мінск, 1997–2003. Т. 3: 1928 — чэрвень 1941 г. / Склад. У.М. Міхнюк, У.К. Ракашэвіч, Я.С. Фалей, А.В. Шарапа. Мінск, 2001. С. 165–166.

[13] Государственный архив Российской Федерации (далее: ГАРФ). Ф. Р-5456. Оп. 24а. Д. 2562. Л. 20–31, 46.

[14] Там же. Л. 32.

[15] Там же. Л. 9.

[16] **Таляронак С.** Да пытання аб перасяленні заходніх беларусаў і заходніх украінцаў у 1939 г. // Беларускі гістарычны часопіс. 1994. № 4. С. 85–86.

[17] Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм. М., 2001. С. 187.

[18] **Іофе Э. З** Польшчы ў Беларусь (Яўрэйскія бежанцы з Польшчы на тэрыторыі Беларусі ў 1939–1941 гг.) // Полымя. 2002. № 11–12. С. 322.

[19] **Илларионова Т.С.** Обмен населением между СССР и Германией накануне и в начале Второй мировой войны // Отечественная история. 2004. №4. С. 57.

[20] **Вялікі А.Ф.** Савецка-германскі пратакол аб перасяленні насельніцтва ад 28 верасня 1939 г. і яго выкананне ў Беларусі ў 1939–1940 гг. // Весці БДПУ. 2006. № 3. Сер. 2. С. 16.

[21] НАРБ. Ф.4. Оп. 21. Д. 2075. Л. 108–111.

[22] Там же. Л. 113–114.

[23] **Илларионова Т.С.** Обмен населением между СССР и Германией…

[24] Хроника важнейших событий истории Коммунистической партии Белоруссии: в 3 ч. / Ин-т ист. партии при ЦК КПБ. Минск, 1962–1980. Ч. 2: 1919 — июнь 1941 гг. / Ред. Г.В. Будай, Н.С. Орехво. Минск, 1970. С. 426–427.

[25] **Вялікі А.Ф.** Савецка-германскі пратакол аб перасяленні насельніцтва… С. 16.

[26] НАРБ. Ф. 4. Оп. 21. Д. 1774. Л. 59.

[27] Там же. Д. 1691. Л. 214.

[28] **Снапкоўскі У.Е.** Беларусь у геапалітыцы і дыпламатыі перыяду Другой сусветнай вайны // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2000. № 2. С. 132–133.

[29] НАРБ. Ф.4. Оп. 21. Д. 2075. Л. 113.

[30] **Герлинг-Грудинский Г.** Иной мир: Советские записки / Пер. с польск. Н. Горбаневской. М., 1991. С. 115.

[31] **Іофе Э. З** Польшчы ў Беларусь. С. 323.

[32] **Полян П.** Недостающее звено в предыстории Холокоста. Размышление над перепиской ценой в два миллиона жизней. Часть 2. // Центральный еврейский ресурс Sem 40 [Электронный ресурс]. 2006. Режим доступа: http: // www.sem40.ru/anti/holokost/18154. Истолкование П.М. Поляном цитируемого документа является весьма сомнительным. Подробную критику см.: **Костырченко Г.** Советский Союз и Холокост // Holokauszt: történelem és emlékezet = Холокост: история и память. Budapest, 2006. С. 146 – 148. (Прим. ред.)

[33] **Гальперин И**. Свет не без добрых людей. В Польше и Западной Белоруссии в годы Второй мировой войны. Телль-Авив, 2004. С. 15–16.

[34] Пограничные войска СССР 1939 — июнь 1941. М., 1970. С. 178–179.

[35] СССР - Германия 1939–1941. Документы и материалы о советско-германских отношениях с сентября 1939 г. по июнь 1941 г.: В 2 т. Vilnius, 1989. Т. 2. С. 31.

[36] НАРБ. Ф. 4. Оп. 21. Д. 2075. Л. 94.

[37] **Пономаренко П.К.** События моей жизни // Неман. 1992. № 3. С. 162–163.

[38] Центральный архив КГБ Республики Беларусь. Д. 35 946. Л. 64.

[39] **Случ С.З.** Советско-германские отношения в сентябре-декабре 1939 года и вопрос о вступлении СССР во Вторую мировую войну // Отечественная история. 2000. № 6. С. 19.

[40] Документы внешней политики. М., 1992. Т. XXII. Кн. 2. С. 421.

[41] **Там же.** Т. XXIII. Кн. 1. С. 50.

[42] **Костырченко Г.В.** Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм.. С. 188.

[43] Документы внешней политики. Т. XXII. Кн. 2. С. 273.

[44] **Илларионова Т.С.** Обмен населением между СССР и Германией…С. 58–59.

[45] **Вишлев О.** «Дружба, скреплённая кровью?» // Молодая гвардия. 1996. № 12. С. 132, 140.

[46] **Азриэли Д.** На шаг впереди. Мемуары: 1939–1950. Иерусалим, 2002. С. 63.

[47] **Розенблат Е.** Поляки и евреи в Западной Белоруссии: динамика сближений и конфликтов (1939–1941 гг.) / Е. Розеблат, С. Струнец // Диаспоры. 2003. № 1. С. 223.

[48] Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева // Вопросы истории. 1990. № 7. С. 95–95.

[49] **Илларионова Т.С.** Обмен населением между СССР и Германией…С. 58.

[50] **Hryciuk C.** Zasady i tryb deportacji, liczebność i rozmieszczenie zeceańców // Źycie codzienne polskich zesłańców w ZSSR w latach 1940–1946 / Red. S. Ciesielski. Wrocław, 1997.

[51] **Таляронак С.** Да пытання аб перасяленні заходніх беларусаў і заходніх украінцаў… С. 135.

[52] ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 57. С. 49.

[53] **Gross J.T.** Revolution from Abroad: The Soviet Conquest of Poland's Western Ukraine and Western Belorussia. Princeton, 1988. S. 204.

[54] **Илларионова Т.С.** Обмен населением между СССР и Германией…С. 59–60.

[55] Например: **Litwak Y.** Jewish Refugees from Poland in the USSR, 1939–1946 // Bitter Legacy: confronting the Holocaust in the USSR / Ed. by Z. Gitelman. Indiana; Bloomington, 1997. S. 128–129.

[56] ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 57. С. 51.

Вальдемар Резмер

Национальные изменения на Волыни и в Восточной Галиции во время Второй мировой войны в свете работы международного исторического семинара «Польша-Украина: трудные вопросы»

Последний мировой конфликт был особенно трагичен для судьбы Волыни и Восточной Галиции, в период Второй Речи Посполитой официально называвшейся Восточная Малопольша. Прежние жители этих территорий — поляки, украинцы, евреи, чехи, русские, армяне — понесли огромные потери. Произошло полное уничтожение значительной части населения, проживавшего с сентября 1939 г. в многонациональных восточных землях Второй Речи Посполитой. С территории со смешанной национальной структурой, хоть и с перевесом украинского этноса, полностью исчезла присутствовавшая там многие века еврейская община и практически полностью — польское население. В течение нескольких лет «перестал существовать феномен Восточной Галиции, (понимаемой как "малая отчизна" трех народов — польского, украинского и еврейского) на территории которой в течение столетий взаимодействовали различные, но одновременно дополняющие друг друга культуры и религии. Бесповоротному уничтожению подверглось специфическое, своего рода уникальное явление политичной Галиции»[1].

В коммунистической Польше по политическим причинам не писалось и официально не говорилось о депортациях и преступлениях, совершенных во время Второй мировой войны на довоенных восточных территориях Второй Речи Посполитой, на Волыни и в Восточной Галиции. Не говорилось о последствиях этих преступлений. Исследователи не интересовались, почему оттуда исчезли поляки, евреи, чехи, немцы и русские. У людей, которые пережили эту трагедию и после войны оказались в Польше, не было возможности официально заявить о своих потерях и занести фамилии жертв в списки убитых. Они также не могли навестить родные края, чтобы почтить память своих близких и знакомых, чей прах остался на востоке. Этим людям было очень тяжело смирится с фактом, что были преступления, о которых говорилось громко и много, и были замалчивавшиеся преступления.

На советской Украине факт уничтожения поляков на Волыни и в Восточной Галиции во время Второй мировой войны вообще не фигурировал в официальной историографии, а тем более в памяти обычных украинцев. Москва и Киев признали Организацию украинских националистов (ОУН) и Украинскую повстанческую армию (УПА) преступными организациями. Множество членов этих организаций попали в лагеря или же были казнены. Однако эти репрессии применялись к ним из-за преступлений, совершенных в отношении евреев, из-за противостояния советской власти, членства в ОУН, службы в рядах УПА, сотрудничества с немцами и службы в организованных немцами вооруженных частях. Преступления, совершенные в отношении поляков, не были предметом интереса советских властей.[2]

Геополитические изменения, которые произошли в Восточно-Центральной Европе на переломе 1980-1990-х гг., привели к тому, что исчезли политическо-идеологические ограничения в исторических и общественных науках. Появилась надежда, что наконец начнутся основательные исследования, которые заполнят множество так называемых белых пятен в истории. К ним, безусловно, относилось уничтожение польского и еврейского населения на Волыни и в Восточной Галиции во время Второй мировой войны. Однако этого не произошло. Ни польские, ни украинские историки не воспользовались открывшимися исследовательскими возможностями. Независимая и суверенная Украина стала стратегическим партнером Польши в Восточно-Центральной Европе. Польская политическая элита и большинство представителей научного сообщества приняли точку зрения Ежи Гедройца и других публицистов парижской «Культуры», что без независимой Украины нет независимой Польши, что безопасность Речи Посполитой зависит от того,

находится ли Украина в сфере российского влияния или же будет крепко связана с Западом. По этой причине считалось, что поднятие политически проблемных тем не будет служить развитию партнерских отношений между двумя государствами, может только их испортить.

На алтарь актуальной политики была принесена жертва истории. Люди, организации и институты, стремящиеся изучить трагические события, которые происходили во время Второй мировой войны на восточных территориях довоенной Речи Посполитой, обвинялись в злых намерениях, идеологизации исследований прошлого и даже в предательстве национальных интересов. Их обвиняли в том, что они «хотят установить монополию собственной, темной и лживой, версии истории, стремятся вмешиваться даже в польскую внешнюю политику, противятся польско-украинскому единению»[3]. Польскому обществу внушалось, что данные исследования не стремятся донести до людей правду о том, что случилось на Волыни, в Восточной Галиции и на юго-восточных территориях современной Польши в 1939–1947 годах, что речь идет только о том, чтобы «постоянно указывать украинцам на то, как убивали поляков, а поляков уберегать от знания, что они тоже убивали украинцев»[4]. Также пропагандировалась идея, что «по вопросу польско-украинской драмы на Волыни уже почти все сказано»[5] и потому нет никакой нужды заниматься и далее этой проблемой. И это несмотря на то, что на множество фундаментальных вопросов не было (и до сих пор нет) достоверного ответа: почему украинские соседи убивали своих польских соседей? Кто призывал к этим жестокостям? Какие побуждения толкали поляков, организующих атаки возмездия на украинские деревни? Была ли это только бессмысленная месть?

Нежелание изучать трагедию на Волыни и в Восточной Галиции возникало также из-за внутриполитических условий. Не хотелось обидеть множество людей и обществ «Кресов»[6], деятелей польских ветеранских и патриотических организаций, которые, зачастую лично претерпев тяжелые страдания, очень недоверчиво и неохотно смотрели на Украину и украинцев, видя в них, прежде всего, жестоких «резунов». С другой стороны, не хотелось зарождать подозрения в среде украинцев, которые проживают в Польше и которых представляет Союз Украинцев в Польше, что это очередная антиукраинская «акция».

Замалчивание массовых убийств, принявших характер этнической чистки и имевших признаки геноцида[7] на Волыни и в Восточной Галиции, облегчалось также тем, что уничтожение коснулось (кроме нескольких исключений, которыми чаще всего были католические священники) семей польских крестьян, малообразованных, не имеющих влияния в стране и за границей, лишенных общественных и национальных вождей, а также духовных предводителей. Большинство этих людей до сих пор остается безымянными. Двухтомник Эвы и Владислава Семашко называет только неполные 37 тысяч жертв из более чем 60 тысяч, которые погибли в 1721 месте Волыни[8].

В Польше, в основном среди украинцев, проживающих в нашей стране, и на Украине были попытки расширить перечень виновных в волынском преступлении: помимо поляков, ими якобы являются немецкие оккупационные власти, а также коварные представители советской Москвы, которые стремились вызвать, а потом эскалировать польско-украинский конфликт. Подобные подходы также заметны у некоторых историков из западноевропейских научных центров, которые видят генезис преступлений во время Второй мировой войны на территориях польских Восточных Кресов и в прошлых веках. Недавно известный французский историк Даниэль Бовуа написал, что «если бы отношения между двором и крестьянами там складывались идиллически, как это представляло большинство публикаций, которые появлялись в Польше в 90-х годах, то не было бы кровавых столкновений с польскими панами ни в XVII и XVIII веках, ни во время большевистской революции, ни во время волынской резни во Второй мировой войне. Зарево конфликтов надо искать в очень далеком прошлом, начиная с XV–XVI веков»[9].

Вызывает беспокойство то, что множество представителей украинской политической и научной элиты или молчали на тему трагического польско-украинского конфликта в 1939–1947 гг. и совершенных тогда массовых убийств поляков, или утверждали, что существуют две правды о тех событиях: польская и украинская. Украинская сторона обвиняет поляков в том, что после Первой мировой войны не родилось независимое украинское государство, за все несправед-

ливости, с которыми пришлось столкнуться украинцам, гражданам довоенной Второй Речи Посполитой, за резню польского гражданского населения на Кресах, которое поплатилось за атаки отрядов Армии Краевой и польской самообороны на невинные украинские деревни, за акцию «Висла», которая весной и летом 1947 г. привела к переселению около 150 тыс. украинцев с юго-восточных территорий Польши на северные и западные земли. Акция «Висла» представляется в украинской историографии и публицистике как исключительно кровавая и при этом совершенно необоснованная.

Тенденция к обвинению поляков в возникновении конфликта и его трагических последствиях, когда-то очень явная, сегодня, к счастью, исчезает или же подается в более мягкой форме. На Украине и внутри украинского меньшинства в Польше сейчас популяризируется мнение, что на Волыни и в Восточной Галиции обе стороны совершали преступления. Таким образом, пытаются поставить знак равенства между запланированными массовыми убийствами поляков и акциями возмездия различных военных формирований польского подполья, а также отчаянно и стихийно организованной самообороной волынских и галицийских поляков.

Попытка перенесения на поляков части ответственности за уничтожение польского населения Волыни и Восточной Галиции и исчезновения с карт этих территорий более 1100 польских деревень и поселений, однако, не имеет никаких шансов в сфере науки. Потому что нельзя поставить знак равенства между методически осуществляемым уничтожением, в котором погибло около 85–90 тыс. поляков, и акциями возмездия, которые проводились под началом местных комендантов польского подполья, в которых погибло несколько тысяч украинцев. Массовые убийства поляков, начатые в феврале 1943 г. на Волыни, а спустя год перенесенные на территорию Восточной Галиции, были системной мерой, продуманной, воплощаемой командирами ОУН(Б) и УПА по приказу коменданта УПА Клима Самура (Дмитро Клячкивский). Этническая чистка с признаками геноцида проводилась планомерно, деревня за деревней, поселение за поселением, а население убивалось ужасными методами. Очищенные таким образом деревни сжигались, чтобы у оставшихся в живых не было куда возвращаться. УПА неоднократно призывало к мобилизации для проведения «пацификации» население из близлежащих деревень. Эти люди часто были вооружены только топорами, вилами, цепами. Именно этими орудиями совершались преступления, которые ужасают по сей день.

Осознает это и все большее число украинских историков. Поэтому они не участвуют в псевдонаучных и пропагандистских начинаниях некоторых своих соотечественников, которые не согласны с результатами исследований польских историков, но и сами не проводят достоверных исследований. Профессиональные украинские историки уже в состоянии отделить борьбу, проводившуюся ОУН и УПА сначала с немецкими оккупантами, а с середины 1944 г. с советской властью, от постыдной акции уничтожения польского населения на Волыни и в Восточной Галиции в 1943–1944 гг. Они не отрицают того, что это было преступление, которого ничто не оправдывает. Один из них, проф. Ярослав Грицак, недавно сказал, что украинским историком «не остается ничего другого, как методическое снятие с пьедесталов и развенчивание мифов о личностях, которым ставились памятники — как те коммунистические с востока, так и эти националистические с запада. Только таким образом мы когда-нибудь разберемся со своей историей»[10].

В Польше медленные, но положительные изменения в политическом отношении к преступлению, жертвами которого стали польские граждане на Волыни и в Восточной Галиции, произошли на переломе XX и XXI веков. Все больше людей считает, что «от истории не спрячешься <...> потому что на Волыни происходило массовое убийство, назовем ли мы это этнической чисткой или геноцидом, об этом можно дискутировать. Массового убийства никто не отрицает»[11], а также, что «единственным способом решения проблемы является правда и диалог»[12]. С другой стороны, все меньше людей остается на позиции, что по вопросу Волыни и Галиции польская историческая политика противостоит исторической правде. В 2003 году президент Александр Квасьневский подал, в связи с 60-летием трагедии, идею празднования «событий на Волыни». К сожалению, после польско-украинских празднований в Порыцке, в которых приняли участие президенты Польши и Украины, Квасьневский и Кучма, дело снова заглохло. Но только на время.

Сегодня в Польше уже повсеместно существует убеждение, что вся информация о

трагедии жителей Волыни и Восточной Галиции во время Второй мировой войны должна увидеть свет. 15 июля 2009 года в «66-ю годовщину начала Организацией Украинских Националистов и Украинской Повстанческой Армией на Крессах Второй Речи Посполитой так называемой антипольской акции — массовых убийств характеризующихся этнической чисткой и чертами геноцида» Сейм Республики Польша в своем специальном постановлении «о трагической судьбе поляков на Восточных Кресах» заявил, что «трагедия поляков на Восточных Крессах Второй Речи Посполитой должна вернуться в историческую память современных поколений. Это задача для всех публичных властей во имя будущего и во имя взаимопонимания народов нашей части Европы, а особенно поляков и украинцев»[13].

Так ситуация выглядит сегодня. Однако в середине 1990-х гг. мало людей понимало необходимость выявления правды о кровавых событиях на Волыни и в Восточной Галиции во время Второй мировой войны. Поэтому одной из важнейших целей организуемых с 1996 г. попеременно то в Польше, то на Украине международных исторических семинаров «Польша-Украина: трудные вопросы» было открытие правды о причинах, ходе и трагических последствиях польско-украинского конфликта в первой половине XX века. Инициатором семинаров были люди из непосредственного руководства Всемирного союза солдат Армии Краевой (Эдмунд Бакуняк, Владислав Филар, Анджей Жупаньски), которые смогли найти партнера, которым оказался Союз украинцев в Польше. На основании договора, подписанного в 1996 г. оба союза не принимали участия в научных работах семинаров, а только обеспечивали организационную поддержку[14].

До настоящего времени в работах над качественной стороной семинаров, то есть над подготовкой рефератов, дискуссий над главными тезисами, а также формулировкой итоговых решений, принимало участие несколько десятков исследователей из нескольких польских и украинских научных центров. Большинство ученых принимало участие в нескольких встречах, некоторые — во всех. В польской команде в сумме были 34 историка из самых важных польских научных центров — из Варшавы, Кракова, Торуня, Вроцлава, Щецина, Люблина, Пётркова, Пшемысля, Кошалина, Жешова. Украинскую сторону представляли в сумме 47 историков, которые работали в нескольких украинских научных центрах: Черновцы, Станиславов (Ивано-Франковск), Киев, Львов, Луцк, Острог, Ровно, Тернополь, Владимир-Волынский, или же были представителями украинского сообщества, проживающими в Польше, Германии и Соединенных Штатах.

Главным результатом семинаров, проведенных в 1996–2008 годах, являются одиннадцать сборников, опубликованных под названием «Польша-Украина: трудные вопросы». Последний, одиннадцатый, том был издан в 2009 году и включает в себя материалы с XII семинара, который прошел в Торуни 11–12 октября 2006 года. К сожалению, финансовые и технические трудности привели к тому, что только четыре тома, помимо версии на польском языке, были опубликованы на украинском (тома 3, 4, 5, 9).

Одним из самых важных, а также самых трудных вопросов был подсчет людских потерь на Волыни и в Восточной Галиции во время Второй мировой войны. Проблемы с подсчетом возникают по нескольким причинам:

- нет полных данных, показывающих национальную структуру Волыни и Восточной Галиции в 1939 г., то есть перед началом Второй мировой войны. Последняя общая перепись населения польскими властями была проведена в 1931 г. Ее достоверность ставилась под сомнение уже во время проведения переписи. Кроме того, очень трудно рассчитать изменения в численности населения на этих территориях (естественный прирост, миграционные передвижения) в 1931–1939 г.
- отсутствуют достоверные данные о масштабах миграционных передвижений народностей в сентябре и октябре 1939 года, особенно польского и еврейского населения. Потому что на эти территории сначала прибывали люди, которые были эвакуированы по плану из западных территорий Речи Посполитой, а потом так называемые дикие беженцы.
- не был произведен полный подсчет потерь, которые понесли отдельные национальные группы из-за политики советских властей (аресты, казни, депортации.
- некомплектность и малая достоверность статистических данных, полученных во время войны, так как во многих случаях они собирались в политических и пропагандистских целях.

Несмотря на указанные трудности, на международных исторических семинарах

«Польша-Украина: трудные вопросы» удалось верифицировать и ввести в научный оборот множество новых, подробных данных, касающихся невосполнимых потерь населения, проживавшего в Волыни и Восточной Галиции. Подтвердилось, что в годы Второй мировой войны в результате действий советских и немецких властей — арестов, казней, пацификаций деревень и поселений, массовых депортаций вглубь СССР, а также в результате боев между немецкими частями, советскими партизанскими отрядами и Красной Армией, на Волыни и в Восточной Галиции погибло несколько сот тысяч поляков, украинцев, чехов. Только во время четырех депортаций, проведенных в 1940–1941 годах, из этих территорий в северную и азиатскую часть СССР было сослано около 330 тыс. бывших польских граждан различных национальностей, среди которых поляков было большинство.[15] В результате эпидемий, болезней, плохого питания, крайне трудных климатических условий и тяжелой работы много депортированных умерло. Советские власти также производили множество казней политических заключенных. Самые массовые происходили после начала немецко-советской войны 22 июня 1941 года, когда в конце июня – начале июня в волынских и галицийских тюрьмах были казнены более 8 тыс. человек разных национальностей. Существенный отток населения наступил также в результате запланированной эвакуации в СССР в 1941 году (70 тыс. человек), мобилизации в Красную Армию (около 280 тыс.), вывоза на работы в Рейх (325 тыс.), набора в дивизию СС «Галичина» (14 гренадерская дивизия Ваффен-СС), куда вошли 30 тыс. украинских добровольцев. Кроме того, существенную часть населения переместили вглубь СССР в 1944–1945 гг.

После вторжения вермахта в 1941 г. на Волынь и в Восточную Галицию гитлеровские власти начали уничтожение еврейского населения, убив в местах массовых казней, гетто и лагерях смерти около 200 тыс. евреев из Волыни и 500 тыс. из Восточной Галиции. Такое число жертв было принято после обсуждения на семинаре. Однако его участники были не в состоянии установить точной цифры жертв Холокоста. В литературе можно встретить различные данные[16]. Не удалось также сосчитать, даже приблизительно, потери, которые понесли другие национальные группы: чехи, русские, армяне, так как достоверных исследований на эту тему не проводилось.

Многих усилий стоил участникам семинаров подсчет потерь польского населения от рук украинских националистов. В результате участники пришли к соглашению, что в 1941–1944 годах на Волыни были уничтожены 50–60 тыс. человек, а на территории Восточной Галиции убиты 20–25 тыс.[17] К этому следует прибавить 5-6 тыс. жертв в 1939–1947 годах на юго-восточных землях Польши (люблинское и подкарпатское воеводства) в ее современных границах[18]. В сумме были убиты около 85 тыс. поляков. К этому надо прибавить от 100 до 300 тыс. поляков, которые в 1943–1944 годах бежали из Волыни и Восточной Галиции от террора отрядов УПА.

В настоящее время приведенные подсчеты не принимаются некоторыми польскими исследователями, связанными с Обществом памяти жертв преступлений украинских националистов и с изданием «На рубеже», которые считают, что на Волыни (в прошлом Волынском воеводстве) были убиты 60-70 тыс. поляков, а в Восточной Галиции — 69 тыс. (в воеводстве Тернопольском — 23 тыс., в воеводстве Львовском — 21 тыс., в воеводстве Станиславовском — 25 тыс.). К этому прибавляют потери, которые понесло польское население на Полесье, оценивающиеся в 3 тыс. человек. В сумме это дает огромную цифру в 142 тыс. убитых поляков[19].

Очень трудно было сосчитать потери украинского населения, потому как источники, в которых содержатся данные о размерах этих потерь, а также информация, касающаяся причин, обстоятельств и возможных исполнителей преступлений, очень неполные и неточные. На основании неполных данных, однако, считается, что потери украинцев из Волыни и Восточной Галиции в годы Второй мировой войны не превысили 300 тыс. человек. Только небольшая их часть — несколько тысяч — была результатом польско-украинского конфликта.

1 **Hryciuk G.** Straty ludności w Galicji Wschodniej w latach 1941-1945, w: Polska-Ukraina: trudne pytania. Warszawa, 2000. T. 6. S. 271.

2 Следует отметить, что боевики ОУН-УПА осуждались советскими судами вне зависимости от национальности жертв. (Прим. ред.)

3 **Beylin M.** Dość tego IPN-u // Gazeta Wyborcza (Świąteczna). 2008. № 126 (z 31.05–1.06). S. 15.

4 Ibid.

[5] **Michnik A.** Rana Wołynia, w: Stosunki polsko-ukraińskie. Historia i pamięć / Pod red. J. Marszałek-Kawy i Z. Karpusa. Toruń, 2008. S. 251.

[6] Восточные Кресы - польское название территорий нынешних западной Украины, Белоруссии и Литвы, некогда входивших в состав Польши; «восточная окраина» (Прим. ред.).

[7] Постановление Сейма Республики Польша от 15 июля 2009 г. о трагической судьбе поляков на Восточных Кресах

[8] **Siemaszko E.W.** Ludobójstwo dokonane przez nacjonalistów ukraińskich na ludności polskiej Wołynia 1939—1945. Warszawa, 2000. T. 1–2.

[9] **Beauvois D.** Chłopów bili po twarzy // Gazeta Wyborcza. 2010. 28–29.08. S. 20.

[10] Romantyczny terrorysta / Wypowiedź J. Hrycaka // Gazeta Wyborcza. 2008. 10–11.05. S. 29.

[11] Nie robić bilansu krwi / Wypowiedź Marka Siwca, szefa Biura bezpieczeństwa Narodowego odpowiedzialnego za organizację obchodów 60. rocznicy wydarzeń na Wołyniu // Gazeta Wyborcza. 2003. 8–9.03. S. 19.

[12] **Czech M.** Jacek, przyjaciel słabszych // Gazeta Wyborcza. 2010. 31.07–1.08. S. 26.

[13] Постановление Сейма Республики Польша от 15 июля 2009 г. о трагической судьбе поляков на Восточных Кресах.

[14] Самые важные постановления этого договора представляет: Żupański A. Tragiczne wydarzenia za Bugiem i Sanem przed ponad sześćdziesięciu laty. Poznaj werdykt historyków polskich i ukraińskich. Warszawa, 2007. S. 10.

[15] Эти данные сомнительны. По основанным на широкой источниковой базе данным российских историков, общее число депортированных с территории Западной Украины в 1940 – 1941 гг. составляет около 180 тыс. чел. Подробнее см.: Репрессии против поляков и польских граждан / Сост. А.Э.Гурьянов; НИПЦ «Мемориал». М.: Звенья, 1997. (Прим. ред.)

[16] Татьяна Бернштейн утверждает, что только на территории района Галиция были убиты 610 тыс. евреев (**Bernstein T.** Eksterminacja ludności żydowskiej w dystrykcie Galicja (1941–1943) // Biuletyn Żydowskiego Instytutu Historycznego. 1967. № 61. S. 30). Такое же число принимает еврейский историк из Львова Яков Чонигсман (zob. Katastrofa jewriejstwa Zapadnoj Ukrainy. Jewriei Wostocznoj Galicyi, Zapadnoj Wołyni, Bukowiny i Zakarpatja w 1933–1945 gg. // Volv. 1998. S. 170–182). Более низкие цифры представляет Т. Сандкюлер, который указывает на примерно 525 тыс. евреев. (см. Endlösung" In Galizien. Der Judenmord In Ostpolen und die Rettungsinitiativen von Berthold Beitz 1941–1944. Bonn, 1996. S. 406).

[17] **Hryciuk G.** Straty ludności na Wołyniu w latach 1941–1944 // Polska-Ukraina: trudne pytania. T. 5. Materiały V międzynarodowego seminarium historycznego „Stosunki polsko-ukraińskie w latach II wojny światowej" Łucka, 27-29 kwietnia 1999. Warszawa, 1999. S. 277–278, 280–281; Idem. Straty ludności w Galicji Wschodniej w latach 1941–1945 // Polska-Ukraina: trudne pytania. T. 6. Materiały VI międzynarodowego seminarium historycznego „Stosunki polsko-ukraińskie w latach II wojny światowej" Warszawa, 3-5 listopada 1999. Warszawa, 2000. S. 294; Filar W. Ukraińsko-polski konflikt narodowościowy na południowo-wschodnich Kresach II RP: przebieg, skutki, przyczyny, wnioski na przyszłość // Polska-Ukraina: trudne pytania. T. 9. Materiały IX i X międzynarodowego seminarium historycznego „Stosunki polsko-ukraińskie w latach II wojny światowej" Warszawa, 6-10 listopada 2001. Warszawa, 2002. S. 296.

[18] **Konieczny Z.** Straty ludności w południowo-wschodnich powiatach dzisiejszej polski w latach 1939–1947 // Polska-Ukraina: trudne pytania. T. 7. Materiały VII międzynarodowego seminarium historycznego „Stosunki polsko-ukraińskie w latach II wojny światowej" Łuck, 24-26 maja 2000. Warszawa, 2000. S. 238.

[19] **Komański H.**, **Siekierka Sz.** Ludobójstwo dokonane przez nacjonalistów ukraińskich w województwie tarnopolskim 1939–1946. Wrocław, 2005; **Siekierka Sz.**, **Komański H.**, **Bulzacki K.** Ludobójstwo dokonane przez nacjonalistów ukraińskich w województwie lwowskim 1939–1947. Wrocław, 2006; **Siekierka Sz.**, **Komański H.**, **Różański E.** Ludobójstwo dokonane przez nacjonalistów ukraińskich w województwie stanisławowskim 1939–1946. Wrocław, 2006.

Игорь Ильюшин

Переселенческо-депортационные акции 1944 – 1947 гг. на украинско-польском пограничье: дискуссионные вопросы в новейшей украинской историографии

Проблематику переселенческо-депортационных акций 1944–1947 годов на украинско-польском пограничье нельзя назвать малоисследованной в украинской историографии. Между тем, ввиду намеченных приоритетов в исследовании так называемых "сложных вопросов" украинско-польских отношений, которые содержатся в подписанном Президентами Украины и Польши в 1997 г. в Киеве совместном заявлении «К пониманию и единению», ее актуальность тяжело переоценить. Поэтому остановимся на анализе исследований, уже проведенных украинскими историками, а также обозначим основные проблемы, которые требуют дальнейшей научной разработки.

Исследования историков Украины, а также ученых украинского происхождения за рубежом, в которых освещаются различные аспекты указанной проблематики, можно разделить на несколько групп. К первой мы относим труды, авторы которых первыми ввели в научный оборот большой массив архивных документов по указанной теме с соответствующими основательными критическими научными комментариями к ним. Именно издание таких документов сделало возможным появление более-менее серьезных научных изысканий.

Первое место в создании работ, относящихся к этой группе, несомненно принадлежит Евгению Мисило. Еще в 1992 г. издательство «Літопис УПА» (УПА — Украинская повстанческая армия) в Торонто (Канада) выпустило первую книгу из серии «УПА в світлі польських документів» под названием «Військовий суд Оперативної групи "Вісла"»[1], которая была упорядочена этим польским исследователем украинского происхождения. Опубликованные в 22-м томе «Літопису УПА» документы Военного суда Оперативной группы «Висла» за период с 22 апреля до 16 сентября 1947 г. находились в фондах Центрального военного архива (ЦВА) в Рембертове возле Варшавы, который на тот момент оставался еще недоступным для историков.

Архивные документы, впервые опубликованные в этой книге, не являются объективным источником сведений о деятельности УПА в Польше в период проведения акции «Висла». Образ украинского подполья, который содержится в них, сознательно искажен и весьма негативен. Описание действий осужденных членов ОУН (Организация украинских националистов) и УПА опирается на показания, которые были получены в результате применения силы и жестоких пыток во время следствия, и соответствовало исключительно требованиям судей. Ведь речь шла не о достижении правды и установлении меры наказания в зависимости от совершенного проступка, а только о физическом уничтожении противника и запугивании той части общества, которая с ним идентифицировалась. Поэтому опубликованные документы, по мнению их составителя и комментатора, должны были служить прежде всего источником информации о сталинской системе репрессий и ее жертвах[2].

Согласно данным Генерального штаба Войска польского, которые приводит Е. Мисило, в качестве мести за убийство 28 марта 1947 г. украинскими боевиками вице-министра национальной обороны, генерала армии Кароля Сверчевского, с территории Люблинского, Ряшевского (Жешовского) и Краковского воеводств на западные и северные земли, отошедшие к Польше после войны, до 31 июля 1947 г. были принудительно выселены 140 575 гражданских лиц, в результате депортации погибли 1655, были пленены 1466 членов и сторонников ОУН и УПА. По данным Министерства общественной безопасности, с момента начала акции «Висла» до 31 сентября 1947 г. были арестованы 2274 украинца, которых обвинили в принадлежности к вооруженному подполью. Из этого числа в суд были переданы дела на 851 лицо, 1648 человек освобождены, следствие продолжалось отно-

сительно 115 арестованных. В концентрационном лагере в Явожно находились 3873 лица. В целом в 1947 г. на смертную казнь осудили 372 человека. Право помилования было применено только по отношению к 31 осужденному[3].

В начале 1990-х годов в еженедельнике украинцев в Польше «Наше слово» Е. Мисило впервые опубликовал ряд статей, посвященных жертвам концлагеря в Явожно. В них он доказывал, что польская власть отправляла в концлагерь не только членов ОУН и УПА, захваченных военными во время операции «Висла». На первом этапе этой акции основанием для направления в Явожно было подозрение в содействии УПА. Этого было достаточно, чтобы за лагерной проволокой оказались священники, учителя, врачи, то есть представители сравнительно немногочисленной украинской интеллигенции, что осталась в Польше. Однако основную массу заключенных составили украинские крестьяне. В конце июля 1947 г. в лагерь начали привозить украинцев, захваченных органами безопасности во время возвращения с западных и северных польских земель в родные края, чтобы отыскать оставленное там имущество. Именно крестьяне составляли большинство среди 378 мужчин и 160 женщин, брошенных в концлагерь в период от августа до декабря 1947 г. [4]

Предметную основу для анализа процессов, связанных с переселенческо-депортационными акциями 1944–1947 гг. на украинско-польском пограничье предоставили и другие публикации документов из польских центральных и воеводских архивов[5]. Эти собрания архивных материалов с основательными комментариями и обширными биографическими данными, составленными Е. Мисило, уже выдержали не одно издание.

Особо хотелось бы обратить внимание на книгу под общим названием «Акция “Висла”», опубликованную на украинском и польском языках. Эта печально известная операция стала завершающим этапом переселенческо-депортационных акций 1940-х годов и одновременно самым трагическим событием в жизни многих украинцев, да и поляков. Книга содержит 241 документ, большинство из которых принадлежит Оперативной группе «Висла», созданной с целью проведения принудительного выселения гражданского населения и уничтожения украинского подполья. В книге также имеются протоколы заседаний Политбюро ЦК Польской Рабочей партии (ППР), на которых были приняты все основные решения в деле акции «Висла», в частности, о сроках ее проведения, о составе командования Оперативной группы по осуществлению операции, о территории деятельности группы, о районах расселения переселенцев, о методах борьбы с членами украинского подполья и гражданскими лицами, заподозренными в содействии подполью (учреждение военно-полевых судов, открытие концлагерей) и т.д. Невозможно сегодня представить себе появление новых работ на эту тему, которые бы не учитывали проведенных Е. Мисило исследований.

К первой же группе исследований принадлежат и опубликованные собрания архивных документов, а также созданные на основе глубокого изучения источников научные работы других польских исследователей украинского происхождения, прежде всего Романа Дрозда[6] и Игоря Галагиды[7]. По мнению Р. Дрозда, одним из наиболее дискуссионных остается вопрос о том, кто был настоящим инициатором депортации украинского населения на западные и северные земли Польши. Вопреки утверждениям наиболее осведомленных в проблематике польских историков (Ришарда Тожецкого, Гжегожа Мотыки и др.), которые считают, что ввиду огромной зависимости польских властей от советских едва ли польская сторона могла быть инициатором акции «Висла», Дрозд настаивает на признании такой инициативы именно за польской коммунистической властью. Он подчеркивает, что зависимость Варшавы от Москвы не исключала возможности проявления поляками собственной инициативы. Поэтому, по его мнению, пока не найдены советские документы, которые бы указывали на однозначную ответственность за такую инициативу Москвы, есть все основания утверждать, что инспиратором акции «Висла» была польская сторона. Конечно же, она пошла на это по согласованию с Москвой. Тем более, по мысли Р. Дрозда, необходимо помнить также о том, что на все послевоенные принудительные переселенческие акции, которые охватили не только украинцев и поляков, следует смотреть как на характерный для сталинского режима способ решения национальных проблем[8].

Взгляды Р. Дрозда относительно различной степени вовлеченности советских и польских властей в процессы переселения гражданс-

кого населения в 1944–1946 гг. (инициатива Кремля) и 1947 г. (инициатива польского правительства) другие польские исследователи украинского происхождения, с одной стороны, разделяют (например, Е. Мисило)[9], с другой — стараются осторожнее высказываться по этому поводу. Так, скажем, поступает И. Галагида. Он отмечает, что когда в Польше готовили акцию «Wschód» («Восток», первоначальное название операции «Висла»), в Западной Украине органы советской власти проводили депортацию местных украинцев под криптонимом «Запад». На его взгляд, это может свидетельствовать о том, что замысел осуществления обеих акций родился в одном штабе. Однако одновременно И. Галагида утверждает, что есть документы, которые указывают на подготовку польских властей к операции «Висла» уже с конца 1946 г. [10].

Если относительно только что упомянутого вопроса среди польских исследователей украинского происхождения существует несколько точек зрения, то в определении целей депортации 1947 г. все едины. По их мнению, польская коммунистическая власть преследовала две основные цели: уничтожить отряды украинского подполья и их тыл, а также нанести урон украинцам в западных и северных землях Польши с тем, чтобы ликвидировать существующую в обществе и государстве «украинскую проблему» как таковую. Р. Дрозд пишет об этом следующим образом: «путем изоляции интеллигенции (также духовенства), рассредоточения украинцев в западных и северных польских землях, запугивания и уничтожения всех проявлений их национальной жизни власть хотела достичь своей главной цели — денационализации украинцев… наказать их за то, что они были и хотели оставаться украинцами»[11]. Этой же точки зрения придерживаются и другие польские исследователи украинского происхождения: Владимир Мокрый[12], Степан Заброварный[13], Николай Сивицкий[14], Богдан Гук[15].

Вне дискуссии для названых выше исследователей находится также вопрос о причинах проведения акции «Висла». Как известно, во времена Польской Народной Республики (ПНР) депортацию 1947 г. оправдывали необходимостью уничтожения УПА, которая якобы угрожала государственной целостности Польши, а главным поводом для депортации стало убийство генерала К. Сверчевского. Такая оценка была неизменной до 1989 г. Однако на основании опубликованных документов и материалов Р. Дрозд, например, констатирует, что УПА в 1947 г. не представляла реальной угрозы для Польши. В начале года она насчитывала не более 1,5 тыс. повстанцев.

Неправомерна, по его мнению, также точка зрения, что действующие в Польше сотни УПА пришли из Западной Украины, а депортация украинцев стала местью за убийства поляков в 1943–1944 гг. на Волыни и в Восточной Галиции. Таким образом, считает Р. Дрозд, и сегодня польскому обществу навязывается взгляд о вине самих украинцев и этим морально оправдывается депортация гражданского населения, проведенная с применением принципа коллективной ответственности, который противоречит международному праву. Вслед за некоторыми польскими историками (Тадеушем Ольшанским, Гжегожем Мотыкой) Дрозд утверждает, что конфликт в Западной Украине имел место между украинцами и поляками, которые там проживали, между тамошними формированиями УПА и Армии Крайовой (АК). Поэтому польские украинцы, которые не принимали участия в этих трагических событиях, не должны отвечать за них; нельзя осуждать и наказывать весь народ. Польские коммунисты в данном случае руководствовались не местью за Волынь, хотя их пропагандистская машина и стремилась это доказать. Последние, не имея надежной опоры в обществе, хотели подыграть и тем самым понравиться полякам, которые в большинстве своем враждебно относились к украинцам и высказывались за их выселение[16].

Относительно же утверждения Р. Дрозда о том, что польские коммунисты в своих действиях не руководствовались местью за Волынь, необходимо отметить следующее. Е. Мисило в уже упомянутом сборнике документов «Акция "Висла"» подчеркивает, что, на его взгляд, античеловеческий характер переселений украинцев в 1945–1947 гг., несомненно, был следствием привлечения к акции дивизий, сформированных из поляков, которые ранее бежали с Западной Украины. В подтверждение своей мысли он, например, цитирует рапорт комиссии Генштаба Войска польского от 30 января 1946 г. в деле злоупотреблений, допущенных 3-й Поморской дивизией пехоты: «Отдельно надо вспомнить об актах вандализма относительно украинцев. Те, кто их осуществляет, руководствуются чувством мести»[17].

В 1997 г. под редакцией В. Мокрого увидел свет коллективный труд известных польских исследователей, среди которых были и исследователи украинского происхождения. В нем была сделана попытка проанализировать последствия акции «Висла» для украинского населения Польши в частности и всего польского общества в целом. Одним из наиболее неприглядных результатов этой акции, который и сегодня обостряет отношения между двумя славянскими народами, является наличие в сознании определенной части польской общественности сформированного после войны негативного образа западного украинца — «бандита-бандеровца». По мнению В. Мокрого, украинско-польский диалог станет конструктивнее только тогда, когда стороны-дискутанты размежуют обиды, которые были нанесены украинцам в ходе акции «Висла», и трагедию, которую из-за действий украинцев поляки пережили в Западной Украине[18].

Ко второй группе исследований принадлежат работы историков Украины. Речь идет об исследованиях переселенческо-депортационных акций 1944–1947 гг. на украинско-польском пограничье за последние десять-пятнадцать лет, когда, кажется, ничто не мешало быть объективными. Прежде всего отмечу, что автору этих строк самому пришлось принимать участие в подготовке одного из томов совместного украинско-польского издания «Польща та Україна у 30-40-х роках XX століття. Невідомі документи з архівів спеціальних служб», который был посвящен переселениям поляков и украинцев в 1944–1946 гг.[19] Причем сначала замысел был таков, чтобы этот том вместил в себя также документы, посвященные депортационной акции «Висла» 1947 г. Однако в ходе работы над книгой польская сторона настояла на том, чтобы не включать проблематику акции в этот том, а исследовать ее в одном из следующих изданий. Объяснялся этот отход от раннее запланированного тем, что у польского исследователя Р. Тожецкого якобы были документы, которые однозначно указывали на «московские корни» этой операции[20].

К сожалению, до настоящего времени никто из польских исследователей так и не опубликовал документального подтверждения этой версии. Нам представляется, что его просто не существует, во всяком случае в Госархиве Службы безопасности Украины в Киеве на этот счет ничего нет. Сложно себе представить, чтобы после публикации даже таких непростых для официальной Москвы материалов, как документы «по Катыни», российское руководство, ввиду каких-либо политических причин, боялось бы или не желало ознакомить с соответствующей документацией относительно акции «Висла» отечественную и зарубежную общественность, если бы такая действительно существовала.

Проблемы ответственности Москвы за акцию «Висла» касается во вступлении к сборнику опубликованных документов Центрального архива Министерства внутренних дел и администрации Республики Польша (ЦА МВДиА РП), посвященных деятельности ОУН и УПА на польской территории в 1944–1947 гг., киевский историк Юрий Шаповал[21]. Публикация этого сборника была осуществлена в соответствии с планом другой рабочей группы во главе с заместителем директора Института истории Украины НАН Украины Станиславом Кульчицким, которая функционировала в рамках Правительственной комиссии по изучению деятельности ОУН и УПА. Ю. Шаповал вслед за польским историком Р. Тожецким допускает возможность того, что решение о проведении операции «Висла» было принято в Москве в феврале 1947 г., а ее план подготовил по поручению Л. Берии и Г. Маленкова нарком внутренних дел УССР С. Савченко. Уже после этого, в марте 1947 г, соответствующее решение приняло Политбюро ЦК ППР, а позже, 12 апреля, — Комитет общественной безопасности Польской Республики. Киевский историк отмечает, что если принять эту версию, то она внесет существенные коррективы в прежние представления о непосредственных причинах антиукраинской активности польской власти. Например, это будет означать, что убийство боевиками УПА 28 марта 1947 г. генерала К. Сверчевского совсем не имело такого фатального значения для развертывания операции «Висла»[22].

Важные размышления, а также документы из различных украинских архивных учреждений, которые освещают позицию советского руководства по вопросу переселенческо-депортационных акций 1944–1947 гг. на украинско-польском пограничье, были опубликованы киевскими исследователями Иваном Биласом (активно работал с соответствующими материалами также в российских архивах)[23] и Владимиром Сергийчуком[24]. Последний, например, отмечает, что руководство Советской

Украины отмахнулось от проблем украинцев Польши, а украинскую проблему в УССР считало решенной. В подтверждение этой мысли В. Сергийчук опубликовал письмо министра иностранных дел УССР Д. Мануильского секретарю ЦК КП(б)У Л. Кагановичу за 1947 г. с предложением отказаться от переселения в Украину из Польши 15–20 тыс. украинцев, которые изъявили на это желание[25].

Важным документом, который ставит под сомнение версию о «московских или киевских корнях» трагедии украинцев Польши в 1947 г., являются также опубликованное этим исследователем сопроводительное письмо заместителя министра иностранных дел УССР С. Слипченка секретарю ЦК КПУ М. Подгорному и справка о положении украинского меньшинства в Польше от 26 ноября 1958 г.[26] В справке эта трагедия расценивается следующим образом: «Хоть эта акция (акция "Висла". — И.И.) была оправданною мерою, однако в ходе ее реализации были допущены ошибки: вместе с виновными было переселено много невиновных. Всего на западные земли Польши было переселено свыше 150 тыс. украинцев. Там на них смотрели как на врагов, не допускали до участия в общественной жизни, не предоставляли необходимой помощи. Дошло до того, что в 1950–1951 гг. при проведении паспортизации в анкетах и паспортах не было графы "национальность" и стояла только графа "гражданство". Так польские власти искусственно стремились к тому, чтобы все граждане страны были исключительно поляками»[27].

Значительный вклад в разработку проблематики переселенческо-депортационных акций 1944–1947 гг. на украинско-польском пограничье внесли львовские ученые. Прежде всего следует вспомнить об изданной Институтом украинознавства им. И. Крипъякевича НАН Украины серии документов, материалов и воспоминаний, которая состоит из трех томов[28]. В первом томе содержатся документы о репрессивно-депортационных процессах времен Второй мировой войны, во втором — аналогичные материалы периода 1946 — начача 1950-х гг., в третьем опубликованы воспоминания украинцев Закерзонья (земель, что лежали западнее так называемой линии Керзона), участников и свидетелей переселенческой трагедии.

Некоторые львовские исследователи абсолютно правильно ставят вопрос о том, почему Соглашение об эвакуации украинского населения с территории Польши и польских граждан с территории УССР от 9 сентября 1944 г. было подписано между Польским комитетом национального освобождения (ПКНО) и правительством Советской Украины, а не руководством СССР. По мнению Юрия Сливки, это крайне удивительно, «поскольку в других подобных случаях Советский Союз не позволял Украине подписывать аналогичные договора, в частности договор 1945 г. относительно Закарпатской Украины, который был заключен между советским правительством и руководством Чехословакии. Собственно, здесь и была заложена мина замедленного действия, которая опасна и сегодня. Этим соглашением имитировалось установление границы между двумя народами — украинским и польским; при этом Москва якобы оставалась в стороне. Кроме того, Советский Союз оставлял за собой возможность маневра: если бы страны антигитлеровской коалиции заняли принципиальную позицию в этом вопросе, то он имел бы возможность заявить, что это не московское руководство подписало договор, а Украина. Вместе с тем Кремль фактически инспирировал обострение украинско-польских отношений и юридически не нес ответственности за разжигание новой гражданской войны»[29].

Относительно операции «Висла» Ю. Сливка считает, что она была совместным скоординированным польско-советским мероприятием. В подтверждение этого тезиса он приводит следующие факты. Во-первых, обоюдная информированность о начале акции; во-вторых, координация военных действий польской, советской и чехословацкой армий против отрядов УПА, а также совместное блокирование польско-советско-чехословацкой границы; в-третьих, решительное выступление советского правительства против переезда украинцев Закерзонья на территорию Советской Украины в ходе операции «Висла»[30].

Ю. Сливка доказывает, что советское руководство проявляло большую заинтересованность в том, чтобы добиться окончательного выселения украинцев из Закерзонья, тем самым полностью лишив УПА социальной и национальной базы и ускорив процесс ее разгрома. Кроме того, Москва хотела отнять у выселенных раннее из Польши в УССР украинцев какую-либо надежду на возможное возвращение в родные края, а значит, и положить конец их побегам. Только таким образом советское руководство могло обеспечить

покой как в тыловых областях, так и в приграничной зоне УССР[31].

В 1998 г. коллектив Института украиноznавства им. И. Крипъякевича НАН Украины издал сборник материалов международной научной конференции «Депортації українців та поляків: кінець 1939 — початок 50-х років (до 50-річчя операції “Висла”)», которая прошла 14–17 мая 1997 г. во Львове[32]. Обращает на себя внимание полемика, которая розвернулась между учасниками конференции, в частности, между И. Биласом и Ярославом Дашкевичем. Первый исследователь не соглашался со взглядом второго относительно того, что акция «Висла» была исключительно решением польского правительства. По мнению И. Биласа, польское руководство даже в 1947 г. «не имело ни материально-физического, ни юридического права самостоятельно предпринимать какие-либо шаги. Заранее давались указания и заблаговременно все регламентировалось тем, кто с барского плеча отдал украинские территории (имеется ввиду Сталин, который согласился на возвращение Польше украинских этнических земель Холмщины, Полесья, Надсянья и Лемковщины. — И.И.). Тем более, вооруженные силы тогдашней Польши только формировались и были подконтрольны исключительно вооруженным силам Советского Союза»[33].

Я. Дашкевич касается, в частности, таких вопросов, как этнические чистки XX века и место в их ряду операции «Висла», военные аспекты ее проведения, проблема коллективной ответственности и мести, реакция на эту акцию польского общества. Львовский историк отмечает, что «депортации на этнической основе (а именно такой была, по его мнению, операция «Висла». — И.И.) были и остаются возможны только в государствах с диктаторским тоталитарным режимом, который осуществляет свое правление в пользу определенной нации террористическими методами»[34].

Сравнивая военные мероприятия польского правительства по борьбе против УПА с аналогичной методикой временного отселения людей из районов боевых действий, примененной в ходе борьбы с партизанским движением в других местах — Индокитае, Южном Вьетнаме, некоторых регионах Африки, Я. Дашкевич указывает на принципиальное их отличие. Он приходит к выводу, что «когда выселение было продиктовано военной стратегией и тактикой, после ликвидации партизанского движения временно выселенное население должно вернуться в родные места. Если этого не произошло, то цель депортации была исключительно политической, а не военной, а именно: насильственным способом решить украинский национальный вопрос, одновременно ликвидировав многовековую украинскую этническую территорию на восточных окраинах коммунистической Польши»[35].

Касательно проблемы применения польской властью принципа коллективной ответственности к украинскому населению, а также мести за прежние преступления, совершенные бандеровцами по отношению к полякам в Западной Украине, Я. Дашкевич придерживается следующего мнения: «Следует откровенно сказать, что это был акт (акция «Висла». — И.И.) мести за великую волынско-галицкую проигранную войну. Акт мести, который проявился в применении принципа коллективной ответственности не к непосредственным виновникам трагедии, а к гражданскому населению только потому, что оно было украинским ». И далее: «Правда, здесь необходимо внести определенную поправку на ментальность. Месть не только за Волынь и Галицию, но и за то, что украинский народ был подлым и неблагодарным. Хотя неизвестно, за что он должен был быть благодарен»[36].

Я. Дашкевич указывает также на такую особенность при проведении акции «Висла», как «отсутствие какого-либо протеста или даже сочувствия со стороны польской общественности. Не было их и со стороны католической церкви, которая имела и определенную силу, и смелость даже при тоталитарном режиме»[37]. Более того, в опубликованных Е. Мисило документах, в частности, в отчете Краковского воеводского комитета ППР за июль 1947 г. отмечалось, что «общественность выступала за выселение всех лемков, акция ей понравилась, а действия правительства получили всеобщую поддержку»[38].

Среди других львовских исследователей разных аспектов этой проблемы следует назвать Галину Щербу[39] и Юрия Киричука[40]. В опубликованной еще в 1993 г. в журнале «Українська діаспора» статье Г. Щерба рассказывала о том, что при Львовской региональной историко-просветительской организации «Мемориал» работала комиссия по изучению обстоятельств украинско-поль-

ских переселений в послеокупационный период. Ее заданием было проведение среди участников тех событий социологического опроса. Людям предлагалось ответить на такие, например, вопросы: как воспринимали они факт переселения, имели ли соответствующие жизненные условия на новом месте, подвергались ли преследованиям в местах поселения, хотели бы вернуться назад домой, если бы была предоставлена такая возможность, и др.

Было получено 785 анкет, а также огромное количество писем-воспоминаний. Вывод, который делает Г. Щерба на основе опроса «Переселения глазами переселенцев — с дистанции в 45 лет», таков: «Операция “Висла” была антигуманной, противоречила нормам международного права, была направлена на ликвидацию давней этнической культуры украинского народа и предусматривала ускоренную ассимиляцию выселенных»[41].

Необходимо также согласиться со следующими замечаниями Ю. Киричука: «Чрезвычайно тяжело оценить, в какой степени украинско-польская борьба периода войны повлияла на рост крайних украинофобских взглядов в польском обществе и полонофобских идей среди украинской общественности, послужила своеобразною моральною индульгенциею для тех политиков, которые проводили переселенческую кампанию украинцев из Закерзонского края. Однако следует согласиться с тем, что Москва и Варшава могли аргументировать перед Западом акцию депортации как проявление гуманизма и желания положить конец украинско-польским междоусобицам. Хотя, безусловно, причины переселения значительно глубже. Переселение из Польши украинцев ликвидировало для Москвы опасность появления за пределами СССР нового украинского “Пьемонта”. В свою очередь выселение украинцев означало для польских коммунистов возможность найти мостик единения между ними и неблагосклонно настроенными по отношению к ним широкими кругами польской общественности»[42].

Проблему переселенческо-депортационных акций 1944–1947 гг. на украинско-польском пограничье исследуют в Черновецком и Прикарпатском (Ивано-Франковск) национальных университетах. Следует прежде всего вспомнить труды таких историков этих двух учебных заведений, как Юрий Макар[43], Виталий Макар[44], Игорь Цепенда[45]. Ю. Макар, проживая в 1940-е годы на Холмщине и будучи непосредственным свидетелем украинско-польского межнационального конфликта, больше внимания уделяет политическим, экономическим и национально-демографическим последствиям этих акций, а также положению украинцев в послевоенной Польше. К его заслугам можно отнести и обстоятельный научный анализ работ, посвященных этой проблематике, которые вышли из-под пера историков Украины, а также на Западе в украинской диаспоре[46]. Так, например, рецензируя работу М. Трухана «Українці в Польщі після Другої світової війни», которая была опубликована в 1990 г. в Нью-Йорке, Ю. Макар отмечает, что до ее появления все публикации на Западе на эту тему носили фрагментарный, случайный характер, не охватывая всей совокупности проблем.

Анализируя состояние исследования этой проблемы в Польше, он утверждает, что только с основанием Украинского общественно-культурного товарищества (УСКТ) в 1956 г., а также изданием газеты «Наше слово» и альманаха «Украинский календарь» к читателю начала поступать хоть какая-то информация на эту тему, да и то преимущественно этнокультурного характера. Ситуация начала меняться в лучшую сторону только с падением коммунистической системы. По мнению Ю. Макара, с одной стороны, книга Трухана наиболее полно и объективно освещает положение украинцев в послевоенной Польше, с другой — она не насыщена антипольскими мотивами, хотя в ней и дается однозначно критическая оценка автором политики Варшавы относительно украинцев[47].

В. Макар сосредотачивает свое внимание на вопросе завершения повстанческой деятельности УПА на Закерзонье и выезда ее участников на Запад. На его взгляд, «трудно сказать, сколько украинцев из Закерзонья, военных и гражданских, преследовавшихся польскими властями и советскими энкаведистами, перебралось на Запад. Те, кому это удалось, влились в многотысячный поток других украинцев, которые с 1944 г., вследствие наступления советских войск и возобновления репрессий в Украине, покинули ее или не вернулись с принудительных работ (также военнопленные) на родину. Все они, включая тех, кто бежал из Закерзонья, длительное время находились в лагерях для перемещенных лиц в Германии и Австрии. Достоверно известно, что со временем, например, США приняли,

по разным подсчетам, до 100 тыс. украинских беженцев, Канада — до 40 тыс., часть из них осталась в Западной Европе. Среди них были и те, кому удалось вырваться из Закерзонья»[48].

Историк из Ивана-Франковска И. Цепенда анализирует проблему переселенческо-депортационных акций 1944–1947 гг. на украинско-польском пограничье в своей совсем недавно изданной монографии, посвященной украинско-польским отношениям 1940–1950-х г.[49] Он акцентирует внимание на чрезвычайной актуальности этой темы, объясняя это тем, что она имеет политическую и экономическую подоплеку, поскольку остается неразрешенным вопрос о возмещении моральных и материальных убытков, которые были нанесены депортированному населению. Ивано-Франковский исследователь показывает также, насколько глубоко эта проблематика изучается польскими коллегами, и подчеркивает, что в ближайшие годы она будет оставаться в центре внимания как польской, так и украинской историографии[50]. И с этим трудно не согласиться.

---

1 Літопис Української Повстанської Армії. Торонто, 1992. Т. 22. УПА в світлі польських документів. Кн. 1: Військовий суд Оперативної групи «Вісла» / Опрацював і впорядкував **Є. Місило**.

2 Там же. С. 28.

3 Там же. С. 22.

4 См.: **Місило Є.** Явожно // Наше слово. 1990. № 4. С. 5; **Місило Є.** Жертви Явожно // Наше слово. 1990. № 12. С. 3.

5 Akcja "Wisła". Dokumenty / Opracował E. Misiło. Warszawa, 1993; Акція «Вісла». Документи / Впорядкування і редакція Є. Місила. Львів-Нью-Йорк, 1997; Repatriacja czy deportacja. Przesiedlenie Ukraińców z Polski do USSR 1944—1946 / Pod red. E. Misiły. T. 1: Dokumenty 1944–1945. Warszawa, 1996; T 2: Dokumenty 1946. Warszawa, 1999.

6 **Drozd R.**, **Hałagida I.** Ukraińcy w Polsce 1944–1989. W walce o tożsamość (Dokumeny i materiały). Warszawa, 1999; **Drozd R.** Ukraińska Powstańcza Armia. Dokumenty-Struktury. Warszawa, 1998; **Drozd R.** Ukraińcy w Polsce w okresie przełomów politycznych 1944–1981 // Mniejszości narodowe w Polsce / Pod red. P. Madajczyka. Warszawa, 1998. S. 180–244; **Drozd R.** Droga na zachód. Osadnictwo ludności ukraińskiej na ziemiach zachodnich i północnych Polski w ramach akcji "Wisła". Warszawa, 1997; **Drozd R.** Polityka władz wobec ludności ukraińskiej w Polsce w latach 1944–1989. Warszawa, 2001.

7 **Hałagida I.** Uwagi na temat materiałów z konferencji o akcji "Wisła" // Komunikaty Mazursko-Warmińskie-1997. № 4. S. 607–612; **Hałagida I.** Praca doktorska "Ukraińcy na zachodnich i północnych ziemiach Polski 1947—1957" obroniona na Uniwersytecie Gdańskim 9 listopada 2000 r.

8 См. также: **Дрозд Р.** Навколо причин акції «Вісла» // Український альманах. Варшава, 2002. С. 66–70.

9 **Misiło E.** Kwestia ukraińska w polityce polskiego rządu i podziemia w latach 1939–1944. Dokumenty // Zustriczi. 1990. № 3–4. S. 141–172. Е. Мисило считает, что польские коммунисты в 1944–1947 гг. воплотили в жизнь эндецкую (т.е. националистической партии) концепцию построения однонационального государства.

10 См.: Przeszłość należy do historyków. Rozmowa o stosunkach polsko-ukraińskich w PRL z Igorem Hałagida // Biuletyn Instytutu Pamięci Narodowej. 2001. № 8. S. 4–16.

11 **Дрозд Р.** Навколо причин акції «Вісла». С. 70.

12 **Mokry W.** Nie wojskowy lecz polityczny cel wysiedleńczej akcji "Wisła" w 1947 // Problemy Ukraińców w Polsce po wysiedleńczej akcji "Wisła" / Pod red. W. Mokrego. Kraków, 1997. S. 13–22.

13 **Zabrowarny S.** Akcja "Wisła" na Pomorzu Zachodnim // Akcja "Wisła" na tle stosunkówpolsko-ukraińskich w XX w. / Pod. red. J. Farysia i J. Jekiela. Szczecin, 1994.

14 **Siwicki M.** Dzieje konfliktów polsko-ukraińskich. Warszawa, 1994. T. 3.

15 Закерзоння. Спогади вояків Української повстанської армії. Т. 2–4. Упорядник Б. Гук. Варшава, 1994–1998; Пропам'ятна книга «1947» / Упорядник Б. Гук. Варшава, 1997; Чужинче, іди скажи Україні. Увічнення трагедії Закерзоння в 1944–1947 роках / Фотоальбом за редакцією **Б. Гука.** Перемишль, 2001. Материалы первых двух зданий содержат воспоминания переселенцев, а также членов УПА и отображают состояние национальной памяти украинцев о событиях 1947 г. через полстолетия после акции «Висла». Последнее издание освещает усилия украинской диаспоры в Польше, направленные на сбережение памяти о национальной трагедии украинцев Закерзонья в 1944–1947 годах.

16 **Drozd R.** Polityka władz. S. 66.

17 Akcja "Wisła". Dokumenty. S. 15.

18 **Mokry W.** Wstęp // Problemy ukraińców w Polsce. S. 5.

19 Переселення поляків та українців 1944–1946 рр. // Польща та Україна у тридцятих-сорокових роках XX століття. Невідомі документи з архівів спеціальних служб. Варшава-Київ, 2000. Т. 2.

20 См.: **Torzecki R.** "Wisła" zaczęła się w Moskwie // Gazeta Wyborcza. 20 maja 1997. S. 23.

21 **Шаповал Ю.** ОУН і УПА на терені Польщі (1944–1947). Документи і матеріали. Київ, 2000.

22 Там же. С. 18–19.

23 **Білас І.** Репресивно-каральна система в Україні. 1917–1953. Суспільно-політичний та історико-правовий аналіз. У двох книгах. Київ, 1994. Кн. 1. Несмотря

на публикацию большого корпуса документов из российских архивов (РЦСИДНИ, ГАРФ, РГВА), И. Билас в своей работе не использует материалов, которые касались бы акции «Висла», что лишний раз свидетельствует об их отсутствии в московских архивохранилищах, а значит о непричастности, по крайней мере непосредственно, Москвы к этой акции.

24 **Сергійчук В**. Трагедія українців Польщі. Тернопіль, 1997.

25 Там же. С. 404, 405.

26 Там же. С. 415–421.

27 Там же. С. 417.

28 Депортації. Західні землі України кінця 30-х — початку 50-х років. Документи, матеріали, спогади. У 3-х томах / Відп. ред. **Ю. Сливка**. Т. 1. –1939–1945 рр. Львів, 1996; Т. 2. 1946–1947 рр. Львів, 1998.

29 Там же. Т. 2. С. 11.

30 Депортації. Західні землі України кінця 30-х — початку 50-х років. Т. 1. С. 24.

31 Там же.

32 Депортації українців та поляків: кінець 1939 — початок 50-х років. (До 50-річчя операції «Вісла»). Львів, 1998.

33 Там же. С. 34–35.

34 Там же. С. 26.

35 Там же. С. 27.

36 Там же. С. 28.

37 Там же. С. 26.

38 Akcja "Wisła". Dokumenty. S. 20.

39 **Щерба Г.** Проблеми українсько-польських переселень у 1944–1948 рр. у світлі соціологічних досліджень // Українська діаспора. 1993. Ч. 3. С. 63–74; **Щерба П.**, **Яремкевич Л.** Депортація українців з Перемишльщини в 1944–1947рр. // Перемишль і перемишльська земля протягом років / Упор. **С. Заброварний.** Львів, 1996.

40 **Киричук Ю.** Нариси з історії українського національно-визвольного руху 40–50-х років XX століття. Львів, 2000; **Киричук Ю.** Військово-політична діяльність підпілля ОУН-УПА в Закерзонні (1945–1947 рр.) // Галичина. 2000. № 4.

41 **Щерба Г.** Указ. соч. С. 74.

42 **Киричук Ю.** Нариси з історії. С. 210.

43 **Макар Ю.** Політика ПОРП і органів влади щодо національних меншин Польщі після Другої світової війни на прикладі українців // Питання нової та новітньої історії країн Європи і Північної Америки. Чернівці, 1993. Вип. 2. Ч. II; **Макар Ю.** Акція «Вісла»: характер та наслідки для українців Польщі // Українська діаспора. 1997. Ч. 10. С. 8–21; **Makar J.** Polityczne, ekonomiczne i narodowościowo-demograficzne następstwa operacji "Wisła" // Polska-Ukraina: trudne pytania. Warszawa, 2001. T. 8. S. 205–220.

44 **Макар В.** Депортація українців з Закерзоння на захід Польщі в рамках акції «Вісла» // Ukraińcy w najnowszych dziejach Polski (1918–1989) / Podred. **R.Drozda.** Słupsk-Warszawa, 2000. – T. 1. S. 141–149.

45 **Цепенда І.** Операція «Вісла» в польській історіографії // Український історичний журнал. 2002. № 2. С. 27–36.

46 **Макар Ю.** Рецензія на книгу М. Трухана «Українці в Польщі після другої світової війни. 1944–1984». Нью-Йорк, 1990 // Українська діаспора. 1993. Ч. 3. С. 111–117; **Макар Ю.** Становище українців Польщі у дослідженнях істориків України // Ukraińcy w najnowszych dziejach Polski. S. 220–229.

47 **Макар Ю.** Рецензія на книгу М. Трухана. С. 117.

48 **Макар В.** Указ. соч С. 148—149. См. также: **Макар В.**, **Яценюк Т.** Політика властей щодо українців Польщі (1944–1989) // Український альманах. Варшава, 2002. С. 386–388.

49 Цепенда І. Українсько-польські відносини 40–50-х років XX століття: етнополітичний аналіз. Київ, 2009.

50 **Цепенда І.** Операція «Вісла» в польській історіографії. С. 34.

Петр Шорников

Воссоединение Бессарабии с Россией/СССР и массовые перемещения населения

Бессарабия[1], оккупированная румынскими войсками в январе 1918 г., была присоединена к СССР в июне – августе 1940 г. Возвращение разделительной линии по Днестру на место прежней российской границы по реке Прут повлекло массовые миграции населения. Определение их масштабов и характера позволяет составить представление об ожиданиях населения области и его отношении к Советскому Союзу, а также судить о возможном влиянии миграций на последующее развитие Молдавии.

Миграционный обмен с Румынией

Воссоединение Бессарабии с Россией/СССР вызвало два встречных потока миграции. В силу политических причин Бессарабию надлежало покинуть лицам, составлявшим в области оккупационный аппарат: офицерам румынской армии, их семьям, служащим жандармерии, полиции, чиновникам гражданских служб, обеспечивавших функционирование армии, судьям, помещикам, многим журналистам и учителям, а также бывшим участникам белого движения и эмигрантам, имевшим основания опасаться репрессий за свою политическую деятельность в прошлом. Однако правительство Румынии не было намерено оказывать какую-либо помощь большинству лиц, политически связанных с Румынским государством. Ранним утром 28 июня 1940 г. оно передало администрации Бессарабии и Северной Буковины приказ № 6100, который «установил порядок отступления гражданских лиц из оставляемых под русским давлением румынской армией и администрацией территорий. Приказ гласил: в первую очередь будут допущены к эвакуации румыны из Старого Королевства, следующие — бессарабские и буковинские румыны, а евреи, украинцы и русские не допускаются к эвакуации»[2]. Таким образом, противников большевизма из числа русских, украинцев и евреев Бухарест отдавал в руки НКВД.

Однако число эмигрировавших в Румынию служащих-бессарабцев оказалось небольшим и по политическим причинам. «Поведение функционеров чуждого этического происхождения, — отметил по этому поводу шеф сигуранцы (румынская политическая полиция) Кишинева, — всегда оставляло желать лучшего. До распоряжения, данного в 1938–1939 годах г-ном генералом Н. Чуперкэ, в то время командующим 3-го Армейского корпуса, которым запрещалось разговаривать на русском языке в учреждениях, обычным языком этих служащих на работе был русский язык. При эвакуации Бессарабии в 1940 году огромное большинство этих служащих осталось на месте, сохранив свои посты и при советской администрации города»[3]. «Беженцев, — удовлетворенно отметил 2 июля в дневнике румынский монарх Кароль II, — прибывает мало»[4]. Сколько же их было?

Общую численность беженцев, покинувших Бессарабию в 1940 г., различные авторы оценивают в широком диапазоне от 30 тыс. до 320 тыс. человек[5]. Начало политическим спекуляциям по этому вопросу положил военный диктатор Румынии Ион Антонеску. После 28 июня, заявил он при встрече с Гитлером 22 ноября 1940 г., «300 тысяч румынских беженцев из Бессарабии и Северной Буковины пересекли новую границу по пути в Румынию»[6]. Однако учет беженцев, проведенный в Румынии весной 1941 г., дал цифру вчетверо меньшую — 82 555 человек[7].

Какую часть из них составляли уроженцы Бессарабии? Весной 1941 г. редактор выходящей в Бухаресте эмигрантской газеты «Басарабия» Василе Цепордей оценил численность бессарабцев, живущих в Румынии, в 100 тыс. человек[8]. Если учесть, что уже в 1930 г. западнее Прута проживали 75 292 уроженца Бессарабии[9], то следует признать, что в 1940 г. область покинули менее 20 тыс. местных уроженцев. Численность политических беженцев, конечно, была во много раз меньше.

С 3 июля, то есть после массового бегства румынских функционеров, по 16 декабря 1940 г. в Румынию репатриировались из Бессарабии еще 13 750 человек[10], в основном члены семей румынских функционеров. В 1941 г., после повторной оккупации Бессарабии румынскими войсками возможностью возвратиться на родину воспользовались всего 7,4 тыс. бессарабцев, проживавших в Румынии[11]. Таким образом, «беженцами 1940 года» являлись главным образом возвращающиеся на родину колонисты-румыны[12]. Отметим, что ремиграционный поток 1940 г. увлек менее половины иммигрантов из Румынии, укоренившихся в Бессарабии в 1920–1930-е гг. Почти не затронуло их и переселение политически сомнительных лиц, проведенное советскими властями 15–18 июня 1941 г. В августе 1941 г., еще до массового возвращения румынских функционеров, в Бессарабии были учтены 100,7 тыс. человек, родившихся в «других провинциях Румынии»[13].

Из Румынии желали возвратиться домой рабочие и ремесленники, а также крестьяне, изгнанные из Бессарабии безработицей, молодежь, призванная в румынскую армию на сборы, интеллигенция, лишенная возможности работать по специальности дома, поэтому ремиграция в Бессарабию оказалась гораздо более массовой. По данным МВД Румынии, к 4 августа 1940 г. Румынию покинули 112 тыс. уроженцев Бессарабии и Северной Буковины[14]. О национальном составе мигрантов из Румынии можно судить по фактам: 12 июля 1940 г. из Галаца в порт Рени были доставлены баржами 97 молдаван, 288 евреев, 7 поляков, 514 русских, 143 болгарина, 10 украинцев, 3 венгра, 157 гагаузов, 79 немцев, 1 грек, 1 чех. Покупая у полицейских чиновников фальшивые документы либо просто переплывая Прут, по политическим мотивам бежали в Бессарабию и многие уроженцы Румынии — евреи[15]. Очевидно, большинство украинцев при регистрации назвало себя русскими. По оценке историка И.Э. Левита, по крайней мере половину из 149 974 человек[16], прибывших в Бессарабию из Румынии с 28 июня по 26 июля 1940 г., составляли евреи[17].

Однако значительная часть ремигрантов возвратилась в Бессарабию в дни, когда пограничный контроль на Пруте еще не был налажен. Кроме того, как отмечено, на 8 июля 1940 г. в бегах числились 61 970 военнослужащих румынской армии[18]. В основном это были солдаты-бессарабцы и буковинцы, покинувшие части при отводе румынских войск из Бессарабии[19], но уроженцы этих областей бежали на родину и из частей, дислоцированных в Румынии. Поэтому число ремигрантов, опубликованное советскими властями 28 июля 1940 г., также представляется неполным. Осенью 1940 г. ремиграция из Румынии продолжалась. К 16 декабря 1940 г. из Румынии прибыли в Бессарабию в общей сложности 220 тыс. человек[20].

В ходе этих миграций Советский Союз освобождался от политически нелояльного населения, получая вместе с тем настроенных просоветски граждан. Уже поэтому советская дипломатия добивалась от Бухареста предоставления ремигрантам возможности возвратиться в Бессарабию. Интересы правящих кругов Румынии, настроенных на реванш, были иными. 22 октября 1940 г. Антонеску выразил опасение, что «жиды, которые уезжают в Бессарабию, будут размещены в румынских селах, а крестьяне будут увезены дальше. Мы окажемся перед всей Бессарабией, наполненной жидами… Таким образом мы жиданизируем Бессарабию. Через десять лет мы окажемся с десятью миллионами жидов и без единого румына в Бессарабии». «Жиды, — предложил министр иностранных дел Михаил Стурза, — должны быть остановлены и помещены в концентрационные лагеря»[21]. Чтобы не допустить применения этой драконовской меры и сохранить рычаг давления на Бухарест, препятствующий репатриации бессарабцев, советские власти задерживали репатриацию из Бессарабии семей румынских функционеров[22].

Вследствие миграций 1940 г. численность евреев в Бессарабии возросла. Согласно переписи населения 1930 г., в шести уездах Бессарабии, в 1940 г. включенных в состав Молдавской ССР, проживали 153 тыс. евреев. Однако после 28 июня 1940 г. наряду с бессарабскими репатриантами, в Кишинев, Бельцы и другие города Бессарабии прибыли десятки тысяч евреев Румынии, главным образом молодых людей, не обремененных семьями. Общая численность евреев, проживавших в Молдавии накануне войны, по мнению И. Левита, достигла 270–280 тыс. человек[23].

Массовая ремиграция бессарабцев из Румынии представляла собой еще одно свидетельство прочности ориентации национальных сообществ Бессарабии на Россию. Стихийный миграционный обмен с Румынией советские власти регулировали исхо-

дя из интересов обеспечения безопасности СССР.

«Репатриация» бессарабских немцев

Если возвращение бессарабцев из Румынии и других стран на родину было делом добровольным, то «репатриация» бессарабских немцев в Германию носила вынужденный характер.

Немецкие колонисты начали селиться в Бессарабии по приглашению Александра I вскоре после Отечественной войны 1812 г. Они происходили из различных областей Германии и Польши и говорили на различных диалектах немецкого языка. Жители села Тарутино были потомками переселенцев в Польшу из Пруссии, Мекленбурга и Нижней Саксонии и говорили на северогерманском диалекте, в селах Виттенберг (основано в 1815 г.), Теплиц (1817) и Сарата (1822) господствовал швабский диалект, немецкая община Кишинева (с 1825 г.) говорила на хохдойч, литературном немецком языке. Среди немцев имелись протестанты и католики. Существенную часть переселенцев, прибывавших в Бессарабию как немцы из Великого герцогства Варшавского, составляли славяне-кашубы, позднее вошедшие в состав этнической группы бессарабских немцев[24]. Немцы занимались сельским хозяйством и торговлей и были лояльными российскими подданными. Начало новому этапу их истории положила румынская оккупация Бессарабии. На языковые притеснения немцы ответили самоорганизацией. В 1920 г. в Тарутино был учрежден «Немецкий народный совет Бессарабии», представлявший национальные интересы немецкого населения региона.

К концу 1930 г. в Бессарабии проживали 81 089 немцев, в том числе 55 598 человек в Аккерманском уезде, где они составляли 16,3 процента населения. Еще 28 576 немцев проживали в Северной Буковине. Восточнее Днестра, в пределах Молдавской автономии, в 1926 г. проживали 10 739 немцев (1,87% населения)[25]. Они проживали в 161 колонии, только 3% немцев Бессарабии являлись горожанами. Колонисты, отмечают исследователи, пренебрежительно относились к молдаванам и представителям других национальностей и являлись опорой румынской власти в оккупированных областях[26]. В 1924 г. отряды немецких колонистов оказались причастны к подавлению Татарбунарского восстания[27].

В 1920–1930-е гг. колонисты пользовались финансовыми и правовыми привилегиями и добились относительно высокого уровня благосостояния. Но они не могли смириться с политикой румынизации, проводимой Бухарестом, с запретом обучать детей на родном языке. Немцы участвовали в Бессарабском освободительном движении. Бывший комиссар бригады Красной Армии С.С. Бантке, добиваясь воссоединения Бессарабии с Россией, боролся в коммунистическом подполье[28], а кишиневский журналист Генрих Блок редактировал русские газеты и защищал право бессарабцев обучать детей на русском языке[29]. В Кишиневе немцы Шумахер, Гамер и баронесса Гейкинг возглавляли учебные заведения с обучением на русском языке[30].

В 1920-е гг. немецкое сообщество обсуждало планы массового переселения в Канаду. Значительный масштаб приобрела эмиграция в Аргентину и Бразилию[31]. Оптимальным вариантом устройства национальной судьбы бессарабским немцам представлялось создание на юге Бессарабии немецкой административно-территориальной автономии. «Кажется, — отмечено в сводке контрразведки румынских войск в Бессарабии от 9 октября 1933 г., — что немецкие интеллигенты на Юге Бесарабии питают надежду, что в более или менее отдаленном будущем будет создана [немецкая] автономная республика, образованная из колоний Юга Бессарабии и Юго-Запада Украины с центром в Одессе»[32]. Но первым условием образования такой автономии являлось воссоединение Бессарабии с Россией.

В 1930-е гг. среди бессарабских немцев усиливаются националистические тенденции. Их представители вошли в созданное в 1932 г. «Национал-социалистическое движение взаимопомощи немцев в Румынии. Оно было запрещено, но в 1934 г. нацисты воссоздали свою организацию под названием «Национальное движение возрождения немцев Румынии». Оно поддерживало связи с нацистами Германии и выступало за создание немецкой автономии в Румынии. В Бессарабии также было учреждено отделение организации «возрожденцев»[33].

Поддержав национальное движение бессарбских немцев, нацисты взяли их под идеологический контроль. Немцы лояльны, отмечено в обзоре сигуранцы за июнь 1937 г., но «сегодня немцы образуют у нас государство в государстве. Они бросают вызов румынс-

кому закону и следуют приказам из Берлина. Они презирают румынскую культуру и румынскую власть. Они организовались по-военному и надеются исполнить роль прусского авангарда. Их эмблема — не звезда Румынии, а гитлеровская свастика. […] Их шовинизм не простирался бы так далеко, если бы они не находили сообщников в нескольких румынских политических партиях. Благодаря их духу организованности, немцы в Румынии представляют угрозу для страны»[34]. Очевидно, лояльность немцев к Румынии заключалась в их вражде к «большевизму» и СССР. В 1940 г. в каждой немецкой колонии Бессарабии открыто действовали национал-социалистские организации; их центральный комитет находился в селе Тарутино, к ним приезжали и находили теплый прием эмиссары из Германии. Имелись среди немцев и противники нацизма. И все же в случае советско-германской войны ожидать от большинства немецкого сообщества Бессарабии и Северной Буковины лояльности России/СССР оснований не имелось. Официальная советская точка зрения по вопросу о будущем бессарабских немцев сводилась к тезису о необходимости, учитывая угрозу войны, очистить тыл от «вражеских элементов»[35].

Впрочем, по вопросу о «репатриации» бессарабских немцев у правительства СССР выбора не имелось. Признав в Дополнительном протоколе от 23 августа 1939 г. «незаинтересованность» Германии в Бессарабии, Гитлер не отказался от намерения решить судьбу бессарабских немцев по собственному усмотрению. Согласно «Доверительному протоколу», подписанному В.М. Молотовым и И. Риббентропом 28 сентября 1939 г., была предусмотрена возможность перемещения немецкого населения, проживавшего в сферах интересов СССР и Германии: «Правительство СССР не будет препятствовать немецким гражданам и другим лицам германского происхождения, проживающим в сфере его интересов, если они будут иметь желание переселиться в Германию или в сферы германских интересов. Оно согласно, что это переселение будет проводиться уполномоченными Германского правительства в согласии с компетентными местными властями и что при этом не будут затронуты имущественные права переселенцев»[36]. Уже в конце 1939 г. проводилась эвакуация немцев из западных областей Украины и Белоруссии[37]. В апреле 1940 г. председатель «Немецкого народного совета Бессарабии» Готфрид Бронеске получил из Берлина секретные инструкции, связанные с предстоящим воссоединением Бессарабии с СССР и возвращением немцев на историческую родину. Г. Бронеске организовал учет немецкого населения[38].

Германия, отметил 25 июня 1940 г. Риббентроп в телеграмме германскому послу в Москве фон Шуленбургу, «не заинтересована в вопросе о Бессарабии, однако в этой области проживают около 100 000 человек немецкой национальности. Германия, разумеется, заинтересована в судьбе этих немцев и ожидает, что их будущее будет обеспечено. Германское правительство оставляет за собой право в свое время сделать правительству СССР предложение относительно переселению немцев из Волыни». Согласие Германии с актом воссоединения Бессарабии с Россией было дано, но при этом фон Шуленбург сообщил председателю СНК СССР В.М. Молотову о заинтересованности германского правительства в судьбах немцев Бессарабии и Буковины. 26 июня Молотов заверил посла, что вопрос о переселении немцев из Бессарабии и Буковины будет решен в духе германских предложений[39].

Вступление Красной Армии в Бессарабию 28 июня 1940 г. местные немцы приняли спокойно. В Румынию эмигрировали лишь немногие представители немецкого меньшинства. Однако 4 июня 1940 г. германский посол был принят В.М. Молотовым и сообщил, что в ряде мест Бессарабии, в частности, в колонии Гнаденфельд, произошли изгнания немцев местным населением; очаг межнационального противостояния начал разгораться. Организационная подготовка переселения была начата уже в июле. 5 сентября было подписано советско-германское Соглашение об эвакуации, в котором были зафиксированы договоренности относительно порядка переселения и имущественные вопросы. Правительство СССР не желало, чтобы переселение немцев трактовалось как их изгнание из Бессарабии. В документе объявлялось, что «эвакуации подлежат лица немецкой национальности, которые изъявили желание эвакуироваться», «эвакуация является добровольной, и поэтому принуждение не может быть применено ни прямо, ни косвенно»[40]. На деле немцы понимали, что каждый из оставшийся на родине будет рассматриваться обеими сторонами как нежелательный элемент.

Эвакуацию организовывали германская делегация в составе 599 человек во главе с штандартенфюрером СС Х. Гофмайером и нацистская организация бессарабских немцев. Ее члены помогали германской делегации проводить регистрацию немцев, вели агитацию за выезд, запугивали нежелающих эвакуироваться угрозами расправы с родственниками и выселением в Сибирь. В селе Мариенфельде активист-немец пригрозил: «Что ты будешь делать, когда мы через год будем здесь обратно, но с другими правами?». Германская делегация не возражала против включения в списки на эвакуацию лиц русской, молдавской, украинской, болгарской национальности. Вместе с тем она блокировала выезд в рейх евреев из смешанных семей, настаивая даже на расторжении браков.

Аппарат советской делегации состоял из 252 человек, а также вспомогательного персонала, привлеченного ее руководителем помощником Генерального секретаря наркомата иностранных дел А.П. Васюковым. «Курировал» переселение заместитель наркома А.Я. Вышинский. Советская делегация настаивала на эвакуации только немцев, но никаких попыток контрпропаганды не предприняла. Между тем большинство немцев уезжать не желали. «У основной массы переселенцев, особенно крестьян, — отметил в отчетном документе А.П. Васюков, — настроение было крайне подавленное, и только незначительная часть молодежи и активистов до самого отъезда продолжали петушиться. Много наблюдалось случаев, когда женщины-крестьянки, оставляя свой дом, впадали в глубокий обморок»[41]. Тем не менее, переселенческая операция проводилась четко.

Эвакуация началась 23 сентября. Она осуществлялась железной дорогой, автотранспортом и немецкими пароходами по Дунаю — через порты Килия и Рени. В первый день выехали 4385 чел. До 13 ноября включительно Бессарабию и Северную Буковину покинули 133 138 человек; непосредственно из Бессарабии выехали 93 548 немцев[42], в том числе 27 тыс. проживавших на территории современной Республики Молдова[43]. 506 немцев выехать в Германию все же отказались по семейным или политическим причинам[44]. Наличие столь малого числа «отказников» также свидетельствует о принудительном характере «репатриации». Сталинское руководство позволило правительству Германии совершить это насилие прежде всего по внешнеполитическим мотивам.

Таким образом Советскому Союзу удалось избежать преждевременного конфликта с Германией. Правда, переселение немцев из Бессарабии и Северной Буковины, проведенное в период уборки урожая, сопровождалось экономическими потерями. Местными властями были предприняты попытки организовать сбор поздних культур. Осенью 1940 г. в бывших немецких колониях были поселены более 10 тыс. поляков и украинцев — беженцев из Польши[45]. И все же большая часть земель, ранее обрабатываемых немцами, весной 1941 г. выпала из хозяйственного оборота. Однако приоритетом для руководства СССР оставались соображения безопасности, и партийно-государственное руководство с этими потерями, в общем, смирилось. Таким образом, своих целей сталинское руководство достигло. Имелись основания для удовлетворения и у германской стороны. Германия получила призывной контингент, достаточный для укомплектования целой дивизии, и 23 тыс. крестьянских семей; расселить их правительство могло по своему усмотрению.

Жертвами этой операции стали немцы Бессарабии и Буковины. Прежде всего, они понесли в ходе переселения имущественные потери: лишились недвижимости и большей части другой собственности, им было запрещено вывозить из СССР советские или румынские денежные знаки. Их, а также немцев, выселенных из Добруджи, ждали тяжкий труд, лишения и опасности. Они были поселены не в Германии, а в Западной Пруссии и на оккупированных польских территориях: в земле Вартеланд, Верхней Силезии и районе Люблина, а также в Эльзас-Лотарингии, Люксембурге, Судетской области, Верхней Крайне (Южная Австрия). Еще в 1943 г. составлялись планы использования немцев, переселенных перед войной из СССР, в качестве колонистов в оккупированных районах СССР[46]. Но в конце войны из всех областей нового расселения бессарабские немцы были вынуждены бежать в Германию[47]. Они были распылены, их особая культура потеряла почву для дальнейшего развития. Исчезновение бессарабских немцев как территориального национального сообщества обеднило этнокультурную палитру Европы.

Выселение «контрреволюционного элемента»

В 1940 г. немецкие войска разместились в Финляндии, Румынии, Болгарии, а весной 1941 г. захватили Югославию и Грецию; продолжалась их концентрация в Польше. Одной из мер, принятых сталинским руководством в ответ на угрожающее изменение военно-политической обстановки, стало отселение за пределы приграничной полосы политически сомнительных и «классово чуждых» лиц, призванное обезопасить тыл Красной Армии в надвигающейся войне. 2 марта 1940 г. СНК СССР принял постановление о выселении «неблагонадежных элементов» из Западной Украины и Западной Белоруссии. Постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 14 мая 1941 г.[48] проведение подобных мероприятий было санкционировано также в Прибалтике и Бессарабии.

Без учета фактора предстоящей войны внутренних политических оснований для вселения из Бессарабии политически сомнительных лиц не имелось. Национализация частной собственности и земельная реформа, давшая землю безземельным и малоземельным крестьянам, нарушили имущественные права прежних собственников, и сторонниками советской власти они не были. Но публичные заявления первого секретаря ЦК КП(б) Молдавии П.Г. Бородина о нарастании классовой борьбы не находили подтверждения. При наличии лиц, недовольных политикой советских властей, антисоветского движения (отчасти потому, что в тех условиях оно могло быть только прорумынским) в Бессарабии не возникло. Сообщение наркома внутренних дел МССР Н.А. Сазыкина о том, что с июня 1940 по январь 1941 г. в Кишиневе выявлено более 100 классово враждебных лиц, проводивших антисоветскую деятельность, в действительности свидетельствовало о том, что ни антисоветских организаций, ни социальной базы для их возникновения в республике не имелось. Тем не менее, органы безопасности готовили операцию: составляли списки лиц, подлежащих выселению, заказывали вагоны, необходимые для их перевозки, составляли сметы расходов на переселение. 31 мая 1941 г., когда в местах предполагаемого расселения ссыльнопоселенцев в Южном Казахстане уже было подготовлено для них жилье, проработаны вопросы их трудоустройства и медицинского обслуживания, Уполномоченный ЦК ВКП(б) и СНК СССР по Молдавии С.А. Гоглидзе направил И.В. Сталину письмо, в котором просил о выселении из Молдавии «контрреволюционного элемента» численностью около 5 тыс. человек. Предлагалось переселить за пределы 400-километровой пограничной полосы 368 офицеров белых и царской армий, 140 бывших полицейских и жандармов, 980 членов румынских правых политических партий (члены «Железной гвардии», кузисты, национал-царанисты), 137 бывших помещиков, а также 652 бывших примара. Более половины контингента, подлежащего аресту, 2600 человек, составляли «крупные» домовладельцы и торговцы[49].

13 июня 1941 г НКГБ Молдавской ССР, как и органы государственной безопасности всего западного региона, осуществил операцию по изъятию «антисоветского элемента», в ходе которой были арестованы 4507 человек; вместе с членами семей, также задержанными, число высланных из Молдавии политически сомнительных лиц составило 13 885 чел. Все они были «изъяты» в ночь на 13 июня, доставлены на железнодорожные станции и вокзалы, погружены в эшелоны и отправлены на восток. Выселение проводилось в крайней спешке. На сборы давали всего два часа. Большинство личных дел выселяемых было оформлено небрежно. Таким образом, большая часть выселяемых, даже исходя из официальных критериев, попала в списки без должных на то оснований. В ходе принудительного переселения, случалось, разделяли семьи. Питание в пути было скудным и нерегулярным[50].

Очевидно, в целях обоснования тезиса о том, что основания политически не доверять большинству высланных имеются, в отчетных документах НКВД они были разделены на категории, несколько отличные от упомянутых в письме С.А. Гоглидзе. Среди 4507 арестованных глав семей числились 1681 «активных членов контрреволюционных и участников антисоветских националистических и белогвардейских организаций», 389 бывших служащих царской политической полиции, жандармов, полицейских, тюремщиков, на которых имелись компрометирующие материалы, 1719 социально чуждых лиц: бывшие помещики, фабриканты, чиновники румынской оккупационной администрации и 268 бывших офицеров румынской, польской и белой армий, на которых имелись компрометирующие материалы, и, наконец, 249 лиц, бежавших из СССР в Ру-

мынию в 1920–1930-е гг.[51] Большинство этих людей вряд ли были способны на политические действия. Их переселение без судебного решения, без предоставления доказательств индивидуальной вины, особенно высылка вместе с главами семей женщин и детей — а они составляли две трети контингента, — представляла собой акт государственного произвола.

Политический эффект выселения «контрреволюционных элементов» представляется спорным. Как показали события, в начале войны на территории Молдавии на части Красной Армии не было совершено ни одного нападения, но можно ли объяснить это заблаговременным «изъятием» политически враждебных лиц? Выселение, на порядок преувеличив его масштабы, румынские оккупационные власти использовали в целях пропаганды[52]. Но в служебных документах они расценили депортацию как естественную меру безопасности. Лица, враждебные большевикам, доложил в декабре 1941 года областной инспектор полиции Бессарабии полковник Павел Епуре, высланы большевиками. «Это, — отметил в начале 1942 г. шеф полиции Кишинева Григоре Петряну, — была подготовительная мера в предвидении войны, которая была неизбежна, и заключалась в удалении элементов, могущих оказаться враждебными и обременительными при развертывании операций и считавшихся “5-й колонной” румынской армии»[53]. «Большевики, — отмечено в обзоре сигуранца по поводу активистов довоенных партий, — сочли их агентами-провокаторами в рядах рабочих, выслав всех, кто занимал руководящие посты при прошлых правительствах. Так, из Кишинева были высланы бывшие депутаты Архип, Берлиба, Штирбэц и другие»[54].

Социально-политические мотивы операции были очевидны. Большевики, отметил в ноябре 1941 г. один из авторов бессарабской газеты «Раза», выслали из Кишинева румын, русских антикоммунистов и евреев[55]. Была высказана и конспирологическая версия. Поскольку в числе высланных имелись 953 собственника еврея[56], сигуранца истолковала переселение как меру «еврейских большевиков», направленную на «спасение еврейской буржуазии в предвидении войны»[57]. Выселение, признал И. Антонеску, затронуло не только «румын», но и другие национальные сообщества Бессарабии, включая русских. «Во время русского господства, — заметил он на заседании правительства 26 февраля 1942 г., — пропали или были депортированы и евреи, и другие иноземцы, не только румыны; были высланы даже их русские. Русские не преследовали только политику поражения румынского народа, потому что они депортировали и евреев, и болгар, и украинцев, и своих русских»[58]. Тем не менее, тезис о 200 тыс. «румын», якобы высланных из Бессарабии в предвоенный год, был повторен в пропагандистской книге оккупационной администрации, изданной летом 1942 г.[59] Год спустя бывший член «Сфатул цэрий» И.В. Пеливан сократил цифру высланных вдвое, заявив в брошюре «Из страданий Бессарабии под русским владычеством», что за год из Бессарабии «исчезли» 100 тыс. молдаван[60]. Вероятно, такой цифрой определяли румынские власти численность молдаван, призванных в начале войны в Красную Армию.

В условиях войны выселение «контрреволюционных элементов» была мерой неизбежной. 4 июля 1941 г. народный комиссар внутренних дел СССР Л.П. Берия направил наркомам внутренних дел и наркомам государственной безопасности прифронтовых республик директивное письмо о выселении «социально опасных» лиц на территориях, объявленных на военном положении[61]. В Молдавии выселение уже было осуществлено.

***

Массовые перемещения населения Бессарабии накануне войны были обусловлены политически. Смена государственной принадлежности области вызвала миграционный обмен Бессарабии и Буковины с Румынией. Несмотря на формально добровольный характер отъезда на историческую родину, депортацией являлась «репатриация» бессарабских немцев. И, наконец, выселение во внесудебном порядке политически сомнительных лиц, неизбежное в условиях войны, могло быть осуществлено более избирательно и с меньшими моральными, социальными и политическими издержками.

---

1 Одновременно с Бессарабией к Советской Украине была присоединена Северная Буковина, где преобладало украинское население. До 1918 г. эта область находилась под властью Австро-Венгерской империи.

2 Цит. по: **Назария С.** История без мифов. Вторая мировая война: генезис, ход и итоги. Кишинев, 2010. С. 241.

[3] Национальный архив Республики Молдова (далее — НА РМ). Ф. 680. Оп. 1. Д. 4657. Л. 372.

[4] Carol al II-lea. Între datorie şi pasiune. Însemnări zilnice. Bucureşti, 1996. Vol. II. (1939-1940). P. 210.

[5] Молдавский исторический журнал.1993. № 3 (15). С. 9, 12.

[6] **Hillgruber A.** Staatsmanner und diplomaten bei Hitler. Frankfurt am Mein, 1967. Vol. I. S. 198.

[7] НА РМ. Ф. 1354. Оп. 1. Д. 282. Л. 32.

[8] Там же. Ф. 706. Оп. 1. Д. 1111. Л. 8.

[9] **Кустрябова С.Ф.** Положение трудящихся и демографические процессы в городах Бессарабии (1918–1940). Кишинев: Штиинца, 1977. С. 32.

[10] История Бессарабии (От истоков до 1998 года) / Корд. И. Скурту. Изд. 2-е. Кишинэу, 2001. С. 221.

[11] НА РМ. Ф.706. Оп. 1. Д. 555. Лл. 48, 49.

[12] Из 579 имевшихся в Бессарабии «титулярных профессоров», т.е. преподавателей лицеев и гимназий с высшим образованием, большей частью румын, в Румынию выехали 292 (Там же. Д. 483. Л. 422).

[13] НА РМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 555. Л. 22, 25.

[14] Молдавский исторический журнал. 1992. № 1 (13). С. 23.

[15] **Удлер Р.** Годы бедствий. Воспоминания узника гетто. –Pitsburg; Chisinau, 2003. С. 214.

[16] Правда. 1940. 28 июля.

[17] Холокост на территории СССР: Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2009. С. 613.

[18] **Платон В.П.** Против фашизма за воссоединение с Советской Родиной. 1934–1940. –Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1983. С. 181.

[19] **Лазарев А.М.** Молдавская советская государственность и Бессарабский вопрос. –Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1974. С. 80, 81.

[20] См.: Молдавский исторический журнал. 1993. № 3 (15). С. 9. Того же мнения придерживается академик Р. Удлер (См.: **Удлер Р.** Годы бедствий. С. 50)

[21] Цит. по: **Удлер Р.** Годы бедствий. С. 50.

[22] Подробнее см.: **Шорников П.М.** Цена войны. Кризис системы здравоохранения и демографические потери Молдавии в период Великой Отечественной войны. Кишинев, 1994. С. 9, 10.

[23] Холокост на территории СССР: Энциклопедия. М, 2009. С. 613.

[24] **Анцупов И.А.** Кашубы // Славянские чтения. Материалы научно-теоретической конференции. Кишинев, 2005. Вып. 3. С. 115–120.

[25] **Пасат В.И.** Трудные страницы истории Молдовы. 1940–1950-е гг. М., 1994. С. 65.

[26] **Кустрябова С.Ф.** Положение трудящихся и демографические процессы в городах Бессарабии (1918–1940). Кишинев: Штиинца, 1977. С. 50; **Пасат В.** Суровая правда истории. С. 37–40.

[27] **Лазарев А.М.** Молдавская советская государственность и Бессарабский вопрос. С. 796. Скорее всего, немецкая самооборона просто не допустила отряды повстанцев в свои села.

[28] См.: Памяти С.С. Бантке (Из истории революционного движения в Бессарабии). Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1970.

[29] См.: **Гарусова О.** Генрих Генрихович Блок — сотрудник бухарестской газеты «Наша речь» // Шмидтовские чтения. С. 63–68; **Шорников П.** Молдавская общественность и русская печать Бессарабии в 20-е — 30-е гг. XX в. // Русин. 2006. № 2 (4). С. 146, 151.

[30] **Скворцова А.** Русские Бессарабии: опыт жизни в диаспоре (1918–1940 гг.). Кишинэу: Pontos, 2002. С. 234, 238.

[31] НАРМ. Ф. 680. Оп. 2. Д. 49. Л. 128.

[32] Там же. Оп. I. Д. 3651. Л. 1212.

[33] **Schmidt U.** Die Deutschen aus Bessarabien. Eine Minderheit aus Sudosteuropa (1814 bis heute). 2., durchgesehene Auflage. Bohlau Verlag. Koln; Weimar; Wien, 2004. S. 119.

[34] НАРМ. Ф. 679. Оп. 1. Д. 6378. Л. 8.

[35] **Пасат В.** Суровая правда истории. С. 40.

[36] Советско-германские документы 1939–1941 гг. Из архива ЦК КПСС // Новая и новейшая история. 1993. № 1. С. 89.

[37] **Пасат В.** Суровая правда истории. С. 36.

[38] НАРМ. Ф. 680. Оп. 1. Д. 3192. Л. 533.

[39] **Пасат В.** Суровая правда истории. С. 43, 44.

[40] Там же. С. 58.

[41] Там же. С. 60, 61.

[42] **Cioranescu G.** Bessarabia. Disputed land bafween East and West. Munich, 1985. P. 208.

[43] Подробнее см.: **Шорников П.М.** Цена войны. Кишинев, 1994. С. 9.

[44] Там же. С. 72, 78.

[45] По румынским данным, к лету 1941 г. на юге Бессарабии были размещены 40 тыс. человек, в том числе 15 тыс. поляков и 25 тыс. украинцев, прибывших из Галичины. (Petrencu A. Basarabia în timpul celui de al doilea război mondial (1939–1945). Chişinău, 1997. P. 35). Очевидно, половина из них эвакуировалась в начале войны.

[46] Подробнее см.: **Шорников П.М.** Цена войны. С. 77.

[47] См.: **De Launay J.** Marea Prăbuşire: 1944–1945. Iaşi, 1996.

[48] Там же. С. 94.

[49] Там же. С. 92.

[50] Там же. С. 102.

[51] **Пасат В.И.** Трудные страницы истории Молдовы. 1940–1950-е гг. М., 1994. С. 166, 167. Исходя из интересов пропаганды, в 1941–1942 гг. румынская оккупационная администрация предприняла попытку составить поименный список депортированных. В мае 1942 г. губернатор К. Войкулеску доложил в Бухарест, что большевиками высланы из Бессарабии 14 911 человек, в том числе 10 742 мужчин, 3424 жен-

щины, 745 детей (НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 555. Л. 151). Данные, полученные оккупационными властями, оказались несколько больше действительных, поскольку многие лица, настигнутые немецкими войсками при эвакуации, представили себя жертвами «большевиков».

52 См.: Basarabia dezrobită. F. l. 1942.

53 НАРМ. Ф. 679. Оп. 1. Д. 6677. Л. 316.

54 Там же. Ф. 680. Оп. 1. Д. 4483. Л. 400.

55 Raza. 1941. 2-16 noiembrie.

56 НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 555. Л. 151.

57 Как «депортацию румын и евреев» трактует высылку «контрреволюционных элементов» из Бессарабии в июне 1941 г. и А. Петренку (Petrencu A. Die vergessene Deportation von Rumanen und Juden aus Bessarabien und der Bukovina (1940–1941) // Migration im sudostlichen Mitteleuropa. Auswanderung, Flucht, Deportation, Exil im 20. Jahrhundert. Herausgegeben von Krista Zach mit Flavius Solomon und Cornelius R. Zach. Munchen: IKGS Verlag, 2005. S. 261–269).

58 Цит. по: **Удлер Р.** Годы бедствий. С. 214.

59 См.: Basarabia dezrobită. F. l. 1942.

60 См.: **Petrencu A.** Basarabia în al doilea Război mondial. P. 34.

61 **Пасат В.И.** Трудные страницы истории Молдовы. С. 168.

Александр Дюков

От этнической высылки к депортации «опасного элемента»: литовские и советские депортационные акции в Литве, 1939–1941 гг.

Советские акции по насильственному переселению (депортации) определенных групп населения с территории Литвы в 1941 г. достаточно хорошо освещены как в российской, так и в литовской историографии[1]. Гораздо менее исследованными являются акции по выселению польских беженцев, осуществлявшиеся властями Литвы после присоединения к Литве Вильнюсского края[2]. На периферии исследовательского внимания остается и тот факт, что в начале 1941 года советские власти планировали депортировать из присоединенной Литвы не «антисоветский элемент» (подобные планы появились позднее), а польских беженцев[3]. Между тем, есть основание полагать, что заполнение этих историографических лакун позволит получить более объемную и неоднозначную картину насильственных переселенческих (депортационных) акций на территории Литвы и за ее пределы в 1939–1941 гг.

1. Литовская репрессивная политика в Вильнюсском крае

Стремительное поражение Польши в сентябре 1939 года и введение советских войск на территорию Западной Украины, Западной Белоруссии и Вильнюсского края[4] создали предпосылки для возвращения Вильнюса и прилегающей к нему области под власть Литвы. Оккупированный Польшей в 1920 году и аннексированный в 1922-м, Вильнюсский край на протяжении долгих лет был камнем преткновения между Варшавой и Каунасом. Для литовских властей Вильнюсский край был исторической литовской территорией; точно так же считали и в Москве. Национальная политика Кремля к тому времени претерпела серьезные концептуальные изменения. Вместо применявшейся ранее политики создания национальных «Пьемонтов» — своего рода плацдармов для распространения советского влияния на территории сопредельных государств[5], в Москве теперь предпочитали проводить политику национального размежевания. Согласно этой концепции, украинцы должны были быть собраны в единой Украинской ССР, белорусы — в Белорусской ССР, советские немцы получали возможность выехать в Германию. Возвращение Вильнюсского края Литве было увязано советскими властями с заключением советско-литовского договора о взаимопомощи от 10 октября 1939 г. и восторженно встречено литовским обществом и его политической верхушкой[6]. Однако хотя Вильнюс и был исторически литовским городом, к октябрю 1939 года относительное большинство населения как города, так и прилегавших к нему областей составляли поляки[7]. Ситуация усугублялась наличием в Вильнюсе значительного числа беженцев — поляков и евреев.

Частичное решение вопроса о беженцах было достигнуто уже в ноябре 1939 г. Находившиеся на территории Литвы беженцы получали возможность уехать либо в Германию, либо в СССР[8]. В частности, в СССР могли уехать люди, ранее проживавшие на территории Западной Украины и Западной Белоруссии[9]. Однако проблему преобладания в Вильнюсе польского населения таким образом решить было невозможно — подавляющее большинство отъезжающих в Советский Союз беженцев были украинцами и белорусами по национальности, а число уезжающих в Германию поляков было, судя по всему, невелико.

С середины ноября литовские власти начали проводить в Вильнюсском крае политику «литуанизации», осуществлявшуюся преимущественно полицейскими средствами. Литовский историк Ч. Лауринавичюс описывает эту политику следующим образом: «Следили за тем, чтобы на улицах Вильнюса люди не разговаривали по-польски. Те, кто не владел литовским языком, увольнялись с работы. Жестокость правления проявлялась и в высылке из края не только военных беженцев, но и так называемых «приезжих», то есть тех, кто, по литовскому пониманию, не был коренным жителем… Выселению подлежали те, кто не мог получить или не получил литовского гражданства. Правила

же предоставления литовского гражданства были сложны и неопределенны»[10]. Выселение осуществлялось в другие районы Литвы; к сожалению, к настоящему времени точных сведений о количестве выселенных, обстоятельствах выселения и дальнейшей судьбе этих людей исследователями не выявлено[11].

В Вильнюсском крае литовскими властями также проводились политические репрессии, направленные на борьбу с польским подпольем. О значительных масштабах этих репрессий косвенным образом свидетельствуют литовско-советские дипломатические документы того времени. В конце декабря 1939 г. первый заместитель наркома иностранным дел СССР В.П. Потемкин обратил внимание литовского посланника в Москве на то, что в Вильнюсе действуют «некоторые представители контрреволюционных групп, питающих одинаковую ненависть и к СССР, и к Литовской Республике». Потемкин поставил вопрос о возможности ареста представителей этих подпольных групп и высылки их в СССР[12]. Спустя три месяца, в марте 1940 г. литовский посол в Москве заявил наркому иностранных дел В.М. Молотову, что «действительно вражеская работа против СССР и Литвы со стороны отдельных поляков имела место. Поляки имели даже свои организации, но литовское правительство ликвидировало эти вражеские гнезда»[13]. По всей видимости, речь шла подпольных польских организациях, входивших в так называемый «Союз вооруженной борьбы»[14].

В целом же польское эмигрантское правительство В. Сикорского расценивало проводившуюся литовскими властями политику в отношении польского населения Вильнюсского края как «экстерминационную»[15], то есть направленную на уничтожение. Это, разумеется, было сильным преувеличением, однако то, что политика, включавшая насильственные переселения и политические репрессии, имела антипольский характер, признается некоторыми современными литовскими историками[16].

2. Советские планы по изъятию «контрреволюционного элемента» из числа беженцев

Присоединив летом 1940 г. Литву к СССР, Кремль унаследовал проблему польских беженцев, которую так и не смогли решить литовские власти. Насколько можно судить по выявленным к настоящему времени документам, советские власти эту проблему «с наскока» также решить не смогли. В соответствии с директивой НКВД СССР от 24 декабря 1940 г., в январе 1941 г. началась «регистрация и прием заявлений по оформлению в гражданство СССР от беженцев из бывшей Польши»[17]. Чуть позже, в феврале 1941 г. (процесс регистрации беженцев на оформление гражданства СССР еще продолжался) началась подготовка выселения тех, кто от советского гражданства отказывался. «Разрабатывается оперативный план по изъятию контрреволюционного элемента, который вышлем 20 февраля 1941 г.», — говорилось в датированном 6 февраля спецсообщении НКВД Литовской ССР «О проделанной работе по регистрации и оформлении беженцев в гражданство СССР»[18]. Эта репрессивная акция в некоторой степени носила преемственный характер по отношению к действиям прежних литовских властей в отношении беженцев; однако если репрессивные действия литовских властей имели отчетливый национальный оттенок, то под ударом советских органов безопасности оказывались «нелояльные» вне зависимости от национальности.

К 20 февраля оперативный план так и не был разработан; этому помешало разделение НКВД на наркоматы внутренних дел и госбезопасности[19]. Только 14 марта 1941 года нарком государственной безопасности Литвы П. Гладков сообщил в Москву:

> «*В соответствии с директивной НКВД СССР от 24 декабря 1940 года, под руководством оперативного состава НКВД Лит. ССР, была произведена регистрация и прием заявлений по оформлению в гражданство СССР от беженцев из б. Польши.*
>
> *В результате проведенной работы изъявило согласие принять советское гр-нво — 13 120 чел., отказалось принять советское гражданство — 1822 человека.*
>
> *Среди всех прошедших регистрацию беженцев выявлено к-р элемента, подлежащего аресту 975 человек. На каждое лицо вынесено постановление на арест и об избрании меры пресечения. Арест будет проведен одновременно оперсоставом НКВД и милиции.*
>
> *В отношении лиц, отказавшихся принять советское гражданство по семейным обстоятельствам (желают выехать к близким родственникам на территорию б. Польши, губернаторство и за грани-*

цу) — никаких оперативных мероприятий не проводим.

Прошу санкционировать арест — 975 чел. и указаний в отношении лиц, желающих выехать из Литовской ССР»[20].

Судя по всему, согласие НКГБ СССР на депортацию контрреволюционного элемента из числа беженцев было получено незамедлительно; уже 26 марта 1941 года были подписаны два нормативных документа — инструкция о порядке оформления дел на лиц, выселяемых с территории Литовской ССР, и инструкция для ответственных за погрузку в эшелоны арестованного и выселяемого контрреволюционного элемента из Литовской ССР[21]. Согласно этим документам, высылке из Литвы подлежали беженцы — бывшие офицеры, помещики, фабриканты, полицейские и члены их семей, а также беженцы, отказавшихся принять советское гражданство и не выехавшие за границу[22].

Однако по неизвестным причинам оперативно провести выселение «контрреволюционных» категорий беженцев не удалось. Только спустя месяц, 23 апреля 1941 года нарком госбезопасности Литовской ССР направил в Москву телеграмму о готовности провести операцию по изъятию «контрреволюционного элемента» из числа беженцев (планировалось изъять 2250 человек «контрреволюционного элемента» и 880 членов их семей)[23].

Интересно, что глава НКГБ Литовской ССР намеревался подлежащие изъятию контингенты не высылать, как следовало в соответствии с инструкциями 26 марта, а арестовывать и судить. Он даже сделал раскладку, в каких тюрьмах сколько человек можно содержать во время следствия[24].

Документы, позволяющие понять, какой была реакция Москвы на эту инициативу «снизу», к настоящему времени не выявлены. Однако, судя по всему, инициатива НГКБ Литовской ССР принята не была; ко второй декаде мая 1941 года операция по изъятию «контрреволюционного элемента» из числа беженцев так и не была проведена.

3. Планы «большой» депортации

12 мая 1941 года НКГБ Литвы выступил с принципиально новым предложением — не ограничиваться изъятием контрреволюционных элементов из числа беженцев и провести масштабную депортацию нелояльных из республики.

«На основании имеющихся материалов отмечается, что за последние два-три месяца в республике значительно растет активная враждебная деятельность контрреволюционного элемента.

Этому способствует непосредственная близость границы и подрывная деятельность германских разведывательных органов, которые ведут большую работу через так называемый "литовский комитет", существующий в Германии и через литовские эмиграционные круги, значительная часть коих, бежав из Литвы, осела в Восточной Пруссии.

Из уездных отделов НКГБ поступают сведения, что антисоветский элемент развернул активную враждебную деятельность, направленную на срыв хлебопоставок.

Постановление правительства предусматривает закончить хлебопоставки к 1 мая 1941 года, однако на 10 мая хлебопоставки по республике выполнены только на 23%.

Эта враждебная деятельность выливается, особенно в селах, в открытую антисоветскую агитацию и саботаж.

Следует также отметить рост по республике повстанческих тенденций. [...] Следственным путем установлено, что повстанческие ячейки в уездах республики создаются немцами через так называемый "литовский комитет", откуда непосредственно исходит руководство, директивы, материальная помощь и снабжение оружием.

Среди населения распространяются всевозможные пораженческие слухи, что в ближайшее время неизбежно военное столкновение между Германией и СССР, в связи с чем необходимо готовиться к этому путем создания повстанческих отрядов, обязанностью которых должно явиться поднять восстание в республике, совершать диверсионные акты и разрушение военно-стратегических объектов, транспорта и связи, разоружение частей Красной Армии и террор против коммунистов.

В распространяемых в связи с этим листовках намечаются даже даты восстания, приурочиваемые к военным действиям между Германией и СССР.

Существующая в Литве националистическая повстанческая организация, именуемая "ОРГАНИЗАЦИЯ БОРЦОВ ЗА СВОБОДНУЮ ЛИТВУ", специально в связи с этим выпустила в первых числах мая с.г. циркуляр № 1, который распространяется среди членов этой организации и националистических элементов. В этом циркуляре даются практические указания по созданию диверсионно-повстанческих групп, которые должны развернуть свою подрывную работу на случай военного столкновения (см. прилагаемый циркуляр).

В ближайшее время эта организация должна выпустить циркуляр № 1-ф, в котором будут даны практические указания повстанческим диверсионным ячейкам, действия коих распространяются в городах.

С июля м-ца 1940 по 5 мая 1941 года органами государственной безопасности по республике арестовано враждебного контрреволюционного элемента — 4.137 человек. Несмотря на проведенные репрессии огромное большинство враждебного Советской власти элемента в Литве остается нетронутым и является по существу базой для немецких разведывательных органов по созданию всевозможных контрреволюционных формирований.

В силу этого считали бы совершенно необходимым приступить к очистке Литовской ССР от контрреволюционного элемента, путем ареста и принудительного выселения наиболее активных категорий лиц»[25].

Операцию нарком госбезопасности Литвы предлагал провести очень масштабную; по его предварительным наметкам арестовать предполагалось 19 610 человек (в том числе 1 000 человек уголовного и бандитского элемента[26]), еще 2954 человек намечались к выселению[27]. НКГБ Литвы замахивалось очень широко: предполагалось так или иначе репрессировать большинство «бывших», занимавших в независимой Литве высокое должностное или общественное положение[28].

Судя по имеющимся документам, Гладков добивался принятия своей инициативы очень активно. Не ограничившись докладной запиской от 12 мая 1941 г., 13 мая он продублировал ее телеграммой на имя наркома госбезопасности СССР Меркулова[29]. В Москву была также направлена еще одна докладная практически аналогичного содержания[30].

Роль наркома госбезопасности Литвы в подготовке депортации требует тщательного осмысления. Гладков возглавил НКГБ Литовской ССР всего несколько месяцев назад и, насколько можно судить, с должностными обязанностями не справлялся[31]. Несмотря на указания Москвы, он в течение двух месяцев не мог организовать высылку из республики «контрреволюционного элемента» из числа беженцев; не лучшим образом была организована и борьба с поддерживаемым нацистскими спецслужбами литовским националистическим подпольем.

Следует отметить, что разветвленное литовское националистическое подполье, взаимодействовавшее с нацистскими спецслужбами, не было плодом фантазии наркома госбезопасности Литвы. Еще в ноябре 1940 года при активном участии спецслужб Германии была создана подпольная организация «Фронт литовских активистов»; в Берлине действовало так называемое «Литовское информационное бюро», активно распространявшее в республике листовки с антисоветскими и антисемитскими призывами, а также с призывами к восстанию. Советские органы госбезопасности с подпольем справиться не смогли: с июля 1940 по май 1941 года было вскрыто лишь 75 нелегальных националистических организаций и групп[32].

Не справившись с проблемами в ходе повседневной работы, Гладков обратился в Москву с просьбой разрешить проведение единовременной акции по изъятию «контрреволюционного элемента». Это была попытка «закрыть» собственные должностные промахи.

Предложение Гладкова встретило поддержку в Москве; уже через несколько дней, 16 мая 1941 г. в НКВД СССР был подготовлен проект совместного постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О мероприятиях по очистке Литовской ССР от антисоветского, уголовного и социально-опасного элемента»[33].

Сравнение проекта постановления о депортации с предложениями наркома госбезопасности Литвы Гладкова позволяет выявить весьма любопытный момент. Москва согласилась с необходимостью проведения акции по изъятию «контрреволюционного элемента», однако серьезно ограничила подлежащий изъятию контингент[34]. НКГБ Литвы предлагало за-

чистить республику от всех «бывших», однако в Москве на это не согласились. «Бывших» (за исключением крупных предпринимателей и чиновников) следовало репрессировать только при наличии на них компрометирующих материалов. Это поправка серьезно уменьшила количество депортируемых; если 12 мая НКГБ Литвы предлагало арестовать 19 610 человек (предупреждая, что эта цифра впоследствии возрастет)[35], то в итоге при депортации из республики было арестовано почти вчетверо меньше — 5664 человек[36].

Проект постановления лег на стол руководству страны, и тут в него были внесены новые принципиальные коррективы. В проекте предлагалось провести депортацию лишь с территории Литвы, однако в Кремле решили распространить действие постановления и на остальные прибалтийские республики. В самый последний момент в проект постановления были добавлены Латвия и Эстония. Документ даже не успели перепечатать — слова «Латвийская и Эстонская ССР» вписаны в него от руки[37].

Следует обратить внимание, что практически одновременно с решением об организации депортаций с территории прибалтийских республик Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК СССР санкционировали депортацию членов контрреволюционных организаций из Западной Украины[38]. Депортационная операция на Западной Украине была напрямую связана с полученной органами НКВД-НКГБ информацией о подготовке вооруженного восстания сотрудничавшей с нацистскими спецслужбами Организацией украинских националистов[39]. В Литве мотивация депортационной акции была аналогичной: как раз в это время Фронт литовских активистов при поддержке нацистских спецслужб готовился к нападению Германии на Советский Союз[40].

4. Предварительные выводы

Приведенный выше обзор литовских и советских практик насильственного перемещения населения на территории Литвы в 1939–1941 гг. позволяет нам сделать несколько предварительных выводов, способных послужить ориентиром для дальнейших исследований.

Во-первых, насильственные перемещения определенных «нелояльных» групп населения практиковались не только в Советском Союзе, но и в «малых» восточноевропейских государствах, в частности Литве. При этом для литовских властей наиболее очевидным маркером потенциальной «нелояльности» была национальная принадлежность, а для советских властей таким маркером являлась, прежде всего, принадлежность к «контрреволюционным» категориям.

Во-вторых, после присоединения Литвы к СССР местные советские власти при подготовке репрессивных акций обладали достаточно большой самостоятельностью; при этом, однако, излишне масштабные планы, выдвигавшиеся региональными властями, корректировались Москвой в сторону сокращения.

В-третьих, репрессивные действия как литовских, так и советских властей мотивировались возрастающей активностью «нелояльного» и «враждебного» элемента. Эта активность не была мифической, однако вопрос о соразмерности применяемых против враждебных активистов репрессивных мер требует тщательного научного анализа.

---

[1] См., напр.: Сталинские депортации, 1928–1953: Сборник документов. М., 2005; **Maslauskienė N., Petravičiūtė I.** Okupantai ir kolaborantai: Pirmoji sovietinė okupacija (1940–1941) = **Maslauskienė N., Petravičiūtė I.** Occupants and Collaborators: The First Soviet Occupation (1940–1941). Vilnius, 2007, и др.

[2] См.: **Лауринавичус Ч.** Вильнюс во власти Литвы 1939–1940 гг.: внутренние и внешние аспекты // Международный кризис 1939–1941 гг.: От советско-германских договоров 1939 г. до нападения Германии на СССР. М., 2006. С. 231.

[3] Внимание на это обращается в статье: **Дюков А.Р.** Депортация 1941 года из республик Прибалтики: Механизм принятия решения // Свободная мысль. 2010. № 11. С. 87–96.

[4] О международно-правовых основаниях этой операции см.: **Макарчук В.С.** Государственно-территориальный статус западно-украинских земель в период Второй мировой войны: Историко-правовое исследование. М., 2010.

[5] См.: **Мартин Т.** Империя «положительной деятельности»: Нации и национализм в СССР, 1923–1939 / Пер с англ. О.Р. Щелоковой. М., 2011.

[6] См., напр.: СССР и Литва в годы Второй мировой войны. Т. 1: СССР и Литовская республика (март 1939 — август 1940 гг.): Сборник документов. Вильнюс, 2006. С. 283.

[7] **Лауринавичус Ч.** Вильнюс во власти Литвы 1939 — 1940 гг. С. 229.

[8] СССР и Литва в годы Второй мировой войны. Т. 1. С. 352, прим. 2.

[9] Там же. С. 359.

[10] **Лауринавичус Ч.** Вильнюс во власти Литвы 1939 — 1940 гг. С. 229.

[11] Там же.

[12] СССР и Литва в годы Второй мировой войны. Т. 1. С. 422–423.

[13] Там же. С. 444.

[14] Подробнее об этой организации см.: Польское подполье на территории Западной Украины и Западной Белоруссии, 1939–1941 гг. Варшава; М., 2001.

[15] **Лауринавичус Ч.** Вильнюс во власти Литвы 1939 — 1940 гг. С. 238.

[16] Там же. С. 231.

[17] Центральный архив Федеральной службы безопасности России (далее — ЦА ФСБ). Ф. 3-ос. Оп. 8. Д. 44. Л. 175.

[18] **Maslauskienė N., Petravičiūtė I.** Okupantai ir kolaborantai. P. 278; LYA. F. K-1. Ap. 10. B. 4. L. 27–31.

[19] Подробнее см.: Лубянка. ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ, 1917–1960: Справочник. М., 1997.

[20] ЦА ФСБ. Ф. 3-ос. Оп. 8. Д. 44. Л. 175–176.

[21] Там же. Л. 162–166, 172–174.

[22] Там же. Л. 162.

[23] Там же. С. 177–180.

[24] Там же.

[25] Там же. Л. 183–193.

[26] Об эволюции подходов политики советской власти по отношению к уголовникам см.: **Юнге М.**, **Бриннер Р.** От «социально близкого» до «социально опасного» элемента: преступники и социальная чистка советского общества, 1918–1938 гг. // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447. М., 2009. С. 459–518.

[27] ЦА ФСБ. Ф. 3-ос. Оп. 8. Д. 44. Л. 192–193.

[28] Органы государственной безопасности СССР в годы Великой Отечественной войны (далее — ОГБ). М., 2000. Т. 2. Кн. 2. С. 532; **Ямпольский В.П.** «Уничтожить Россию весной 1941 г.» (А. Гитлер, 31 июля 1940 года): Документы спецслужб СССР и Германии, 1937–1945 гг. М., 2008. С. 151–152.

[29] ЦА ФСБ. Ф. 3-ос. Оп. 8. Д. 44. Л. 194–200; **Maslauskienė N.**, **Petravičiūtė I.** Okupantai ir kolaborantai. P. 284–290; LYA. F. K-1. Ap. 10. B. 4. L. 263–269.

[30] ОГБ. Т. 2. Кн. 2. С. 531–532.

[31] Об этом косвенно свидетельствует дальнейшая судьба Гладкова. В сентябре 1941 г. он был назначен начальником Особого отдела Карельского фронта, но уже в январе 1942-го стал начальником 9-го отдела Управления Особых отделов НКВД СССР. В апреле 1943 г. Гладков пошел на повышение — был назначен начальником УКР «Смерш» Наркомата ВМФ СССР и занимал эту должность вплоть до февраля 1946 г., когда был понижен в должности за служебные злоупотребления (расхищение денег, отпущенных на оперативные нужды). В 1954 г. Гладков был уволен из органов МВД «по фактам, дискредитирующим звание начсостава МВД», а в 1955-м — лишен звания генерал-лейтенанта «как дискредитировавший себя во время работы в органах». (**Петров Н.В.**, **Скоркин К.В.** Кто руководил НКВД 1934–1941: Справочник. М., 1999. С. 146).

[32] **Ямпольский В.П.** «Уничтожить Россию весной 1941 г.». С. 313–314. .

[33] ЦА ФСБ. Ф. 3-ос. Оп. 8. Д. 44. Л. 22–26; ОГБ. Т. 1. Кн. 2. С. 145–146; Сталинские депортации, 1928–1953: Сборник документов. М., 2005. С. 215–216; РГАНИ. Ф. 89. Оп. 18. Д. 3. Л. 2–6.

[34] Интересно, что аналогичным образом — ограничивая численность подлежащих репрессиям — советское руководство действовало при подготовке знаменитого приказа НКВД СССР № 00447. По сравнению с «заявками» региональных органов внутренних дел численность репрессируемых в этом приказе была сокращена на 29 331 человек. См.: Великий терор в Україні: «Куркульська операція» 1937–1938 рр. / Упор. С. Кокін, М. Юнге. Київ, 2010. Ч. 1. С. 27–28.

[35] ЦА ФСБ. Ф. 3-ос. Оп. 8. Д. 44. Л. 192–193.

[36] Там же. Л. 1–4; История сталинского ГУЛАГа. М., 2004. Т. 1. С. 404–405; Сталинские депортации. С. 223; РГАНИ. Ф. 89. Оп. 18. Д. 6. Л. 1–4.

[37] 1941 год: Документы. М., 1998. Кн. 2. С. 221–223; История сталинского ГУЛАГа. Т. 1. С. 394–395; Сталинские депортации. С. 215–217; Лубянка. Сталин и НКВД-НКГБ-ГУКР «Смерш», 1939 — март 1946: Документы. М., 2006. С. 277–279; ЦА ФСБ. Ф. 3ос. Оп. 8. Д. 1. Л. 42–47; РГАНИ. Ф. 69. Оп. 18. Д. 3. Л. 2–6.

[38] Сталинские депортации. С. 193–194.

[39] См., напр.: Роман Шухевич у документах радянських органів державної безпеки (1940–1950) / Інститут національного джерелознавства / Упор. В. Сергійчук, С. Кокін, Н. Сердюк, С. Сердюк; Передмова В. Сергійчук. Київ, 2007. Т. 1. С. 190–194; ГДА СБУ. Ф. 9. Д. 43. Т. 1. Л. 54–58; Ф. 16. Оп. 34 (1951). Д. 10. Л. 10.

[40] См., напр.: **Truska L.** The Crisis of Lithuanian and Jewish Relations (June 1940 — June 1941) // Holokausto prielaidos. Antisemitizmas Lietuvoje = The Preconditions for the Holocaust. Anti-semitism in Lithuania. Vilnius, 2004. P. 194–201.

Владимир Макарчук

Депортации и трансферты населения: зло или неизбежное зло?

Отец американской атомной бомбы, сброшенной на Хиросиму, Р. Оппенгеймер, как-то заявил: «Мы сделали работу дьявола». Вместе с тем официальный Вашингтон всегда отстаивал ту точку зрения, что бомбардировки были совершенно необходимы с военной точки зрения. Американские потери в боях за остров Окинаву были не просто значительны — они показали, что за свои домашние территории японцы будут сражаться с особым ожесточением и фанатизмом. Следовательно, не будь в одночасье уничтожены Хиросима и Нагасаки, следовало ожидать затягивания военных действий на многие месяцы и миллионных потерь с обеих сторон. Понятно, что ни Японию, ни так называемую мировую общественность (объединяющую течения от коммунистов до буржуазных пацифистов) подобные объяснения никак не устраивали. Убийство сотен тысяч мирных граждан объявлялось ими вопиющим нарушением законов войны и общечеловеческой морали, «звериным оскалом американского империализма» и т. п. Этот спор представляется неразрешимым и поныне.

Восточные и центральные европейцы имеют свой пример «работы дьявола» — насильственное перемещение миллионных масс немецкого, украинского, польского, румынского, венгерского и др. населения на новые места постоянного жительства. Не только моральная сторона, но и целесообразность, а также эффективность этого шага вызывают острую дискуссию даже в современном мировом сообществе. Что уж говорить о послевоенной Западной Германии, где десятилетиями активно действовали различные землячества и союзы изгнанных?

С другой стороны, Европа вот уже более 65 лет не знает большой войны, территориальные притязания на уровне государств (но не отдельных личностей и даже политических партий) практически не выдвигаются, европейские границы в большинстве своем служат делу межгосударственного сотрудничества, а не являются очагами напряженности и конфликтов. Не последнюю роль в установлении такого положения дел сыграли политические решения военных и послевоенных конференций, определивших новый облик Европы и мира.

В новейшей украинской исторической и историко-правовой науке депортации и трансферты расцениваются исключительно негативно — как ярчайшие по своей жестокости образчики политики коммунистических тоталитарных режимов. Депортации периода Второй мировой войны были расценены как «наказание национальных меньшинств» за «нелояльность» к советской власти[1]. Что касается обмена населением между Украинской ССР и Польшей, то здесь также преобладают мотивы насильственного изгнания: «Украинское население почти единодушно высказалось за то, чтобы остаться на своей отцовской земле. <…> В сентябре 1945 года польское правительство, не добившись выселения украинцев с помощью террора милиции и организованных спецотрядов, бросило на пространства, заселенные украинцами, три пехотные дивизии с целью насильственного выселения их в УССР. Началась новая волна террора против украинского населения. Осуществлялись генеральные прочесывания лесов, массовые облавы, бандитские нападения на украинские села»[2].

В украинской научно-популярной литературе можно встретить цитаты из заведомой фальшивки за подписью маршала Жукова о грядущем выселении всего населения Западной Украины в восточные регионы Союза ССР, причем ее «комментаторы» заявляют, что лишь чрезмерная численность западных украинцев спасла их от столь неприглядной участи.

Конечно же, идеологические соображения (в смысле борьбы режима с польским, а затем и украинским антикоммунистическим сопротивлением) имели место. Осуществлялись депортации предельно жестко. В распоряжении историков — сотни документов, подтвердающих эту мысль. К примеру, Докладная записка секретаря Львовского обкома КП(б)У Грушецкого секретарю ЦК КП(б)У Н.С. Хрущеву об утверждении материалов на

выселение «семей бандпособников». Как указал автор-составитель записки: «В целях очищения наиболее уязвимых обьектов (линии железной дороги, мостов, автомагистралей, новостроек и прочее), считаем необходимым произвести выселение из отдельных сел — районов Львовской области в отдаленные места Советского Союза — 4 394 семейства в количестве 15 388 человек. В соответствие с постановлением ЦК КП(б)У от 27.XI.45 года направляем на Ваше рассмотрение и утверждение материалы на выселение семей бандпособников. Приложение: списки на 29 листах»[3]. Без санкции прокурора, без сколько-нибудь аргументированного объяснения каждого конкретного случая депортации — одно лишь общее число семей и их членов в том или ином населенном пункте с припиской типа: «с. Чернолява расположено в 15 км от госграницы и в 4 км от ж.д. Львов-Яворов».

Этот советский пример успешно применяли коммунистические власти соседних стран. К примеру, в решении Совета министров Польши относительно операции «Висла», принятом 24 апреля 1947 г., прямо указано: «В связи с необходимостью дальнейшей нормализации отношений в Польше вполне назрело дело ликвидации банд УПА»[4]. То есть власти Польши открыто признавали, что необходимость осуществления полномасштабной силовой акции по переселению населения диктуется исключительно соображениями борьбы с украинским национализмом и его вооруженными формированиями.

Но, как это нам представляется, идея обоснования депортаций и насильственных трансфертов как «наказания» гражданского населения за военные преступления их титульного государства, антикоммунизм и сопротивление режимам (либо, как вариант, его «устрашения») достаточно уязвима. Ведь в главных международных документах, определивших перемещения многомиллионных масс населения Восточной и Центральной Европы, эти соображения отсутствуют. Достаточно обратиться к источникам.

К примеру, в Резолюции № XIII послевоенной Потсдамской конференции «Упорядоченное перемещение германского населения» прямо указано: «Конференция достигла следующего соглашения о выселении немцев из Польши, Чехословакии и Венгрии. Три Правительства, рассмотрев вопрос во всех аспектах, признают, что должно быть предпринято перемещение в Германию немецкого населения или части его, оставшегося в Польше, Чехословакии и Венгрии»[5]. Договаривающиеся стороны никоим образом не увязывают депортации представителей германского населения с их отношением к нацизму, политической активностью или другими, кроме исключительно национальных, признаками.

Аналогично отсутствуют политические мотивы в Соглашении между правительством Украинской Советской Социалистической Республики и Польским комитетом Национального Освобождения об эвакуации украинского населения с территории Польши и польских граждан с территории УССР от 9 сентября 1944 г.: «Обе Договаривающиеся Стороны обязуются после подписания этого Соглашения приступить к эвакуации всех граждан украинской, белорусской, русской и русинской национальностей, проживающих в Хелмском, Грубешувском, Томашувском, Любачувском, Замостовском, Красноставском, Билгорайском, Влодавском уездах и иных районах Польши, пожелавших переселиться с территории Польши на Украину, и приступить к эвакуации всех поляков и евреев, пребывавших в польском гражданстве до 17 сентября 1939 г., которые проживают в западных областях УССР и имеют желание переселиться на территорию Польши»[6]. То есть речь идет исключительно о политически нейтральных национальных признаках; тем самым не подлежали эвакуации в Польшу, например, бывшие государственные чиновники, офицеры польской армии, депутаты сейма и др., если они по национальности являлись украинцами, а не поляки.

Впоследствии провозглашенный в Соглашении от 9 сентября 1944 г. принцип добровольного переселения был де-факто заменен тотальным принудительным выселением чуждого национального элемента. Избежать перемещения в пределы СССР украинец или так называемый русин смог, лишь приняв католицизм и заявив о своей польской национальности.

Важный для обсуждения вопрос — следует ли ставить знак равенства между депортациями внутренними (чеченцы, крымские татары и др.), депортациями внешними (немцы из Восточной Пруссии и послевоенных Польши, Чехословакии и Венгрии в Германию) и трансфертами населения (СССР — Польша, СССР — Чехословакия), отождествляя эти понятия? На первый взгляд — да, уже хотя бы потому, что все эти депортации и трансферты

осуществлялись в своей массе насильственными методами, и поэтому заслуживают однозначного осуждения. Объект — перемещаемое гражданское население — практически всегда оставался в проигрыше.

Посмотрим, однако, на вопрос с практической точки зрения. Какие цели ставили перед собой организаторы «внутренних» депортаций в СССР и других странах Восточной Европы? Наказать реальных или надуманных «виновных», устрашить колеблющихся, подавить сопротивление и тем самым укрепить социальную базу режима.

Были ли достигнуты эти цели? В лучшем случае — частично (польская операция «Висла», депортация «бандпособников» из Западной Украины и Прибалтики). Но тем самым в большинстве случаев власть не столько решала поставленную задачу, сколько откладывала ее на потом. Уничтожить этнос (или его часть) переселением, как правило, не удавалось, и уже второе-третье поколение выселенных становилось новой головной болью для режима (чеченцы, крымские татары, турки-месхетинцы). Кроме того, историческая память даже тех представителей этноса, кто благополучно сберег свою малую родину, упорно подталкивала их в ряды противников режима. Не случайно главными национальными движениями, развалившими Советский Союз изнутри, были национальные движения именно тех народов, которые в наибольшей мере познали на себе всю тяжесть карательно-репрессивной системы и ее нечеловеческого изобретения — депортаций.

Создатель динамита Альфред Нобель искренне считал, что его детище упразднит войны — человечество устрашится разрушительной силы нового оружия. Ничего подобного не произошло, наоборот, с помощью обычных взрывчатых веществ сметались с лица земли целые города (Герника, Ковентри, Дрезден — список бесконечен), а количество жертв войны выросло на порядок. Нечто подобное, если прибегнуть к не совсем корректному сравнению, давали коммунистические депортации, осуществляемые в пределах одного государства. Реальный эффект оказался противоположным ожидаемому, на какие бы расстояния (от 50 км до нескольких тысяч) при этом ни перемещались депортированные.

Трансферты населения и депортация «внешняя» ставили перед их организаторами несколько иные цели, причем эффект от их достижения, наоборот, был достаточно высоким.

Сомнительная честь изобретения «внешних» депортаций многомиллионных масс населения именно по национальному (а не социальному или какому-либо иному) признаку принадлежит не тоталитарным режимам, а самым что ни на есть демократиям. Кстати, и первые концлагеря для гражданского населения опробовали в начале XX века цивилизованные британцы в борьбе против буров.

Уже в ноябре-декабре 1941 г. группа британских экспертов стала рассматривать возможность выселения немцев из Восточной Пруссии на запад. Они рассчитали, что даже с учетом военных разрушений можно будет переселить вглубь Германии около 7 млн немцев. На этих выводах основывался меморандум британского министра иностранных дел А. Идена своему правительству. Военный кабинет утвердил эти предложения 12 февраля 1942 г. и признал, что там, где это будет необходимым, следует произвести трансферт населения[7].

Конечно, и до этого производились массовые депортации, например в СССР, но они: а) были «внутренними»; б) осуществлялись преимущественно по классовому или социальному (так называемые осадники) принципу, но — вплоть до 22 июня 1941 г. — не национальному. Даже выселение греков, болгар, немцев Поволжья и других этнических групп из мест их компактного проживания, осуществленное вскоре после нападения нацистской Германии на СССР, основывалось преимущественно на соображениях военной необходимости и не представлялось необратимым.

Теперь же возникла концепция не просто временного трансферта (эвакуации) целых этнических групп, а их переселения навсегда, в пределы другого государства, без малейшей надежды на возвращение в будущем. И возникла она не в тоталитарном СССР, а в совсем другой части Европы.

Что «забыла» Великобритания в Центральной и Восточной Европе? Почему эти инициативы получили поддержку США (не говоря уже о Советском Союзе, Польше и других заинтересованных странах)?

Дважды на протяжении четверти века верная своим союзническим обязательствам Великобритания оказывалась втянутой в мировые войны, бушующие в континентальной

Европе. Подобно другим западно- и центрально-европейским народам, перенесшим ужасы мировых катаклизмов, английский народ и его правительство сошлись во мнении: «Никогда больше». Позже именно на этой идее будет построена Объединенная Европа — нет и не должно быть таких вопросов, которые нужно было бы решать силой оружия. Слишком большая роскошь жертвовать миллионами человеческих жизней и расшатывать устои национального благосостояния ради призрачной надежды на те или иные приобретения (или сохранение сомнительных преимуществ) в ходе полномасштабной войны.

Итак, следовало попытаться создать такой международный режим, при котором войны перестали бы являться продолжением национальной политики. Лондону, уже фактически осуществившему демонтаж Британской империи (Вестминстерский акт 1931 г.), тем легче было предложить модель бескровного преобразования послевоенной Европы. Следовало любой ценой ликвидировать очаги напряжения, по крайней мере там, где это представлялось возможным.

Первая мировая война ознаменовалась появлением идеи самоопределения наций и народностей как одного из главенствующих принципов формирующегося «нового международного права». Практически одновременно ее выдвинули два политических антипода — президент США Вудро Вильсон и председатель российского Совнаркома Владимир Ленин. Конечно, каждый из них преследовал свою, отличную от другого, цель. Денежные мешки Уолл-Стрит рассчитывали, что ликвидация колониальных империй в силу провозглашения независимости угнетенными народами ввергнет последних в финансовую зависимость от мирового банкира, которым уверенно становились США. В коммунистической Москве, наоборот, рассчитывали, что распад многонациональных империй в Европе, а также массовые движения в колониальном мире станут наилучшей базой для мировой социалистической революции.

Тем не менее, сам лозунг звучал достаточно привлекательно. Каждый народ, большой или малый, отсталый или культурный, имеет право самостоятельно решать свою судьбу. Был придуман и инструмент осуществления этого права — плебисциты.

Но практика их осуществления оказалась весьма далека от теории. Во-первых, заинтересованные страны отказывались от проведения плебисцитов там, где их исход представлялся сомнительным или ожидался высокий процент несогласных. Так, Франция не допустила проведения плебисцита в Эльзасе и Лотарингии, Румыния — в Бессарабии, Польша — в Галиции и на Волыни. Во-вторых, проведение плебисцитов там, где на этом настаивала международная общественность, часто осуществлялось в обстановке жесточайшего террора со стороны ситуативно более сильного претендента. К примеру, мартовский плебисцит 1921 г. в Силезии проходил в обстановке, когда около 200 тыс. немецких беженцев вынуждено оставили места своего постоянного проживания под польским давлением. В-третьих, заинтересованные государства часто не признавали результаты плебисцитов, ссылаясь на недемократическую процедуру их проведения. Так, официальный Каунас не признавал польский плебисцит в Виленской области, Берлин — в Силезии и т.д. Если принять во внимание, что у заинтересованных сторон были еще и союзники, чья позиция отличалась солидарностью, становится понятным, сколь несовершенным оказался этот инструмент осуществления права наций на самоопределение.

В принципе, перечень недостатков института плебисцита при осуществлении самоопределения наций и этнических групп можно легко продолжить. Например, всегда существовали местности, где многонациональное население было густо перемешано (скажем, на словацко-венгерском пограничье словацкие села соседствовали с венгерскими) или даже располагалось своеобразными пластами. Например, в Галиции существовали преимущественно украинскоязычные регионы западнее линии нынешнего разграничения, и наоборот — польскоговорящие к востоку. Или же — то или иное меньшинство быстро увеличивало свою абсолютную численность в противовес стагнации национального большинства (так, в 1950-х гг. албанское население в Автономном крае Косово в составе СФРЮ не превышало 20%, а через несколько десятков лет уже составляло подавляющее большинство).

В предвоенные 1930-е гг. аргументом права наций на самоопределение успешно пользовался канцлер Германии Гитлер (Саарский плебисцит, аншлюс Австрии, также сопровождавшийся плебисцитом, территориальные претензии к Чехословакии и Польше вплоть

до начала мировой войны). Каждый раз озвучиваемая им германская позиция выглядела как апелляция к справедливости — Германию «ограбили» в Версале, теперь же немцы «всего лишь» стремятся осуществить свое право на объединение. Это обстоятельство отмечают в частности авторы польского учебника по международному праву: «Гитлеровские немцы подчас реализовывали свои захватнические планы под предлогом обращения к воле населения»[8].

Использовал аргумент права наций на самоопределение и Сталин (плебисциты 1939 года во Львове и Белостоке, присоединение Буковины).

Следовало ожидать, что после грядущего поражения стран Оси аргумент «права наций» не только не исчезнет, но и еще больше актуализируется.

Как известно, из любой затруднительной ситуации существуют по крайней мере два выхода. Если отбросить утопическую идею «мировой Республики Советов», вынашиваемую большевиками на рубеже 1910–1920-х гг., ситуация с правом европейских наций на самоопределение в годы Второй мировой войны выглядела следующим образом:

— или восстановить старые и провести новые границы, оставив неприкосновенным местное население, и ожидать третьей мировой войны в Европе уже через несколько десятилетий, когда побежденные государства восстановят свою экономическую и военную мощь;

— или осуществить такое переселение народов, при котором прежде спорные территории перестанут быть спорными (или же у государств сохранятся одни лишь «исторические права» без их подтверждения аргументами состава местного населения).

Масштабные депортации и трансферты населения — преимущественно немецкого, но также украинского, польского, белорусского, венгерского — существенно снизили риск выдвижения территориальных претензий государствами, соседствующими в этой части Европы. Подобно тому, как ужасы атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки сдерживали «ястребов» в Вашингтоне, Москве и Пекине от развязывания третьей мировой войны, теперь уже с применением ядерного оружия, так и трагедия депортаций предохранила восточных европейцев от возможной кровавой бойни в годы крушения коммунистических режимов.

К этой парадоксальной мысли подталкивают и те соображения, что межнациональная резня на исходе просвещенного XX века в цивилизованной Европе все же имела место. Но лишь там, где в годы Второй мировой войны «внешних» депортаций не было вовсе (бывшая Югославия) или где национальная политика осуществлялась не столь радикальными методами (Приднестровье). Не следует забывать и того, что волнения на национальной почве в Тимишоаре стали началом конца режима Н. Чаушеску.

Вместе с тем, помимо двух, очевидных в середине XX века сценариев решения национального вопроса (сохранить местное население или депортировать), существовал еще и третий, историческое время которого, к величайшему нашему сожалению, в 1945 г. еще не наступило.

Человечеству потребуются еще десятилетия для формулировки и осуществления идеи Объединенной Европы. В новом наднациональном ЕС границы теряют свое прежнее значение, а права национальных меньшинств гарантированы международными обязательствами государств-участников. Основополагающим принципом присоединения к НАТО служит отсутствие у потенциального члена любых территориальных претензий. Вхождение в Совет Европы требует от государства-претендента глубокого уважения к нормам международного права и соблюдения основополагающих прав человека во внутренней политике. Если бы эти факторы действовали в послевоенной Европе или, как минимум, существовала общая воля народов и их государственных режимов, огромного зла «внешних» депортаций вполне можно было бы избежать.

В заключение выскажем следующее суждение. Несмотря на то, что в годы Второй мировой войны теория и практика депортации национальных групп (причем не только меньшинств) со спорных территорий представлялась меньшим злом, едва ли не единственно возможным способом избежать повторения новых мировых катастроф, существовала еще одна, увы, всего лишь гипотетическая возможность. Речь идет о создании такого международного режима, который бы в максимально возможной степени «упразднил» границы и обеспечил европейским народам право на свободное национальное развитие — подобно тому, как в наше время это сделано в Евросоюзе. К сожалению, в силу многих причин,

прежде всего идеологических, эта идея тогда оказалась неосуществимой.

Можно также выразить надежду, что восточноевропейские страны, включая Украину и Россию, создадут все необходимые условия для своего вхождения в структуры ЕС и тем самым найдут новое демократическое решение национального вопроса в своих многонациональных государствах.

---

[1] Історія України / В.Ф. Верстюк, О.В. Гарань, О.І. Гуржій та ін; Під ред. В.А. Смолія. Київ, 1997. С. 324.

[2] Історія України / Керівник авт. кол. Ю. Зайцев. Львів, 1996. С. 332–333.

[3] Доповідна записка секретаря Львівського обкому КП(б)У секретарю ЦК КП(б)У про затвердження матеріалів на виселення родин учасників визвольних змагань // Депортації. Західні землі України кінця 30-х — початку 50-х рр. Документи, матеріали, спогади.. Львів, 1998. Т. 2. 1946–1947 рр. С. 26–54 (со ссылкой на: ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 23. Д. 2959. Л. 61–88; ДАЛО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 424. Л. 36), 208–235. С. 26.

[4] Ухвала Президії Ради Міністрів Польщі щодо операції «Вісла». 24 квітня 1947 р. // Депортації. Західні землі України кінця 30-х — початку 50-х рр. Документи, матеріали, спогади. У трьох томах. Львів, 1998. Т. 2. 1946–1947 рр. С. 26–54, со ссылкой на: CAW. Sztab Generalny WP. IV.III. T. 615. K. 9. C. 26.

[5] Сообщение о Берлинской конференции трех держав. 2 августа // Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945: Документы и материалы. В 2-х т. М., 1983. Т. 2. 1944–1945. С. 431.

[6] Українська РСР у міжнародних відносинах. Міжнароді договори, конвенції, угоди та інші документи, які складені за участю Української РСР або до яких вона приєдналася (1945–1957). Київ, 1959, со ссылкой на: ЦДАВОУ. Ф. 2. Оп. 7. Д. 1420. Л. 29–40.

[7] **Ткачов С.** Польсько-український трансфер населення 1944–1946 рр. Виселення поляків з Тернопілля. Тернопіль, 1997. С. 15.

[8] **Berezowski C.**, **Libera K.**, **Goralczyk W.** Prawo miedzynarodowe publiczne. Warszawa, 1962. S. 164.

Иван Терлюк

Вторая мировая война и этнодемографические изменения в западных областях Украины

Вторая мировая война привела к огромным демографическим изменениям в Украине, в частности, ее западных областях. Так, за пять лет (1940–1945 гг.) население западных областей Украины уменьшилось на 2320,7 тыс. человек, или на 31,8% (см. табл. 1). Процессы уменьшения населения региона были вызваны как непосредственными военными действиями и истребительной политикой германских нацистов, так и политикой массовых репрессий советской власти и депортаций населения перед войной и в ее начальный период. Важно подчеркнуть, что репрессии затронули представителей всех национальных групп региона. В тоже время острие советской репрессивной политики было направлено, прежде всего, против украинской интеллигенции и крестьянства, польских колонистов, офицеров бывшей польской армии, членов польского административного аппарата и других так называемых «нетрудовых» слоев украинского, польского и еврейского населения. Сейчас по отдельным фрагментам документов воспроизводятся масштабы этой трагедии населения западноукраинских земель. Митрополит Андрей Шептицкий предполагал, что из одной только Галиции советская власть депортировала в 1940–1941 годах около 400 тыс. украинцев[1]. Другие авторы предлагают свои цифры в определении границ репрессий. Только в Казахстан, согласно постановлению СНК СССР от 10 апреля 1940 г., по состоянию на 18 октября 1940 г., то есть за полгода, из западных областей Украины и Белоруссии выселены 60 667 (по другим данным 61 092) человек[2].

Нужно отметить, что потерю части населения западных областей Украины не следует относить исключительно к абсолютным потерям, вызванным вышеуказанными причинами. Весомым фактором уменьшения населения региона была также миграция населения (политическая предвоенного и военного времени и принудительная во время войны). К первой можно отнести репатриацию немцев в 1940 г., осуществленную в соответствии со специальным немецко-советским соглашением «Об эвакуации украинского и белорусского населения с территории Польши, отошедшей в зону государственных интересов СССР» (16 ноября 1939 г.)[3]. Согласно этому документу, немецкое население Западной Украины и Белоруссии было переселено в Германию в конце 1939 — начале 1940 г. Тогда (по данным А. Марианского) из западных областей Украины и Белоруссии было переселено почти 130 тыс. человек[4]. По другим сведениям, только из Восточной Галиции и Западной Волыни было переселено около 100 тыс. человек[5]. С присоединением к СССР Северной Буковины и Бессарабии между Германией и СССР было подписано новое соглашение «Об эвакуации лиц немецкой национальности с территории Бессарабии и Северной Буковины в Германию» (5 сентября 1940 г.)[6]. Как следствие, по состоянию на средину ноября 1940 г. с территории северной части Буковины были эвакуированы 44 577 человек немецкой национальности[7]. Кроме того, по политическим соображениям родину покинули более 10 тыс. украинцев из галицийских и волынских областей перед приходом советских войск в 1939 г. и более 100 тыс. в 1944 г.[8] Подавляющее большинство этих людей составляла интеллигенция. В результате сложилась ситуация, когда в отдельных районах, например, в Козовском, Козливском, Бучацком на Тернопольщине, остались единичные интеллигенты из местного населения[9]. Вместе с немцами, несмотря на тщательную проверку с советской стороны, немало представителей местной, преимущественно украинской интеллигенции, покинули и Буковину. Кстати, этот факт советская сторона не опровергала[10]. По данным историка буковинских украинцев Аркадия Жуковского, территорию Северной Буковины покинуло тогда около 4 тыс. украинцев[11].

Массовые перемещения населения были вызваны непосредственно войной. Так, Красная Армия, отступая, эвакуировала часть населения (по региону были эвакуированы

Таблица 1. Изменения в численности населения западных областей Украины в 1940–1945 гг. в современных административных границах*

Области	Количество населения, тыс. чел.			1945 г. в % до 1940 г.
	Январь 1940 г.	Январь 1941 г.	Январь 1945 г.	
Волинская	1046,9	1031	674	66,0
Ивано-Франковская	1303,3	1462	1048	80,5
Львовская	2495,0	2546	1567	63,0
Ровенская	1078,3	1140**	758	70,3
Тернопольская	1433,5	1576	949	67,1
Всего	7316,7	7755	4996	68,2

* Составлено по: Народне господарство УРСР: Статистичний щорічник. Київ, 1969. С. 22; Перковський А.Л., Пирожков С.І. Демографічні втрати Української РСР у 40-х роках // Український історичний журнал. 1990. №2. С. 17; ЦДАВОУ . Ф. 582. Оп. 11. Д. 46. Л. 13–14.
** Подсчитано по: ДАТО (Государственный архив Тернопольской области). Ф. 1. Оп. 75. Д. 5. Л. 200.

Таблица 2. Национальный состав населения Львовской области (в % к общему итогу)*

Национальный состав населения	Январь 1940 г.			Январь 1944 г.		
	Городское	Сельское	Всего	Городское	Сельское	Всего
Украинцы	22,0	69,3	53,8	37,8	84,3	72,8
Поляки	43,4	25,4	31,3	56,0	15,5	25,5
Русские	1,6	0,5	0,8	4,7	0,2	1,3
Евреи	32,8	4,3	13,7	1,2	-	0,3
Другие	0,2	0,5	0,4	0,3	-	0,1

*Подсчитано по: ДАЛО (Государственный архив Львовской области). Ф. П-3. Оп. 1. Д. 274. Л. 12.

114,7 тыс. человек), преимущественно городского[12]. Это были большей частью неукраинцы — русские, евреи и другие. Гораздо больше украинского населения из Восточной Галиции и Западной Волыни было вынуждено ехать в Германию. За время гитлеровской оккупации из западных областей Украины были вывезены 441 тыс. человек трудоспособного населения[13].

По нашим подсчетам, в целом после освобождения западных областей Украины от немецкой оккупации галицийские области не досчитались 39% населения по сравнению с январем 1941 г., а волынские — 29%. К этим потерям отнесены депортированные лица, беженцы, арестованные и другие. Всего за годы военного лихолетья были уничтожены 1300 тыс. человек, или 16,5% довоенной численности населения западноукраинского региона[14].

Проследим динамику национального состава населения края на примере Львовской области (см. табл. 2). Отраженные в таблице тенденции были характерны и для остальных областей региона. Очевидно, что увеличение процента украинцев как среди городского, так и сельского населения было следствием миграционных процессов из восточных областей и естественного прироста, который не прекращался и во время войны (характерно прежде всего для волынских областей), а также меньших потерь среди украинского населения по сравнению с другими национальными группами в период немецкой оккупации.

Доля поляков заметно уменьшилась в результате ужесточения политики в отношении них (советских властей накануне войны и немецкой командования во время войны) и затем более широкой мобилизации. Кстати, отдельные исследователи утверждают, что в армии генерала В. Андерса (2-й Польский корпус) было 387 тыс. человек из Восточной Галиции[15]. Однако, по нашему мнению, указанная цифра требует больших оговорок. Характерным явлением тогдашней этнодемографической картины региона было возрастание среди населения городов процента польской этнической группы. Сосредоточение поляков в городах в период немецкой оккупации объясняется тем, что значительное количество польских деревень находилось под угрозой так называемых возмездных

акций УПА. Особенно это характерно для территории нынешней Ровенщины. Однако были и отдельные села, базовые для польских вооруженных формирований, где численность поляков, наоборот, росла. Так, в с. Пшебрадже (теперь — с. Гайове) Киверцовского района Волынской области до войны насчитывалось 600 поляков, а в период немецкой оккупации — около 10 тыс. Поляками была организована круговая оборона этого населенного пункта[16]. Эта местность вошла в историю как самый большой центр польской самообороны в период так называемой волынской резни 1943 г.

В целом процент поляков среди населения западных областей Украины после освобождения их от немецкой оккупации был достаточно высоким. Кроме известного во Львовской области, в соседней Дрогобычской поляки составляли 20,3%[17]. В Волынской и нынешней Ивано-Франковской областях их процент был примерно вдвое меньшим, а больше всего поляков сосредотачивалось в Тернопольской области — более 28% всего населения[18]. Не подвергая сомнениям указанную численность поляков на западноукраинских землях, заметим, однако, с большой долей вероятности, что в процент польской этнической группы вследствие тенденциозности как довоенной польской статистики, так и учета населения советскими военно-административными органами в первые месяцы после освобождения попало значительное количество украинцев. В определении этнической принадлежности недооценивались, выпускались или сознательно не принимались во внимание основные ее критерии: вероисповедание, язык и национальное самосознание. Это создавало условия для произвольной трактовки национальной принадлежности. Многие украинцы, прежде всего из-за боязни большевистского террора и желания выехать в Польшу, записывались поляками. Не говоря уже о том, что значительное число их, исходя из меркантильных интересов, сделали это еще до войны. По данным профессора В. Кубийовича, каждый пятый житель современной Тернопольщины накануне войны принадлежал к «спольщеным украинцам»[19]. Хотя факт, что поляки имели относительное большинство среди городского населения многих городов послевоенной Галиции и Волыни, соответствует действительности.

Поляки (а также евреи) составляли около 70% довоенного населения городов западных областей Украины. После изгнания гитлеровцев города по своему национальному составу стали преимущественно польскими. В период оккупации поляки сосредоточива-

Таблица 3. Занятость поляков в отраслях хозяйства Львовской области по состоянию на 1 января 1945 г.*

	Все работники	В т.ч. поляки	Процент поляков
Промышленность и связь	16473	10691	64,9
в т.ч. связь	1752	827	47,2
Водоканалтрест	425	240	56,4
Трамвайный трест	950	803	84,5
Трест «Укргаз»	642	507	78,9
Сельское хозяйство	1377	166	12,0
Заготовительные органы	619	100	16,1
Финансовые органы	1406	194	13,7
в т.ч. банки	812	295	36,3
Торговля	2942	1296	44,0
Учебные заведения	5757	2226	38,6
в т.ч. школы	3764	981	26,0
Охрана здоровья	1734	948	54,6
Искусство	440	321	72,9
Облстатуправление	125	14	11,2
Всего	31066	16151	51,9

* Подсчитано по: ДАЛО (Государственный архив Львовской области). Ф. П-3. Оп. 1. Д. 109. Л. 38.

лись как в Галиции, так и на Волыни (прежде всего в райцентрах и крупных городах). Например, из 17 тыс. населения Луцка по состоянию на июнь 1944 г. поляков было 11,7 тыс., украинцев — 3,8 тыс., русских — 1,03 тыс. человек[20]. В Самборе по состоянию на май 1944 г. из 16 тыс. зарегистрированного населения города поляки составляли около 11 тыс. человек[21]. Во Львове в октябре 1944 г. поляки также были в большинстве (66,7%)[22]. По социальному положению среди польского населения преобладали рабочие и служащие. В отдельных областях края, например, в Дрогобычской и Львовской, поляки преобладали количественно среди этих социальных групп и в большей или меньшей степени были представлены во всех отраслях хозяйства региона. Занятость поляков в отраслях хозяйства Львовской области на 1 января 1945 г. (соответственно всех работников, в том числе поляков и процент поляков) отражена в табл. 3.

Незначительное количество поляков работало в административном аппарате, главным образом советском, в низших звеньях.

Черты геноцида приобрел оккупационный гитлеровский режим в западных областях Украины относительно отдельных национальных групп населения, в частности евреев. Если украинцев, поляков или русских убивали, главным образом, за политические убеждения, то евреев — по национальному признаку. В оккупированных областях Украины было уничтожено почти все еврейское население. Например, если в Самборе до войны проживало более 8 тыс. евреев (больше 20%), то после освобождения осталось всего 21 человек, в Кременце — только 10 человек из почти 10 тыс.[23]. С особой жестокостью немцы истребляли еврейское население с первых же недель оккупации. Например, установлено, что в первые дни гитлеровского режима в Тернополе было уничтожено около 28 тыс. евреев[24]. Еврейское население города, считая, что эти зверства совершают только прифронтовые части, собрав делегацию, обратилось к немецким властям города с просьбой прекратить бесчеловечные погромы. В составе многочисленной делегации (100 человек) были известные люди — профессора, врачи, учителя и т.п. Однако немцы даже не выслушали делегатов: их вывезли грузовыми автомобилями за город и расстреляли. Всего в 30 районах Тернопольской области из 138 тыс. евреев в годы войны были уничтожены 134 тыс.[25].

Нет обобщенных данных и о количестве спасенных евреев. Хотя известно, что в Галиции, например, после изгнания гитлеровцев осталось только 2% довоенного еврейского населения[26]. В то же время следует иметь в виду, что не все галицийские и западноволынские евреи были истреблены нацистами: часть еврейского населения из западноукраинских областей с началом войны ушла с Красной Армией, а часть вообще не регистрировалась как евреи и после войны под видом поляков переехала в Польшу.

Истребление евреев особенно сказалось на количестве и национальной составе городского населения. Если до оккупации в городах Волынской области проживало 152 тыс. человек (14% всего населения региона), то на момент освобождения от гитлеровцев в городах осталось 48 тыс. (6% всего населения, которое проживало в городах на время оккупации). Потери еврейского населени[27]я в городах зависели от масштабов немецких карательных акций в годы войны, а также притока нового населения. Были города, население которых уменьшилось наполовину: Кременец (1941 г. — 27 тыс., апрель 1944 г — 11,9 тыс. человек); Тернополь (1941 г. — 50 тыс., октябрь 1944 г — 16,5 тыс. человек)[28].

Характерным явлением для первых месяцев после перехода фронта была большая миграция в регион русских. Как видно на примере Львовщины, за два послевоенных месяца русских прибыло больше, чем было по состоянию на 1940 г. Речь идет преимущественно о городском населении, по сфере деятельности — работниках административно-руководящего аппарата. Например, в октябре 1944 года среди русских Львовской области руководящие работники советских органов составляли 79,2%, в партийных органах работало 13,2%, а в НКВД-НКГБ, судах и прокуратуре — 48,3% русских[29].

Следовательно, события и процессы нескольких военных лет существенно изменили этнодемографическую ситуацию на западе Украины. В дальнейшем вследствие насильственного обмена населением между Польшей и Украиной, выезда чехов из Волыни и переселения в Польшу немалого количества галицийских и волынских евреев, которым удалось пережить войну, этнический облик западных областей Украины радикально изменился — регион почти полностью утратил прежние национальные меньшинства. Одновременно с украинцами с востока в западноукраинский

регион приехало много русских, количество и значение которых в обществе все возрастали. Проходится констатировать, что в целом национальные процессы в западных областях Украины в послевоенное время стали однообразнее по сравнению с довоенным периодом.

---

1 **Терлюк І.Я.** Етнодемографічна ситуація в західних областях України в 1944 р. // Дослідження з історії України. Вісник ЛДУ. Серія історична. 1993. Вип. 29. С. 81.

2 40-50-е годы: Последствия депортации народов. Свидетельствуют архивы НКВД-МВД СССР / Сост. Н.Ф. Бугай // История СССР. 1992. № 1. С. 123.

3 Центральный государственный архив общественных объединений Украины (ЦДАГОУ). Ф. 1. Оп. 20. Д. 7529. Л. 1–14.

4 **Марианьский А.** Современные миграции населения. М., 1969. С. 116.

5 Енциклопедія українознавства: Загальна частина. Перевидання в Україні. Київ, 1995. Т. 1. С. 153.

6 Государственный архив Черновицкой области (ДАЧО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 47. Л. 1–10.

7 **Осадчук С.Д.** «Додому в Райх!» Переселення німців з Північної Буковини 1940 року (Матеріали, свідчення, документи). Чернівці, 2004. С. 39.

8 Енциклопедія українознавства: Загальна частина. Перевидання в Україні. Т. 1. С. 153, 156.

9 Государственный архив Тернопольской области (ДАТО). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 154. Л. 42.

10 Государственный архив Черновицкой области (ДАЧО). Ф. П-1. Оп. 1. Спр. 77. Арк. 110.

11 **Жуковський А.** Історія Буковини. Чернівці, 1994. Ч. 2. С. 179.

12 **Перковський А.Л.**, **Пирожков С.І.** Демографічні втрати Української РСР у 40-х роках // Український історичний журнал. 1990. № 2. С. 17.

13 Торжество історичної справедливості. Львів, 1968. С. 618.

14 Там же. С. 617.

15 **Луцюк Л.**, **Кордан Б.** Англо-американська держава і українське національне питання // Український історичний журнал. 1992. № 5. С. 116.

16 Центральный государственный архив общественных объединений Украины (ЦДАГОУ). Ф. 1. Оп. 75. Л. 61, 160.

17 Государственный архив Львовской области (ДАЛО). Ф. Р-1863. Оп. 1. Д. 1956. Л. 1–29.

18 ДАТО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 152. Л. 107.

19 **Кубійович В.** Етнічні групи в Південно-західній Україні (Галичині): Національна статистика Галичини. Вісбаден, 1983. С. 113.

20 ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 75. Д. 61. Л. 42.

21 ДАЛО. Ф. П-5001. Оп. 2. Д. 38. Л. 42.

22 ДАТО. Ф. Р-221. Оп. 2. Д. 25. Л. 69.

23 ДАЛО. Ф. П-5001. Оп. 2. Д. 38. Л. 42; ДАТО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 152. Л. 4.

24 Там же. Д. 117. Л. 4.

25 Там же. Л. 7.

26 **Коваль М.В.** Нацистський геноцид щодо євреїв та українського населення (1941–1944 рр.) // Український історичний журнал. 1992. № 2. С. 31.

27 Центральный государственный архив общественных объединений Украины (ЦДАГОУ). Ф. 1. Оп. 75. Д. 61. Л. 150.

28 ДАТО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 152. Л. 51, 53.

29 **Терлюк І.Я.** Росіяни західних областей України (1944–1996 рр.). Етносоціальне дослідження. Львів, 1997. С. 52.

Арон Шнеер

Они стали латышами? Или... немцами?

Социальные аспекты судеб детей из России и Белоруссии, депортированных в Латвию в 1942-1944 гг.

Судьбы детей, оказавшихся в Латвии 1941–1944 гг., — одна из практически не исследованных тем в исторической науке. Известно, что все еврейские дети были уничтожены вместе со своими родителями в 1941–1942 гг. Так, только в Риге были убиты 8 тыс. еврейских детей[1].

Но трагически складывались и судьбы детей-неевреев, угнанных в Латвию из пограничных с Латвией Белоруссии, Псковской, Калининской и даже Курской и Смоленской областей. В ходе антипартизанских операций, проводившихся на этих территориях, мужчины чаще всего уничтожались, а женщины и дети депортировались в Латвию в концентрационные лагеря: Саласпилс, Резекне, Даугавпилс.

О том, как это происходило в деревне Бородулино Дриссенского района Белоруссии и в деревне Бушевка Себежского района Калининской области[2], рассказали очевидцы Л.В. Молоткович и А.А. Дударева: «На нашу деревню нагрянул карательный отряд, который стал поджигать наши дома. Перед этим немцы согнали стариков, больных и калек в кузню и сожгли живьем. Трудоспособных женщин и детей пешком погнали на станцию Дрисса, погрузили в товарные вагоны… Нам дали 5 минут... собраться, выгнали всех на пустырь, оцепили конвоиры, а сами пошли по домам... грабили наше имущество, резали скот и кур. ....на подводы погрузили вещи, а коров погнали. Деревню на заре зажгли. Нас около 200 человек вместе с детьми погнали пешком до станции Зилупе, где погрузили в вагоны. Люки вагонов закрыли наглухо, а двери на замки. По дороге в Зилупе конвоиры нас били прикладами»[3].

Учитывая, что 8 из 10 полицейских батальонов, принимавших участие в операции «Винтерцаубер» (Winterzauber — «Зимнее волшебство»), проходившей 14 февраля по 20 марта 1943 г., были латышскими[4], а население угонялось на территорию, которая являлась родиной бойцов этих батальонов, то это напоминало не столько карательную операцию, сколько поход за рабами, каковыми и станут большинство угнанных. В ходе операции более 1000 детей были отправлены в Саласпилсский лагерь в Латвии.

Другая крупная операция «Генрих» против партизан района Себеж-Пустошка, Пустошка-Невель-Полоцк, Полоцк-Дрисса, Дрисса-Освея-Себеж проводилась с 31 октября по 9 ноября 1943 г. Против партизан действовали 7 латышских формирований[5]. В ходе зачистки этих районов от населения, тысячи людей, в том числе дети, также были депортированы в лагеря Латвии.

Всего же, по данным ЧГК, только через Саласпилс с конца 1942 по 1944 гг. прошли около 12 тыс. детей из указанных областей в возрасте от грудных до 14–15 лет[6].

Однако в справке Социального департамента уполномоченному по размещению советских граждан в г. Резекне от 3 ноября 1943 г. отмечено, что порядковые номера регистрации детей в Саласпилсском лагере достигали 17 683[7]; это позволяет предположить, что число детей, прошедших через лагерь, было намного больше, чем отмечено ЧГК.

Дети отнимались от матерей и размещались в детских бараках, где 5–7-летние девочки ухаживали за грудными младенцами[8]

Социальный департамент, возглавляемый Оскаром Силисом, и организация «Народная помощь» пытались устроить детей в крестьянские хозяйства в качестве батраков.

10 марта 1943 г. в газете «Тевия» (№ 58) опубликовано объявление:

«Раздаются пастухи и подсобные рабочие.

Большое количество подростков из пограничных областей России охотно стало бы пастухами или подсобными рабочими в деревне.

Распределением этих подростков занялась «Народная помощь». Сельские хозяева могут подавать свои прошения о пастухах и подсобных рабочих <...>»[9].

Самые первые размещения детей были сделаны в Рембатской волости и Огре[10].

Во двор «Народной помощи» были доставлены дети 4–12 лет и розданы сельским хозяевам. Галина Кухаренок (1933 г.р.) рассказывает: «Меня, брата Жоржика и сестру Верочку 4 лет передали в Огре одному хозяину. Я работала в поле, убирала рожь, сено, бороновала, вставала затемно, а заканчивала работу, когда становилось темно. Верочка пасла 2-х коров, 3-х телят и 14 овец. Верочке тогда было 4 года»[11].

Изученные документы свидетельствуют, что условия труда детей в хозяйствах были таковы, что представители детского регистрационного пункта в Риге вынуждены были обратиться за помощью в социальный департамент в отдел детского обеспечения. В своем обращении за № 315 от 2 октября 1943 года они пишут: «Малолетние дети русских беженцев <...> без отдыха, с раннего утра до поздней ночи, в лохмотьях, без обуви, при очень скудном питании, часто по нескольку дней без еды, больные, без врачебной помощи, работают у хозяев на несоответствующих их возрасту работах. В своей безжалостности хозяева зашли так далеко, что бьют несчастных, которые от голода теряют трудоспособность <...>. Когда они по болезни не могут работать, им совершенно не дают еды. Они спят на кухнях на грязных полах»[12].

В том же документе рассказано о девочке Галине Шамшура, работающей у хозяина Зариньша, владельца усадьбы Муцениеки Рембатской волости, что Галина из-за невыносимых условий хочет покончить жизнь самоубийством [13].

В другом документе-заявлении, поданном в Социальный департамент хуторянкой-поставщицей молока, содержится просьба «об отборе детей у работающей у нее советской матери», потому что дети мешают работать. Просьба удовлетворена[14].

К сожалению, мною не обнаружено дополнительных свидетельств об условиях жизни русских детей-батраков в крестьянских хозяйствах. И все-таки, далеко не все хозяева вели себя с детьми так, как описано выше. Жизнь у крестьян были несравненно лучше, чем в лагере. Косвенно это подтверждают свидетельства бывших пленных, например, Б. Соколова[15], Э. Белкина[16], Н. Лысенко[17], работавших батраками: чтобы батрак хорошо работал, его надо кормить, и хозяева это понимали. Пленные, работавшие у крестьян, быстро оправлялись от голодной лагерной жизни. И отношение к ним хозяев в большинстве случаев было доброжелательным. Маловероятно, что к детям относились хуже, чем к взрослым пленным.

О количестве детей, переданных сельским хозяевам некоторых волостей, можно судить по сохранившимся спискам. Так в 1943 г. передано детей:

волость Рембате — 226,
волость Сунтажи — 53,
волость Огресгала — 47,
волость Карсдаба — 6,
волость Малпилс — 17,
волость Лаукалнес — 7,
волость Тауркалнес — 8,
волость Бабитес — 31,
волость Ропажу — 55,
волость Мадлиене — 103,
волость Кастранес — 95,
волость Рембате (дополнительный список) — 27 детей[18].

Всего по приведенным данным — 675 детей.

Часть сохранившейся картотеки социального департамента «Остланд» свидетельствует, что крестьянам передано 2200 детей от 4-летнего возраста, однако фактически до 5 тыс. детей, из которых потом около 4 тыс. были увезены в Германию[19].

И все-таки, несмотря на допускаемую мной вероятность более мягкого отношения к детям со стороны их сельских хозяев, факты жестокого обращения к детям с их стороны вынудили Социальный департамент 8 ноября 1943 г. запретить передачу детей-малюток на воспитание сельским хозяевам, так как там их будут эксплуатировать[20].

В Риге и окрестностях была создана сеть приемных и распределительных пунктов, в частности: в Доме Народной помощи ул. Гертрудас, 5, Гребенщиковская старообрядческая община ул. Красту, 76, Детский дом ул. Юмарас, 4, детские дома-приемники в Дубулты, Булдури, Саулкрасты, Игате и Стренчи[21]. Только через Булдурский детский приемник с 1 мая 1943 г. до октября 1944 г. прошли более 500 детей от 2 до 5 лет[22]. Например, в Булдурском детдоме были найдены металлические номера 5692 с выдавленной фамилией Байкова Анна 1939 г.р., Шинскис Антон 1942 г.р., Сергеева Надежда 1938 г.р[23].

Положение в детских домах было катастрофическим, детей кормили недоброкачественными продуктами, о чем свидетельствуют документы об отравлении и заболевании

«воспитанников» Дубултского детского дома сыпным тифом[24].

Поэтому некоторые руководители детских домов, не имея возможности обеспечить своих воспитанников необходимым, нарушали распоряжение социального департамента и передавали детей сельским хозяевам. Так, сохранились расписки руководителей детских домов о получении денег за переданных на село детей. Например, заведующий Дубултским детским домом Бенуа обещает отдать в пастухи Куковского Михаила 8 лет. В этом детском доме дети передавались за 20 рейхсмарок[25]. Из протокола допроса свидетеля Кнелис А.П. узнаем, что «из детдома по улице Юмарас, 4, продавались дети за 8 рейхсмарок в возрасте 10 лет и младше»[26].

Жизнь детей в детских домах находилась под неусыпным контролем службы безопасности. Так, директива начальника полиции безопасности и СД Латвии Неуманн и распоряжение директора социального департамента Силис от 8 сентября 1943 г. требовали предотвратить коммунистическую деятельность в детских домах. В частности, для этого Дубултский детский лагерь находился под наблюдением майора Засс[27].

Детей-малюток в возрасте от 1 года до 5 лет передавали из лагерей в русский женский монастырь по ул. Крышьяна Барона, 126. 16 апреля была привезена первая партия детей из Саласпилса. Дети были доставлены в крытых грузовых автомашинах. Почти все они были без штанов, чулок, а очень многие босиком, худые и больные. Первые партии включали детей до 5-летнего возраста. Трудно было определить родство детей[28]. Всего было доставлено 579 детей[29]. Дети были больны и измучены, покрыты коростой, нарывами, одеты в лохмотья. На груди каждого на веревке — кусочек картона, либо металлические бирки, на которых написаны: фамилия, имя и приблизительный возраст ребенка. На многих бирках только одно слово: «Unbekannter» — неизвестный.

Монахини Ольга Грабовская и Валентина Осокина свидетельствует: «Дети выглядели старичками. Они были худые, а главное в них поражало отсутствие детской веселости, болтливости и резвости. Они могли стоять целыми часами, сложив ручки, если их не посадишь, так же сложа ручки сидят тихо. Дети вообще не разговаривали в течение 2-3-х дней. После они объясняли это тем, что немцы в лагере запрещали им плакать и разговаривать под страхом расстрела»[30].

Представители русской общины в Риге, узнав о прибытии детей в монастырь, предприняли все, что было возможно, чтобы помочь несчастным детям. Основную работу взял на себя монастырь. Церкви обратились к прихожанам с просьбой помочь, и многие люди поспешили подать заявки о том, чтобы взять ребенка того или иного возраста. По словам учительницы Ольги Ивановны Казовой, «на помощь пришло русское учительство, многие учителя просиживали целыми днями, разбираясь в заявлениях и составляя списки»[31].

При монастыре был создан пункт распределения детей, при котором работали также сотрудники отдела детского обеспечения социального департамента — Socialais departaments. Bernu Aizgardibas nodala (далее — ОДО). Судя по сохранившимся документам, большинство детей были взяты под опеку местными жителями и, возможно, впоследствии усыновлены или удочерены. Весь процесс находился под контролем Sicherheits Polizei — полиции безопасности. Так, 7 июля 1943 г. ОДО обращается к Ольге Яковлевой, проживающей в Риге, ул. Блаумана, 26/21.

> *«16 апреля сего года, заключив договор № 1141, Вы приняли под свою опеку и на воспитание ребенка неизвестных родителей из Советского Союза. По заданию немецкой полиции безопасности просим Вас сфотографировать упомянутого ребенка и снимок по возможности скорее передать инспектору детей.*
>
> *Нач. отдела — Андерсоне.*
>
> *Инспектор детей — Г. Кинстлерс»*[32].

Если оформление ребенка затягивалось, над ним зависала угроза отправки обратно в лагерь. Об этом свидетельствует письмо к гражданке Юрген, взявшей ребенка, однако не успевшей оформить документы. Ей напоминают о том, что судьба ребенка может кардинально измениться.

> *«По требованию полиции безопасности Вам предлагается... прислать фотографию ребенка к 23 июля в монастырь Кр. Барона, 126. Если фотография не будет представлена к сроку, т.е. до 1 авгус-*

та, ребенок будет отнят и переведен в Саласпилсский лагерь.

№ 113

10.7.1943. подпись. Е. Юшкевич»33.

Дети, чьи имена и фамилии были известны, сохраняли их.

В другом документе говорится, что детей, «родители которых истреблены, <…> считать найденышами и присваивать латышские фамилии[34]. Подчеркивается, что если фамилия и имя ребенка были неизвестны, то, независимо от национальности опекуна, все неизвестные дети получали латышские имена и фамилии.

Это подтверждают листы с 13 фотографиями неизвестных детей, рожденных в 1938–1942 годах[35].

Справки ОДО от 19 мая 1943 г. № 1062 и № 1288 свидетельствуют, что имя, фамилия и даты рождения устанавливались произвольно. «Ребенок неизвестных родителей, эвакуированный из России, примерно 4 лет, должен получить имя и фамилию. <...> Имя фамилия, год и место рождения ребенка, которого немецкая полиция безопасности привезла в Латвию из Советского Союза, <...> неизвестны. <...> Немедленно доставить ребенка в Рижский дом младенца ул. Капселю, 31, где ребенку дадут имя и фамилию, определят день, месяц и год его рождения...»[36].

Дети, которых никто не взял, были распределены по детским домам Риги и окрестностей. Точное количество их неизвестно. Однако их было не менее 300. Это подтверждается тем, что при отступлении немцев из Риги в октябре 1944 г. из 1-го Рижского детского дома были увезены 160 детей, а из детского дома в Майори — 133 ребенка в возрасте от 2 до 5 лет. Все они были погружены в трюм парохода, уходившего в Германию[37].

Устройством детей занялась и Старообрядческая Гребенщиковская община. При ней был создан женский комитет, с помощью которого было решено организовать детский дом при общине. Учительницы Д. Петринина и О. Казова вместе с другими учителями и школьниками оборудовали помещение и пункт по приему детей. 19 апреля пункт принял первую партию детей до 5 лет и эвакуированных женщин с грудными детьми. Начались заболевания дифтеритом, корью, воспалением легких. «Дети были сильно изнурены, это были трупики». На пункте была организована первая помощь. Доктор Вильде помогала безвозмездно. Однако смертность была очень высокой. Из помещенных в больницу около 50% умерли[38].

Жители Московского форштадта, населенного в основном русскими (еврейское гетто, находившееся в этом же районе, было уничтожено в 1942 году), стало помогать постельным бельем, одеялами. Люди приносили крупу, масло, мыло. Жертвовали также денежные суммы. Полторы недели кормили детей и взрослых, не имея карточек.

Совет общины предоставил в распоряжение женского комитета неограниченные суммы, так как кормить детей и женщин приходилось по коммерческим ценам, хотя были получены и карточки. На пункте Гребенщиковской общины получали три раза в день горячую пищу, причем маленьким полагалось молоко.

На пункте содержались и женщины на последних днях беременности, которые не могли исполнять крестьянскую работу. С наступлением лета были открыты приюты в Дубулты. Часть женщин нанималась к крестьянам и отправлялась в деревню[39].

Точное количество детей, не проживавших в Латвии до войны и привезенных на ее территорию в годы войны, неизвестно. Однако часть этих детей прошла через Социальный департамент. Об этом мы знаем из справки Наркомпроса Латвийской ССР № 2003 от 3 апреля 1945 г., в которой приводится список советских детей, учтенных Социальным департаментом и вывезенных только из Саласпилсского лагеря. Отмечено, что сельским хозяевам отдано 1564 ребенка, в приютах — 636 человек, взято на воспитание малюток — 602. Итого — 2802 ребенка[40].

Возможно, в латвийских архивах обнаружатся новые документы. Однако бесспорно то, что тысячи русских и белорусских детей в 1943–1944 гг. подверглись намеренной насильственной ассимиляции в чуждой для них среде.

Вместе с тем, будем благодарны тем, кто усыновил, удочерил русских и белорусских детей, родители которых были убиты немцами и их пособниками.

Как сложилась жизнь усыновленных и оставшихся в Латвии, а также детей, увезенных в Германию, неизвестно.

Однако этично ли сегодня, спустя столько лет, касаться судеб конкретных людей, которые, вероятно, и не догадываются о своем происхождении?

Приложение

Список беженцев

Прибыли 19 апреля 1943 года через монастырь.

Белевич Ульяна — 1907 г.р. Витебская обл., Освейский р-н, «Освея». Уехала в Рижский округ. Мендельская волость, Ян Межверис, хутор «Калныни».

Белевич Софья — 11 лет, у матери.

Франц — 5 лет, у матери.

Иван — 5 месяцев, умер.

Болтрукова Маланья — 1914 г.р. Калиниская обл., Себежский р-н, Ляховская волость, Скробово. Уехала — Ян Тимошенко, Ленцманская волость, хутор «Лаздынес».

Болтрукова София — 5 лет, у матери.

Петр — 1 год, умер.

Чапкевич Мария — 1904 г.р. Витебская обл., Освейский р-н, «Остров». Уехала в Мадонский уезд, Яунгулбенская волость. Хутор «Ветру маяс» — Милда Лапса.

Чапкевич Ольга — 1943 г.р. Родилась 30 мая в Риге. Умерла в деревне.

Чапкевич Николай — 1 год, умер.

Григорьева Ефросинья — 1901 г.р. Витебской обл. Освейский р-н. Уехала в приют в Дуббельн. (Дубулты. — А.Ш.)

Галина — 6 лет, у матери.

Виталий — 1 год, у матери.

Гирсова Анастасия —1915 г.р. Калининская обл. Себежский р-н, Ляховск, Рылки. Уехала в Дрейлинскую волость, Хутор «Пумпурос». Руйго Ян.

Анатолий — 1 год, умер.

Ермаченко Николай — 2 года. Калининская обл. Себежский р-н. Пироговка. Умер.

Петр — 10 лет. Родился там же, уехал в приют в Дуббельн.

Катрина — 6 лет.

Ефросинья — 11 лет.

Юрасова Ольга — 1917 г.р. Калининская обл. Себежский р-н, «Иорино». Уехала в Мадонский округ, Тирзенской волость, Хутор «Страйпини», Ансис Типанс.

Николай — 8 месяцев, у матери.

Александр — 2 года, у матери.

Козлова Феодосия — 1916 г.р. Калиниская обл, Себежский р-н, «Иорино». Уехала Дрейлинская волость, хутор «Купричас», Ян Лашков.

Галя — 8 месяцев, умерла.

Люся — 2 года, умерла.

Всего в этом списке названо 45 человек, из них 33 ребенка, умерло 13 детей.

Архив Яд Вашем. JM 21223. Л. 771 (ГАРФ. Фонд 7021. Оп. 93. Д. 48. Л. 374, 375).

---

[1] Архив Яд Вашем. 0-53/20. Л. 12.

[2] С 1957 г. в Псковской области.

[3] Архив Яд Вашем. 0-53/20. Л. 2–3.

[4] **Литвин А.** Латышские полицейские батальоны (шутцманшафт) в Беларуси (1941–1944 г.г.) // «Уничтожить как можно больше…» Латвийские коллаборационистские формирования на территории Белоруссии, 1942 – 1944 гг.: Сборник документов / Сост. А.Р. Дюков, В.В. Симиндей и др. М., 2009. Отчет об операции хранится в фонде Начальника СС и полиции Латвии в Государственном историческом архиве Латвии (Фонд Р-82. Оп. 1. Д 4. Л. 1–28).

[5] В состав оперативной группы Еккельна наряду с прочими входили: 313-й и 316-й латышские полицейские батальоны — участок Видера; латышский полицейский полк «Рига» — группа Гахтеля; 283-й латышский полицейский батальон (719 человек в 24 опорных пунктах), силы полицейской участковой службы (600 человек в 22 населенных пунктах), 1-й латышский мотоциклетно-стрелковый взвод (1/78), 1-я рота 317-го латышского резервного батальона — охранная группа Шредера. Приказ (HSSPF) Еккельна о боевой готовности группы Еккельна от 25.X.1943 г. НАРБ. Ф. 4683. Оп. 3. Д. 1022. Л. 90–92.

[6] Архив Яд Вашем. 0-53/20. Л. 6.

[7] Архив Яд Вашем. JM 21223. Л. 770.

[8] Архив Яд Вашем. 0-53/20. Л. 4.

[9] Архив Яд Вашем. 0-53/20. Л. 10.

[10] Архив Яд Вашем. JM 21223. Л. 771 (ГАРФ. Фонд 7021. Оп. 93. Д. 48. Л. 372, 373).

[11] Там же. Л. 11.

[12] Там же.

[13] Там же.

[14] Архив Яд Вашем. JM 21223. Л. 772.

[15] **Соколов Б.Н.** В плену. СПб., 2000. С. 80–114.

[16] **Белкин Э.** Моя Одиссея. «Еврейский камертон». Приложение к газете «Новости недели». 01.08.2002.

[17] Архив Яд Вашем. М-33/104. Л. 4, 77–79.

[18] Архив Яд Вашем. JM 21223. Л. 771 (ГАРФ. Фонд 7021. Оп. 93. Д. 49. Л. 773).

[19] Архив Яд Вашем. 0-53/20. Л. 12.

[20] Архив Яд Вашем. JM/21223. Л. 770.

[21] Архив Яд Вашем. 0-53/20. Л. 9, 57.

[22] Архив Яд Вашем. 0-53/20. Л. 59.

[23] Архив Яд Вашем. 0-53/20. Л. 59.
[24] Архив Яд Вашем. JM 21223. Л. 772.
[25] Архив Яд Вашем. JM 21223. Л. 771.
[26] Архив Яд Вашем. JM 21223. Л. 7731 (ГАРФ. Фонд 7021. Оп. 93. Д. 49. Л. 773).
[27] Архив Яд Вашем. JM 21223. Л. 770.
[28] Архив Яд Вашем JM 21223. Л. 771. (ГАРФ. Фонд 7021. Оп. 93. Д. 48. Л. 370).
[29] Архив Яд Вашем. 0-53/20. Л. 170.
[30] Архив Яд Вашем. 0-53/20. Л. 10.
[31] Архив Яд Вашем. JM 21223. Л. 771 (ГАРФ. Фонд 7021. Оп. 93. Д. 48. Л. 370).
[32] Архив Яд Вашем. 0-53/20. Л. 212–213.
[33] Архив Яд Вашем. 0-53/20. Л. 22.
[34] Архив Яд Вашем. JM/21223. Л. 770.
[35] Архив Яд Вашем. 0-53/20. Л. 26–38.
[36] Архив Яд Вашем. 0-53/20. Л. 39–42.
[37] Архив Яд Вашем. 0-53/20. Л. 15.
[38] Архив Яд Вашем. JM 21223. Л. 771 (ГАРФ. Фонд 7021. Оп. 93. Д. 48. Л. 371).
[39] Архив Яд Вашем. JM 21223. Л. 771 (ГАРФ. Фонд 7021. Оп. 93. Д. 48. Л. 372, 373).
[40] Архив Яд Вашем. JM 21223. Л. 772 (ГАРФ. Фонд 7021. Оп. 93. Д. 49. Л. 772).

Себастиан Шонеманн

Изменяя гражданство: перемещенные лица из Восточной Европы на пути в эмиграцию

I. Введение

В начале 1947 г. политика в отношении перемещенных лиц (англ. DP — Displaced Persons) значительно изменилась. До 1947 г. основным направлением работы Объединенных комиссий в отношении перемещенных лиц была репатриация. После же 1947-го те, кто все еще жил в лагерях для перемещенных лиц и уже показал свое нежелание быть репатриированными, все больше желали воспользоваться возможностью эмигрировать. Основная часть этих перемещенных лиц была родом из Восточной Европы, и эмиграция виделась им единственным способом избежать лагерей[1].

Произошедшая в 1947 г. ликвидация Администрации ООН по оказанию помощи и реабилитации (UNRRA) и учреждение 1 июля 1947 года ее преемника, Международной Организации по делам беженцев (IRO) и ее Подготовительной комиссии (PCIRO), обеспечили возможность реализации на практике этих изменений в политике, так как возможность эмиграция теперь была упомянута в уставе IRO, хотя репатриация все еще рассматривалась в качестве основного подхода[2].

Предложение эмиграции означало сложную процедуру отбора кандидатов из числа перемещенных лиц; важный момент заключался в подтверждении статуса лица как имеющего права на международную поддержку. Данная статья освещает процесс принятия решения в отношении пригодности переселенных лиц из Восточной Европы к эмиграции, а также рассматривает проблему самоопределения перемещенных лиц в качестве будущих эмигрантов в ходе этого процесса. Точнее говоря, внимание сосредоточено на формах заявки на эмиграцию — так называемых заявках в Объединенную организацию по делам беженцев по программе «Забота и поддержка» — в качестве исторического источника для исследований по вопросу изменения самовосприятия перемещенных лиц, поскольку эти заявки отражали автобиографию, опыт гонений в годы войны и решение отказаться от репатриации в рамках политической системы координат послевоенной Восточной Европы. Более того, эти документы являются детальной иллюстрацией к ответам ООН на так называемую проблему беженцев, потому что они выявляют не только административную процедуру и критерии для эмиграции, но также правила, согласно которым строились отношения между переселенцами и представителями ООН.

Признание пригодности для эмиграции на время открывало беженцам путь, который в итоге давал им возможность получить новое гражданство. С самого начала процедура подачи заявки предполагала комплексную оценку правового статуса заявителей, их запросов и их жизней в военные годы и сразу после войны, а также возможность выйти за рамки границ их бывшей родины.

II. Оккупационная политика и перемещение

Война нацистской Германии против Советского Союза и новых присоединенных к нему территорий и республик велась как война на уничтожение идеологического и расового противника. Она основывалась на идее «приобретения» новых земель на востоке как для создания германских поселений, так и для получения ресурсов, идее, широко известной как идеология «пространства для жизни» (нем. Lebensraum). Основываясь на расовом разделении на «этнических германцев» (нем. Volksdeutsche), «инородцев» и евреев, Германия нарушала международное право национальной принадлежности и гражданства на оккупированных территориях[3]. После первоначальной отмены регулирования гражданских прав вследствие террора и дискриминационных декретов означенные группы подвергались преследованиям, лишению свободы, эксплуатации и убийствам.

Одним из наиболее тщательно проработанных планов, предназначенных для Восточной Европы, был позорный «План “Ост”», подготовленный РСХА в период между 1939/1940 и 1942 гг.. «Эксперты» и профессионалы в стратегическом планировании наметили тактику установления «нового порядка» в Европе, управляемой германским законом. Эта тактика предусматривала германизацию завоеванных народов, что подразумевало массовые депортации, высылки и уничтожение коренного населения, особенно евреев. Немногих из тех, кого бы оставили в их странах, планировалось низвести до уровня бесправных рабочих — рабов для своих германских колонизаторов[4].

В 1942 г. убежденность в том, что население оккупированных территорий может служить источником рабочей силы для промышленности, приобретала все большее значение. Она привела к проведению жестоких рейдов «трудовой мобилизации» и чудовищным массовым депортациям. Число этих депортаций в Рейх увеличилось летом 1944 года, когда Германия впервые была вынуждена ликвидировать свои концентрационные лагеря в Польше, Эстонии, Латвии и Литве.

В результате этих «эвакуационных» перевозок и принудительных депортаций рабочей силы с востока на запад, огромное количество депортированных лиц стало в прямом смысле слова перемещенными: они оказались в стране, имея небольшое количество социальных связей с внешним миром или вообще не обладая таковыми, а также не зная языка этой страны[5].

III. Освобождение, репатриация и эмиграция

В 1944 г. в силу разных причин национал-социалистическое руководство решило, что все лагеря, которые могут быть освобождены союзными войсками в ближайшее время, следует ликвидировать, и в них не должно остаться ни заключенных, ни каких либо улик, свидетельствующих о нацистских преступлениях. Это решение привело к тысячам погибших в ходе смертных маршей; общее число умерших в результате этой акции превысило количество заключенных в некоторых концентрационных лагерях Германии.

После капитуляции Германии большинство из освобожденных заключенных остались перемещенными. Более того, большинство из них находилось в странах, виновных в совершении преступлений. Уже в 1944 г. власти западных союзных войск, в том числе Верховное главнокомандование экспедиционных сил союзников в Западной Европе (SHAEF), организация-основатель Центральной поисковой службы в начале 1945 года и первое поисковое агентство и предшественник ITS (Международной поисковой службы — International Tracing Service), задумывались над положением переселенцев. Все союзные ведомства видели в репатриации подходящую возможность решить «проблему» беженцев и перемещенных лиц[6]. В итоге UNRRA было поручено оказывать поддержку в процессе репатриации граждан ее стран-участниц. UNRRA непосредственно занималась следующими вопросами: «(1) заявками тех <…>, кого обязали покинуть свои дома в силу военных условий и кто оказался на освобожденной или завоеванной территории; <…> заявками тех, кто не имеет гражданства, кто был перемещен со своих мест постоянного проживания в результате войны в стране, гражданами которой они являются, с целью вернуть в их места проживания<…>»[7].

В 1946 г. стало очевидно, что не все переселенцы согласны, чтобы их вернули в их бывшие родные земли. Ликвидация UNRRA стала удобным поводом, чтобы переформулировать правовые подходы к проблеме эмиграции. В уставе преемника UNRRA — международной Организации по делам беженцев (IRO) — можно найти определение беженцев и перемещенных лиц в качестве групп, которые представляют интерес для IRO[8]. Таким образом, термин «беженец» «применяется к лицу, которое покинуло или находится за пределами своей страны происхождения или прежнего постоянного места жительства»; термин «перемещенное лицо» «применяется к лицу, которое в результате действий властей или режима <…> было депортировано или обязано покинуть свою страну происхождения или прежнее постоянное место жительства, как, например, лица, принужденные к каторжной работе или депортированные по расовым, религиозным или политическим причинам».

Хотя репатриация и оставалась главной целью IRO согласно ее уставу, возможность эмиграции была четко определена в качестве альтернативы. В уставе IRO говорится,

что каждый человек, у которого имеются «веские возражения» против возвращения в свою родную страну, должен «получить поддержку со стороны международного сообщества либо для возвращения в его страну происхождения или в прежнее постоянное место жительства, либо в поиске нового дома в любом другом месте<…>»[9]. Признание этих «веских возражений» было связано со строгой административной процедурой смены гражданства, которую я хочу осветить в этой далее.

IV. Заявка на новое гражданство: программа IRO «Забота и поддержка»

Когда 1 июля 1947 г. подготовительная комиссия IRO начала свою работу, она приняла на себя ответственность почти за 704 тыс. беженцев и перемещенных лиц[10]. В виду того, что эти вопросы передавались из UNRRAв ведение программы «Забота и поддержка» IRO и последующих изменений в политике, была введена практика тотальной регистрации[11]. В 1948 г. число людей, получавших помощь от IRO, уменьшилось до 598 тыс. человек, большинство из них были выходцами из Восточной Европы. Согласно статистическим данным, подготовленным IRO, самые большие группы беженцев были из Польши, Прибалтийских республик и Украины[12]. Кроме того, каждый четвертый среди этих переселенцев был евреем.

Программа «Забота и поддержка» IRO была одновременно и поддержкой для нуждающихся людей, и программой для переселения беженцев или перемещенных лиц. Если человек просил поддержки IRO, то сначала он должен был подать заявку на участие в программе в лагерях для перемещенных лиц[13]. Обычно процесс подачи заявки начинался с интервью с так называемым офицером по проверке пригодности[14]. Податель заявки должен был подтвердить свою личность и разъяснить причины того, почему он не захотел вернуться на свою прежнюю родину. Далее он должен был прояснить место своего проживания и работы в военное время и сразу после войны. Кроме того, статус подателя заявления классифицировался как «беженец» или «перемещенное лицо» в зависимости от признания пригодности лица для получения поддержки IRO. После принятия конечного решения администрации IRO относительно признания подателя заявления имеющим право на помощь ему выписывалась регистрационная карточка перемещенного лица[15]. Тогда у заявителя появлялась возможность жить в лагере IRO и на добровольной основе участвовать в курсах по профессиональной подготовке или языковых курсах, проводимых организацией.

Если какое-то государство выражало желание принять иммигрантов, IRO начинала переговорный процесс об условиях переселения[16]. После достижения договоренности такие государства обычно отправляли выборные комиссии в лагеря для перемещенных лиц[17]. Со стороны IRO перемещенные лица информировались о подобных возможностях эмиграции. После первого предварительного отбора выбранные лица перемещались в специальные центры для переселения. Там будущие эмигранты проходили повторное собеседование с государственными отборочными комиссиями. Если переселенец соответствовал критериям отборочной комиссии, он (или она) мог наконец-то эмигрировать. Обычно эмигранты прибывали в страну назначения на кораблях, поэтому им нужно было переезжать в так называемые международные центры посадки на суда IRO[18].

Кто-то может подумать, что наиболее подверженным критике пунктом предложенной эмиграции была эта заявка, в частности признание пригодности для эмиграции. Как говорилось выше, оно было напрямую связано с мандатом IRO. Более того, эмиграция, а следовательно, и отказ от репатриации в качестве способа переселения зависели от причин, которые человек приводил против возможности быть возвращенным на свою родину. Признанными «вескими возражениями» против репатриации были гонения или угроза их возникновения в связи с расовыми, религиозными, национальными или политическими взглядами. Более того, если человек заявлял о семейных обстоятельствах, ставших результатом подобных гонений, то такие обоснования также признавались[19].

Следуя этим положениям, служащий по проверке пригодности должен был выяснить два вопроса: (1) Отвечает ли заявитель критериям определения «беженец» или «перемещенное лицо»? и (2) Имеются ли у него «веские возражения» против репатриации? Данная процедура подачи заявки докумен-

тировалась офицерами в так называемой форме CM-1. Вся информация о заявителе вносилась в эти формы — процедура, которая также означала и одновременное заведение дела на любого переселенца. Документы, относящиеся к полученной медицинской помощи, перемещениям между различными лагерями и, конечно, окончательному переселению, также вносились в эти формы CM-1. К тому же, если в процедуре подачи заявки требовалось дальнейшие расследование, например, в связи с тем, что у заявителя не было документов, подтверждающих его место проживания во время войны, вся дальнейшая информация, выдаваемая администрацией IRO, также вносилась в эти формы CM-1.

Эти документы очень важны для изучения по нескольким причинам. Они свидетельствовали о вынужденной миграции заявителя через определенные страны. Более того, заявитель должен был продемонстрировать изменение своей идентификации при прохождении различных проверок: он подтверждал, что он фактически является жертвой гонений и возможным эмигрантом. Он также говорил о своей национальности и гражданстве, о документах, которые могли быть утеряны или которые просто невозможно было получить в силу изменившейся политической структуры послевоенной Восточной Европы. Кроме того, форма заявки свидетельствовала о стараниях служащих по проверке пригодности при попытках идентифицировать национальную принадлежность такого заявителя.

Среди прочего случалось, что не все заявители соответствовали критериям для получения поддержки IRO. Обычно они не входили в группы, о которых IRO заботилась согласно своему мандату. На первый взгляд может показаться, что никаких документальных подтверждений отказа после подачи заявки не существует, кроме одного. Пригодность для получения помощи объявлялась специальными служащими по проверке пригодности в лагерях, согласно приказам, исходящим от Департамента здравоохранения, социальной помощи и поддержки. Для того чтобы обеспечить принятие этими офицерами справедливых решений, соответствующих принципам IRO, устав этой организации требовал, чтобы каждый заявитель, получивший отказ, имел возможность обратиться с апелляцией по данному решению[20]. В ноябре 1947 г. был организован наблюдательный совет, выполнявший функции судебного органа при работе с апелляциями внутри IRO. Этот наблюдательный совет перемещался между лагерями переселенцев в особой оперативной зоне для того, чтобы консультировать получивших отказ заявителей, чьи апелляции были доставлены в Женеву. В этом случае у человека, подававшего апелляцию, появлялась возможность заявить о своем деле[21]. После слушания советом принималось окончательное решение. Только в сомнительных случаях решение откладывалось и перенаправлялось в головной офис.

V. Ликвидация Международной организации по делам беженцев

IRO была ликвидирована в январе 1952 г. Последняя проведенная ею перепись содержала 177 тыс. перемещенных лиц, все еще получавших помощь от этой организации по состоянию на 1 января 1952 г.[22] После закрытия IRO западногерманское правительство взяло на себя заботу о перемещенных лицах, остававшихся в Германии. Последний лагерь для переселенцев в Западной Германии, Фёренвальд, был закрыт в начале 1957 г. Подчиняясь законам Западной Германии, термин «перемещенные лица» был заменен на термин «бездомные иностранцы» (нем. heimatlose Ausländer).

После того, как IRO завершила свою работу по программе «Забота и поддержка», вся документация по ней была передана Верховному комиссару ООН по делам беженцев (англ. United Nations High Commissioner for Refugees (UNHCR)). Международная поисковая служба (ITS) получила часть этих документов в 1952 г. и позднее. В итоге они послужили (и все еще служат) документальным доказательством работы Международной Организации по делам беженцев. Изначально задуманная как международное центральное поисковое агентство для жертв национал-социализма, Международная поисковая система (ITS) собрала с момента начала своей деятельности в 1945 году все виды документов, которые могли бы прояснить судьбы тех, кто подвергся гонениям. Чтобы выполнить эту задачу, было необходимо получить информацию о местонахождении выживших, то есть переселенцев. Поскольку ITS управлялась организациями, занимавшаяся проблемами

переселенцев, а именно Штабом верховного командования союзных экспедиционных сил (SHAEF), Администрацией ООН по оказанию помощи и реабилитации (UNRRA) и Международной Организация по делам беженцев (IRO), она могла собрать, среди прочего, документы о регистрации переселенцев, номинальные списки состава лагерей переселенцев, транспортные и эмиграционные списки и данные по программе «Забота и поддержка» IRO.

---

[1] **Wyman M.** DPs. Europe's Displaced Persons, 1945–1951. Ithaca&London: Cornell University Press, 1998. P. 178–205.

[2] В энциклопедии Британика Международная Организация по делам беженцев описывается следующим образом: «(IRO), временное специализированное агентство Организации Объединенных Наций, которое в период между своим формальным основанием в 1946 г. и прекращением своей деятельности в январе 1952 г. оказывало поддержку беженцам и переселенцам во многих странах Европы и Азии, которые либо не могли вернуться в свои родные страны, либо не желали возвращаться в силу политических причин. Начав свою деятельность 1 июля 1947 года IRO продолжила работу организации-предшественника — Администрации ООН по оказанию помощи и реабилитации<…>».

[3] **Neumann F.** Behemoth. Struktur und Praxis des Nationalsozialismus 1933–1944. Frankfurt: Fischer, 1984. P. 191–216.

[4] Der Generalplan Ost: Hauptlinien der nationalsozialistischen Planungs- und Vernichtungspolitik / Ed. Mechtild Rössler & Sabine Schleiermacher. Berlin: Akad.-Verlag, 1993.

[5] Я акцентирую внимание на данном утверждении потому, что оно стало использоваться в послевоенный период, когда такие международные агентства, как IRO, сформулировали разницу между беженцами и переселенцами.

[6] **Woodbridge G.** UNRRA. The history of the United Nations Relief and Rehabilitation Administration. New York: Columbia University Press, 1950. P. 469–475.

[7] Ibid. P. 471.

8 Constitution of the International Refugee Organization and Agreement on Interim Measures to be taken in respect of refugees and Displaced Persons (Конституция Международной Организации по делам беженцев и Соглашение о временных мерах, применяемых в отношении к беженцам и переселенцам), 14.1.1947 (15.12.1946), Digital Archive, 6.1.1, Folder 38, 82503178, ITS Bad Arolsen.

[9] Ibid.

[10] Executive Secretary of the Preparatory Commission, «Report to the General Council of the International Refugee Organization, 1 July 1947 to 30 June» (Исполнительный секретарь Подготовительной Комиссии, «Отчет общему совету Международной Организации по делам беженцев, с 1 июля 1947 г. до 30 июня») (Geneva: Palais des Nations, 1948).

[11] Ibid.

[12] На 30 июня 1948 г. примерно 250 тыс. человек из Польши, 135 тыс. из Прибалтики и 90 тыс. из Украины получали помощь по программе «Забота и поддержка» Международной Организации по делам беженцев. IRO, «The facts about refugees» (IRO, «Факты о беженцах») (Geneva: Palais des Nations, 1948).

[13] Эта заявка называлась «Заявка на получение помощи от Международной Организации по делам беженцев (IRO)» («Application for IRO Assistance»). За процедуру подачи заявок отвечал Департамент здравоохранения, социальной помощи и поддержки Международной Организации по делам беженцев (IRO). В архивах Международной поисковой службы (ITS) содержится примерно 350 тыс. файлов CM-1.

[14] Лицо, которое признавали не подходящим для получения помощи от Международной Организации по делам беженцев (IRO), имело право подать апелляцию по данному решению в наблюдательный совет по апелляциям о пригодности. IRO, «The facts about refugees» (IRO, «Факты о беженцах») (Geneva: Palais des Nations, 1948).

[15] Существует два вида регистрационных карточек переселенцев. После признания статуса переселенца выпускалась регистрационная карточка DP-2 общего назначения. Другой вид карточек — это карточка сборного пункта, которая выдавалась по прибытии в Сборный пункт Международной Организации по делам беженцев (IRO). Оба вида карточек можно найти в архиве Международной поисковой службы (ITS).

[16] IRO, «Emigration aus Europa, ein Bericht der Erfahrungen» (Geneva: IRO, 1951. P. 42–62).

[17] Отдел по вопросам репатриации и переселения Международной Организации по делам беженцев (IRO) отвечал за ведение переговоров по вопросам иммиграции с различными государствами от имени Международной Организации по делам беженцев (IRO). IRO, «The facts about refugees» (IRO, «Факты о беженцах») (Geneva: Palais des Nations, 1948).

[18] Со стороны Администрации Международной Организации по делам беженцев (IRO) единственным доступными сводными данными о финальном этапе процесса эмиграции является информация о числе признанных иммигрантов по национальному признаку. До 31 декабря 1950 г. США, Австралия, Израиль, Канада, и Великобритания разрешили самые высокие квоты на иммигрантов. IRO, «Emigration aus Europa,

ein Bericht der Erfahrungen» (Geneva: IRO, 1951. P. 35). Архивы Международной поисковой системы (ITS) содержат два вида документации, касающейся финальной части эмиграции. В Переселенческом центре составлялись последние номинальные списки отбывающих переселенцев. Другой номинальный список создавался в Центре посадки на суда, когда эмигранты регистрировались на борт корабля.

[19] Дословно в конституции говорится следующее: «[Л]ица подпадают под опеку Организации <…>, если они могут быть репатриированы <…>, или они четко выразили, при получении полной свободы и после получения полной информации о всех фактах, включая соответствующую информацию от Государств своих стран происхождения или бывших мест постоянного жительства, веские возражения против возвращения в эти страны. Следующее должно рассматриваться в качестве веских возражений: (1) гонения, или страх, основанный на разумных основаниях возникновения подобных гонений в виду расовых, религиозных, национальных или политических различий <…>; (2) Возражения политического толка, оцененные Организацией (ООН) в качестве «обоснованных» <…>; (3) <…> семейные причины, ставшие результатов возникших до этого гонений <…>» Конституция Международной Организации по делам беженцев и Соглашение о временных мерах должны приниматься во внимание в отношении беженцев и переселенцев, 14.1.1947 (15.12.1946), Digital Archive, 6.1.1, Folder 38, 82503178, ITS Bad Arolsen.

[20] Исполнительный секретарь Подготовительной Комиссии, «Отчет общему собранию Международной Организации по делам беженцев, с 1 июля 1947 по 30 июня» («Report to the General Council of the International Refugee Organization, 1 July 1947 to 30 June») (Geneva: Palais des Nations, 1948. P. 44–46).

[21] После первого года работы Международной Организации по делам беженцев (IRO) примерно 6 тыс. заявок были переданы в Женеву. Фонды архива международной поисковой службы (ITS) содержат информацию о некоторых подобных случаях.

[22] **Wyman M.** DPs. Europe's Displaced Persons, 1945–1951. Ithaca&London: Cornell University Press, 1998. P. 202.

Виктор Кондрашин

Голод 1946–1947 гг. в России и Украине: общее и особенное

В истории народов России и Украины одной из трагических и малоизученных страниц является голод 1946–1947 гг. Его осмысление на основе достоверных и доступных широкой общественности источников является актуальным в контексте ведущейся в последние годы активной и непростой дискуссии в России и Украине о судьбах народов в советский период их истории, общем и особенном в ходе важнейших его событий, к числу которых, на наш взгляд, относится и рассматриваемая проблема.

Она актуальна и в свете развернувшейся дискуссии о цене за создание и развитие СССР, заплаченной его народами в период его существования, которая выводит на более глобальную проблему — об историческом значении советского периода для России и Украины.

Тема голода 1946–1947 гг. в России и Украине замалчивалась в СССР, поскольку сталинское руководство, а вслед за ним и последующие лидеры не признавали его факт. Лишь в 1988 году в четвертом томе коллективного труда по истории советского крестьянства о нем впервые было сказано авторами, но очень кратко, без должного глубокого и всестороннего анализа[1].

Ситуация изменилась после распада СССР и крушения советской системы. Тема голода 1946–1947 годов привлекла внимание исследователей как в России, так и Украине. В последние десятилетия в России сформировались две позиции по данному вопросу, основанные на изучении значительного комплекса ранее недоступных исследователям источников. Сторонники первой, к числу которых относится и автор настоящей статьи, считают, что голод 1946–1947 гг. принципиально отличается от первого сталинского голода 1932–1933 гг., поскольку в комплексе объективных и субъективных его причин главными были засуха и последствия войны, то есть объективные факторы, а лишь потом действия власти (то есть субъективный фактор). В 1932–1933 гг., как известно, ситуация была принципиально иной[2]. Здесь же свою роль сыграл и фактор начавшейся холодной войны, который учитывался сталинским руководством СССР при формировании государственных резервов зерна и их сбережении на случай войны в условиях голодного кризиса 1946–1947 годов. В первые послевоенные годы среди комплекса причин голода отсутствовала важнейшая причина великих голодовок 1891–1892 и 1932–1933 гг. — индустриальная модернизация страны. По сравнению с ситуацией в годы коллективизации у существовавшего режима не было необходимости любой ценой разрушать старое и создавать новое сельское хозяйство, подавлять сопротивление крестьянства. Победившему в страшной войне СССР не нужны были никакие потрясения. Перед страной стояли тяжелейшие задачи восстановления народного хозяйства и противостояния Западу в условиях начавшейся «холодной войны»[3].

Сторонники второй точки зрения на причины голода 1946–1947 гг. в СССР доказывают, что этот голод явился прямым следствием действий властей, спровоцировавшим его политикой чрезмерных хлебозаготовок, которая не учитывала засуху и положение голодающего населения и ставила геополитические интересы страны и положение правящей бюрократии на первое место. Отсюда голодный экспорт в страны Восточной Европы, сохранение значительных госрезервов зерна в условиях голода, привилегированное положение властных элит. Фактически сторонники этой точки зрения приравнивают голод 1946–1947 гг. к голоду 1932–1933 гг., рассматривают их как звенья одной цепи в сталинской политике[4].

Украинские исследователи, также как и их российские коллеги, обратились к изучению трагедии 1946–1947 гг. в УССР лишь в последние десятилетия, в новых исторических условиях. Среди многочисленных публикаций, посвященных и затрагивающих эту тему, на наш взгляд, особого внимания и положительной оценки заслуживают сборники до-

кументов, опубликованные в Украине в рассматриваемый период. В них на областном и республиканском уровнях представлена достоверная информация о масштабах голода, негативных последствиях хлебозаготовок и издержек колхозно-совхозной системы для сельского населения Украины[5]. При объяснении причин трагедии и ее демографических последствий авторы разделяют и развивают на материалах УССР позицию российских историков о решающем значении субъективного фактора в комплексе причин голода, не отрицая при этом и объективные причины (засуху, последствия войны). При этом выдвигается идея о явном сходстве голода 1946–1947 гг. с голодом 1932–1933 гг., втором «голодоморе» украинского народа[6].

В контексте обозначившихся в российско-украинской историографии проблемы подходов, на наш взгляд, представляется целесообразным предпринять попытку сравнительного анализа голода 1946–1947 гг. в России (РСФСР) и Украине (УССР) и выделить общее и особенное в причинах, масштабах и последствиях этой трагедии.

При наличии принципиальных различий в толковании приоритетов в иерархии причин голода все исследователи, как в России, так и Украине, не отрицают крайне негативного влияния на урожай 1946 года засухи, поразившей тогда огромную территорию страны.

По силе и масштабам охвата территории засуха 1946 г. была больше, чем в 1921 г., и напоминала засуху 1891 г. В засушливом 1921 г. за май-июнь выпало в два раза больше осадков, чем в 1946 г. В РСФСР в эпицентре засухи оказались все области Центрального Черноземья (Воронежская, Курская, Орловская, Тамбовская), а также Ростовская область, Правобережье Нижней и Средней Волги, в УССР — Ворошиловоградская, Харьковская, Херсонская, Запорожская, Измаильская, Одесская, Полтавская области[7].

Следует отметить, что, несмотря на силу и масштабность, засуха 1946 г. затронула не все регионы СССР, в том числе России и Украины. Например, в Сибири, на Кубани, в Казахстане и Киргизии в 1946 г. ее не было. Там, наоборот, шли проливные дожди[8].

В УССР в меньшей степени ею оказались поражены западные области, куда из близлежащих регионов РСФСР и Украины направлялись тысячи голодающих крестьян и горожан за продуктами и работой. Об этом свидетельствует, например, информационная записка Львовского обкома КП(б)У, направленная в ЦК КП(б)У 11 июня 1946 г. В ней сообщалось: «За последнее время значительно увеличился приток колхозников в районы Львовской области из Харьковской, Днепропетровской, Херсонской, Полтавской, Винницкой, Тамбовской, Орловской, Курской, Брянской, Калининской и других областей по закупке у крестьян хлеба и других сельскохозяйственных продуктов.

Прибывшие лица имеют на руках документы, выданные правлениями колхозов, удостоверяющие, что они являются колхозниками.

Прибывшие в села района колхозники покупают за деньги или обменивают за носильные вещи хлеб, крупу, картофель и другие продукты и, пробыв по 2–3 месяца, возвращаются обратно по местожительству…

В с. Дубляны Львовского сельского района 3 июня 1946 г. 12 женщин из Тамбовской области ходили и просили у местных крестьян принять их на работу за хлеб, причем заявили, что в колхозе на протяжении двух лет неурожай, а поэтому они вынуждены ехать в западные области за хлебом»[9].

Тем не менее, в 1946 г в колхозах Украины из-за засухи погибло почти 350 тыс. га зерновых посевов, в том числе в западных ее областях. Например, в Измаильской области погибло 54% посевов озимых, а те площади, с которых собирали зерновые, давали такой мизерный урожай, что он не вернул затраченное на посев. Аналогичная ситуация сложилась и в пораженных засухой регионах России[10].

В результате в 1946 г. урожайность зерновых культур в эпицентрах засухи оказалась крайне низкой. В частности, урожай зерновых в УССР в 1946 г. составил 3,8 ц с гектара, а в колхозах Одесской, Харьковской областей — 2,3–2,9 ц с гектара, Николаевской — от 1,9 до 3 ц, Измаильской — 1 ц. В республике погибли или дали очень низкий урожай картофель и овощи. То же самое случилось и в российских регионах. Например, видовая урожайность в колхозах Воронежской области была определена госинспекторами в 2,7 ц с гектара, Курской — 3, Орловской — 2,8, Тамбовской — 2,4. Валовой сбор зерновых в СССР в 1946 г. составил 39,6 млн. тонн, на 7,7 млн. тонн меньше 1945 г. и в 2,4 раза меньше уровня 1940 г.[11]

Таким образом, именно засуха в важнейших зерновых районах Украины и России

оказала решающее воздействие на снижение урожая зерновых хлебов, а, следовательно, и на их дефицит при распределении населению. Подобной ситуации не было в 1932–1933 гг., когда падение урожайности было обусловлено не погодными условиями (хотя и они оказали определенное влияние), а, прежде всего, негативными последствиями коллективизации, хлебозаготовок и крестьянского сопротивления сталинской аграрной политике[12].

Данные факторы также были актуальны в 1946–1947 гг., но их роль, на наш взгляд, не являлась определяющей в возникновении голода. Детально описанный в российско-украинской историографии административно-принудительный механизм хлебозаготовок 1946 г. осуществлялся в условиях вызванной войной хозяйственной разрухи. Именно последствия войны усилили репрессивную составляющую, поскольку у власти просто не было другого способа получить хлеб для его перераспределения среди и так уже жившего впроголодь населения страны, особенно в районах, подвергшихся оккупации. Например, в Пензенской области, не подвергшейся оккупации, в 1945 г. на душу сельского населения приходилось всего 82,5 кг хлеба, то есть 226 г в день[13]. Аналогичная ситуация была и в других регионах России. В этом смысле наступивший голод, на наш взгляд, является прямым отголоском войны.

Война существенно подорвана материально-производственную базу сельского хозяйства России и Украины. Резко сократились трудовые ресурсы деревни. Например, совокупные — военные и гражданские — жертвы войны на территории Украины составили 8 млн. человек[14]. К началу 1946 г. трудоспособное население колхозов СССР уменьшилось по сравнению с 1941 г. почти на треть (с 35 448 тыс. человек до 21 976 тыс.), а число трудоспособных мужчин составляло только две пятых довоенного уровня. Намного меньше стало тракторов, комбайнов и другой сельскохозяйственной техники, что затрудняло проведение основных сельскохозяйственных работ[15]. В 1945 г. все посевные площади Украины составили 75,4% от довоенных, в 22 областях, краях и автономных республиках РСФСР, подвергшихся оккупации, — 64,6%[16]. Объем продукции сельского хозяйства Украины в 1945 г. равнялся 48,4% от довоенного уровня[17]. Ничего подобного не было в начале 1930-х гг., когда именно власть в условиях мирного времени и отсутствия серьезных природных катаклизмов своей политикой форсированной индустриализации, ее завышенных темпов разрушила сельское хозяйство и привела страну к голоду. Как известно, главная ошибка заключалась в авантюрном планировании хлебозаготовок ради получения средств для нужд индустриализации[18].

В 1946 г. планирование хлебозаготовок и сами принудительные хлебозаготовки преследовали совершенно другую цель. В первую очередь хлеб был нужен для того, чтобы снизить остроту голодного кризиса, который уже существовал в стране в 1945 г. и резко усилился в 1946 году из-за засухи в важнейших зерновых регионах. Необходимо было любой ценой взять под контроль все его имеющиеся запасы.

Именно следствием острого дефицита продовольственных ресурсов в стране стало снятие с централизованного снабжения по хлебным карточкам в 1946–1947 гг. порядка 24 млн. человек. Например, только в УССР с централизованного снабжения было снято свыше 3,5 млн. человек, в том числе около 2,9 млн. сельских жителей[19].

В этой ситуации планирование хлебозаготовок в 1946 г. осуществлялось таким образом, чтобы компенсировать возникший в силу объективных причин недобор зерновых ресурсов в неурожайных районах СССР за счет тех районов, где засухи не было или ее пагубное влияние оказалось меньшим. Для областей, охваченных засухой, планы хлебозаготовок уменьшались, для остальных (37 областей, краев и республик), наоборот, были увеличены. И этот принцип в равной степени был применен властью и в российских, и украинских регионах.

Например, в соответствии с постановлением Совета министров УССР и ЦК КП(б)У от 27 июля 1946 г. повышенные задания по хлебозаготовкам (на 50% больше запланированных) были наложены на западные области Украины, как имеющие «хороший урожай» (Волынскую, Дрогобычскую, Львовскую, Ровенскую, Станиславскую, Тернопольскую, Черновицкую, Измаильскую, Закарпатскую). Другим постановлением Совмина УССР и ЦК КП(б)У от 17 августа 1946 г. планы хлебозаготовок увеличились на 100% для остальных колхозов Украины, которые, по оценкам власти, «имели высокий урожай»[20].

Среди российских и других регионов основная тяжесть сверхплановых хлебозаготовок пала на Урал, Западную Сибирь, Красно-

дарский край, а также Казахстан. За их счет правительство рассчитывало получить еще 36 180 тыс. пудов хлеба. Больше всех должны были сдать Казахстан — 9 млн. пудов, Алтайский край — 8 млн. пудов и Новосибирская область — 2,5 млн. пудов[21]. Именно российские регионы и Казахстан и компенсировали недобор зерна в неурожайных районах страны, в том числе Украине.

На практике все вылилось в конфискационные принудительные хлебозаготовки по типу продразверстки, осуществляемые методами хлебозаготовок начала 1930-х гг., о чем справедливо и всесторонне рассказано в многочисленных публикациях российских и украинских историков. По своему характеру они мало отличались друг от друга в РСФСР и Советской Украине. Хлеб забирали везде, где он был, не считаясь с национальными или какими-либо другими особенностями[22].

Бесспорным и доказанным в историографии фактом является поражение голодом огромных территорий СССР, в том числе России и Украины, как оказавшихся в эпицентре засухи, так и находившихся за ее пределами. Общая численность голодающих достигала 50 млн. человек, серьезные продовольственные затруднения в той или иной форме испытывали около 100 млн. человек.

На наш взгляд, имеющиеся в распоряжении историков материалы демографической статистики, а также данные о количестве больных дистрофией в 1946–1947 гг. по регионам СССР дают основание для вывода о том, что в пораженных голодом областях России и Украины происходили примерно одинаковые процессы. В РСФСР, например, численность сельского населения в эпицентрах голода в период с 1 декабря 1946 г. по 1 апреля 1947 г. сократилась на 500 тыс. человек, из них в районах, подвергшихся оккупации, — на 200 тыс. человек. В УССР, соответственно, население сократилось на 408 тыс. человек. На территории Украины смертный голод охватил, прежде всего, южные области республики, как наиболее пораженные засухой: Херсонскую, Николаевскую, Запорожскую, Днепропетровскую. Своими страшными тисками он сжимал население Поднепровья — Полтавской, Киевской, Черниговской, Кировоградской областей. Тяжело страдали от голода жители селений Винницкой, Каменец-Подольской, Сталинской, Ворошиловградской, Харьковской, Сумской, Житомирской областей[23].

В РСФСР, как свидетельствуют данные о заболеваниях алиментарной дистрофией в конце 1946 — начале 1947 г., эпицентрами голода стали районы Воронежской, Горьковской, Костромской, Курской, Ленинградской, Ростовской, Рязанской, Саратовской, Тамбовской, Ульяновской областей, а также Краснодарского края, Башкирской и Татарской автономных республик[24]. В рассматриваемый период в указанных российских регионах было поставлено на медицинский учет 614 тыс. дистрофиков. В УССР на 10 апреля 1947 г. по 23 областям Украины и Киеву их насчитывалось 819 тысяч. 80% дистрофиков в РСФСР и УССР приходилось на село[25].

О примерно одинаковой картине голода в российских и украинских регионах свидетельствуют и данные об уровне смертности населения в его пик. Так, например, в Орловской, Курской, Воронежской, Тамбовской, Ульяновской и Ростовской областях уровень зарегистрированной смертности в 1947 г. вдвое превзошел уровень 1946 г., в остальных областях РСФСР он увеличился на 70–80%[26]. В УССР соответственно уровень смертности вырос в среднем по республике в 1,7 раза[27].

В отличие от недородных областей Украины в России смертный голод поразил и урожайные области, из которых зерно в счет заготовок выгребли под метелку. Поэтому бичом сибирских крестьян стала септическая ангина — заболевание, регистрируемое только во время катастрофического голода. Тысячи истощенных жителей деревни и небольших городов выходили на поля и собирали лежавшие под снегом колоски. Голодные люди не знали, что в лежащем под снегом зерне прорастает особый вид ядовитых грибков, вызывающий эту страшную болезнь. Ее признаками были горловое кровотечение, распад мягких тканей, судороги, после чего наступала смерть. Подобной болезни украинское село не знало.

В 1946–1947 гг. голодало не только сельское, но и городское население России и Украины. И в УССР, и в РСФСР в тисках голода оказались рабочие железной дороги, проживавшие в сельской местности, у которых в 1946 г. сняли с централизованного снабжения детей и иждивенцев, а также рабочие совхозов, МТС, подсобных хозяйств промышленных предприятий[28].

Голод поразил население промышленных центров с гарантированным карточным обеспечением продовольствием, в том числе Москву, Ленинград и другие крупные города

РСФСР и УССР. Например, в феврале 1947 г. по Сталинграду было зарегистрировано 998 заболеваний на почве голода у взрослых и 1370 у детей. В марте 1947 г. при медицинском обследовании рабочих предприятий Ленинграда были установлены заболеваемость алиментарной дистрофией и авитаминоз у 30%. В РСФСР городские рабочие не только голодали, но и умирали от голода[29]. Подобные факты имели широкое распространение и в городах Украины[30].

Наряду с общими явлениями, в голодающих областях России и Украины были и различия, определяемые региональными особенностями и политикой центра. Также был ряд других моментов, отличавших голод 1946–1947 гг. от голода 1932–1933 гг. в России и Украине.

Так, например, на территории УССР ситуация не везде была одинаковой. В более благоприятном положении оказались западные области Украины, в частности Львовская область. Хуже дело обстояло в Измаильской и Черновицкой областях, где в большей степени сказались негативные последствия проходившей там после окончания войны коллективизации.

Остальные западные области стали объектом притяжения голодающего населения самой Украины и соседних с ней российских областей. Сложилась парадоксальная ситуация с точки зрения ее сравнения с голодом 1932–1933 гг. Тогда крестьяне бежали с Украины в Россию и Белоруссию за хлебом и продуктами. В 1946–1947 гг. все было наоборот. В пограничных областях России было хуже, чем в Западной Украине, поэтому туда бежали голодающие русские крестьяне так же, как и украинское население других областей Украины, оказавшихся в эпицентре засухи.

Характерным документом на эту тему является докладная записка сельхозотдела ЦК КП(б)У, датированная 21 августа 1946 г. В ней указывалось: «Со времени разрешения правительством свободной продажи хлеба на рынке колхозами, колхозниками и единоличниками, в связи с выполнением плана хлебозаготовок из урожая 1944–1945 гг., в западные области Украины с февраля 1946 г начался массовый наплыв сельского населения Брянской, Калужской, Орловской, Одесской, Полтавской, Киевской, Каменец-Подольской, Винницкой и других областей за хлебом.

Летом 1946 г. поток сельского населения указанных областей в западные области УССР не уменьшился. В июне органами транспортной милиции УССР было снято только с товарных поездов 62 тыс. 400 человек, а за две последних декады июля — 97 тыс. 633 человека.

…Для борьбы с незаконным перевозом хлеба крестьянами по железным дорогам органы транспортной милиции УССР в связи с постановлением Совета Министров Союза ССР от 31 июля 1946 г. № 1703 организовали на крупных железнодорожных станциях Украины специальные оперативные заслоны из работников транспортной милиции, которые ведут борьбу с незаконной продажей и куплей зерна и муки на рынке»[31].

Причины более благоприятного положения населения западных областей Украины, на наш взгляд, были следующими. Во-первых, менее засушливая погода в 1946 г. и соответственно более высокий урожай в указанном регионе. Во-вторых, незначительная его доля в республиканских хлебозаготовках (8,5%)[32], что несколько минимизировало их негативное воздействие на сельскую экономику. В-третьих, особая политическая ситуация в областях Западной Украины в рассматриваемый период: активные антисоветские действия отрядов ОУН-УПА, затруднявших проведение государственных заготовок продовольствия в полном объеме. В этом смысле ситуация была схожей с ситуацией Гражданской войны в России и Украине, когда крестьянские повстанческие отряды (Н.И. Махно на юге Украины, А.С. Антонова в Тамбовской губернии) срывали продовольственную разверстку Советской власти и таким образом сохраняли в деревне определенные запасы продовольствия[33].

Так же, как и во время голода 1932–1933 гг., в 1946–1947 гг. реакцией власти на кризис стало выделение пораженным голодом регионам страны зерновых ссуд (семенных и продовольственных), хотя и с опозданием, в недостаточном количестве для полной его ликвидации и в основном на проведение посевной кампании, а не для спасения всех категорий голодающего населения. Всего республикам и областям СССР, пострадавшим от засухи, на весенний сев 1947 г. было отпущено 2558 тыс. тонн зерна (примерно 15% всего заготовленного зерна)[34]. Следует напомнить, что во время страшного «голодомора» 1933 г. советским правительством было выделено голодающему сельскому населению страны гораздо

меньше зерновых ссуд — 1604 тыс. тонн, что составляет 63% от ссуд 1946–1947 гг.[35]

Зерновые ссуды позволили не допустить сокращения посевных площадей, провести посевную и уборочную кампании 1947 г., собрать новый урожай и тем самым ослабить остроту голода. Но он не был окончательно побежден и в более слабой форме продолжался в 1948–1949 гг.[36]

Для пострадавших от засухи районов ЦЧО, Поволжья, Украины и Молдавии из государственного резерва были выделены продовольственные ссуды. Например, только согласно постановлению Совмина СССР от 3 июля 1947 г. из госрезерва в порядке единовременной продовольственной ссуды было направлено 61620 тонн зерна. Большая часть хлеба ушла на общественное питание работающих колхозников. В Украине, например, на время весенних полевых работ 1947 г. было организовано общественное питание для 3,4 млн. человек. Занятым на севе выдавалось 300–400 г хлеба на день. Часть продовольствия была направлена для организации питательных пунктов в эпицентрах голода, которые предназначались в основном для детей[37].

На первый взгляд, ситуация напоминала время первого сталинского голода начала 1930-х гг. Но в действительности она значительно отличалась от нее. Отличия определялись новыми элементами в политике центра по отношению к населению голодающих регионов страны; эти новшества препятствовали повторению ужасных жертв 1932–1933 гг. как в России, так и Украине. При всех ужасах голода 1946–1947 гг. его жертвы, по самым завышенным оценкам специалистов, не превышали 1–1,5 млн. человек[38], то есть были значительно меньшими, чем во время голода 1932–1933 годов (7 млн. человек).

На наш взгляд, объяснение этому феномену связано с двумя важнейшими мероприятиями власти, осуществленными в голодающих регионах страны в 1946–1947 гг. Во-первых, это организация медицинской помощи. Хотя и с запозданием и недостаточным материальным обеспечением, но все же правительством СССР был принят и осуществлялся план медицинской и продовольственной помощи больным дистрофией, чего не было в 1932–1933 гг. Например, к началу июня 1947 г. только по официальным данным число госпитализированных дистрофиков составило 24,5 тыс. человек. На местах действовали медицинские пункты, в которых были лекарства, позволявшие не допустить распространения эпидемий на почве голода[39]. Эти меры снизили смертность населения в эпицентрах голода.

Вторым важнейшим мероприятием власти по ослаблению голода стало привлечение Советским правительством, пусть и в ограниченных размерах, средств зарубежных организаций для нужд населения страны. Хотя оно так же, как и в 1932–1933 гг. не признавало факт голода, оно не отказывалось от помощи, предложенной СССР международными общественными организациями. Эта помощь была принята, поскольку исходила от бывших союзников по антигитлеровской коалиции. Ее получили Украина и Белоруссия, как наиболее пострадавшие от оккупации районы. Российские регионы оказались обделены этой помощью.

Так, например, по линии Администрации Помощи Восстановления (ЮНРРА) Советское правительство закупило для Украины товаров на сумму 189 млн. американских долларов[40]. Это были продукты питания, семена, сырье для мыловарения, промтовары, промышленное и медицинское оборудование. Об их роли в спасении от голода населения Украины весьма красноречиво, на наш взгляд, сказал один из авторов концепции «голодомора» в Украине в 1932–1933 гг. Роберт Конквест: «У нас нет возможности оценить число жертв, но земля эта (Украина, Белоруссия. — В.К.) была спасена от гибели Комитетом Помощи ОНН и Управлением по делам спасения, в основном, американским, которые поставили к январю 1947 г. только одной Украине продовольствия на 100 млн. долларов (288000 метрических тонн)»[41]. По свидетельству историка В.Ф. Зимы, известный российский демограф В.М. Кабузан, проживавший в 1946–1947 гг. с родителями в Западной Украине, вспоминал, что именно помощь ЮННРА спасла его семью от голодной смерти[42].

Значительная помощь голодающим в СССР в 1946–1947 гг. была оказана и по линии Международного Совета Обществ Красного Креста, в первую очередь от Американского Красного Креста, благотворительной организации Рашен Релиф (США). Они направили в СССР грузов на сумму 31 млн. долларов. Также в СССР поступили сотни тысяч посылок для детских домов[43]. Ничего подобного не было в российских и украинских регионах во время голода 1932–1933 гг.

На наш взгляд, совершенно другие цели преследовал экспорт зерна из СССР во время голода 1946–1947 гг. Но сам этот факт не следует драматизировать так, как это делают некоторые российские и украинские историки.

В отличие от начала 1930-х гг. экспорт зерна из житниц Украины и России в Европу в 1946–1947 гг. преследовал не исключительно коммерческую цель (обеспечение нужд индустриализации), а политическую — сохранение утверждавшихся в Восточной Европе просоветских режимов. В сложившейся международной ситуации СССР не мог бросить на произвол судьбы голодавшее население Восточной Европы, в том числе поверженную Германию (Восточную Германию). Иначе там просто воцарился бы голодный мор и хаос. Следует напомнить, что у СССР в этом регионе были весьма важные интересы. От Восточной Германии он еще должен был получить значительные репарации, и для этого следовало спасти от вымирания немецкое население.

Аналогичным образом поступали и США, оказавшие значительную продовольственную помощь подконтрольным ей странам Европы, переживавшим в 1945–1947 гг. голод и серьезные продовольственные затруднения[44].

Размеры зернового экспорта в 1946–1947 гг. были в 4 раза меньше, чем в 1930–1933 гг. (2,5 млн. тонн зерна, в том числе 1,7 млн. тонн в 1946 г. — 10% от всего объема, заготовленного в том году)[45]. Если бы хлеб, вывезенный из СССР в 1946 г., был распределен среди населения страны, прибавка к ежедневному пайку составила бы всего лишь 27 г на человека (1,7 млрд. кг на 170 млн. населения — 10 кг в год). То есть она не изменила бы принципиально продовольственную ситуацию в стране, находившейся в полуголодном состоянии уже многие годы.

Голодный экспорт мог бы быть решительно осужден, если бы сталинское руководство так же, как и в 1932–1933 гг., ограничилось им в своих политических интересах и отказалось от международной помощи голодающим. Но, как уже указывалось нами, этого не произошло. Поэтому несомненные негативные последствия зернового экспорта в 1946–1947 гг. были смягчены этим актом. О чем и свидетельствуют значительно меньшие жертвы голода, по сравнению с 1932–1933 гг.

В данном контексте следует рассматривать и отказ сталинского руководства израсходовать накопленный государственный резерв зерна (10 млн. тонн) на нужды голодающего населения. В нестабильной международной ситуации и потенциальной опасности войны с бывшими союзниками этот резерв был необходим. И отказаться от него не смогло бы ни одно здравомыслящее правительство. К сожалению, это был еще один отголосок Второй мировой войны, создавшей новое геополитическое пространство в Европе и во всем мире.

---

1 История советского крестьянства. М., 1988. Т. 4. С. 182, 183.

2 См.: **Кондрашин В.В.** Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. М., 2008. С. 66–171.

3 **Волков И.М.** Засуха, голод 1946–1947 гг. // История СССР. 1991. № 4. С. 28–36; **Волков И.М.** Деревня СССР в 1945–1953 годах в новейших исследованиях историков (конец 1980-х — 1990-е годы) // Отечественная история. 2000. № 6. С.115–124. **Кондрашин В.В.** Три советских голода // Аграрное развитие и продовольственная политика России в XVIII–XX веках: история и современность. Оренбург: ОГПУ, 2007. С. 298–312 и др.

4 **Зима В.Ф.** Голод в России 1946–1947 гг. // Отечественная история. 1993. № 1. С. 35—52; **Зима В.Ф.** Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. М.: ИРИ, 1996; **Попов В.П.** Голод и государственная политика (1946–1947 гг.) // Отечественные архивы. 1992. № 6. С. 37–60; **Попов В.П.** Хлеб как объект государственной политики в СССР в 40-е гг. // Отечественная история. 2000. № 2. С. 49–60; **Попов В.П.** Сталин и советская экономика в послевоенные годы // Отечественная история. 2001. № 3. С. 61–76, С. 72 и др.

5 См.: Голод в Україні 1946–1947. Документи і матеріали. Київ-Нью-Йорк, 1996; Голод та голодомор на Поділлі 1920–1940 рр. Збірник документів та матеріалів. Вінниця: ДП «ДКФ», 2007.

6 См.: **Маковійчук И.М.**, **Пилявець Ю.Г.** Голод на Украине в 1946–1947 годах // Украинский исторический журнал. 1990. № 8; **Білас И.Г.** Голокост на Украине в 1946–1947 гг. Особенности деятельности карательного аппарата // Научный сборник Украинского Свободного Университета. Юбилейное издание по поводу 70-ліття УВУ. Мюнхен, 1992; **Веселова О.М.**, **Панчєнко П.П.** Еще одна трагическая страница истории Украины. Голод в Украине 1946–1947 лет // Украинский исторический журнал. 1995. № 6;1996. № 1, 2 и др.

7 Голод в Україні 1946–1947. Документи і матеріали. Київ-Нью-Йорк, 1996. С. 8; **Зима В.Ф.** Голод в СССР

1946–1947 годов: происхождение и последствия. М., 1996. С. 18, 19.

[8] См.: **Зима В.Ф.** Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. С. 19.

[9] Голод в Україні 1946–1947. Документи і матеріали. С. 31.

[10] Там же. С. 9; **Зима В.Ф.** Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. С. 19.

[11] Голод в Україні 1946–1947. Документи і матеріали. С. 8; **Зима В.Ф.** Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. С. 20; **Волков И.М.** Засуха, голод 1946–1947 годов С. 5.

[12] См.: **Кондрашин В.В.** Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. С. 94–171.

[13] См.: **Попов В.П.** Крестьянство и государство (1945–1953). Париж, 1992. С. 78.

[14] **Кульчицкий С.В.** // Зеркало недели. 2004. 2–8 октября.

[15] См.: История советского крестьянства. Т. 4. С. 25, 29.

[16] Там же. С. 31.

[17] Там же. С. 35.

[18] См.: **Кондрашин В.В.**, **Тюрина Е.А.** «Говорить о голоде считалось чуть ли не контрреволюцией». Документы российских архивов о голоде 1932–1933 гг. в СССР // Отечественные архивы. 2009. № 2. С. 94–127.

[19] Зима В.Ф. Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. С. 42.

[20] Голод в Україні 1946–1947. Документи і матеріали. С. 41, 50–51.

[21] **Хисамутдинова Р.Р.** Голод 1946–1947 годов в новейших исследованиях историков (конец 1980-х — 2000-е годы // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 11. 2009. № 6 (2).

[22] **Зима В.Ф.** Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. С. 18–29 и др.

[23] Там же. С. 168; Голод в Україні 1946–1947. Документи і матеріали. С. 13.

[24] **Зима В.Ф.** Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. С. 68.

[25] Там же. С. 69–72.

[26] Там же. С. 162.

[27] Там же. С. 163.

[28] Там же. С. 74–75; Голод в Україні 1946–1947. Документи і матеріали. С. 172, 178, 180, 189–192 и др.

[29] **Зима В.Ф.** Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. С. 75, 78.

[30] Голод в Україні 1946–1947. Документи і матеріали. С. 159, 175, 182–183 и др.

[31] Там же. С. 53.

[32] Там же. С. 41.

[33] См.: Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. 1918–1921: Документы и материалы / Под ред. В. Данилова и Т. Шанина. М.: РОССПЭН, 2006; «Антоновщина». Крестьянское восстание в Тамбовской области в 1920–1921 гг.: Документы, материалы, воспоминания. Тамбов, 2007; **Кондрашин В.В.** Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М., 2009. С. 206–233.

[34] **Волков И.М.** Засуха, голод 1946 – 1947 годов. С. 15.

[35] О государственных ссудах во время голода 1932–1933 гг. см.: Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 862.

[36] **Зима В.Ф.** Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. С. 89–95.

[37] Голод в Україні 1946–1947. Документи і матеріали. С. 171; Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. С. 329.

[38] **Зима В.Ф.** Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. С. 168.

[39] **Кондрашин В.В.** Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. С. 329.

[40] **Зима В.Ф.** Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. С. 145.

[41] **Конквест Р.** Жатва скорби. Советская коллективизация и террор голодом. Лондон, 1988. С. 484–485.

[42] **Зима В.Ф.** Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. С. 146–147.

[43] Там же. С. 147.

[44] О голоде в Западной и Восточной Европе в 1946–1947 годах шла речь на международных конференциях в Мельбурнском университет Австралии «Мировой голод в XX веке», организованных профессором С. Уиткрофтом (См.: **Кондрашин В.В.** Международная конференция в Австралии по проблеме голода в мировой истории XX века // Государственная власть и крестьянство в конце XIX — начале XXI века: сборник статей. Коломна: Коломенский государственный педагогический институт, 2009. С. 397–402).

[45] **Зима В.Ф.** Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. С. 29.

Проект фонда "Историческая память"

Жертвы националистического террора в западных регионах СССР

На протяжении долгих лет история деятельности вооруженных националистических формирований на территории западных регионов Советского Союза оставалась запретной для исследователей темой. Наличие масштабного антисоветского вооруженного подполья в республиках Прибалтики, на Западной Украине и в Западной Белоруссии не укладывалось в прокрустово ложе официальной идеологии, оперировавшей понятиями единства советских народов и прогрессивности советского строя.

После распада Советского Союза история ожесточенной «войны после войны» в западных регионах СССР оказалась в центре внимания политической элиты независимых государств. Необходимость создания национальной мифологии с четко заданными антироссийскими параметрами повлекла за собой постройку нового пантеона национальных героев.

Фонд «Историческая память» считает подобное положение недопустимым. Мы уверены, что память невинных жертв националистического террора должна бережно сохраняться и увековечиваться – точно так же, как и память о невинных жертвах советских политических репрессий. Мы так же уверены, что делать это надо даже тогда, когда ответом на мемориализацию памяти жертв могут стать репрессии со стороны тех, кому милее убийцы. Мы убеждены, что только доскональное, основанное на серьезной источниковой базе, исследование всех аспектов деятельности антисоветских националистических формирований в западных регионах СССР позволит понять и преодолеть эту трагическую страницу нашей общей истории.

Сознавая, что проблема сохранения памяти о жертвах националистического террора актуальна для Белоруссии, Латвии, Литвы, Польши, России и Эстонии, фонд «Историческая память» начал реализацию проекта по созданию общедоступной электронной базы данных жертв националистического террора в западных регионах СССР.

Фонд "Историческая память" призывает всех, кому небезразлична память о невинных жертвах всевозможных "лесных братьев", поддержать реализацию проета

http://lists.historyfoundation.ru/

Документы

Инструкция Фронта литовских активистов «Указания по освобождению Литвы», март 1941 г.

В июне 1941 г., практически сразу же после нападения нацистской Германии на Советский Союз, на территории Литвы начали действовать вооруженные формирования Фронта литовских активистов (Lietuvos Aktyvistų Frontas, ЛАФ) – подпольной националистической организации, действовавшей в 1940 – 1941 гг. и тесно связанной с германскими разведслужбами. Отряды литовских активистов, или, как их называют в современной Литве, «национальных партизан», совершали диверсии в тылу советских войск, нападали на мелкие подразделения Красной Армии, партийные и государственные учреждения, устраивали массовые расправы над коммунистами, просоветски настроенными литовцами и, в первую очередь, над евреями. Идеология и политика ЛАФ до удивления напоминают идеологию и политику действовавшей на территории Западной Украины Организации украинских националистов (ОУН). Однако если деятельность ОУН нашла детальное отражение в исследованиях историков России, Польши, стран Западной Европы и США[1], то ЛАФ подобным вниманием похвастаться не может. На русском языке не существует ни одного специального исследования, посвященного деятельности и идеологии ЛАФ[2]; в англоязычной литературе имеется лишь несколько публикаций, описывающих отдельные аспекты деятельности Фронта литовских активистов (как правило, речь идет о вкладе литовских активистов в уничтожение евреев)[3]. Все основные издания документов ЛАФ и родственных структур осуществлены на литовском языке[4] и потому практически не используются исследователями[5]. Очевидно, что подобная ситуация не способствует объективному изучению событий, происходивших в Литве в 1940 – 1941 гг.

---

1 См., напр.: **Berkhoff K.C.**, **Carynnyk M.** The Organization of Ukrainian Nationalists and its Attitude toward Germans and Jews: Yaroslav Stets'ko's 1941 Zhyttiepis // Harvard Ukrainian Studies. 1999. № 3 – 4; **Курило Т.**, **Химка І.** Як ОУН ставилася до євреїв? Роздуми над книжкою Володимира В'ятровича // Україна модерна. 2008. № 2; **Carynnyk M.** "Jews, Poles, and other scum": Ruda Różaniecka, Monday, 30 June 1941. Paper prepared for the Fourth Annual Danyliw Research Seminar in Contemporary Ukrainian Studies, Ottawa, 23-25 October 2008; **Дюков А.Р.** Второстепенный враг: ОУН, УПА и решение «еврейского вопроса». М., 2009; **Rossolinski-Liebe G.** The «Ukrainian National Revolution» of 1941: Discourse and Practice of a Fascist Movement // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2011. Vol. 12. № 1. P. 83–114; **Carynnyk M.** Foes of our rebirth: Ukrainian nationalist discussions about Jews, 1929-1947 // Nationalities Papers. 2011. Vol. 39. № 3. P. 315 — 352, **Rudling P.** The OUN, the UPA and the Holocaust: A Study in the Manufacturing of Historical Myths. Pittsburgh, 2011, и др.

2 Лишь отдельные аспекты деятельности ЛАФ рассматривают в переведенной с литовского языка статье: **Труска Л.** Литовцы и евреи накануне холокоста (1940-1941 гг.) // Диаспоры. 2005. №3. С.197-231.

3 **Kwiet K.** Rehearsing for Murder: The Beginning of the Final Solution in Lithuania in June 1941 // Holocaust and Genocide Studies. 1998. Vol. 12. № 1; **Truska L.** Contemporary attitudes toward the Holocaust in Lithuania // Jews in Eastern Europe. 2001. № 2; **Truska L.** The Crisis of Lithuanian and Jewish Relations (June 1940 – June 1941) // Holokausto prielaidos. Antisemitizmas Lietuvoje XIX a. antroji pusë – 1941 m. birțelis = The Preconditions for the Holocaust. Anti-semitism in Lithuania (Second Half of the 19th century – June 1941). Vilnius, 2004; **Dieckmann C.**, **Sužiedėlis S.** Lietuvos žydų persekiojimas ir masinės žudynės 1941 m. vasarą ir rudenį = The Persecution and Mass Murder of Lithuanian Jews during Summer and Fall of 1941. Vilnius, 2006; **Dieckmann C.** Lithuania in Summer 1941: The German Invasion and the Kaunas Pogrom // Shared History—Divided Memory. Jews and Others in Soviet Occupied Poland, 1939-1941. Leipzig, 2007.

4 Напр.: 1941 m. Birželio sukilimas: dokumentų rinkinys / **Parengė V.** Brandišauskas. Vilnius, 2000; Lietuvos laikinoji vyriausybė: posėdžių protokolai / Parengė A. Anušauskas. Vilnius, 2001.

5 Одно из немногих исключений: The LAF and the First Acts of the Provisional Government // The Shoah (Holocaust) in Lithuania / Ed. by J. Levinson. Vilnius, 2006. P. 163 – 187. Единственным значительным политическим документом ЛАФ, опубликованным на русском языке является направленный А. Гитлеру «Меморандум о положении в Литве в связи с созданием немецкой гражданской администрации» от 15 сентября 1941 г. (см.: За что боролись?: Как немецкая власть обидела "Фронт литовских активистов" / Публ. В.П. Ямпольского // Военно-исторический журнал. 1994. N 5. С.47-52; Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сборник документов (далее – **ОГБ**). М., 2000. Т. 2. Кн. 2. С. 519 – 533).

Настоящая публикация имеет своей целью заполнение столь досадного историографического пробела. Вниманию читателей предлагается перевод на русский язык одного из ключевых документов ЛАФ – инструкции «Указания по освобождению Литвы», на основании которой строилась подпольная деятельность литовских активистов и осуществлялось вооруженное выступление лета 1941 г.

Впервые этот документ был опубликован на литовском языке еще в 1973 г. в вышедшей в Нью-Йорке книге бывшего руководителя ЛАФ К. Шкирпы «Восстание: Восстановление суверенитета Литвы». Однако при публикации инструкция, как и ряд других документов, была подвергнута цензуре: из нее исчезли указания антисемитского характера[6]. По другую сторону «железного занавеса», в СССР, напротив, были опубликованы лишь наиболее показательные антисемитские отрывки инструкции[7].

После обретения Литвой независимости достаточно долгое время «Указания по освобождению Литвы» цитировались литовскими историками выборочно, без компрометирующих ЛАФ пассажей[8]. Полная публикация документа была осуществлена только в 2004 г. в одном из томов научной серии «Преступления тоталитарных режимов в Литве»[9]. В этой публикации «Указания» были воспроизведены факсимильно по экземпляру, сохранившемуся в фонде бывшего директора Политического департамента МИД Литвы Э. Тураускаса из архива Гуверовского института войны, революции и мира.

В научной литературе упоминается о русском переводе «Указаний», сделанном сотрудниками НКВД весной 1941 г.[10] Этот документ хранится в Особом архиве Литвы (Lietuvos ypatingasis archyvas, LYA)[11]. По всей видимости, именно по нему осуществилялась упоминавшаяся выше публикация отрывков «Указаний» в советское время.

Представляется весьма интересным сравнение опубликованного экземпляра «Указаний» из архива Гуверовского института с их русским переводом сотрудниками НКВД. Не исключено, впрочем, что это уже невозможно, поскольку в 2007 г. правительство Литвы утвердило Правила ограничения доступа и использования особой части национального архивного фонда. В результате историки не могут ознакомиться с рядом документов без специального письменного разрешения Департамента государственной безопасности[12]. В рамках подготовки данной публикации ее автор обратился в Центральный архив ФСБ России с запросом на предоставление документов о деятельности ЛАФ; однако среди полученных архивных материалов ни «Указаний», ни их перевода не было. По всей видимости, эти документы в ЦА ФСБ отсутствуют или же (что менее вероятно) до сих пор находятся на секретном хранении.

---

6 **Truska L.** The Crisis of Lithuanian and Jewish Relations. P. 195, 198; **Bubnys A.** Bibliography of Holocaust in Lithuania. URL: http://www.komisija.lt/Files/www.komisija.lt/File/Tyrimu_baze /Naciu%20okupacija/Holokaustas%20Lietuvos%20provincijoje/Zydu%20persekiojimas/Pirmosios%20Karo%20dienos/ENG/Bibliography%20of%20Holocaust%20in%20Lithuania%20by%20A.Bubnys%20%28english%29.pdf (дата обращения 06.12.2011); **Voren R. van.** Undigested Past: The Holocaust in Lithuania. Amsterdam; New York, 2011. P. 62 - 63.

7 См.: **Витковский А., Ямпольский В.** Вчера это было секретом: Документы о литовских событиях 40 - 50-х гг. // Известия ЦК КПСС. 1990. № 10. Впоследствии данная статья перепечатана в: **Ямпольский В.П.** «Уничтожить Россию весной 1941 г.» (А. Гитлер, 31 июля 1940 года): Документы спецслужб СССР и Германии, 1937 — 1945 гг. М., 2008. С. 313 – 322. Помимо этого, ряд антисемитских документов ЛАФ был опубликован в Советском Союзе на литовском языке в сборнике: Masinės žudynės Lietuvoje (1941-1944). Dokumentų rinkinys. Vilnius, 1965.

8 **Truska L.** The Crisis of Lithuanian and Jewish Relations. P. 199.
Это было напрямую связано с превращением боевиков ЛАФ в новых «национальных героев» - процессом, приобретшим, в конце концов, откровенно абсурдные черты. В 2000 г. дело даже дошло до признания Сеймом Литвы в качестве правового государственного документа «Декларацию о восстановлении независимости» от 23 июня 1941 г. Упомянутая «Декларация» была издана Временным правительством Литвы (ВПЛ) – структурой, теснейшим образом связанной с ЛАФ, приветствовавшей нацистские войска и впоследствии участвовавшей в уничтожении местных евреев. Неудивительно, что буквально через несколько дней после признания «Декларации» ВПЛ государственным актом, Сейму Литвы под давлением международного сообщества пришлось спешно отменить собственное решение. См.: Время новостей. 2000. 19 сентября; Коммерсантъ. 2000. 21 сентября.

9 Holokausto prielaidos. Antisemitizmas Lietuvoje XIX a. antroji pusė – 1941 m. birželis = The Pre-conditions for the Holocaust. Anti-semitism in Lithuania (Second Half of the 19th century – June 1941). Vilnius, 2004. P. 245 – 263. Еще раз факсимиле документа было перепечатано в книге: **Dieckmann C.**, **Sužiedėlis S.** Lietuvos žydų persekiojimas ir masinės žudynės 1941 m. vasarą ir rudenį. P. 87 – 205.

10 **Truska L.** The Crisis of Lithuanian and Jewish Relations. P. 195.

11 LYA. F. 3377. Ap. 58. B. 805. L. 3 – 21.

12 Partizanų teroro aukų atminimo knyga / Sud. P. Masilionis. Vilnius, 2011. P. 38.

Таким образом, единственным безусловно доступным для исследователей вариантом «Указаний» в настоящее время является опубликованный в 2004 г. экземпляр «Указаний» из архива Гуверовского института. Именно по нему и осуществлен предлагаемый вниманию читателя перевод.

Этот документ представляет собой 19 станиц правленого машинописного текста на литовском языке. На первой странице имеется рукописная пометка «24.III.41», на основании которой исследователи и датируют «Указания». Правки в документе немногочисленны и сводятся к исправлению опечаток.

Содержание «Указаний» свидетельствует, что его авторы принадлежали к высшему руководству ЛАФ и имели плотные контакты, выражаясь языком документа, с «ответственными немецкими чиновниками». По всей видимости, речь идет о представителях германской военной разведки – абвера, и ведомства А. Розенберга (о связи этих структур с руководством ЛАФ упоминается в научной литературе). Из документа видно, что эти контакты носили достаточно доверительный характер: хотя руководство ЛАФ и не располагало информацией о точной дате нападения Германии на Советский Союз, о самом факте этой подготовки оно было прекрасно осведомлено.

Эта осведомленность авторов инструкции дает основание внимательно отнестись к их оценкам советско-германских отношений осенью 1939 – весной 1941 гг. Подоплека пакта Молотова-Риббентропа расшифровывается руководством литовских активистов следующим образом: «Русско-германские отношения основываются не на взаимной любви, а на временном совпадении интересов. Немцам было важно в прошлом и позапрошлом годах избежать войны на два фронта, когда на западе Европы все еще стояли крупные англо-французские военные силы. А Советская Россия стремиться избежать столкновения с немецким военным колоссом, опасаясь его. Она хотела бы подождать, пока Германия и её враги в междуусобной борьбе прольют больше крови своих солдат и подустанут». Авторы инструкции констатируют, что советско-германские отношения конфликтны, их «можно сравнить с отношениями кошки с собакой»: «Советы стараются использовать в своих целях каждый случай, когда немецкие военные силы задействованы где-то в другом месте. Когда по окончании польско-германской войны немцам было жизненно важно освободить свои силы в Польше и скорее перебросить их на западный фронт, Советская Россия набросила на шею прибалтийских стран пакты о «взаимной помощи» и пыталась уничтожить Финляндию. Когда в прошлом году немецкие войска были глубоко задействованы во Франции, Советская Россия оторвала от Румынии Бессарабию и Буковину и оккупировала прибалтийские государства. Это очень возмутило немцев, хотя явно это и не было показано». Эти наблюдения подтверждают сомнения в адекватности концепции «советско-нацистской дружбы», декларируемой рядом современных историков и политиков[13].

Содержащиеся в «Указаниях» практические инструкции по организации подпольной и боевой деятельности носят несомненно антисемитский характер. Среди задач готовящегося восстания – освобождение «от советского коммунистического террора и еврейской эксплуатации», для «идейного созревания литовского народа необходимо усилить антикоммунистические и антиеврейские акции», при приходе немецких войск необходимо «избавится от евреев». Боевикам ЛАФ «следует создать в стране такую тяжелую атмосферу против евреев, чтобы ни один еврей не мог осмелиться допустить и мысли, что в новой Литве он сможет еще иметь какие-либо права и вообще возможность жить. Цель – заставить всех евреев бежать из Литвы вместе с красными русскими».

Как видим, в «Указаниях» излагается вполне четкая концепция антиеврейских этнических чисток, удивительно напоминающая концепцию, подробно сформулированную в то же самое время руководством украинских националистов в инструкции «Борьба и деятельность ОУН во время войны» [14]. Это несомненное концептуальное сходство двух националистических движений заставляет нас задуматься, во-первых, о феномене восточноевропейского фашиз-

[13] Подробно о мотивах заключения пакта Молотова-Риббентропа см.: **Дюков А.Р.** «Пакт Молотова-Риббентропа» в вопросах и ответах. М., 2009.

[14] ОУН в 1941 році: Документи / Інститут історії України НАНУ; Упор. О. Веселова, О. Лисенко, І. Патриляк, В. Сергійчук; Передмова С. Кульчицький. Київ, 2006. Ч. 1. С. 103 – 104, 129 – 150.

ма, более или менее самостоятельного по отношению к итальянскому фашизму и германскому нацизму[15], и, во-вторых, – о проблеме ответственности ОУН и ЛАФ за преступления, совершенные на оккупированных нацистами территориях[16]. Несомненно, что содержащиеся в «Указаниях» антиеврейские инструкции (продублированные впоследствии в многочисленных пропагандистских листовках[17]) стали летом 1941 г. причиной массового уничтожения еврейского населения, осуществлявшегося «национальными партизанами» ЛАФ сначала самостоятельно, а затем во взаимодействии с подразделениями айнзатцгруппы «А». Далеко не случайно на одном из первых заседаний тесно связанного с ЛАФ Временного правительства Литвы было принято решение о создании специального концлагеря для евреев[18].

Весьма показательна имеющаяся в «Указаниях» постановка задач по обеспечению продвижения немецких войск. Внимание боевиков ЛАФ обращается на следующий важный момент: «Создавая препятствия отступлению русской красной армии и транспорту, нужно избегать больших взрывов, особенно не уничтожать мосты. Наоборот, прилагать усилия для их защиты, чтобы их не уничтожили красные, потому что они будут очень нужны идущему вперед немецкому войску, особенно их моторизованным частям, чтобы они не нужно было тратить время на переправы через реки». Как видно из послевоенных показаний заместителя начальника диверсионного отдела абвера полковника Э. Штольце, о выполнении этих заданий литовским националистам пришлось впоследствии отчитываться пред абвером. Впрочем, отчитаться было чем. «Благодаря действиям агентуры, тоннель около г. Вильнюс и ряд железнодорожных мостов на территории Литвы не были разрушены, и германская армия могла ими пользоваться, – рассказывал Штольце. – Также были сохранены мосты через реку Западная Двина, но возник спор, чья это заслуга. Военное командование утверждало, что мосты были захвачены быстро продвигающимися частями, которые предотвратили их разрушение, и представило к награде многих участников операции. Наша же агентура, созданная из литовских националистов, считала сохранение мостов своей инициативой, утверждая, что они помешали их разрушению отступающими частями Красной армии. Этот спор так и не был разрешен, так как события развивались быстро и постоянно возникали новые вопросы»[19]. Вышеизложенное заставляет с доверием отнестись к встречающемуся в популярной литературе утверждению, что германские военные принимали непосредственное участие в подготовке военной части инструкции[20].

Содержание «Указаний» позволяет также объяснить генезис массовых советских репрессивных акций мая – июня 1941 г. Грозные указания руководства ЛАФ о сохранении инструкции в строгой тайне оказались тщетными; как мы уже вскользь упоминали, весной 1941 г. «Указания» все-таки попали в руки советских органов государственной безопасности[21]. Возможно, именно об этой инструкции (или каком-либо ее изводе) упоминается в датируемой 12 мая 1941 г. докладной записке наркома государственной безопасности Литовской ССР П. Гладкова как о циркуляре № 1 «Организации борцов за свободную Литву». «В этом циркуляре, - писал П. Гладков, – даются практические указания по созданию диверсионно-пов-

[15] Дискуссию об этом феномене см.: Fascism in East Central and Southeastern Europe: Mainstream Fascism or 'Mutant' Phenomenon? // East Central Europe. 2010. № 37. P. 331–333. Русский перевод одной из реплик данной дискуссии: **Химка Дж.-П.** О значении ситуационного элемента в восточно-центральноевропейском фашизме // Ab Imperio. 2010. № 4. С. 102 – 111.

[16] Подробнее см.: **Дюков А.Р.** «Тактическая коллаборация»? К проблеме ответственности участников коллаборационистских движений за преступления против человечности, совершенные на оккупированных территориях СССР // Свободная мысль. 2011. № 6. С. 127 – 136.

[17] **Truska L.** The Crisis of Lithuanian and Jewish Relations. P. 198 – 200; **Труска Л.** Литовцы и евреи накануне холокоста. С. 215; ОГБ. Т. 2. Кн. 2. С. 527.

[18] The LAF and the First Acts of the Provisional Government. P. 185 – 186; **Dieckmann C.**, **Sužiedėlis S.** Lietuvos žydų persekiojimas ir masinės žudynės 1941 m. vasarą ir rudenį. P. 136 - 137.

[19] **Христофоров В.С.** Первые дни войны (по документам Центрального архива ФСБ России) // Великая Победа. М., 2011. Т. 7. С. 170. Речь идет о мостах в районе Даугавпилса (Латвия), где Западная Двина примыкает к границе Литвы. По всей видимости, мосты были все-таки захвачены подразделениями вермахта. Подробнее см.: **Исаев А.В.** Иной 1941: От границы до Ленинграда. М., 2011. С. 133 – 136.

[20] **Буткус Ж.** Окровавленная Литва. Националистический террор и его причины. URL: http://left.ru/2009/7/butkus189_2.phtml (дата обращения - 06.12.2011). Со ссылкой на: **Brandišauskas V.** Siekiai atkurti Lietuvos valstybingumą (1940.06 - 1941.09). Vilnius, 1996. P. 41.

[21] **Truska L.** The Crisis of Lithuanian and Jewish Relations. P. 195.

станческих групп, которые должны развернуть свою подрывную работу на случай военного столкновения»[22]. С содержанием «Указаний» это описание в принципе совпадает и сравнение этой инструкции с «Циркуляром № 1» было бы весьма интересным. К сожалению, «Циркуляр № 1» либо утрачен, либо находится на секретном хранении – по крайней мере, среди полученных автором в ЦА ФСБ архивных материалов он отсутствует.

Как бы то ни было, рассекреченные к настоящему времени документы НКГБ Литвы свидетельствуют о том, что уже к маю 1941 г. органы госбезопасности имели представление как о масштабах деятельности ЛАФ на территории республики, так и о подготовке этой организации к диверсионным и террористическим действиям в ходе приближавшейся войны с нацистской Германией. Однако эффективно противодействовать националистическом подполью НКГБ Литвы оказалось неспособно. Это не удивительно: в «Указаниях» мы видим рекомендации по созданию хорошо разветвленной и децентрализованной системы подпольных организаций, малоуязвимой для контрразведки противника. Осознав это, глава НКГБ Литвы обратился в центр с просьбой о проведении масштабной депортации потенциально опасного «антисоветского элемента»[23]. Итогом стала депортация июня 1941 г., с одной стороны ставшая страшной трагедией для тысяч невинно пострадавших жителей Литвы, а с другой – способствовавшая частичному предотвращению деятельности пронацистского подполья ЛАФ[24].

Благодаря «Указаниям» получают рациональное объяснение и состоявшиеся в июне массовые аресты командного состава прибалтийских территориальных корпусов. Становится ясно, что задачей этих арестов было не желание уничтожить военную элиту прибалтийских республик, как утверждают некоторые историки и политики, а вполне обоснованное стремление предотвратить измену во время войны: ведь, согласно инструкции ЛАФ, в литовском территориальном корпусе должен быть создан подпольный центр, в задачу которого входило «попытаться при помощи литовского национального корпуса разоружить силы русской красной армии, если в них возникнет паника».

События 1939 – 1941 гг. в Прибалтике очень сложны. Они не вписываются в примитивные пропагандистские шаблоны борьбы «хороших парней» с «плохими»; псевдоморальные оценки лишь препятствуют пониманию прошлого во всей его полноте. Деятельность ЛАФ – организации, ставившей своей целью создание независимой Литвы и, одновременно, планировавшей и осуществлявшей масштабные преступления против человечности, – хороший тому пример.

Российским и западным исследователям еще только предстоит детально проанализировать содержание «Указаний по освобождению Литвы», сопоставить их с другими нормативными и пропагандистскими документам ЛАФ, сделать выводы о влиянии идеологии организации на трагические события лета 1941 г., вписать деятельность ЛАФ в общий контекст деятельности восточноевропейских фашистских движений 40-х гг. XX века. Надеемся, что предлагаемая Вашему вниманию документальная публикация станет немаловажным шагом на этом пути.

Александр Дюков

[22] ЦА ФСБ. Ф. 3-ос. Оп. 8. Д. 44. Л. 183 — 193.

[23] Подробно см.: **Дюков А.Р.** Депортация 1941 года из республик Прибалтики: Механизм принятия решения // Свободная мысль. 2010. № 11. С. 87 – 96.

[24] По признанию руководства ЛАФ, в ходе июньской депортации «много активистов было увезено большевиками» (РГВА. Ф. 38650. Оп. 1. Д. 160. Л. 11 – 14). Определенную эффективность депортации как способа борьбы с пронацистским подпольем в Прибалтике в целом признавали и сами нацисты; так, например, в документах СД лета 1941 г. отмечается: «Значительно ослабляет активность латышского населения то обстоятельство, что за две недели до возникновения войны русские вывезли около 500 латышских семей, которых можно считать относящимися к интеллигенции, вглубь страны» (ОГБ. Т. 2. Кн. 1. С. 613).

Инструкция Фронта литовских активистов «Указания по освобождению Литвы», 24 марта 1941 г.

ВАЖНО: Содержание этой инструкции
передается центрам восстания только на словах
и через полностью проверенных связников,
которые своей головой отвечают за выдачу тайны

Совершенно секретно

ФРОНТ ЛИТОВСКИХ АКТИВИСТОВ

УКАЗАНИЯ ПО ОСВОБОЖДЕНИЮ ЛИТВЫ

1. Об общем положении

Все симптомы показывают, что заявление Гитлера о том, что этот год будет решающим, не пустые слова. Действительно, идет скорая подготовка к каким-то крупным действиям. К сожалению, никто, кроме самого германского военного руководства, не знает, в каком направлении будет нанесен решающий удар.

То, что произошло этой зимой и всё еще происходит на разных фронтах, является лишь второстепенными событиями. Они не связывают рук германскому военному руководству. Наоборот, они вписываются в общую ситуацию и способствуют выявлению взаимной несогласованности врагов Германии. После появления немецких военных частей в северной Африке наступление англичан в Ливии замерло. Введение немецких войск в Италию гарантирует, что поведение Италии не изменится. Размещение немецких войск в Румынии обеспечивает Германии источники румынской нефти и закрывает путь Советской России к вторжению на Балканы. Размещение войск в Болгарии показывает, что Советская Россия боится Рейха и что Турция всё еще беспокоится только о себе. Это, в свою очередь, дает немцам возможность заставить Грецию закончить войну с Италией и дает свободу оси Берлин – Рим для стабилизации положения на Балканах по своему вкусу.

Немецкая пропаганда все еще распространяет мнение, что идет подготовка к решающему удару по Англии. Но есть серьезные данные о том, что события могут повернуться совсем в другом направлении и что высказываемое мнение является всего лишь простым пропагандистским трюком, чтобы ввести в заблуждение врагов Германии о настоящих немецких планах…

Как поступят на самом деле, покажет только будущее. Но очень бросается в глаза тот факт, что десант, которым немецкая пропаганда запугивает Британские острова еще с осени прошлого года, до сих пор не совершен. Вместо этого немцы стали интенсивно строить подводные лодки. Якобы запланировано построить их аж несколько тысяч. Немалое их число было построено этой зимой и используется в боевых операциях. В результате уже сейчас выросло число потопленных английских кораблей. Возникает законный вопрос, а не отказались ли немцы от такого замысла, считая, что десант с открытого моря на Британские острова, защищаемые большими английскими силами, был бы слишком рискованной операцией, - и стараются мучить англичан лишь техническими средствами: с воздуха – при помощи авиационных бомб, чтобы парализовать английскую военную промышленность и терроризуя города, и на море – при помощи торпед и мин подводных лодок, чтобы нарушить морскую связь Британских островов с заморьем и тем самым сделать невозможным снабжение островов питанием и оружием издалека.

Если этот диагноз правилен, то война с Англией может затянуться. Этому в значительной степени может способствовать решимость Америки поставлять Англии вооружение, амуницию, авиацию и даже военные корабли. При таких условиях война может продолжаться даже несколько лет…

Неизбежная затяжка войны заставляет Германию, не ожидая конца войны [с Великобританией], приняться за преобразование европейского континента (большая часть которого и сейчас под контролем немцев) чтобы быстрее стабилизировать положение и восстановить всюду производство, необходимое как для жителей самой Германии, так и занятых ею стран. О том, что политика немцев повернулась в этом направлении, свидетельствуют всё чаще повторяемые заявления ответственных членов правительства Рейха, что в руководимой Германией Новой Европе всем народам будет предоставлено право управляться самостоятельно, но в экономическом сотрудничестве с другими странами под покровительством Германии.

Но преобразование Европы не было бы преобразованием, если бы Советская Россия была оставлена в стороне. Так что планы преобразовать Европу, без сомнения, коснуться и Советского Союза – может даже в первую очередь. [Это произойдет] по следующим причинам: во-первых, потому, что Советская Россия обладает большими площадями плодородных земель и многими полезными ископаемыми, но по причине своего теперешнего коммунистического строя неспособна развить в стране производство и снабдить западную Европу таким количеством товаров, особенно продуктов питания и сырья для промышленности, сколько в действительности могла бы; во-вторых, потому, что Советская Россия, как источник коммунистической отравы, может своими действиями исподтишка со временем стать опасной для теперешнего режима Германии, особенно опасной в оккупированных немцами странах, где давление материальной нищеты и гнет оккупантов будет толкать жителей к коммунизму; в-третьих, уничтожение Советской России выбьет какую-либо надежду из голов тех, кто надеется на спасение или помощь от России в войне против Германии; в-четвертых, раздробление Советской России на ряд государств устранит опасность для Германии со стороны славянской восточной Европы не только сегодня, но и в будущем.

Преобразование Советской России и её включение в общее хозяйственное производство Европы необходимо ещё и потому, что из-за английской блокады европейский континент не сможет получать товары из-за моря и даже из африканских колоний. Своих же собственных запасов ему недостаточно, если Россия не сумеет восстановить роль, какую она играла для западной Европы в вопросе обеспечения продуктами питания и сырья до войны 1914 – 1918 гг.

Самым важным показателем того, что Германия поставила себе целью свести основные счеты в этом году со своими врагами, показывает тот факт, что всю эту зиму численность войск постоянно росла. Сколько солдат к этому времени призвали в армию – тайна немецкого штаба. Теоретически можно оценить, что могло быть призвано около 10 – 12 миллионов человек. Показательно и то, что мобилизация продолжается. Совершенно естественно возникает вопрос, для какой цели отмобилизовано столько войск. Даже невоенному ясно, что для десанта на британские острова такого количества сухопутных сил не нужно. Вывод очевиден: готовятся к любой возможной ситуации. Имеющихся военных сил, как видно, полностью хватило бы для решительных действий не на одном направлении, а по нескольким, например, для десанта против англичан, удара на восток, вспомогательных операций на Балканах (если бы такая необходимость возникла), для действий в Африке и оккупации занятых областей…

2. Путь восстановления Литвы

При теперешних обстоятельствах восстановление Литвы исключительно собственными силами было бы безнадежным делом. Приходится искать помощи где-нибудь, или ждать, пока теперешние условия изменятся и восстановление станет посильным для сил литовского народа.

С точки зрения восстановления Литвы для нас в настоящий момент не столько важно знать, какая из воюющих сторон окончательно победит в этой войне, а:

1) кто бы мог в ближайшее время выгнать русскую красную армию из нашей несчастной страны и

2) у кого был бы реальный интерес, чтоб Литва снова стала независимым государством.

На первый вопрос ответ дать легко: быстро выгнать русских из Литвы могла бы только одна Германия, как непосредственный сосед нашей страны, с военной точки зрения полностью к этому подготовленный. Кроме того, её режим является антиподом коммунизма.

На второй вопрос ответ найти труднее. Одна и другая воюющие стороны публично провозглашают, что признают принцип свободы народов и право на государственность. Герма-

ния представляет это в рамках Новой Европы, руководимой Германией. Англия же со своими сторонниками провозглашает принцип свободы народов без каких-либо условий. Кому верить?

Поверить на слово, каким бы красивым оно ни было, было бы неосторожно. Надо свою точку зрения основывать на жизненных фактах и правильном понимании и толковании интересов других государств по отношению к Литве.

Возьмем сначала Германию, она, кажется, смотря на вещи объективно и имеет серьезный интерес, чтобы Литва снова стала независимым государством по следующим мотивам: во-первых, Германия заинтересована получать из Литвы продукты питания и в ее рынке; во-вторых, Литва является заслоном для восточной Пруссии; в-третьих, литовский народ настроен антипольски, и в-четвертых, Литва, будучи независимой, доказала, что смогла жить как самостоятельное государство и развивать всяческое творчество, то есть показала, что могла бы и в Новой Европе стать её полноправным членом.

Чтобы Англия могла и имела какой-либо интерес помочь Литве вновь стать на ноги, следует сильно сомневаться, несмотря на красивые заявления английских государственных деятелей о свободе народов. Во-первых, Англия географически находится далековато от Литвы. Во-вторых, помощь англичан, стала бы возможной тогда, когда Англия выиграла бы эту войну, чего заранее отгадать никто не может. Кроме того, следовало бы ждать до конца войны, что невозможно, так как большевики в Литве всё рушат самым жестоким образом и без всякой оглядки и убивают людей. В-третьих, выиграв войну, Англия сама была бы истощена, ей было бы трудно стабилизировать положение в западной Европе. В таких условиях она вряд ли имела желание и силы браться за новую задачу, т.е. заставить красных русских уйти из Прибалтики, что означало бы войну с Советской Россией. Тем более это выглядит невозможным, так как сама Англия сейчас стремится склонить Советскую Россию на свою сторону, пообещала признать включение прибалтийских государств в Советскую Россию и заранее гарантирует ей равное с другими государствами место в будущем конгрессе о мире.

Кроме того, можно даже предвидеть, что в случае победы англичан для нас может снова появиться опасность с стороны поляков. Англия считала бы своей обязанностью помочь Польше воскреснуть из мертвых, а воскресшая Польша снова стала бы неуправляемой, несговорчивой и вновь стремилась бы присоединить Литву или, как минимум, Вильнюсский край.

Имея всё это в виду, приходим к выводу, что восстановление Литовского государства было бы практически достижимо при использовании помощи Германии, конкретно говоря, при изменении текущих русско-германских отношений и возникновении военного конфликта между Германией и Советской Россией. Поэтому решено стремиться завязать с Германией политические связи и, когда созреет момент, браться самим за оружие для освобождения Литвы из большевистского рабства, когда немецкая армия нанесет сокрушающий удар русской красной армии.

3. О русско-германских отношениях

Русско-германские отношения основываются не на взаимной любви, а на временном совпадении интересов. Немцам было важно в прошлом и позапрошлом годах избежать войны на два фронта, когда на западе Европы все еще стояли крупные англо-французские военные силы. А Советская Россия стремиться избежать столкновения с немецким военным колоссом, опасаясь его. Она хотела бы подождать, пока Германия и её враги в междуусобной борьбе прольют больше крови своих солдат и подустанут. В надежде, что тогда русская красная армия в общем соотношении сил в Европе получит больший вес и при затянувшейся войне могут создаться благоприятные условия для распространения коммунизма во всей Европе, а может и во всем мире. Эту мечту Советов немцы хорошо просматривали. Поэтому русско-германские отношения не являются и не могут быть устойчивыми. Каждый нацист понимает, что ему грозит, если в Германии (затянись война слишком надолго) возникнет коммунизм. Но сейчас такой опасности нет и пока еще даже слишком рано говорить о подобном исходе, поскольку внутреннее положение Германии совершенно прочно.

Русско-германские отношения можно сравнить с отношениями кошки с собакой. Советы стараются использовать в своих целях каждый случай, когда немецкие военные силы за-

действованы где-то в другом месте. Когда по окончании польско-германской войны немцам было жизненно важно освободить свои силы в Польше и скорее перебросить их на западный фронт, Советская Россия набросила на шею прибалтийских стран пакты о «взаимной помощи» и пыталась уничтожить Финляндию. Когда в прошлом году немецкие войска были глубоко задействованы во Франции, Советская Россия оторвала от Румынии Бессарабию и Буковину и оккупировала прибалтийские государства. Это очень возмутило немцев, хотя явно это и не было показано.

С осени прошлого года, кажется, страница перевернулась: уже не Советская Россия, а Германия начала диктовать Советской России. В июле прошлого года, когда немцы, разгромив Францию, перебросили в целях безопасности часть своих сил на восток, русско-германские отношения повисли на волоске. Уже не Риббентроп летел в Москву, а Молотов был вызван в Берлин. Во второй раз русско-германские отношения повисли на волоске в декабре прошлого года, когда сорвались переговоры о продлении договора о торговле. Этот договор был продлен только тогда, когда немцы пригрозили советам силой, внезапно придвинув свои войска в польской губернии к границе зоны русско-германских интересов. Тогда московским палачам стало так жарко, что они решили отодвинуть значительную часть красной армии от этой границы (и частично из Литвы) и эшелонировать ее вглубь по всему фронту от Балтийского до Черного моря, чтобы избежать опасности потерять в первых же боях все свои силы, которые оценивались примерно в 120 дивизий или 4 миллиона человек. Эта стратегическая перегруппировка красной армии явно показывает, как Советская Россия боялась немцев и что она решила придерживаться обороны по рецепту Кутузова. Агрессивная пропаганда против немцев, проводимая среди красноармейцев и распространяемые слухи среди жителей о том, что Красная Армия готова дать отпор немцам, это обычный прием замаскировать свою слабость или, может, злостная провокация со стороны ГПУ для разоблачения среди красной армии и населения антисоветских элементов. Свою слабость Советская Россия показала, когда послала Болгарии ругательскую ноту вместо ультиматума Германии по поводу введения в Болгарию немецких войск.

Сейчас советско-германские отношения, кажется, начинают совсем разваливаться. Ответственные немецкие чиновники, ориентированные в германской политике, уже больше не скрывают своего остервенения по отношению к Советской России и в частных разговорах с нами выражали мнение, что столкновение с Советской Россией действительно зреет. Увы, никто не осмеливается сказать, когда. Этого, несомненно, они даже не знают, так как это глубочайшая тайна немецкого военного руководства. Одни выражают мнение, что русско-германская война начнется этой весной, другие считают, что это случится ближе к осени, некоторые говорят, что война может разразиться неожиданно, если только Советская Россия совершит какой-нибудь акт, который немцам покажется слишком горьким.

Самым верным показателем того, что русско-германский вооруженный конфликт назревает, является переброска войск в крупных масштабах со всех сторон на восток: в Восточней Пруссию, польскую губернию и в Румынию. Сколько их уже переброшено в эти районы – знает только само немецкое военное руководство. Кроме того, эта переброска постоянно происходит всё время, во многих местах за счет приостановки гражданского железнодорожного сообщения. Следует заметить, что войска выводятся из Франции и даже из областей, где происходила подготовка десанта на Британские острова. Является ли это подтверждением того, что от десанта вообще отказались или это простая перегруппировка сил?

Параллельно чрезвычайно повысилась активность скрытого наблюдения с немецкой стороны за красной армией. Похоже, что немецкие штабы спешно готовятся к действиям на востоке.

Вообще говоря, кажется, что упомянутые военные приготовления немцев не являются мерой простой безопасности против Советской России в предвидении решающих действиё гденибудь в другом месте. Наоборот, есть серьезная информация о том, что, возможно, на этот раз готовится решающий удар по самой Советской России. Как бы то ни было, в виду всего того, что происходит, нельзя считать, что немецкие приготовления на востоке делаются лишь для устрашения Советской России. Кстати, в последнее время замечено, что Советская Россия укрепляет свои силы против Германии. Такие сведения получены от литовских беженцев.

Вывод – следует очень серьезно рассматривать возможность русско-германского вооруженного конфликта и готовится к нему заранее.

4. О положении в Литве

С точки зрения международного права положение Литвы нельзя считать окончательным. Советизация Литвы и ее включение в Советскую Россию совершилось против воли литовского народа. Оно было навязано Литве путем насилия, Советская Россия применила против нашей страны свою Красную Армию и в одностороннем порядке нарушила подписанные с Литвой договоры. Литва через своих дипломатических представителей за границей против всего этого энергично протестовала. Ни одно государство мира не одобрило применения против Литвы насилия и до сих пор не признало включения Литвы в Советскую Россию. Этого не сделала и Германия, хотя и подписала договор с Советской Россией о проведении границы через Литву до Балтийского моря. Поэтому теперешнее положение нельзя считать ничем другим, кроме как простой оккупацией, которая может быть только временной.

Наша цель – освободить Литву – не является намерением создать какое-то новое государство, а только восстановить государство, которое еще совсем недавно существовало, было совершенно независимым и признанным всеми государствами как полноправный член семьи государств мира, с которыми Литва поддерживала нормальные отношения и подписала много договоров международного значения, которые действуют дальше, только, к сожалению, временно не исполняются. Они не исполняются потому, что одно из государств, именно, Сов. Россия нарушила суверенитет Литвы. После его восстановления Литва автоматически стала бы снова суверенным государством, полноправным по отношению к другим государствам.

При плетении политических связей с Германией в соответствии с концепцией п. 2 выяснились факты и данные, которые дают твердое основание считать, что Германия в отношении восстановления Литвы настроена положительно, исходя из своих интересов и считаясь с международным правовым положением Литвы и обстоятельствами войны. Похоже, что когда наступит решающий момент, Германия поддержит наше дело, что она уже теперь наглядно демонстрирует, хотя из-за ее отношений с Советской Россией публично этого не раскрывает.

Будет ли возможным сразу восстановить независимость Литвы или в военных условиях [мы] будем вынуждены временно удовлетвориться урезанной государственной свободой, покажет только будущее. В значительной степени это зависит от нас самих, от того, насколько покажем способность, решимость и стойкость в борьбе за свои идеалы: как в дипломатической борьбе, так и в борьбе с оружием в руках, когда пробьет решающий час.

В геополитическом отношении Литва находится в таком месте, что стратегия немцев в русско-германском вооруженном конфликте не обойдет нашей страны; наоборот, территория Литвы будет первым полем схватки между немецкими и русскими войсками. Но учитывая, с одной стороны – плохую организованность красной армии, с другой стороны – хорошую военную подготовку немцев и их живой стратегический интерес действовать с молниеносной быстротой (к чему и готовятся), можно без малейшего сомнения предвидеть, что военные действия в Литве надолго не затянутся. Из этого можно сделать вывод, что военный пожар не нанесет нашей стране большого материального урона и не очень ее разорит. Нужно только очень позаботиться, чтоб нашу страну не очень разорили русские, когда будут вынуждены отступать из Литвы, т.е. чтобы не совершали массовых поджогов и не нанесли других материальных потерь из мести или нежелания оставить имущество немцам.

После вытеснения немцами красной армии из Литвы или ее пленения война на этой части Европы не закончится. Когда немецкая армия продвинется дальше вглубь Советской России, наша страна для немецкой армии станет транзитной областью. Это, хочешь не хочешь, навлечет на нашу страну разные ограничения и обязанности. Но избежать их будет невозможно по чисто материальным соображениям. Можно и нужно только приложить усилия для их большего смягчения. Это будет возможно только если наш народ и борцы за его освобождение смогут проявить необходимую дисциплину и смогут обеспечить в тылу немецких войск спокойствие, абсолютную безопасность на путях снабжения немцев и умение дружески уживаться с немцами.

От ограничений на путях снабжения можно будет освободится только в конце войны. Это реальность, которую следует предусмотреть заранее и с ней тонко считаться.

5. Как добиться цели

Свободу народам даром никто не дает. Народы за нее борются, невзирая ни на какие жертвы. Хотя не всегда побеждают, но от своих идеалов не отказываются, несмотря на то, сколь долга будет та борьба и какие придется перенести удары на пути к освобождению.

Литовский народ потерял государственную свободу, но никто не может оспорить его право вернуть свободу и бороться за ее возвращение.

Оставшаяся за границей дипломатия Литвы и заграничные организации литовцев прилагают и будут прилагать в будущем все усилия для постоянной поддержки идеи восстановления Литвы всюду, где только возможно.

Но дипломатических усилий мало. Больше того, они являются лишь вспомогательными. Если сам народ не будет бороться за свою свободу, ее не будет. Решающим фактором в освобождении Литвы следует считать боевой фронт на родине.

Второе. Было бы также ошибочно считать, что свое государство можно восстановить лишь с чужой помощью и поэтому не имеет смысла жертвовать жизни лучших сыновей нашего народа в неравной борьбе с более могущественным врагом. Такой образ мышления является особенностью салонных политиков, которые никогда не могут решиться. Литва, восстановленная чужими руками, была бы нам не мила. Кроме того, ее нам никто не восстановит, если сами не возьмемся за ее восстановление. Помощь нам, маленькому народу, нужна и необходима, но только как помощь. Всю же ношу борьбы должны принять на свои плечи. Чем больше сможем ее вынести, тем больший вес приобретем в отношении нашей цели и помощью, которой хотим воспользоваться. Эта помощь, благодаря складывающимся на востоке Европы обстоятельствам, приходит к нам совершенно естественно, только нужно суметь ею рационально воспользоваться в своих интересах. При складывающихся условиях ею лучше всего воспользоваться, если, когда придет решающий момент, сами возьмемся за оружие и сами возьмем власть в стране, а не будем ждать, пока кто-нибудь со стороны окажет нам такую милость…

Итак, активность, готовность к любым жертвам и стремление к вооруженной борьбе с врагом есть тот путь, на который следует повернуть, чтобы Литва снова получила государственную самостоятельность и свободу.

Обстоятельства, в которых нам придется идти по упомянутому пути, хотя и печальны, но политически в психологическом отношении благоприятны. Мучения, которые сейчас терпит наш народ и вся страна от большевистского террора, убеждают всех, что без борьбы от чужеземного рабства не освободимся. Все начинают все больше понимать, что легче бороться и, если суждено, умереть смертью героя от пули врага, чем быть замученным палачами Сталина в тюрьме или умереть от голода где-нибудь в русских далях…

Вооруженное столкновение между Германией и Советской Россией, как уже указывалось в п. 3, быстро зреет и становится неизбежным. Имеются очень серьезные данные, что оно может даже произойти в ближайшем будущем. Это означает, что приближается и для нас чрезвычайный случай освободиться от советской оккупации. К этому готовятся все народы, порабощенные русским красным империализмом, как, например, украинцы, белорусы, народы Кавказа и наши друзья по судьбе – латыши и эстонцы. Германия, насколько известно, готовится представить себя на востоке Европы в качестве освободителя этих народов, т.е. поставила себе целью раздробить Советскую Россию на ряд государств под протекторатом Германии. Для народов, которые согласны на это, открываются перспективы создать себе лучшее будущее. А тем, которые вздумают сопротивляться, грозит немецкий меч. При таких условиях у всех упомянутых народов не будет другого выбора как идти по пути, который диктуют обстоятельства момента…

В отношении восстановления Литвы следует руководствоваться следующим возможностями:

1. Удается заранее договориться с Германией об образовании правительства Литвы и тем самым о хотя бы формальном восстановлении суверенитета Литвы;

2. Об образовании правительства договориться не удается, но удается захватить управление страной, точнее говоря, аппарат управления, воспользовавшись моментом безвластия, который на короткое время образуется в Литве, когда немецкие войска пойдут вперед, а Красная Армия будет отступать;

3. Правительство Литвы провозглашается революционным путем в результате происшедшего восстания;

4. Правительство Литвы образуется постфактум, договорившись с немцами, когда страна будет занята немецкими войсками и освобождена от большевиков.

Для осуществления первого варианта, для нас самого благоприятного, делается все, что только возможно. Есть основание надеяться, что может удастся договориться с определяющими немецкую политику лицами. Пока же этого гарантировать невозможно, так как немцы ведут себя очень осторожно. Разрешат ли нам, как нам было бы желательно, образовать правительство заранее, прояснится скорее всего в последний момент, т.е. перед самым наступлением немецких войск на Красную Армию или после его фактического начала.

Второй вариант уже прояснился и уже настолько, что можно утверждать, что сможем создать аппарат военного управления из своих людей. Даже сами немцы этого желают и не собираются препятствовать, чтобы мы сами, пользуясь переходным моментом безвластия, заняли все учреждения, предприятия и т.д., устранив из них советских чиновников и комиссаров.

Третий вариант появится, если только не удастся заранее договориться с немцами о создании правительства или если события застанут нас врасплох. Провозгласить создание революционным путем правительства, например, в Вильнюсе, не представляло бы особой опасности, имея в виду второй вариант, когда немцы согласны и одобряют наш замысел захватить аппарат управления страной в период безвластия. Провозглашение правительства, таким образом, вынудило бы немцев считаться с происшедшем фактом и это облегчило бы легализацию правительства.

Четвертый вариант для нас был бы наименее благоприятным. Заняв наше страну, немцы чувствовали бы себя в ней хозяевами и могли нам ставить разные условия по формированию правительства, если бы вообще разрешило его образовать. Кроме того, его образование могло бы затянутся и тем самым испортить общее настроение в стране. О создании правительства постфактум с немцами пока не говорили, поскольку все усилия направлены на то, чтобы договориться с немцами об образовании правительства заранее.

Как бы там ни было с образованием правительства, самой главной задачей, возникающей перед немцами при их продвижении вперед, является захват аппарата управления страной. Этот захват был бы первым реальным шагом к восстановлению суверенитета Литвы. Поэтому надо прилагать в Литве все усилия так скрытно сорганизоваться, чтобы после начала наступления немецких войск против красной армии по всей стране спонтанно вспыхнуло всеобщее восстание. Его цель взять аппарат управления страной в свои руки и поставить немцев перед свершившимся фактом, с которым они намеревались и должны будут позднее считаться. Кроме того, энергичные действия, при любых жертвах, имели бы не только фактическое, но и морально политическое значение: Литва тем самым укрепила бы свое право требовать от немцев не препятствовать восстановлению Литовского государства до окончания войны. Наконец, это имело бы большое международное значение, так как тогда весь мир убедился бы, что литовский народ действительно решительно настроен возвратить себе свободу, что дало бы нашей дипломатии очень веский аргумент всюду, где только можно представить, в защиту дела восстановления Литвы.

6. Вехи на пути к подготовке восстания

Вся подготовка ведется от имени движения литовских активистов, которое объединяет все наиболее деятельные элементы нашего народа, идейно нивелируя все бывшие наши партии.

Его основные цели: восстановить независимое государство Литва и построить его на новой основе, обеспечивающей возможность сохранения в народе реального единства, укрепления в народе национальной стойкости, рост моральной силы народа в соответствии с христианскими принципами морали, развитие хозяйства и культуры страны, постоянную работу и социальную справедливость для всех, которое с корнями вырвало бы любую халатность, коррупцию, беззаконие, коммунистическое вырождение и еврейскую эксплуатацию.

Немцы считаются с движением литовских активистов как с политическим фактором и опираются на него в установлении с Литвой политических связей.

При приближении часа освобождения от советского коммунистического террора и еврейской эксплуатации, надо всеми возможными средствами активизировать деятельность движения активистов в Литве, чтобы идейно и организационно подготовить литовский народ к решающему акту, от которого будет зависеть будущее Литвы.

Для идейного созревания литовского народа необходимо усилить антикоммунистические и антиеврейские акции и распространять мысль о неизбежности русско-германского военного столкновения, что красная русская армия скоро будет выгнана из Литвы и что Литва снова станет свободным независимым государством. Очень важно по случаю избавиться и от евреев. Поэтому следует создать в стране такую тяжелую атмосферу против евреев, чтобы ни один еврей не мог осмелиться допустить и мысли, что в новой Литве он сможет еще иметь какие-либо права и вообще возможность жить. Цель – заставить всех евреев бежать из Литвы вместе с красными русскими. Чем больше их по этому случаю исчезнет из Литвы, тем легче после будет совсем от них избавиться. В свое время предоставленное Витаутасом Великим гостеприимство евреям в Литве отменяется навсегда за их постоянно повторяющиеся предательства литовского народа его угнетателям.

С точки зрения организации следует сделать следующее: в рамках движения активистов, как выразителя и исполнителя политической воли литовского народа, следует создать Национальную трудовую охрану как боевой орган этого движения. Она создается из совершенно верных людей, умеющих владеть оружием и готовых, в случае необходимости пожертвовать своей жизнью за литовские идеалы движения активистов.

Ячейки НТО следует создавать всюду, где только найдутся такие решительные люди: в национальных объединениях, в учреждениях среди чиновников, на предприятиях среди служащих и рабочих, среди студентов, в школах, среди сельской молодежи, крестьян и т.д. Особенно стараться завербовать офицеров и унтер-офицеров запаса, бывших добровольцев, бывших шаулистов.

Поскольку общее настроение жителей является резко антикоммунистическим и антиеврейским и поскольку советский террор сам просто толкает людей к применению оружия, то, кажется, нет необходимости иметь в боевых подразделениях много людей. Главное – иметь хорошую сеть организаций, которая охватила бы всю нашу страну, ветви которой достигали бы каждого уголка, т.е. не только города, но и деревни. В решающий момент эта сеть, если только она будет состоять из действительно решительных людей, сумеет спонтанно привлечь к себе все другие более активные элементы нашего народа, сначала не вовлеченные в организацию, но намеченные к вовлечению сразу, как только подойдет решающий час.

Чтобы лучше замаскировать организацию НТО от большевиков и выродков нашего народа, продавшихся оккупантам, следует рекомендовать назвать ее подразделения самыми различными, насколько хватит фантазии местных деятелей, именами. Таким образом, можно создать впечатление, что существует не одна организация, а несколько различных. Кроме того, это очень осложнило бы скрытую слежку за ними со стороны врага.

Другой необходимый совет – подготовка руководства восстанием. Это дело очень актуально, так как теперешняя схема, кажется, не очень спланирована и не согласована с окончательным ходом военных событий в Литве.

Чтобы понять, что в этом отношении следует поправить, надо выяснить, как будут развиваться русско-германские военные операции на нашей территории.

Что касается немецкой стороны, то, как уже упоминалось, следует ожидать, что наступление будет происходить молниеносно, с выбрасываем вперед и в тыл врага бронетанковых войск, задача которых будет немедленное подавление со стороны русских какое-либо планового сопротивления или методического отступления. По каким направлениям будут нанесены главные удары – тайна немецкого военного руководства. Об этом можно гадать лишь теоретически. Можно допустить, что удары будут нанесены по следующим направлениям: первое – из Сувалкского треугольника с форсированием Немана с целью окружить Вильнюсский узел с юго-запада; второе – в направлении Тильзит – Шяуляй с целью обойти Неман и Каунасские укрепления с севера и устремиться к Латвии; между этими основными направлениями следует ожидать действий одной или нескольких колонн, например, в направлении Каунас-Алитус. После подавления обороны красной армии в треугольнике Каунас – Вильнюс – Гродно можно предположить, что операции разовьются одна в направлении Минска, другая – в направлении Даугавпилса.

Что касается сопротивления русских, то кажется, что более серьезного сопротивления следует ожидать на линии Дубиса – Неман, где строятся укрепления. Кроме того, кажется (но это надо бы проверить), русские предусматривают еще промежуточную позицию на линии Муша – Левуо – Аникшчяй. Предполагается, что это будет позиция для прикрытия отступления на линию Даугавы.

Направления немецкого наступления и линии русского сопротивления раскалывают территорию Литвы на следующие стратегические области:

1) Участок в Неманском углу, охватывающий нашу Сувалькию;

2) Участок между Дубисой и Клайпедской областью, охватывающий Жемайтию;

3) Участок севернее Дубисы, который примыкает к Жемайтии и достигает промежуточную позицию русских.

4) Участок между Неманом и Нерисом, на котором русская красная армия, окружаемая с юга и севера, должна будет сложить оружие.

5) Вильнюсский узел, если он не будет окружен заодно с Неманской позицией.

6) Участок на северо-востоке Литвы как подход к Даугавской позиции.

Первый и второй участки русские, похоже, не будут стараться защищать серьезно и будут отступать с них под прикрытием пограничной охраны. Более серьезное сопротивление попытаются оказать на линии Дубиса – Неман. После прорыва немцами этой линии решится судьба центра Каунаса. Силы красных будут отходить на промежуточную позицию Муша – Аникщчяй и Нерис. После скорого пересечения и этой линии Вильнюсский узел будет окружен, а силы красных, оставшиеся на северо-востоке Литвы, будут спешить отступить на позицию Даугавы. Такое видение стратегического раскола территории Литвы совершенно естественно побуждает приспособить к нему и скелет руководства восстанием. Кажется, что в этом отношении было бы целесообразно руководство поделить на следующие эшелоны.

От двойной сети следует отказаться, поскольку в решающий момент, когда поддержание связи станет невозможным, она может повредить проведению восстания;

Высшие органы проведения восстания, конкретно Вильнюсский и Каунасский центры, подчинить один другому, считая Вильнюсский центр высшим. Субординация должна быть такой, что при невозможности действовать одному, руководство мог бы перенять второй центр.

Каждый из указанных центров самостоятельно создает свою сеть и подчиняющиеся ему боевые подразделения в провинции, именно:

а) Вильнюсский центр – в восточной стороне Литвы;

б) Каунасский центр – в Сувалькие, Жемайтие и Аукштайтие.

Поскольку большая централизация вела бы к дешифровке деятельности, то необходимо безотлагательно создать еще следующие промежуточные центры в провинции:

а) Подчиненные Каунасскому центру:

1. Центр Каунасского района в самом Каунасе плюс Каунасский уезд;

2. Сувалькийский центр, например, в Мариамполе, которому подчинить следующие уезды: Мариямпольский, Алитусский, Сейнайский, Вилкавишкский и Шакяйский.

3. Жемайтийский центр, например, в Шяуляе, которому подчинить Шяуляйский, Тельшяйский, Мажейкяйский, Кретингский, Таурагский и Расейняйский уезды;

4. Аукштайтийский центр, например, в Паневежисе, с уездами Паневежским, Биржайским, Рокишкским и Кедайняйским;

б) Подчиненные Вильнюсскому центру:

1. Центр Вильнюсского района в самом Вильнюсе, которому подчинить Вильнюсский, Тракайский и Укмергский уезды;

2. Северо-восточный центр, например, в Швенченисе и Утене, с уездами Швенчениским, Утенским и Зарасайским.

3. Центр литовского национального корпуса.

Состав промежуточных центров определяют Вильнюсский и Каунасский центры каждый в своем районе примерно из 3 – 5 решительных людей, проживающих там, где создается центр. Таким образом, созданные центры в свою очередь определяет состав уездного центра приблизительно из 2 -3 лиц. Эти же последние назначают своих доверенных в волостях, городках, школах, предприятиях и т.д. Таким образом, создастся сеть руководства, которая

придаст подготовке восстания больше плановости и на которую можно будет опереться в решающий момент.

Членами центров и доверенными на периферии должны подбираться, не столько учитывая, кто кем был раньше или какое у него образование, а какой у человека характер: твердость воли, решительность в принятии решений, наличие инициативы, способность руководить другими и пригодность к конспиративной работе.

Важнейшей задачей в этот подготовительный период является образование возможно большего числа боевых подразделений движения активистов Литвы. Было бы идеально, если бы удалось достичь такого положения, чтоб такие подразделения были образованы не только в центрах и городах, где больше нашей интеллигенции и патриотично настроенных учащихся, но и всюду в провинции: в городках и деревнях, не важно, будет ли у них оружие или нет, так как есть надежда, что оружие найдется для всех.

Каждому вновь созданному подразделению следует сразу поставить задачу, которую оно должно будет выполнить, когда придет час восстания. Например, занять электроцентраль или отключить электрические провода, создать где-нибудь панику путем взрыва бомбы, занять центральную почту, оборвать телеграфные, телефонные провода на участке X, разобрать рельсы в районе X, занять волостное управление, освободить политических заключенных из тюрьмы X, арестовать правление организации коммунистов, обезоружить красных милиционеров X отделения, собраться и быть в распоряжении командира X и т.д.

Поскольку восстание должно произойти в момент наступления немецких войск, направлений и задач которого немцы нам заранее не раскроют, то невозможно предусмотреть общего для всей Литвы плана восстания. Поэтому каждое подразделение, получив задание, готовит для себя свой план: как лучше его выполнить, когда будет дан сигнал к восстанию. Главные центры готовят планы для достижения важнейших целей восстания. То же делают и промежуточные центры, каждый в своем районе, придерживаясь общих указаний, данных сверху. Вообще же вся подготовка происходит на основе широкой децентрализации, доверия инициативе и умению местных руководителей. Здесь отметим только самые общие задачи:

1) Разоружить по всей стране красную милицию и агентов ГПУ, арестовать их и ликвидировать, если кто осмелиться сопротивляться.

2) Арестовать всех комиссаров, политруков и других помощников советского режима.

3) Уничтожить центр коммунистической партии и отделы; кроме того схватить всех более или менее активных членов той партии и ее подразделений.

4) Вынудить евреев бежать из Литвы.

5) Освободить из тюрем политических заключенных и позаботиться, чтобы русские или наши коммунисты их не убили или не вывезли в Советскую Россию.

6) Занять важнейшие учреждения в центрах и провинции, предприятия, железнодорожные станции центральную почту и телеграф, наиболее крупные склады продовольствия и товаров и т.д.

7) Принять меры, чтобы большевики при отступлении из Литвы не уничтожали имущество или кто другой его не разграбил, особенно предусмотреть меры против поджогов и для гашения пожаров.

8) Разрушить имеющиеся в разных местах железнодорожные линии военного значения, оборвать телефонные, телеграфные, а также электрические провода в более важных пунктах, но не спиливать столбов.

9) Создавать все возможные препятствия для отступающих частей красной армии, обозам и транспорту. Постараться эти подразделения разоружить или нападать на них из засад по-партизански.

10) Если соотношение сил позволит, попытаться при помощи литовского национального корпуса разоружить силы русской красной армии, если в них возникнет паника.

Создавая препятствия отступлению русской красной армии и транспорту, нужно избегать больших взрывов, особенно не уничтожать мосты. Наоборот, прилагать усилия для их защиты, чтобы их не уничтожили красные, потому что они будут очень нужны идущему вперед немецкому войску, особенно их моторизованным частям, чтобы они не нужно было тратить время на переправы через реки.

Связь с высшем руководством Фронта литовских активистов поддерживать через его связных в пограничье. Для этой цели в центрах пограничных уездов сейчас же войти в контакт с этими связными и связными с той стороны границы, чтобы не нужно было посылать агента далеко в глубину Литвы, что связано с большой опасностью агентам попасть в когти ГПУ.

7. Восстание

Сигналом к восстанию следует считать момент, когда немецкие войска перейдут границу и начнут нападение на русских.

Если руководству Фронта активистов удастся узнать об этом моменте хоть сколько-нибудь заранее, то оно немедленно постарается дать об этом знать через тайных агентов и связных по обе стороны границы, чтобы срочно передали дальше через промежуточные центры в Каунас и Вильнюс.

Кроме того, готовятся, в последний момент или когда наступление уже начнется, выбросить с самолетов парашютистов, которые передадут последние инструкции.

Но как бы там ни было, настоящим сигналом к восстанию нужно считать переход немцами границы Литвы. Пока это не произошло, не следует верить никаким кем-либо указанным срокам, чтобы не поддаться на провокацию.

Поскольку при спешном продвижении немцев плановое руководство восстанием невозможно, так как все связи между центрами и периферией прервутся, то нельзя надеяться ни на какие указания сверху. Восстание при таких условиях должно произойти автоматически и спонтанно по всей стране. Поэтому каждое подразделение должно ловить радиоинформацию или другим образом проследить, что немцы перешли границу. Получив такую информацию и сообщив об этом соседним своим подразделениям и вышестоящему командиру и тем самым проверив информацию, следует тотчас браться за последние приготовления. Убедившись, что полученная информация правильная, а не запущена кем-нибудь в провокационных целях, принимают решение выполнять данное раньше задание.

Если удастся договориться с немцами заранее о создании правительства Литвы, то предусматривается в то время, когда немецкие войска пересекут границу и начнут наступление, распространить в Литве с самолетов публичное воззвание-листовку этого правительства к народу с подписями всех членов кабинета министров с призывом ко всем, кто только может, взяться за оружие и выгнать русских оккупантов вон из Литвы. Это воззвание было бы официальным и обязательным к выполнению для всех жителей страны.

В то же время вновь созданное правительство и руководство Фронта активистов, организовав соответствующее ударное вооруженное подразделение из находящихся в Германии литовцев и беженцев, постарались бы силой захватить в приграничье какой-нибудь пункт на литовской стороне и отсюда осуществляла общее руководство восстанием и согласовывало действия с продвижением немецких войск вперед.

Параллельно с самолетов был бы распространен по всей Литве призыв к восстанию от имени Фронта литовских активистов: к литовцам-активистам Фронта, к воинам литовского национального корпуса, к офицерам запаса и шаулистам, к бывшим добровольцам войска Литвы, к литовской интеллигенции, работникам культуры и чиновникам, к ученикам и сельской молодежи, к крестьянам, рабочим, предпринимателям, к воинам русской красной армии и против евреев.

Можно надеяться, что таким образом весь народ придет в движение и в стране создастся такая накаленная атмосфера против оккупантов, евреев и русских коммунистов, что среди них возникнет страх и паника, которая надломит всякое с их стороны более или менее серьезное сопротивление. Кроме того, это в значительной степени собьет настроение красноармейцев, что способствовало бы деморализации красной армии.

При таких условиях можно надеяться, что восстание по всей стране пройдет успешно. Только надо показать больше решительности, смелости и революционной дерзости, когда немцы наступают, красная армия, наше еврейство и все изменники нашего народа в панике побегут из Литвы или поспешат попрятаться где-нибудь по норам.

Заранее можно предусмотреть, что там, где нет больших сил красной армии, восстание может пройти быстро и без трудностей. В тех же местах, где сосредоточены большие силы

красной армии, следует проявлять осторожность, сначала вести действия с целью выиграть время, пока не подойдет помощь немецкой армии.

Если с немцами не удастся договориться об образовании правительства, другими словами, если после начала немецкого наступления с самолетов не будут распространены воззвания правительства и Фронта активистов и по берлинскому радио не сообщено о создании правительства, то следует считать, что немцы по отношению к Литве имеют скрытые цели.

Однако от восстания и в таком случае не следует воздерживаться. Его нужно осуществлять, как и готовились, с целью захвата аппарата управления страной. Об образовании правительства в таком случае должен объявить Вильнюсский центр революционным путем, чтобы поставить немцев перед свершившемся фактом. Для лиц, создавших такое правительство, особой опасности со стороны немцев не должно бы быть, потому что, как уже упоминали, уже сейчас ясно, что сами немцы заинтересованы, чтобы в аппарате управления были свои люди.

Акт революционного провозглашения правительства должен быть подготовлен вовремя и надлежащим образом отредактирован, поскольку он будет иметь большое историческое, международно-правовое и морально-политическое значение не только сегодня, но и в будущем, он особенно важен и для легализации самого правительства и как неопровержимый аргумент для действий дипломатии Литвы по защите за границей дела восстановления Литвы.

Этот акт должен быть составлен и провозглашен от имени Фронта литовских активистов как единственного выразителя и исполнителя [чаяний] литовского народа. Главой правительства должен быть назначен руководитель этого движения, чтобы этим по возможности связать руки немцам, поскольку они возлагали свои надежды на это движение и его руководителя, и поэтому им политически и в моральном отношении было бы трудно не считаться с таким правительством и не признать его.

Поскольку, как уже упоминалось, в предполагаемых условиях централизованное управление восстанием невозможно, то восстание на местах будет проходить самостоятельно по инициативе местных деятелей и руководителей. Промежуточные и уездные центры должны будут согласовывать действия отдельных подразделений восставших, посылая при необходимости подкрепление от соседних подразделений или из резерва и давать необходимые указания, что делать тому или иному подразделению после выполнения начального задания.

Промежуточные и уездные центры во время восстания исполняют на местах функции власти, пока не установят связь с Вильнюсским центром, с высшем руководством движения активистов и пока не образуется правительство Литвы и оно не возьмет управление страной в свои руки.

О выполнении задач восстания и ходе борьбы и достигнутых результатах руководители низших подразделений восстания через надежных связных докладывают своему непосредственному руководителю и центру восстания, которые, в свою очередь, ориентируют своих подчиненных командиров и доверенных [лиц] об общем создавшемся положении в районе действий, что достигнуто в других областях восстания и что дальше делать подразделению и как ему держаться.

Всюду, где только восстание удалось, во главе публичных учреждений и предприятий надо поставить своих людей. Всюду, где только возможно, возвращать на старые места бывших начальников, т.е. назначенных в свое время законным правительством Литвы чиновников, например, начальников уездов, военных комендантов, начальников полиции, начальников полицейских участков, бурмистров городов, начальников волостей, начальников железнодорожных станций, начальников почты и т.д. Также следует возвратить всю полицию, а не создавать временную милицию из жителей.

Все упомянутые чиновники должны быть призваны сразу после восстания в том или ином месте вернуться на свои старые места и носить старую форму времен независимой Литвы. И вообще все государственные регалии и знаки власти должны быть немедленно восстановлены.

Чиновники, возвращенные на свои старые места и вновь назначенные, немедленно широко распространяют объявления и публичные приказы, необходимые для поддержания порядка, безопасности жителей и общего спокойствия, чтобы жители знали, как им держаться и чтобы все почувствовали, что власть существует и действует.

Возвращение старых чиновников, реставрация формы и государственных знаков, быстрое издание и публичное объявление различных распоряжений власти - всё это акты, которые должны показать немцам, что аппарат управления страной уже восстановлен и действует как полагается. Немцы, поставленные таким образом перед свершившимся фактом, не могли бы с этим не считаться.

Необходимые персональные изменения среди возвратившихся чиновников, если среди них окажутся неподходящие для дальнейшей службы, можно будет сделать позднее, когда после восстания все вернется в нормальное русло.

Подразделения немецких войск всюду, где бы они не показались в Литве, должны быть встречены как войска дружественного Литве государства.

Чиновники местной власти и представители местной общественности встречают командиров частей, представляются им, ориентируют их о положении на местах, представляют всю информацию, какую только имеют, об отступившем враге (русских) и при необходимости предлагают свои услуги.

С немецкими солдатами и чиновниками следует стараться поддерживать хорошие и сердечные отношения, но не унижая себя, так как, поднимая восстание, мы сами боремся за свою свободу, а не просто ждем милости от немцев, чтоб они нам эту свободу подарили. Мы только пользуемся их помощью. Но за свою свободу платим и своей кровью.

Пассивность и вялость Литву погубили,
Активность и решимость должны ее спасти!

Перевод с литовского В. Шараса.

Серия фотоальбомов "Забытые кадры"

Историки Баир Иринчеев и Денис Жуков представляют серию уникальных фотоальбомов «Забытые кадры», посвященных событиям советско-финской и Великой Отечественной Войны.

В альбомах использованы фотографии, сделанные во время войны солдатами и офицерами финской и германской армий. Лишь малая часть – фотографии военных корреспондентов. Все фотографии публикуются впервые. Часть фотографий обнаружена в ходе изысканий в Национальном архиве Финляндии.

Эти фотоальбомы помогут современному читателю глубже осознать трагедию, постигшую нашу страну в 1941 году. Эти альбомы – дань уважения предыдущим поколениям, нашим отцам, дедам и прадедам.

Альбомы рассчитаны на широкий круг читателей.

Альбом «Гибель дворцов: нацистская оккупация Ленинградской области 1941-1944»
Баир Иринчеев и Денис Жуков.

ISBN 978-5-93768-047-2
64 страницы. Мягкая обложка, 122 черно-белых фотографии
сопровождающие тексты на русском и английском

В этом альбоме собраны фотографии, сделанные немцами в блистательных пригородах северной столицы – Петергофе, Пушкине, Павловске, Гатчине. В альбом включены уникальные кадры гибели Большого дворца в Петергофе и Екатерининского дворца в Пушкине. Некоторые фотографии позволяют развеять мифы об участи Екатерининского дворца, Большого дворца в Петергофе и статуи Самсона – символа Петергофа.

Альбом «На Ленинград: наступление Группы Армий Север в 1941 году»
Коллекция Дениса Жукова

ISBN 978-5-93768-048-0
64 страницы, мягкая обложка, 128 черно-белых фотографий
сопровождающие тексты на русском и английском

В альбоме собраны фотографии солдат и офицеров Вермахта в ходе их продвижения от Пскова и Острова к пригородам Ленинграда. Фотографии фактически являются иллюстрациями к недавно вышедшей книге Алексея Исаева «Иной 1941-й. От границы до Ленинграда».

Альбом «Финляндия: ответный удар. Карельский перешеек 1941 год»
Баир Иринчеев

ISBN 978-5-93768-044-8
64 страницы, мягкая обложка, 130 черно-белых фотографий
сопровождающие тексты на русском и английском

В альбоме представлены фотографии финских солдат и офицеров во время наступления финской армии летом 1941 года на Карельском перешейке. Большое количество ранее не j публиковавшихся фотографий Выборга, Приозерска, Зеленогорска и других известных мест Карельского перешейка.

Альбом «Финская война: забытые кадры»
Баир Иринчеев

ISBN 978-5-93768-039
192 страницы, 16 цветных, твердая обложка,
338 иллюстраций, чертежей, карт.
сопровождающие тексты на русском, английском, финском, шведском.

Впервые в одном альбоме собраны ранее не публиковавшиеся фотографии, чертежи и карты укреплений Линии Маннергейма, координаты бункеров на местности и произведения искусства о советско-финской войне. Все это делает альбом уникальным пособием для каждого, кто интересуется этой малоизвестной войной.

По вопросам приобретения обращаться к Баиру Иринчееву
bair@bair-travels.com

Рецензии

Олеся Орленко

Traverso E. L'histoire comme champ de bataille: Interpréter les violences du XXe siècle. Paris: "La Découvert", 2011. 299 p.

Предлагаемая читателям монография «История как поле битвы: Интерпретации практик насилия в XX веке» была издана в начале 2011 г. в Париже издательством «La Découverte» на французском языке. Её автор, Энцо Траверсо, PhD в истории, является профессором факультета права и политологии Университета Пикардии в Амьене. В сфере его интересов лежит история тоталитарных режимов XX в., двух мировых войн, антисемитизма, немецкой и еврейской философии. Этим вопросам посвящен ряд написанных им знаковых работ.[1] Также он выступал редактором нескольких изданий по истории тоталитаризма и Холокоста.[2] Э. Траверсо работал в университетах и научно-исследовательских организациях во Франции, Германии, Бельгии, Италии, Испании, Мексики, Аргентины, Канады и США, состоял в редакционных советах нескольких журналов и французского издательства "La Fabrique".

Монография «История как поле битвы» - одна из последних опубликованных автором научных работ. Она представляет собой сборник статей и эссе, написанных или опубликованных ранее, объединенных общей темой: исследование сложной и неоднозначной проблемы насилия в прошедшем XX веке. По словам автора, работа над ней продолжалась 15 лет. Издание состоит из введения (С. 5-23), где, помимо прочего, изложена структура книги с информацией о прежних публикациях глав в виде статей, небольшой главы об источниках (С. 24-27), восьми тематических глав, заключения (С. 283-290) и именного указателя (С. 291-296). Помимо указателя имён, научно-справочный аппарат монографии состоит из большого количества ссылок на труды различных авторов, посвященные истории, теории истории, философии, а также на литературные произведения и периодические издания - как переведенные, так и написанные на английском, французском, испанском, итальянском и немецком языках. Каждая глава монографии отличается большой информационной насыщенностью, содержит богатый аналитический материал. В данной рецензии мы попытались выделить основные мысли автора, непосредственно относящиеся к названиям каждой части.

Задачи, которые автор ставил, объединяя свои статьи в монографию, объясняются им во введении. Они связаны с пониманием Э. Траверсо исторического процесса, который заключается в следующем. История представляет собой не линейный процесс, а череда сменяющих друг друга эпох, отделенных своего рода поворотными, ключевыми моментами – «momentum», как говорит сам историк (С. 5). Для понимания этих периодов необходимо изучать историю идей, характерных для каждого из них. Однако, как пишет автор, приводя доводы последователей «кембриджской школы» истории политической мысли[3], при этом нужно избегать «переводить» использованные в них понятия на язык современности, а также не искать в источниках отражения общих исторических процессов, а понимать, что конкретное событие или мысль означала в тот момент, когда оно/она возникло. По мнению Э. Траверсо, идеи «…используются в каждую эпоху и наделяются со стороны читателей разными характеристиками, таким образом, отдаляясь от своего первоначального значения» (С. 16). Так, например, понятия «революция» и «коммунизм» связываются современной аудиторией с тоталитарным миром, а «капитализм» и «индивидуализм», которые, по мнению философов прошлого, должны быть подчинены бескорыстной любви к ближнему, представляются сейчас естественным фундаментом либерального пост-тоталитарного общества (С. 6-7). Описывая метод работы, автор высказывает свою приверженность объединению пути «кембриджской школы» и приверженцев теории изучения идей, и, ссылаясь на Арно Дж. Майера, выделяет четыре принципа своей работы: социальная и лингвистическая контекстуализация взятых им источников, принцип историзма, компаративистика (сравнение текстов, эпох и идей) и концептуализация (отделять абстрактные идеи эпохи, излагающие взгляд на реальность, от самой реальности, в которой они были созданы). Также он выражает согласие с теорией У. Бен-

джамина о дисконтинуитете истории и катастрофах как смене эпох. Такими крушениями периодов были Великая Французская и Октябрьская революции, падение Берлинской стены и т.п. Родившаяся после исчезновения социалистической модели мира и будущего, современная историография выступает под знаком разочарования. При этом Э. Траверсо призывает сделать наши размышления о прошлом максимально плодотворными (С. 23).

Глава первая называется «Конец века. XX в. Эрика Хобсбаума». В ней анализируется произведение «Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век», написанное Хобсбаумом сразу после падения Берлинской стены. По мнению Э. Траверсо, этот автор одним из первых увидел в данном событии не просто факт, а глобальную смену исторических периодов. В главе рассматриваются ключевые положения работы Хобсбаума, встретившие критику со стороны других учёных. Во-первых, это идея, высказанная в «Эпохе крайностей», о «длинном» XIX веке и «коротком» XX веке. Причем первый явился периодом развития, изменения мира; «мотором» для этих процессов стала Европа. Следующее столетие было веком катастроф и войн. Ю. Остерхаммель возражал на это тем, что модернизация Европы не была гомогенной: индустриальная революция прошла сначала лишь в Англии и Бельгии, в других странах эта сфера экономики развивалась только с конца столетия, падение монархий не привело к созданию либеральных государств, слово «демократия» носило скорее негативный оттенок, и обозначала власть толпы. Более того, по словам Остерхаммеля, в теорию Хобсбаума не вписывались изменения, происходившие в азиатском мире (С. 34). Вторая идея, высказанная в «Эпохе крайностей» – неудачи революций, приведших к обретению колониями независимости. Установившиеся в результате политические режимы использовались прежними имперскими хозяевами и стали всего лишь производными от прежней власти. Э. Траверсо не соглашается с этим, говоря, что данное утверждение не объясняет, как получилось, что бывшие колонии добились того, чтобы их мнение учитывалось в масштабах мировой политики (С. 39-40). Один из ключевых моментов работы Хобсбаума – размышление по поводу коммунизма. Э. Траверсо сравнивает его взгляды со взглядами историка Ф. Фюре, выступающего антагонистом Хобсбауму. Последний видел главную цель коммунизма в низвержении социального неравенства, в предоставлении угнетенным слоям общества возможности распоряжаться собственной судьбой (С. 50), в том, чтобы показать миру возможность другого пути развития, отличного от капитализма. Ф. Фюре, концепция которого будет рассмотрена в следующей главе, уравнивал фашизм и коммунизм. Хобсбаум высоко оценивал значение Октябрьской революции, считая её аналогичной по универсализму Великой французской революции. Советскую систему он считал обреченной на провал, сталинские репрессии – ужасным периодом, которому, однако, по его словам, не было альтернативы (данная точка зрения вызывает сожаление со стороны Э. Траверсо). Несмотря на то, что идеи Хобсбаума были отличны от мыслей Э. Нольте, Э. Траверсо считает, что исходная точка была одна: сравнение коммунизма и фашизма. Одной из главных заслуг автора «Эпохи крайностей», по его мнению, является умение сформулировать то, что составляло достоинство рабочего класса и выражалось в идеях коммунизма (С. 56). Также он разделяет волнения Хобсбаума по поводу будущего человечества, которое, после крушения идей социализма, не представляется больше ясным и чётким: «…совершенные в прошлом попытки изменить мир потерпели поражение. Нужно пойти другим путём, но у нас нет компаса. Беспокойство Хобсбаума – это неуверенность нашего времени» (С. 58).

Вторая глава называется «Революции. 1789 и 1917 гг. после 1989 года: по работам Франсуа Фюре и Арно Дж. Майера». Э. Траверсо называет Ф. Фюре «иконой либеральной историографии». По его мнению, этот французский историк является типичным представителем того поколения авторов, которое создавало «обольшевиченую» историю антибольшевизма. Используя сравнение И. Дойчера, Траверсо пишет, что эти исследователи, многие из которых в прошлом были коммунистами, сохранили чёрно-белое видение истории и критиковали советскую историю теми же способами, что их советские оппоненты – историю империализма. Разница была лишь в том, что обвинители и обвиняемые менялись местами в зависимости от автора. Критикуя работы Ф. Фюре по Великой французской революции, он еще в предыдущей главе отметил одно важное обстоятельство: выводы относительно 1789 г. намеренно экстраполируются многими исследователями на Октябрьскую

революцию. Мнения Фюре, его учеников и последователей можно свести к следующему: по их оценке, изменения, которых требовало общество в период революций, могли пройти без кровопролития и столкновений. Революция не способна нести никакого созидательного начала, а последовавший за ней террор был неизбежным следствием её идеологии, направленной на убийство (С. 62-66). Якобинцев Фюре считает предшественниками большевиков. По его словам, любой учет контекста и исторических обстоятельств в изучении этих событий ведет к оправданию террора 1793 г., в чем с ним, отчасти, согласен Э. Траверсо. Однако последний считает неисторичным подход Фюре к изучению событий революции. Траверсо отмечает, что тот упускает логику организаторов политического террора, не тоталитарную по сути, а направленную на защиту революции и достигнутых ею свобод (С. 67). Он должен был защищать свободу, а превратился в практику насилия. Это, по словам Траверсо, было и во время французской, и во время русской революций. Но такое следствие не было неизбежным.

Основным произведением А. Дж. Майера, выбранным Э. Траверсо для анализа, стала работа «Фурии: насилие и террор во французской и русской революциях». Этот автор соглашается с Ф. Фюре относительно продолжительного характера революции, с историком А. Матьезом – относительно аналогии между 1789 и 1917 гг. Однако он отказывается от положительной или отрицательной оценки революций. Он считает, что революция – это направленный на движение в будущее креативный разрыв с прошлым, установление нового порядка, возникающий на месте вакуума власти, социального и политического кризиса. Траверсо считает, что теории Майера подходит концепт К. Шмита «суверенная диктатура», обозначающее власть, которая сама дала себе легитимность. Насилие, по мнению Майера, при революции неизбежно, но оно сопутствует процессу создания порядка и власти. Также революция неотделима от контрреволюции – процесса активной мобилизации, который он видит в консерватизме XX в. и в фашизме (С. 73-75), а также обладает чертами «светской религии» (С. 76), разной во Франции и в России. Во Франции террор пытались ввести в рамки закона. В России ситуация осложнялась Первой мировой и Гражданской войнами, усилившими его распространение. Сталинские политика и репрессии стали результатом провала мировой революции, вследствие чего она направила свое развитие внутрь страны (С. 81). Таким образом, Майер считает датой окончания русской революции 1945 г. Э. Траверсо также считает, что теория автора не отличается историзмом. Революции понимаются Майером как своего рода блоки, в которых мы видим этапы, но не разрывы. Это сближает его в глазах Траверсо с американскими «ревизионистами» (Дж. Арч Гетти, Ш. Фицпатрик), для которых важно не столько показать преемственность между Лениным и Сталиным, сколько вписать их со всем отличиями в единый исторический процесс. По мнению Траверсо, в самой революции бывают моменты разрыва, во время которых делается решающий политический выбор. Так, например, сталинизм не был закономерным следствием революции (С. 83-84). Также Майер, по его мнению, не уделил внимания дебатам внутри революционных кругов в России, кроме как для сравнения Сталина с Робеспьером, представленным как одновременно наследник и творец революции. Большевики не выдумали террор, не были причиной Гражданской войны, но и не создали полноценный вариант развития общества, поскольку уничтожили демократию. Тем не менее, коммунизм был не только кошмаром. Он «…также был движением, которое оказалось способно дать чувство собственного достоинства подчинённым классам и зажечь надежду в сердцах многих поколений» (С. 87-88).

Третья глава называется «Фашизм: по работам Джорджа Л. Мосса, Зева Штернхеля и Эмилио Джентиле». В ней автор пытается проанализировать историографию фашизма за последние четверть века. Он считает, что наибольший вклад в изучение темы внесли именно эти три автора. Первым делом Э. Траверсо выделяет особенности взглядов и подходов к исследованию фашизма, характерные для всех трёх авторов: революционный характер фашизма (новое соединение старых элементов европейской цивилизации), национализм, попытка создать «нового человека», стирание граней между личным и общественным. По мнению этих авторов, фашизм состоял из национального мистицизма, процессов превращения в систему ценностей и символических отображений таких характеристик, как мужественность, молодость и пр., создания образа маргиналов в качестве противников государства и общества. Все они отмечали также милитаристский и им-

периалистический характер фашизма. Дж. Л. Мосс, влияние работ которого испытали на себе многие историки, интересовался идеологической и культурной составляющей этого режима. Говоря о национализации масс как об основном концепте фашизма, он описывал «брутализацию» общества, принятие им идеи анонимной смерти масс на войне, делавшей их пассивными пешками в политике и истории (С. 99). Историк находил общее между фашизмом и идеологией якобинцев, а также коммунизмом (но только в их антилиберальной сущности). Понять фашизм для Мосса означало разобраться в практике применения его идей в жизнь, а также воплощение в видимой форме чувств народа (С. 104). Он не изучал насилие, совершенное в рамках этого направления. Более того, анализируя культурную составляющую фашизма в разных странах, Мосс пришел к выводу о более человечной форме правления в Италии и даже считает необходимым исключить эту страну из числа виновников в трагедии Холокоста (С. 120).

З. Штернхель – французский историк интересовавшийся, в основном, фашизмом во Франции. Одним из первых он стал спорить с мнением о якобы не существовавшем французском фашизме (С. 124-125). Разницу между ним и коммунизмом он видел в том, что последний являлся наследником эпохи Просвещения, а первый – её гробовщиком (С. 103). Он считает, что фашизм появился во Франции с XIX в. (дело Дрейфуса), а в 1940 г. плавно перешел в режим Виши (С. 107); что почерпнул этот режим многое как в правом политическом направлении, так и в идеологии левых (социальная программа фашизма, планы по устройству общества). Нацизм Штернхель отделял от фашизма из-за биологической «научной» составляющей идеологии (С. 121). Д. Джентиле также писал о культурной основе режима Муссолини, делая акцент на её религиозном характере с типичной практикой отправления культа (С. 102). Исследователь считал, что коммунизм и фашизм настолько же не равны друг другу, как национализм и интернационализм. Революционность фашизма проявлялась, в частности, в стремлении использовать достижения прогресса, сопряженного с мифом о создании нового человека (С. 115). Высказываясь о взглядах Мосса, Джентиле отмечал, что тот упускает из виду важную деталь культуры фашистского государства и общества: крайнюю степень милитаризации политики. Э.Траверсо не соглашается с тремя авторами по нескольким пунктам. Один из основных – внимание только к символической, культурной стороне фашистских режимов. Таким образом, упускается из виду такая важная их черта, как насилие. Именно это объединяет все европейские страны, принявшие в 30-х гг. XX в. фашизм (С. 122).

Четвертая глава «Нацизм: спор между Мартином Бросцатом и Солем Фридлэндером» посвящена теме историзации нацизма. Дискуссия развернулась в письмах, публиковавшихся этими авторами для широкой аудитории, но адресованных, тем не менее, друг другу. Первое из них появилось в 1985 г., автором его был М. Бросцат. Он видит проблему для изучения истории Третьего Рейха в мифологизации этого периода после 1945 г. Современные представления о нём основаны на сведениях, открывшихся позднее. Так, например, по словам Бросцата, немцы хотя и принимали некоторые проявления насилия на государственном уровне («Хрустальная ночь»), но не знали о существовании Освенцима (С. 135). Немецкое общество поддерживало «миф о Гитлере», политику антисемитизма. Однако государственный режим предлагал также экономическую политику, повышавшую уровень жизни, социальную защищенность и пр. Поэтому, необходимо вернуть период нацизма в общий исторический контекст, изучать его так же, как и любую другую тему. Особенно внимательно следует обращаться с историческими источниками. М. Бросцат против использования воспоминаний жертв нацистского режима, поскольку они «…могут вызвать сочувствие, но их показания не соответствуют критериям, предъявляемым к материалу, с которым работает историк» (С. 136). Те работы, в которых исследование опиралось на устные свидетельства, Бросцат считал ненаучными (например, И. Вульф) (С. 151). С. Фридлэндер не был против историзации периода нацизма с точки зрения применения к его изучению всех имеющихся в арсенале историков методов. Но он видит в предложении Бросцата опасность: не обращать внимания на преступный характер этой власти. Феномен, символом которого стал Освенцим, не имеет аналогов в истории. Это ставит определенные задачи перед историзацией нацистского прошлого, заключающегося в сосуществовании истории и памяти. Например, тезис о незнании немцев об участи евреев является, по его словам, мифом, так как

общество видело достаточно, чтобы понять происходившее: депортация, слухи с фронтов, фотографии, рассказы работников лагерей и пр. Историзация необходима и, одновременно, невозможна, так как речь идет о близком периоде, к которому невозможно относиться неэмоционально (С. 137-140). Именно из-за этих взглядов Фридлэндера Бросцат называл их спор диалогом, показывающим сложности германо-еврейского общения (С. 141). Э. Траверсо кратко излагает в этой главе основные направления развития историографии нацистского периода и связанной с этим темы Холокоста. Став к концу 80-х гг. самостоятельным сюжетом исследования, Холокост приобрел особый статус как в исторической науке, так и в обществе. «Великий вызов историографии, - заключает Траверсо, - состоит сейчас в том, чтобы снова вписать его [Холокост] в глобальную историю нацизма, а нацизм – в историю Европы, поскольку оба они являются частью европейского кризиса» (С. 152).

Пятая глава называется «Сравнивая Шоа: открытые вопросы». В ней автор сопоставил разные проявления геноцида, олицетворением которого, по его словам, стал сейчас для большинства людей Холокост. Э. Траверсо считает, что метод компаративной истории в науке еще плохо разработан, нет классической работы, которая бы сформулировала принципы сравнения, заложенные Монтескье или Вебером. Но он считает, что «Сравнение геноцидов влечет за собой проведение параллелей не только между обществами, но и между кризисами этих обществ» (С. 153). Невозможность изучать Холокост без компаративного метода автор видит в его особенностях: Холокост является составной частью общего насилия, характерного для Второй мировой войны, а также системы врагов, выстроенной нацистами. Также Траверсо считает отношение к теме Шоа своеобразной лакмусовой бумажкой стремления исследователя к историзации XX века. Термин «геноцид» появился в 1943 г. (Р. Лемкин), и был позднее зафиксирован в декларации ООН. Его определение не оказалось универсальным, поскольку исключало определение как геноцида политического насилия (С. 157). Поэтому все последующие годы различные исследователи пытались найти выход из терминологической дилеммы: ввести термин «политицид» (Гурр, Харф), сузить сферу его употребления или же вообще исключить его из обихода, заменив понятием «массовое насилие» (Ж. Семелин). Г. Гуттенбах, мнение которого приводит Траверсо, считает, что определение «геноцид» употребляется слишком часто для создания эмоционального эффекта. Особенно это используется при достижении политических целей, что привело к банализации термина (С. 158). Траверсо анализирует вопрос соответствия Холокоста общеевропейскому антисемитизму, колониальной политике, сравнивает его с уничтожением коренного населения Америки, с антиеврейской политикой Фердинанда и Изабеллы в конце XV в., с деятельностью инквизиции. Сделанный им вывод заключается в том, что, несмотря на жестокую дискриминацию по национальному признаку, европейцы никогда не доходили до той крайности, до которой дошел Гитлер. В конце XV в. евреев выталкивали из всех сфер жизни, но не уничтожали физически, индейцы все-таки имели возможность ассимилироваться и даже фашистский, националистический режим Франко не предполагал истребления всего еврейского народа (С. 174-176).

Э. Траверсо считает важным сравнить насилие, присущее тоталитарным режимам, с Холокостом. Несмотря на мнение о схожести нацистского и коммунистического режимов, он видит в них ряд существенных отличий. Первое – радикальность нацизма (СССР за 70 лет прошел разные этапы развития, в Германии за 12 лет мы видели только стремительное ужесточение режима). Второе – идеология Третьего Рейха была построена на позиции Антипросвещения, СССР же был духовным наследником эпохи Просвещения. Третье – социальная составляющая политики (нацизм – за сохранение старой элиты, коммунизм уравнивал прежнюю элиту со всеми слоями общества) (С. 178). Даже сталинские лагеря отличались от нацистских тем, что, в итоге, одновременно с преступным характером содержания заключенных, они вписывались в программу экономического развития страны, были реальными производящими объектами, многие из которых сыграли роль градообразующего предприятия в регионах (Р. Арон, С. Комб). В лагерях ГУЛАГа смертность достигала не больше 20% заключенных. В нацистских рабочих лагерях она доходила до 60%, а в лагерях смерти – 90% (С. 179-181). Автор завершает главу тем, что называет Холокост синтезом двух видов насилия: «холодного», в котором участвует государственный аппарат, и «горячего», с использованием оружия, убийства и насилия (С. 182-183).

Шестая глава монографии посвящена анализу современного насилия с точки зрения концептов М. Фуко и Д. Агамбена и называется «Биовласть: историографическое использование теории Мишеля Фуко и Джорджио Агамбена». Понятие «биовласть» обозначает право распоряжаться жизнью людей не только как фактом, но и как процессом. Любая социальная политика вписывается в это концепт: учет населения, пропаганда определенного образа жизни и т.п. Тоталитарная власть, устраняющая различие общественного и государственного, является примером биовласти. По словам Фуко, у таких режимов есть две основные черты: сведение насилия к обычным дисциплинарным методам и наличие разницы подобной биовласти с властью традиционной (С. 195). Как считает Фука, традиционный правитель распространяет свою власть в рамках подчиненного ему государства, его целью является борьба с врагом. Биоправитель обладает в глазах общества чертами пастыря, его действия направлены на создание мира и благополучия всех, кого он считает своими подданными (С. 197). Рейх, основанный на идее харизматического лидера, и был своего рода лабораторией, в которой проводились эксперименты над человечеством. Действия Гитлера были направлены на защиту своего народа, все враги которого уничтожались. Немецкий историк Г. Али говорит о выгодах, которые получала Германия от войны и от разграблений имущества евреев. Э. Траверсо согласен с тем, что полученные материальные средства шли на нужды общества и страны, но не считает, что война была выгодной для Рейха. Он согласен с правомерностью использования концепта «биовласть» при изучении нацистского периода. Траверсо считает, что если Гитлер, Гиммлер и Геббельс были бы обычными правителями, то остановились бы на присоединении к Германии европейских территорий: Австрии и части Чехословакии. Также это объясняет популярность этих лидеров в массах. Агамбен же предлагает соединить понятие биовласти и власти традиционной. Государственная структура, по его мнению, сама превратилась в религию. Все формы жизни превратились в чистый культ, оторванный от конкретных людей. В данном контексте концлагерь превратился в своего рода жертвенник, в котором находятся люди, убийство которых не является преступлением. Так, лагерь назван им пространством, «государством исключительности» (être d'exception), возникающим, когда определенный класс явлений становится признаваемым в обществе, формой «голой жизни» без каких-либо сопутствующих жизни элементов. А лагерный «мусульманин»[4] - последнее звено изолирующей биополитики.

Как уже было сказано, Э. Траверсо говорит, что концепт «биовласть» помогает провести анализ некоторых аспектов истории XX в. Однако его использование может также привести к стиранию разницы между важными особенными чертами. Например, между советским и немецким тоталитарными режимами. Оба они представляли собой синтез идеологии и террора. Однако между ними есть существенная разница, как есть она и в насилии, применяемом нацистами и советским руководством (С. 206). Также это концепт не может объяснить феномен Холокоста (С.200). На мысль о концлагере как «фабрике» по производству «мусульман» можно возразить тем, что подавляющее большинство узников в лагерях уничтожения убивались сразу по приезду, не успев испытать на себе условия жизни там. Э. Траверсо считает, что общая черта насилия в XX в. – это то, что все они создавались государством (бомба над Хиросимой и Нагасаки, ГУЛАГ, преступления нацизма, этнические чистки в Боснии и Косово).[5] В мирное время государство, действительно, заботится о благе своих граждан, но в конфликтных ситуациях оно создает условия для еще более преступных действий, чем те, которые оно хотело предотвратить ранее (С. 207). Траверсо считает, что выходом из сложностей различных интерпретаций будет служить диалог историков, политологов, философов, использование междисциплинарного метода в работе над смежными сюжетами. Но для плодотворного сотрудничества нужно понять тот факт, что категории дискурсивных практик различных наук нельзя безоговорочно переносить из одной в другую, поскольку каждая из них имеет свои отличающие особенности.

В седьмой главе «Ссылка и насилие: герменевтика на дистанции» речь идет об особенностях эмигрантской историографии по вопросам практики насилия в Европе. В 30-50-е гг. основным местом эмиграции была Атлантика. Э. Траверсо считает, что именно эти круги являются наиболее чувствительными к новым веяниям, нестабильным чертам современности, поскольку сами находятся в менее стабильном положении, чем «автохтонное»

население. Также они, по его мнению, привыкли быть в положении «побежденных», выработали когнитивную модель, характерную для «побежденных», поскольку являлись в той или иной степени объектами ксенофобии (С. 211, 227). Поэтому могут написать историю, отличную от официальной версии. Так, например, французский журналист Виктор Серж, попавший в советский лагерь, вышел из него в 1936 г. и стал активно критиковать сталинские репрессии. В его мемуарах, вышедших в 1947 г., советская система впервые была названа «тоталитарной». Ханна Ардент, переехав в США, еще в 1944 г. писала о нацистских концлагерях, называя их «заводами смерти» (С. 224-225). Г. Андерс в 1956 г. поднял до сих пор непопулярную в Америке тему взрывов атомной бомбы над японскими городами. Среди учёных – эмигрантов рождались новаторские критики тоталитаризма (Ф. Нойман, Х. Ардент, Г. Маркус), христианской теологии (Э. Фегелин), фашизма (Н. Чаромонте). Э. Траверсо говорит о теории «странствующих теорий» Э. Саида, который впервые ввел понятие географии исторической мысли XX в. (С. 236). Историография колониальной истории обогатилась новым взглядом Э. Б. Дюбуа, высказанным им еще в 1903 г. в книге «Душа чёрного человека», в которой главную проблему XX в. он видел в противостоянии цветов кожи. После 1949 г., анализируя расовые предрассудки, приведшие к войне, он увидел подтверждение своей теории, заменив цвет кожи на более широкое понятие национальностей (С. 241). Еще одной особенностью историографии, созданной историками-эмигрантами, Траверсо считает её разрозненность, отсутствие условий для создания оформленного сообщества и историографической школы (С. 249).

Завершающая, восьмая глава книги называется «Европа и её память: возрождение и конфликты». В ней автор говорит о том, как в европейских странах понимается связь между историей и памятью в XX веке. Концептуальные отличия истории от памяти, как пишет Траверсо, заключаются в том, что первая развивает критический дискурс о прошлом, а вторая – индивидуальные воспоминания о нём. Но в последнее время в истории появилось направление, изучающее коллективную память. Следовательно, усложнение отношений между этими сферами требуют анализа (С. 251-252). Появление мемориальных законов, в частности, закон 2007 г. в Испании об исторической памяти[6], вызывает ряд споров. К. Гинзбург говорит об утрате историками монополии на профессию, когда юристы, используя их работу, потом сами ставят им выработанные иерархии (С. 253). Траверсо соглашается с мнением З. Кракауэра о том, что историк XX в. является одновременно исследователем и свидетелем событий. Отсюда возникает сложность дистанцироваться от эмоционального отношения к предмету изучения. В изучении памяти всегда присутствует диалог историка с современным обществом. Автор отличает следующие черты нашего времени. Во-первых, крушение утопических моделей, в рамках которых существовали целые народы. XXI век родился из 1989 г., когда модель социализма и весь присущий ей культурно-смысловой набор оказался недееспособным. Поэтому теперь тема революции, социалистического общества, рабочего движения стали маргинальными, непопулярными в исследовательской и университетской среде (С. 258 – 259). Левое движение потеряло свой авторитет, падение его популярности во всем мире можно, по словам Траверсо, сравнить с аналогичным сокращением числа левых после прихода нацистов к власти в Германии или при установлении режима Франко (С. 262). Второй момент – это выход на первый план исследований жертв насилия. Связано это с тем, что в растущих тенденциях к антитоталитаризму мир ищет опору для идей гуманизма. Особенно это проявляется в отношении к жертвам лагерей – это запись свидетельств, изучение индивидуальных судеб и т.д. Важный момент – выделение темы Холокоста в самостоятельный, не входящий в резонанс с другими, сюжет, выталкивающий историю антифашизма, точно так же, как тема ГУЛАГа затмевает историю революционного движения (С. 265). Третье – это выдвижение памяти в некоторых европейских странах на первое место. С одной стороны речь идет о так называемых «общих европейских ценностях», хотя, как пишет Траверсо, соглашаясь с Хобсбаумом, история Европы является историей противоречий. Сама европейская цивилизация – понятие противоречивое, так как она построена на проявлениях жуткого варварства и сама сформировалась под сильным влиянием других культур, в частности, мусульманской (С. 266-268). С другой стороны происходит процесс провинциализации Европы: смещение интеллектуального центра в сторону США, экономический и политический рост

Индии и Китая (С. 269). Сама память очень неоднозначна в разных европейских странах. Например, Германия только в середине 80-х гг. стала воспринимать дату 8 мая 1945 г. как момент освобождения от нацистского режима и приняла участие в совместных с другими государствами памятных мероприятиях. Также память о Холокосте стала своего рода общественным ритуалом, использующимся политиками и СМИ. Так, например, мероприятие в Освенциме в 2005 г., на котором присутствовали Берлускони, Стро и Чейни во время разгара военной кампании в Ираке. Таким образом, они демонстрировали свое сочувствие жертвам тоталитарного режима и пытались скрыть наличие острых противоречий и отсутствие единой политики по данному вопросу между этими странами, а также сокращение демократии в государствах Европы, доказывавшейся, в частности, провалом проекта европейской конституции (С 272). Подобное происходит в Испании, когда вокруг жертв франкистского режима и Гражданской войны устраивают общественные литургии, составляют поименные списки, тем самым превращая их в жертвы насилия тоталитаризма, без изучения обстоятельств и причин их смерти, отходящих на второй план (С. 275). В странах, возникших из государств социалистического лагеря и бывших республик Советского Союза, память перешла на националистическую платформу, понимая под датой освобождения не 1945, а 1989 г. или обретение независимости от СССР. Память о преступлениях нацизма (главным образом, о Холокосте) приобрела в этих странах второстепенное значение, хотя именно тематика Шоа стала для них, выражаясь словами Т. Джадта, «входным билетом» в Европу. Но подобная практика превращать себя в жертву исторической несправедливости мешает историкам критически осмыслять прошлое (С. 277). Выход из этой сложной ситуации Э. Траверсо видит в примирении памятей в странах Европы.

В заключении автор пишет, что наша реальность – это диалог прошлого и будущего. В книге мы видели примеры того, как история использовалась в политических целях (С. 284). Часто этот процесс выходит из-под контроля историков. Взгляд на прошлое вызывает грусть у современных людей; отсутствие модели, предлагающей оптимистический взгляд на будущее – черта нашего времени. Однако такая меланхолия, по мнению автора, бывает более продуктивной для осознания периода катаклизмов, от которого нас отделяет не столь уж большой промежуток времени (С. 287).

Монография «История как поле битвы» является очень глубоким историографическим и историко-философским произведением, богатым фактологическим и теоретическим материалом. На наш взгляд, эта книга достойна того, чтобы стать пунктом в списке обязательной литературы для всех исследователей периода Нового и Новейшего времени. Несмотря на то, что автор опирался, главным образом, на западноевропейский материал, он проводил удачные и интересные сравнения с ситуацией в Восточной Европе. Работа отличается концептуальной целостностью, является прекрасным примером применения компаративного метода анализа. Остается высказать надежду на то, что благодаря этой книге в исторической науке появятся работы, выполненные на таком же высоком научном уровне.

---

1 **Traverso E.** Les marxistes et la question juive. Histoire d'un débat 1843-1943, préface de Pierre Vidal-Naquet, PEC-La Brèche. Paris, 1990 ; rééd. Kimé, Paris, 1997; Ibid. La violence nazie. Une généalogie européenne. Paris, 2002 ; Ibid. À feu et à sang. De la guerre civile européenne 1914-1945. Paris, 2007 и др.

2 Le totalitarisme. Le XXe siècle en débat, (éd. **Enzo Traverso**). Paris, 2001, 928 p.; Storia della Shoah. La crisi dell'Europa, lo sterminio degli ebrei e la mémoria del XX secolo. Torino, 2005-2006, 2 vol.

3 Направление, основанное в 1960-х годах историками **Дж. Г. А. Пококом**, **Д. Данном** и **К. Скиннером**. Основной метод адептов «Кембриджской школы»: интерпретировать политические идеи, рассматривая их в контексте времени появления и с точки зрения языка их эпохи. *(Прим. ред.)*

4 Обозначает человека, утратившего всякий интерес к происходившему вокруг, даже к собственной судьбе. См, например, **Примо Л.** Человек ли это? М., 2001. *(Прим. ред.)*

5 Автор не учитывает сложных вопросов по поводу самостоятельной инициативы в практике насилия националистических движений, не имевших собственного государства, таких, как Организация Украинских Националистов, Фронт Литовских Активистов и пр. *(Прим. ред.)*

6 Закон о реабилитации об осуждении режима Франко и о его жертвах. Текст закона см.: http://noticias.juridicas.com/base_datos/Admin/l52-2007.html (дата обращения 26.12.2011).

Елена Браун

Atrocities on Trial. Historical Perspectives on the Politics of Prosecuting War Crimes / Ed. by Patricia Heberer and Jurgen Matteus. Lincoln; London: University of Nebraska Press, 2008. 327 p.

Политика Третьего Рейха по уничтожению евреев и последовавшие за поражением нацисткой Германии суды над военными преступниками — тема, казалось бы, хорошо изученная. Тем не менее, в начале XXI века, когда правительства ряда государства предпринимают попытки пересмотреть итоги Второй мировой войны, отмежеваться от осуждения нацистского режима и даже провозгласить солдат гитлеровской армии борцами за национальную независимость, исследование данной проблемы становится все более злободневным. Одним из учреждений, чья деятельность направлена на то, чтобы не дать человечеству забыть о чудовищных преступлениях нацистов, является созданный в 1993 г. Мемориальный музей Холокоста (США). В 2008 г. под эгидой музея был издан сборник с красноречивым названием «Зверства нацистов перед судом истории». В него вошли теоретические и практические исследования, в которых анализируются судебные процессы против нацистских преступников, участвовавших в уничтожении евреев.

Следует отметить высокий научный уровень опубликованных в сборнике работ. Исследования, собранные в данном издании, основаны на широком комплексе архивных документов, многие из которых стали доступны историкам только в 1990-х гг. Несомненным достоинством сборника является также сочетание теоретических статей и конкретного исторического анализа отдельных аспектов осуждения преступлений против человечества. Необходимо подчеркнуть также довольно однородный авторский состав — перед нами серия работ состоявшихся историков, посвятивших себя изучению именно этой научной проблематики. Своего рода ядром данного издания являются статьи сотрудников Мемориального музея Холокоста — Патриции Геберер и Юргена Маттеуса. В частности, их перу принадлежит теоретическое введение, в котором анализируются смысловое наполнение понятия «военное преступление», историческое значение и перспективы изучения судебных процессов над нацистами.

Несмотря на то, что авторы сборника решили не публиковать общее заключение, вполне возможно выделить, если можно выразиться, их точки соприкосновения. В отличие от многих западных историков, исследователи не склонны переоценивать значение Нюрнбергского процесса и последующих попыток осуждения военных преступников. Напротив, внимание большинства авторов сосредоточено на недочетах и ошибках так называемого Нюрнбергского правосудия. Исследователи отмечают, что Нюрнбергский процесс не получил должного продолжения в том числе в результате начала Холодной войны. Кроме того, почти сразу же после окончания Нюрнбергского процесса многие государства, в том числе Австрия и Франция, поспешили забыть о том, что среди их граждан было немало нацистов. Объявив себя жертвами Третьего Рейха, эти страны фактически не преследовали военных преступников. В целом, авторы сборника приходят к неутешительному выводу о том, что большинство нацистов так и не понесли заслуженного наказания и в силу политических факторов судебные процессы над военными преступниками так и не стали по-настоящему массовыми.

Внутри сборника материалы выстроены по хронологическому принципу, что создает относительно целостную картину. Однако в данном случае уместно говорить именно об относительной целостности. Наличие общего предисловия, списка литературы и указателя теоретически позволяет назвать данный том коллективной монографией, но этому мешает некоторая дробность сюжетов. В рецензируемом издании собраны материалы о нескольких процессах над военными преступниками, но выбор, по-видимому, был обусловлен не столько значимостью сюжетов, сколько научными интересами авторов. Разнородность статей отмечает и автор предисловия, известный историк М. Маррус.

Первая часть сборника посвящена рассмотрению прецедентов осуждения военных преступников как в первой половине XX века в Веймарской республике, так и в первые ме-

сяцы оккупации Германии войсками союзников в ходе Второй мировой войны. В статьях, собранных в этом разделе, анализируется смысловое наполнение терминов «военный преступник» и «преступление против человечества». Значительное внимание уделено анализу того, как беспрецедентная жестокость и масштабы преступлений Холокоста изменили понимание указанных терминов. Статья Юргена Маттеуса «Уроки Лейпцига. Осуждение немецких военных преступников после Первой мировой войны» показывает, как провал инициативы стран-союзниц по созданию международного трибунала после окончания Первой мировой войны привел к тому, что многочисленные военные преступления Кайзеровской Германии были переданы на рассмотрение еще неоперившейся судебной системы Веймарской республики. По мнению Ю. Маттеуса, Верховный суд Веймарской Германии в своем стремлении отмежеваться от правосудия победителей отмежевался и от самого понятия правосудия. В результате попытки судить военных преступников превратились в формальное разбирательство, нацеленное не на справедливость, а на отбывание предписанной союзниками повинности. Однако эти процессы принесли и положительный результат — они заложили фундамент для будущего Нюрнбергского правосудия.

В статье Патриции Геберер «Правосудие в американской оккупационной зоне в первые послевоенные годы» анализируется одна из первых попыток осуждения военных преступников — процесс против организаторов печально знаменитой «Фабрики смерти» в немецком городке Хадамаре в октябре 1945 года. П. Геберер отмечает, что «коллективная эвтаназия» в Хадамаре, далеко превзошедшая все предыдущие случаи одобренной государством жестокости, привела к существенному пересмотру понятия «военного преступления». По мнению Геберер, процесс в Хадамаре стал той основой, на которой впоследствии зиждилось так называемое Нюрнбергское правосудие.

В статье Лизы Явной «Американский военный трибунал в Германии в 1945–1947 гг.» анализируются ключевые особенности становления и функционирования юридической системы, направленной на наказание нацистских преступников. Л. Явная приходит к выводу о том, что с юридической точки зрения американские судьи были очень плохо подготовлены к тому, чтобы в массовом порядке рассматривать преступления против человечества. Тем не менее, в ходе функционирования трибунала постепенно вырабатывалась судебная процедура, послужившая фундаментом для всех последующих аналогичных процессов.

Во второй части тома «Нюрнбергские процессы: трибуналы стран-союзниц и немецкие военные преступники» рассматриваются конкретные судебные процессы против нацистов. Все авторы отмечают, что на развитие международной системы наказания преступлений против человечества существенное влияние оказали политические факторы. С точки зрения авторов, в данном случае уместно говорить не только о политической воле, направленной на осуждение наиболее видных нацистов, но и о противоречиях, возникших между странами-союзницами сразу же после окончания Второй мировой войны. Наиболее полно эта тема раскрывается в статье Джонатана Фридмена «Право и политика в Малых Нюрнбергских процессах 1946–1949 гг.». В частности, Фридмен полагает, что привлечение к ответственности главных военных преступников затруднялось из-за ухудшения отношений между СССР и США. Несмотря на то, что на Нюрнбергском процессе были предприняты попытки создания постоянно функционирующего международного трибунала, в который должны были входить представители всех четырех держав-победительниц, американские обвинители оказались вынуждены вести Малые Нюрнбергские процессы фактически без помощи иностранных коллег. Любопытно, что американская сторона описывается как жертва обстоятельств, вину за распад международного трибунала Д. Фридмен возлагает исключительно на СССР.

Статья Михаэля Марруса посвящена самому громкому из Малых Нюрнбергских процессов — осуждению нацистских врачей. По мнению М. Марруса, этот процесс нельзя считать в полной мере успешным. Автор подчеркивает, что обвинение должно было сосредоточиться не на осуждении конкретных случаев и конкретных преступников, а на выработке общих критериев оценки деятельности нацистских медиков. М. Маррус подчеркивает, что слишком узкая, сугубо юридическая трактовка проблемы не дала возможности в полной мере осознать тот факт, что вина за существование Холокоста лежит не на отдельных врачах, а на всем медицинском сообществе нацистской Германии. Из-за этой ошибки многим

врачам-убийцам впоследствии удалось уйти от ответственности. М. Маррус полагает, что фактический провал процесса против нацистских медиков привел также к искаженному восприятию национал-социализма. На протяжении десятилетий стыдливо замалчивалась нацистская политика поголовной стерилизации евреев, преуменьшались масштабы медицинских экспериментов, слишком мало писалось и говорилось об обширной программе «групповой эвтаназии».

Тема наказания нацистских врачей-убийц развивается в статье Ульфа Шмидта «Шрамы Ревенсбрука». Медицинские эксперименты и политика Британии по осуждению военных преступников. 1945–1950 гг.» У. Шмидт рассматривает конкретный судебный процесс, в котором британские, американские и польские власти попытались привлечь к ответственности нацистских врачей-убийц. Значительная часть статьи посвящена анализу особенностей британских процессов против нацистов. Шмидт также рисует пугающий портрет медицинского сообщества Германии времен Третьего Рейха, подчеркивая, что бесчеловечные медицинские эксперименты были не исключением из правил, а основным направлением работы большинства нацистских врачей.

Судебному преследованию врачей-убийц посвящена и статья Джонатана Фридмена «Судебные процессы в Заксенхаузене. Наказание военных преступников в советской оккупационной зоне Западной и Восточной Германии». В исследовании Фридмена рассматривается серия судебных процессов над работниками печально известного лагеря смерти Заксенхаузен. Тем не менее, статья Фридмена не носит повествовательного характера. Автор не ограничивается описанием судебных процессов, он анализирует особенности юридических процедур и наказаний, налагавшихся на военных преступников в рамках трех различных политических систем. По мнению Д. Фридмена, особенности судебных процессов в советской зоне оккупации в Западной и Восточной Германии позволяют составить более полное представление о ключевых характеристиках трех вышеуказанных политических систем.

Третья часть рецензируемого сборника «Послевоенное общество и нацистское прошлое» продолжает смысловую линию, намеченную в статьях Д. Фридмена и У. Шмидта. Авторы приходят к выводу о том, что розыск и наказание нацистских преступников очень часто зависели от политической ситуации, складывавшейся в каждом конкретном государстве в послевоенные годы. Иными словами, преступления, направленные против всего человечества, оценивались не по общечеловеческой шкале ценностей, а в зависимости от сиюминутных устремлений отдельных политических партий или даже отдельных политиков. Исследователи констатируют, что Германии и Австрии было очень сложно полностью признать свое нацистское прошлое и с течением времени все больше политических сил было направлено на замалчивание преступлений нацистов.

Исследуя судьбы Георга Хезера и других нацистов, повинных в массовых убийствах евреев, Юрген Маттеус приходит к неутешительному выводу. Он подчеркивает, что хотя в Западной Германии существовал четкий, отлаженный механизм наказания военных преступников, многие нацисты не только не понесли наказания за свои действия, но и сделали блестящую политическую карьеру. В частности, Георг Хезер, сыгравший видную роль в избиении минских евреев, в 1956 г. получил пост начальника уголовной полиции Рейн-Вестфалии.

Эта же мысль звучит и в статье Ребекки Виттмен «Поруганный закон. Судебная система Западной Германии и наказание нацистских военных преступников». Р. Виттмен подчеркивает, что юридическая система Западной Германии не облегчала, а наоборот, затрудняла осуждение нацистских преступников. Более того, огромное большинство немцев было твердо уверено в том, что осуждения заслуживают только лидеры Третьего Рейха, остальные нацисты воспринимались как простые исполнители, по сути не причастные к преступлениям правящей верхушки. Виттмен подчеркивает, что заметная перемена в восприятии преступлений нацистов произошла в 1960-х гг., когда в суды пришло новое поколение юристов, практически не помнивших времена Третьего Рейха. Именно поэтому на процессах 1970-х гг. закон понимался настолько узко, что обвиняемым удавалось избегнуть заслуженного наказания.

Тем не менее проведенное Патрицией Геберер сравнение австрийских и западногерманских процессов против нацистских преступников, позволяет утверждать, что в Австрии ситуация была куда хуже, чем в ФРГ. П. Геберер отмечает, что политические лидеры Австрии считали свою страну первой жертвой нацистского режима, поэтому участие авс-

трийцев в зверствах Третьего Рейха зачастую попросту отрицалось. В Западной Германии в 1950–1970-х гг. было организовано более 700 судебных процессов над нацистами, в Австрии — всего 28. В частности, в 1970 г. оператор передвижной газовой камеры Джозеф В. был оправдан, несмотря на то, что полностью признал свое участие в уничтожении евреев. По мнению П. Геберер, австрийские юристы, также как и власти Австрии, направляли все силы не на осуждение нацистов, а на сокрытие их преступлений.

Четвертая часть данного сборника рассматривает этические, юридические и политические аспекты функционирования системы осуждения преступлений против человечества. В частности, в статье Ричарда Голсена анализируются соответствующие судебные процессы на территории Франции. Рассмотрев процессы против французских нацистов, состоявшиеся в 80–90-х годах XX века, Р. Голсен констатирует, что французское правосудие было склонно отрицать участие граждан Франции в преступлениях Третьего Рейха даже при наличии очевидных доказательств.

Дональд Блоксхем анализирует деятельность Международного Военного трибунала. Д. Боксхем полагает, что, казалось бы, эталонный международный процесс не вызвал серьезных перемен в политической структуре или социальных реалиях современных государств. Напротив, преступления против человечества, совершающиеся в современном мире, например в Раунде, повлияли на то, как мы воспринимаем Нюрнбергский процесс.

Заключительная статья сборника, вышедшая из-под пера Джона Рода, анализирует судебные процессы над нацистскими преступниками с точки зрения морали. Автор констатирует существование этической дилеммы: с одной стороны, даже самое суровое наказание нацистских преступников не сможет вернуть к жизни их жертв или облегчить судьбу оставшихся в живых; с другой стороны, судебные процессы над военными и государственными преступниками — это единственный возможный путь восстановления справедливости, единственный путь борьбы с преступлениями против человечества.

В заключение хотелось бы еще раз отметить, что, несмотря на некоторую калейдоскопичность материалов, представленных в рецензируемом сборнике, в главном позиции авторов совпадают. Еще раз обратившись к истории Холокоста, исследователи констатируют, что по мере удлинения исторической дистанции преступления нацистов начинают рассматриваться все более отстраненно, причем в ряде случаев эта отстраненность граничит со снисходительностью. Продолжая мысль авторов, можно констатировать, что современные политические тенденции к пересмотру оценок нацистского режима имеют долгую предысторию. Их основой стало нежелание европейских демократий признавать участие своих граждан в преступлениях Третьего Рейха. На наш взгляд, подобные политические установки опасны, прежде всего, для самой Европы, так как могут привести к непредсказуемым последствиям.

Артем Кирпиченок

Пилько Н.С. Словения в годы оккупации. СПб.: Алетейя; М.: Д-р Франце Прешерн, 2009. 160 с.

6 апреля 1941 год германские войска вторглись на территорию Югославии, а уже 18 апреля 1941, в Белграде министр иностранных дел Югославии Цинцар-Маркович и генерал Янкович подписали от имени Югославии капитуляцию. На долгие четыре года эта страна первый раз исчезала с политической карты Европы. Крах королевства породил у некоторых словенских политиков надежды, что результатом войны станет создание независимой Словении. Эти иллюзии просуществовали недолго. К 31 маю 1941 года план раздела Словении между Германией, Италией и Венгрией был окончательно согласован немецкими и итальянскими дипломатами. Германия получила самые обширные и богатые земли – Верхнюю Крайну, Нижнюю Штирию и Нижнюю Крайну. Италия получила большую часть Нижней Крайны вместе с

Любляной и Внутреннюю Крайну. К Венгрии отошли земли Прекомурья и словенская часть Междумурья.

Оккупация Словении в 1941-1945 гг. войсками Германии и ее союзников – Италии и Венгрии представляет особый интерес, поскольку позволяет сравнить различные модели оккупационных режимов стран Оси на одной, сравнительно небольшой территории.

В 2009 году Институт славяноведения РАН выпустил в свет монографию старшего научного сотрудника Надежды Сергеевны Пилько «Словения в годы оккупации». Эта 160-страничная работа, охватывающая период с апреля 1941 по май 1945 гг., посвящена специфике оккупационной политики Италии, Германии и Венгрии в Словении, которая стала «трофеем» гитлеровской Германии и ее союзников в результате скоротечной компании против Югославии в апреле 1941 г. Монография состоит из введения, заключения и четырех глав, в которых описываются различные оккупационные режимы, установленные на территории Словении.

Автор монографии сформировала задачи своего исследования следующим образом: «Во-первых, воссоздать процесс формирования оккупационных систем на территории Словении с момента вторжения захватчиков и до падения режимов. Во-вторых, проследить, каким образом внешнеполитические процессы воздействовали на общую ситуацию во время оккупации. В-третьих, - определить позицию словенского населения и его отношение к оккупации». (С.6)

При прочтении данной монографии, обращает на себя внимание то, что значительная часть работы Пилько посвящена деятельности словенского сопротивления и феномену словенского коллаборационизма.

Причины этих явлений, автор видит в «своего рода гражданской войне», толчок к началу которой дала оккупация: «Общим для двух враждующих сторон было стремление служить своей родине. Однако одна часть встала на сторону фашизма, и оккупация для них отошла на второй план и стала гарантом в борьбе с коммунизмом. Другая же часть перешла на сторону Освободительного фронта, который … состоял не только из членов КПС [Коммунистической Партии Словении] но и из представителей других партий и организаций» (С.131). Отметим, что подобное развитие событий, было типично не только для Словении, но и для многих других европейских стран, где немецкое вторжение и развал традиционных политических структур, привели к обострению социальных, классовых и национальных противоречий и гражданским войнам, в которых одна сторона видела свою опору в нацистах, а другая в странах антигитлеровской коалиции.

«Словения в годы оккупации» написана главным образом на материалах словенских архивах и литературы изданной на территории бывшей Югославии. Во ведении к монографии можно найти содержательный обзор современной историографии, посвященной тематике работы, где так же затронута тема ревизионизма. Пилько выделяет два существующих подхода к проблеме оккупации Словении в современной словенской историографии. Первый продолжает традицию историографии СФРЮ и осуждает сотрудничество с оккупантами. Сторонники ревизионистской точки зрения пишут о «целесообразности сотрудничества с фашистскими оккупантами, когда речь идет о спасении своего народа и его независимости» (С. 7). Одновременно с этим ряд авторов пытаются представить лиц, сотрудничавших с нацистским режимом Германии и фашистским режимом Италии, как борцов за «спасение своей родины от еще большей опасности – от коммунизма». По мнению Пилько, подобная точка зрения несостоятельна и в последнее время ее чаще можно встретить в материалах публицистических, опирающихся не на архивные документы, а на различного рода интервью и мемуарные материалы.

Все державы-агрессоры видели своей конечной задачей аннексию и ассимиляцию населения завоеванных территорий Словении, для чего проводили мероприятия по искоренению национальной культуры и самобытности словенцев. Депортация словенского населения, вытеснение словенского языка из учебных и государственных учреждений, пропаганда, по мнению Н.С. Пинько, могли в конечном итоге привести к ассимиляции и исчезновению словенского народа, если бы итальянское, немецкое и венгерское владычество над Словенией продлились бы более длительный период.

Другим общим моментом трех моделей управления оккупированными территориями была эскалация насилия применимого оккупационными властями. Даже сравнительно «мягкий» итальянский режим к 1943 г.

активно применял такие репрессивные меры, как концлагеря, расстрелы заложников и коллективные наказания гражданского населения. Как пишет Пинько: «Итальянские методы безопасности доходили до абсурда. Так, соучастниками партизан считались жители домов, близлежащих к месту, где произошло нападение на представителей итальянской власти или совершены акты саботажа. Если в течение 48 часов преступники не были найдены, то «соучастники» арестовывались, их имущество подлежало конфискации, а дома уничтожались». (С.45)

Между тем, из монографии, можно понять различия методов итальянских, немецких и венгерских властей на территории Словении.

Итальянское правительство на первом этапе оккупации предоставило местным словенским властям определенную степень политической автономии и терпимо относилось к культуре, языку и самобытности словенского населения. Об этом идет речь в первой главе – «Оккупация и раздел Словении. Итальянская оккупационная система 1941-1943». Это было вызвано желанием заручиться поддержкой населения, которое должно было принять вхождение в состав Италии, как дар свыше.

На территориях захваченных Германией (глава вторая «Германская оккупационная система») была введена система аналогичная той, что была установлена немцами в Эльзасе, Лотарингии и Люксембурге. Оплотом нового режима считались проживающие в Нижней Штирии и Верхней Крайне этнические немцы – фольксдойче, а так же их политические и культурные организации. Возможно, здесь было бы уместно провести параллели с другими европейскими регионами, такими, как Чехия или Данциг, где немецкая диаспора рассматривалась как опора нацистского режима. Но автор, к сожалению, не затрагивает в книге этот вопрос. Вызывает интерес социально-экономическая политика немецких властей на первом этапе оккупации: «За несколько недель почти до нуля снизился уровень безработицы, которая значительно возросла в последние предвоенные годы. Каждый работающий получил продовольственные карточки на муку, сахар и другие продукты, карточки получили и крестьяне. Сразу же начались восстановления и реконструкция железнодорожных путей, шоссейных дорог и т.д.» (С.87). Правда, все эти блага в долгосрочной перспективе предназначались не для словенцев, которых нацистское руководство планировало выселить из Нижней Штирии и Верхней Крайны, а для местных фольксдойче и будущих немецких колонистов.

Венгерская оккупационная система, о которой говорится в третьей главе, подобно немецкой, делала упор на скорейшую мадьяризацию отошедшей к Венгрии области Словении – Прекомурья. Не располагая немецкими ресурсами, венгерские власти делали упор на тотальный контроль над населением и репрессии. Из 90 тыс. жителей Прекомурья за время венгерской оккупации жертвами репрессий стало около 30 тыс. человек, то есть до трети населения края.

Четвертая глава монографии посвящена оккупации Германией Люблянской провинции в сентябре 1943 г., после капитуляции фашисткой Италии. Неопределенное политическое будущие этих земель и нехватка сил на втором этапе войны вынудили руководство рейха учредить в Любляне псевдоавтономию. В столице провинции было учреждено Национальное правительство под руководством бывшего генерала югославской королевской армии Леона Рупника, а также началось формирование «словенской добровольческой армии» или «Домобранской лиги».

Первоначально многие словенцы восприняли с энтузиазмом факт создания «словенской» армии под национальными знаменами, со словенскими символикой и приветствиями. Однако уже 20 апреля 1944 года части «Словенской домобранской лиги» присягнули на верность «вождю Великой Германии» (С.127), а затем «домобранцы» были брошены на борьбу со своими соотечественниками – словенскими партизанами. В ходе проводимых ими карательных акций уничтожалось мирное население – старики, женщины, дети, а политическое воспитание «домобранцев» шло, как пишет Пилько, в прогерманском и профашистском духе.

Работа Н.С. Пилько «Словения в годы оккупации» является самостоятельным законченным научным исследованием, отвечающим требованиям, предъявляемым к монографиям и представляющим значительный вклад в изучение истории балканских стран. Остается только порекомендовать эту книгу исследователям и широкому кругу читателей, интересующимся вопросами истории Второй мировой войны.

Владимир Симиндей

Puga A. Eiropa: Latvijas un Krievijas 1920. gada miera līgums. Dokumenti, liecības un atziņas. Rīga: Zvaigzne ABC, 2010. 208 lpp.

Книга бывшего латвийского дипломата, доктора исторических наук Артурса Пуги «Европа: Латвийско-российский мирный договор 1920 г. Документы, свидетельства и выводы» обращает на себя внимание не только актуальностью темы, до сих пор сохраняющей для официальной Риги отчетливое политическое звучание[1], но и обстоятельствами выпуска в свет данного издания.

11 октября 2010 г. в Риге состоялась презентация работы нового фонда "Малая библиотека истории Латвии", первым издательским продуктом которого как раз и стала книга Артура Пуги. Председателем правления фонда числится руководитель Комиссии историков при президенте Латвии Инесис Фелдманис, занявший позднее и место сопредседателя российско-латвийской комиссии историков. Комментируя необходимость создания фонда, он отметил: «Мы пришли к выводу, что во многих вопросах, в том числе в интерпретации истории, мы потеряли «гандикап», имевшийся после восстановления независимости. Ставится под сомнение даже легитимность латвийской государственности». По его словам, одним из мотивов образования новой структуры стало осознание того, что «Латвия находится под постоянным влиянием российского информационного поля». Миссия фонда состоит в том, чтобы попытаться выработать «иммунитет» у латышей к «русско-советским мифам» и ослабить их влияние на западную общественность, а основная концепция характеризуется девизом в духе ультраправых речевок: «Нация, государство, Европа»[2].

У руководства фонда весьма амбициозные планы - издать около 60 книг на латышском, английском, немецком, французском и русском языках по основным проблемам истории Латвии, открыть исторический Интернет-портал, осуществлять конференционную деятельность в Латвии и за рубежом, развернуть программу сотрудничества с Министерством образования и науки Латвии, вузами и школами, открыть новый исследовательский центр, публиковаться в СМИ. В целом, по словам И. Фелдманиса, «латвийским историкам следовало бы занимать более агрессивные позиции, реагируя на вещи, затрагивающие государственность Латвии и исторические ценности латышской идентичности, особенно в отношении событий XX века»[3].

Судя по приведенным высказываниям, мотивы издательской серии этого фонда весьма далеки от собственно научно-исследовательских и научно-просветительских задач, отражая текущие потребности латвийской государственной пропаганды и пресловутой «исторической политики». Однако исполнение заказа может быть осуществлено на том или ином уровне мастерства, содержать полезные для науки документальные вкрапления или неординарные оценки. Попробуем рассмотреть некоторые важные особенности, характеризующие первый выпуск в данной книжной серии.

Прежде всего, бросается в глаза навязчивое использование в тексте (начиная с названия) слова «Европа», злоупотребление «европейским контекстом» в ущерб детальному разбору предпосылок, хода и результатов двусторонних переговоров Советской России и Латвии, редуцирование противоречивых исторических событий 1919-1920 гг. на континенте и в регионе до «закономерной» предтечи создания в середине XX века НАТО и ЕС (С. 7). Подобный подход, возможно, отражает опыт дипломатической службы автора или же представляет собой банальный случай неуклюжего реверанса в сторону спонсора (книга вышла из печати при поддержке Представительства Еврокомиссии в Латвии).

По прочтении книги возникает впечатление, что при ее написании и редактировании (книга издана в авторской редакции) А. Пуга не утруждал себя соблюдением научных канонов. Достаточно отметить, что введение и заключение уместилось, соответственно, в полторы и две с половиной страницы карманного формата, заполненных назидательными сентенциями и априорными суждениями, бесконечно далекими от известных науке корректных обобщений фактического материала. Так, вовсе не подкрепляется материалами книги следующий «вывод»: «Судя по межгосударственным договорам, дипломатичес-

кой переписке и др. документам, [советская] Россия и ее народ казались Великобритании и Франции ближе и больше заслуживали поддержки, чем Германия, которая была тяжко и на долгое время наказана условиями Версальского договора» (С. 203). Читатель не найдет в книге положенного историографического обзора, добротного анализа источников, библиографии, именного и географического указателей. Ссылки на литературу и архивные фонды присутствуют (206 сносок на 208 страниц), однако качество их неравномерно. Если латышскоязычная источниковая база на первый взгляд кажется довольно обширной[4], то подбор автором русскоязычных «авторитетов» с головой выдает пристрастность рецензируемой работы: Ю. Афанасьев, Д. Волкогонов, Л. Радзиховский (С. 8, 60, 61, 181, 197).

При более внимательном знакомстве с основным массивом текста А. Пуги приходится констатировать его вторичность и компилятивность: ничего нового, существенно дополняющего или опровергающего тезисы классической монографии А. Странги[5] или статьи А. Миерини[6] по вопросам мирного договора и границ, автор представить так и не смог (за исключением, пожалуй, некоторых пассажей «дидактического» свойства).

В книге неоднократно встречаются политические рассуждения на предмет «непреходящего значения» и даже «сохранения до сих пор в силе» мирного договора от 11 августа 1920 г., что якобы подтверждает континуитет нынешней Латвии с межвоенным государством (С. 188, 205). Апофеозом «геохронополитической» мысли автора может считаться финальный абзац книги: «В XXI веке этот договор вместе с другими юридическими актами международных отношений, принятыми документами Сейма и правительства Латвии обеспечивает государственный суверенитет Латвийской Республики и урегулирование отношений с Россией. Это свидетельствует о непрерывности пути международно-правового развития Латвии в XX - XXI веках и постепенном росте этого европейского государства в среде демократических наций» (С. 205). При этом общеизвестно, во-первых, что современная Россия имеет дипломатические отношения с Латвией как с новым независимым государством, образовавшемся в ходе распада СССР на основе институтов и территории Латвийской ССР, во-вторых, у Российской Федерации нет никаких действующих с довоенного времени пограндоговоров на западных границах, и, в-третьих, Мирный договор от 11 августа 1920 г. утратил силу еще 5 августа 1940 г. - в связи с включением Латвии в состав СССР.[7] Несмотря на обилие «оккупационной» риторики в адрес Москвы, в латвийской историографии встречаются ссылки на то, что, инкорпорацию Прибалтики в состав СССР de jure признавали такие капиталистические страны, как Австрия, Аргентина, Боливия, Швеция, Япония, а многие государства не имели или не высказывали по этому вопросу четкой позиции[8].

В 1920-м поддержка Антанты и военная удача были на стороне Латвии (в версии правительства Карлиса Улманиса). Латышские «антисоветские» стрелки силой захватили российские земли на Псковщине (часть нынешнего Пыталовского района) и белорусские в районе Дриссы, однако Рига сумела достичь вынужденного согласия Москвы на аннексию части этих территорий с нелатышским населением: 11 августа 1920 г. был заключен Мирный договор, который властные круги в Риге ценили очень высоко. Правительство Ленина поступилось территорией в ожидании «мировой революции» и тактических успехов по прорыву международной политической и торговой блокады Советской России. В первой половине 1920-х гг., несмотря на весьма напряженные и ограниченные политические контакты с Москвой, именно Латвия и Эстония пользовались славой лимитрофов, чья инфраструктура задействовалась большевиками для транзита, продажи и легализации в Европе золота и драгоценностей, конфискованных у представителей «старого режима».

Увы, эти сюжеты не нашли соответствующего отражения в книге А. Пуги, пустившегося в многостраничное обоснование легитимации Латвийского государства на основе противоречивой «советско-антисоветской» аргументации, а также дежурной «оккупационной» риторики в адрес Москвы (С. 180 – 205). Остается надеяться, что хотя бы некоторые новые издания в серии «Малая библиотека истории Латвии» будут должным образом оформленными, более содержательными и менее индоктринированными.

---

1 Так, 11 августа 2010 года глава МИД Латвии Айвис Ронис в своем выступлении по случаю 90-летия со дня заключения мирного договора с большевиками, позволившего временно отторгнуть от России исто-

рические земли Псковской губернии (Пыталово и окрестности), назвал его "частью генетического кода латвийского государства" и "священным писанием" Латвии.

2 Latvijas Avīze, 9.10.2010.

3 Latvijas Avīze, 12.10.2010.

4 При этом А. Пуга не использовал такие заметные в латышской историографии работы, как: **Lerhis A.** Latvijas Republikas ārlietu dienests 1918-1941. Rīga, 2005; Latvija un Parīzes miera conference. Miera līgums ar Padomju Krieviju. Robežjautājums // 20. gadsimta Latvijas vēsture / II. Neatkarīgā valsts. 1918-1940. Rīga, 2003. 133. – 147. lpp.; **Ciganovs J.** Ceļš uz miera līgumu ar Padomju Krieviju // Mājas viesis. 2003, 8. aug.

5 **Stranga A**. Latvijas – padomju Krievijas miera līgums 1920. gada 11. augustā. Latvijas – padomju Krievijas attiecības 1919. – 1925. gadā. Rīga, 2000.

6 **Mieriņa** A. Latvijas valsts robežas (1918 – 1940) // Latvijas zemju robežas 1000 gados. Rīga, 1999. 182. – 209. lpp.

7 См., например: **Черниченко С. В.**, **Чигарев В. М.** Континуитет, идентичность и правопреемство государств. Изд. 2-е. М.: ДА МИД РФ, 1998.

8 См.: **Upmalis I.**, **Tilgass Ē.**, **Stankevičs E.** Latvija padomju militaristu varā. 1939-1999. – Rīga, 2011. 287. lpp.

Александр Дюков

Partizanų teroro aukų atminimo knyga / Sud. P. Masilionis. Vilnius: Politika, 2011. 610 p.

Составление поименных списков жертв – один из наиболее действенных способов сохранения в обществе памяти о трагических событиях XX века. В России при поддержке официальных властей регулярно публикуются многотомные книги памяти жертв незаконных политических репрессий; аналогичные списки издаются и в остальных государствах постсоветского пространства, в том числе в республиках Прибалтики. Израильским институтом Яд-Вашем в течение многих лет реализуется программа по восстановлению и сохранению имен жертв Холокоста; усилиями Министерства обороны РФ создана общедоступная объединенная база данных «Мемориал», в которой представлены данные на миллионы советских военнослужащих, погибших и пропавших без вести в годы Великой Отечественной войны. Однако вплоть до настоящего времени определенные категории жертв сознательно вытесняются из общественного сознания. Речь идет о десятках тысяч мирных жителей, уничтоженных в 1944 – 1956 гг. так называемыми «лесными братьями» в республиках Прибалтики[1].

Причины подобной ситуации понятны. «Лесные братья» рассматриваются нынешними властями республик Прибалтики в качестве новых национальных героев, боровшихся против осуществлявшей «геноцид» советской власти. Эта трактовка официально зафиксирована на государственном уровне, «обоснована» местными политически ангажированными историками и целенаправленно насаждается в обществе. Публично признать, что ситуация была гораздо сложнее мифологизированного образа «борьбы за национальное освобождение», что «свои стреляли в своих», осмеливаются немногие[2].

Вышедшая в конце 2011 г. в Вильнюсе «Книга памяти жертв партизанского террора» («национальными партизанами» в Литве именуются «лесные братья») является уникальным исключением из общего правила. В составленном под редакцией П. Масилениса издании приводится информация примерно о 9 тысячах жертв литовских «лесных братьев»[3]. Информация эта предельно кратка: фамилия, имя, даты жизни, место жительства, социальное положение или должность, ссылка на источник информации. В нескольких случаях приводятся фотографии похорон людей, указанных в «Книге памяти». Но в большинстве случаев читатель видит всего две-три строчки, благодаря которым память об убитом «лесными братьями» человеке уже не исчезнет.

В этих списках – мужчины и женщины, взрослые и малолетние дети (есть даже младенцы). Большинство – крестьяне, подавляющее большинство – литовцы. Составители «Книги памяти» намеренно не стали включать в нее военнослужащих Красной Армии, участников батальонов «народной защиты», работников органов внутренних дел и государственной безопасности, убитых «лесными братьями» как в ходе боевых операций, так и

во время террористических атак. Все упомянутые в книге жертвы – гражданские люди.

Основные источники информации, собранной в «Книге памяти» – документы из фондов Особого архива Литвы (Lietuvos ypatingasis archyvas). Помимо этого составителями использовались опубликованные сборники документов и воспоминания. Ими также «было получено немало списков, составленных местными краеведами, дополнений людей, пострадавших в послевоенное время» (С. 38). Важно отметить, что документы из Особого архива Литвы, использованные авторами, сегодня уже являются практически недоступными для исследователей, поскольку в 2007 г. правительство Литвы утвердило Правила ограничения доступа и использования особой части национального архивного фонда. В результате историки не могут ознакомиться с рядом документов без специального письменного разрешения Департамента государственной безопасности. Официально это обосновывается наличием в документах Особого архива «агентурной оперативной информации» (С. 38), однако на самом деле целью ограничения доступа, по всей видимости, является попытка властей Литвы скрыть неблаговидную информацию о преступлениях «лесных братьев». К счастью, составители «Книги памяти» сумели ознакомится с приводимой ими информацией еще до введения ограничений доступа к документам Особого архива, что делает рецензируемое издание еще более важным и уникальным.

К сожалению, в «Книге памяти» имеются и недостатки, главным из которых является отсутствие научного предисловия с подробным (а не кратким) описанием источников использованной информации, их источниковедческой характеристикой, подробными статистическими данными о количестве приведенных в издании персональных данных жертв террора «лесных братьев», их национальном, социальном, возрастном и гендерном составе, о динамике осуществлявшихся литовскими «национальными партизанами» убийств. Очевидно, что «Книга памяти» несмотря на свою заведомую неполноту, предоставляет богатый материал для подобного анализа. Ознакомится с ним было бы весьма интересно.

Позволим себя также обратить внимание составителей на необходимость использования при подготовке новых томов «Книги памяти» документов, хранящихся в российских архивах – прежде всего, в Государственном архиве РФ (данные ежедневного учета Главного управления по борьбе с бандитизмом (ГУББ) НКВД СССР) и Российском государственном военном архиве (отчеты подразделений внутренних войск НКВД, трофейные документы «лесных братьев»). Большая часть этих документов уже рассекречена и может стать хорошим дополнением к документам литовских архивов – как уже выявленным составительским коллективом «Книги памяти», так и к тем, которые только предстоит обнаружить.

«Книга памяти» также дает основание для критического анализа нескольких утвердившихся в литовской историографии сомнительных тезисов относительно преступлений, совершавшихся «лесными братьями» в отношении мирного населения.

Во-первых, очевидно, что убийства мирных жителей не могут рассматриваться как «случайность» или «эксцессы». В «Книге памяти» приведены данные на примерно 9 тысяч жертв; на «случайность» это не тянет. Кроме того, как указывается в предисловии, командование формирований «лесных братьев» отдавало специальные приказы об уничтожении сочувствующих советской власти целыми семьями (С. 33 – 34). Это также подтверждается и рядом выявленных в настоящее время в российских архивов нормативно-распорядительных и пропагандистских документов руководства «лесных братьев» [4].

Во-вторых, нельзя не согласиться с составителем, что абсолютно необоснованными являются попытки ряда представителей литовской историографии переложить ответственность за эти преступления на спецгруппы НКВД. Масиленис отмечает, что отдельные акты произвола со стороны членов спецгрупп, разумеется, могли иметь место, «однако основная масса убитых безоружных гражданских людей - жертвы партизанского террора» (С. 34). Этот вывод подтверждается новейшими исследованиями деятельности спецгрупп НКВД в других регионах СССР[5].

В-третьих, в свете информации, представленной в «Книге памяти» сомнительными представляются попытки ряда официальных литовских историков приуменьшить количество жертв «лесных братьев». В советских публикациях конца 80-х гг. общее число жертв националистического террора определялось следующим образом: 25108 убитых, 2965 раненых, причем среди убитых – около тысячи детей до 16 лет и 52 ребенка возрас-

том менее двух лет[6]. Впоследствии литовским историком А. Анушаускасом эти данные были объявлены «сфальсифицированными» и «завышенными». По мнению Анушаускаса, в архивах имеются данные, подтверждающие уничтожение 18500 человек, но и эти данные «нельзя использовать безоговорочно» (С. 34). В свою очередь, автор вышедшей в 2009 г. на литовском языке монографии «Обратная сторона Луны: борьба партизан Литвы с коллаборационизмом» М. Поцюс снизил оценку общего числа убитых «лесными братьями» до 14330 человек, в том числе примерно 11,3 тысяч гражданских (С. 35). Составители «Книги памяти» подвергают эти выкладки критике, ссылаясь на упоминаемую в документах составленную сотрудниками КГБ Литовской ССР картотеку жертв литовских «лесных братьев», в которой были представлены поименные данные о 25108 убитых. «Насколько можно заметить, историки не опираются на эту картотеку. Почему? – задает вопрос П. Масиленис. – Если ее больше нет, то куда она исчезла? Картотеку людей, погибших от рук «буржуазных националистов», уж точно не вывезли в Москву» (С. 36). Очевидно, что без допуска исследователей до этой картотеки все рассуждения о меньшем числе убитых «лесными братьями» носят – в большей или меньшей степени – спекулятивный характер.

Окончательно же решить вопрос о количестве убитых «лесными братьями» мирных жителей можно лишь путем, первый шаг по которому уже сделан коллективом под руководством П. Масилениса: путем составления многотомной «Книги памяти», в которой все жертвы были бы названы поименно.

Составители рецензируемого издания собираются продолжить свою подвижническую работу. «Еще и сейчас, более полувека спустя, не поздно добиваться справедливости, – пишет Масиленис. – Книги памяти должны быть выпущены в каждом городе, в каждом районе… Могла бы сформироваться и республиканская организация «Память», отстаивающая права близких тех людей, что стали жертвами террора, свято хранящими память убитых невинных мирных жителей Литвы» (С. 38). Будем надеяться, что эти планы будут реализованы.

---

1 О масштабах этой борьбы см.: **Statiev A.** The Soviet Counterinsurgency in the Western Borderlands. Cambridge, 2010.

2 Следует помнить, что всего лишь одно публичное упоминание фразы «свои стреляли в своих» применительно к трагическим событиям 13 января 1991 г. в Вильнюсе недавно обернулось уголовным преследованием лидера Социалистического народного фронта Литвы Альгирдаса Палецкиса. См.: «В вильнюсской трагедии 1991 года виновны националисты и «Саюдис» // Известия. 2011. 7 декабря.

3 Точные данные о количестве жертв, информация о которых собрана в «Книге памяти», составителями, к сожалению, не приводятся. Оценка произведена нами путем экстраполяции.

4 См., напр.: РГВА. Ф. 32901. Оп. 1. Д. 34. Л. 435 – 436.

5 См., напр.: **Россов О.** Миф о «переодетых энкаведэшниках»: спецгруппы НКВД в борьбе с бандформированиями в Западной Украине // Великая оболганная война – 2. М., 2008. С. 143 – 264.

6 **Витковский А**., **Ямпольский В.** Вчера это было секретом: Документы о литовских событиях 40 - 50-х гг. // Известия ЦК КПСС. 1990. № 10. Цит. по: **Ямпольский В. П.** «Уничтожить Россию весной 1941 г.» (А. Гитлер, 31 июля 1940 года): Документы спецслужб СССР и Германии, 1937 — 1945 гг. М., 2008. С. 322.

Александр Вильнов

Зимняя война 1939-1940 гг. в документах НКВД / Сост. С.К. Бернев, А.И. Рупасов. СПб.: Информационно-издательское агентство «ЛИК», 2010. 319 с.

С подачи поэта Александра Твардовского, советско-финскую войну 1939 – 1940 гг. традиционно именуют «незнаменитой». Это определение, возможно, справедливо в отношении общественного восприятия «Зимней войны», но не в отношении современной историографии, достигшей серьезных успехов в изучении событий этого трагического конфликта. Ежегодно и в России, и зарубежом (в первую очередь, разумеет-

ся, в Финляндии) выходит значительное число статей и монографий, посвящённых изучению различных аспектов советско-финской войны[1], публикуются документы и воспоминания участников. Продолжаются споры среди историков по тем или иным проблемам, причём, взгляды специалистов на события тех лет и их интерпретацию порой оказываются диаметрально противоположными.

Отчасти острота дискуссий, посвящённых «зимней войне», вызвана неполнотой источниковой базы – до сих пор более чем значимая часть документов по советско-финской войне продолжает оставаться малодоступной для изучения историками. В этих условиях можно только приветствовать появление очередного сборника ранее неизвестных документов, освещающих одну из сторон советско-финского военного конфликта.

Сборник «Зимняя война 1939-1940 гг. в документах НКВД», подготовленный к печати начальником архива УФСБ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской обрасти к.и.н. С.К. Берневым и признанным специалистом по истории советско-финских отношений д.и.н. А.И. Рупасовым, состоит из трёх частей неравного объёма.

Первая часть – «Финляндия перед войной. Аналитические материалы» (С. 15-112) – представляет собой публикацию трёх документов, составленных сотрудниками НКВД в 1934, 1936 и в 1939 гг. соответственно и содержащих анализ внутриполитической обстановки в Финляндии середины – второй половины 30-х гг. Первый документ (С. 17-55) представляет собой обширную справку с характеристикой и списком основных членов так называемых «племенных» организаций Финляндии. Во втором документе (С. 58-82) приведены фактические данные и представлен развёрнутый анализ деятельности различных иностранных и местных групп, враждебных СССР (при этом основное внимание автора документа сосредоточено на разведывательной деятельности различных иностранных держав на территории Финляндии). Наконец, третий документ (С. 85-112) представляет собой справку о деятельности различных германских организаций (торговых, экономических, политических, идеологических) в Финляндии; в документе также даётся общая оценка связей Финляндии с фашисткой Германией. Публикуемые документы снабжены многочисленными комментариями, в которых главным образом приведены биографические данные о людях, которые в этих документах так или иначе упомянуты.

Высокая ценность сведений, содержащихся в этих документах, бесспорна. Разумеется, историкам ещё предстоит достаточно кропотливая работа по проверке фактических данных и сопоставлению их с данными других документов (прежде всего, конечно, финских), дабы определить степень осведомлённости советских разведывательных органов о фактической ситуации в Финляндии. Однако и сами по себе эти документы оказываются интереснейшим историческим источником, на основе которых можно проследить, на какой фактологической основе в предвоенные годы формировались представления советского руководства (для которого эти аналитические справки и предназначались) о Финляндии.

Во второй части сборника – «Зимняя война. Оперативные документы» (С. 113-266) – содержится 58 документов, расположенных в хронологическом порядке (самый ранний документ датирован 29 ноября 1939 г., а последний – 1 апреля 1940 г.).

Документы, составившие вторую часть сборника, представляют собой как рапорты рядовых сотрудников и рапорты начальников оперативных групп на имя начальника Управления НКВД по Ленинградской области С.А. Гоглидзе, так и рапорты и сообщения самого Гоглидзе вышестоящему начальству, а также несколько приказов и планов мероприятий.

Опубликованные оперативные материалы содержат ценнейшие сведения, позволяющие восстановить, так сказать, «кухню» (общие принципы и методы) непосредственной работы работников НКВД на занятой советскими войсками территории в период военных действий и в первое время после их окончания. Однако помимо этого – что кажется не менее значимым – данные документы предоставляют в распоряжение историков уникальную информацию о поведении населения (не только финского) занятых территорий, о его восприятии Красной Армии, советской власти и коммунистической идеологии.

Наконец, в третьей части сборника – «Зимняя война. Агитационные материалы» (С. 267-291) – опубликованы пропагандистские материалы обеих воющих сторон: как финские (С. 269-279), так и советские (С. 282-291). При этом советские листовки и пропагандистские плакаты, предназначенные для финских солдат и содержащие текст на финском языке,

публикуются с параллельным переводом на русский язык.

Этой части сборника предпосланы два небольших поясняющих комментария, в которых авторы-составители высказывают утверждение о том, что пропаганда обоих сторон не оказалась действенной. Слабость финской агитации была обусловлена тем, что финский «отдел пропаганды… оказался неподготовленным» (С. 269), слабость советской – «поразительной неосведомлённостью о финских реалиях» (С. 281). Следует отметить, что пропаганда и агитация в годы войны (как советско-финской, так и Великой Отечественной), ее принципы и механизмы, формы и результативность, до сих пор по сути малоизученная тема: в отечественной исторической науке не выработаны чёткие критерии для публикации такого рода источников. Можно выразить надежду, что публикация агитационных материалов – в том числе и в этом сборнике – вызовет дополнительный интерес исследователей к данным вопросам и постепенно «белые пятна» начнут заполняться и узкоспециальными, и широкими по своей тематике исследованиями.

Обращает на себя внимание хорошее качество научно-справочный аппарата сборника: в книге имеется не только именной (С. 306-315), но и два топонимических указателя (С. 301-305) в виде сводной таблицы географических названий: вариант названия местности, принятый ныне официально (либо по-русски, либо по-фински/шведски) и соответствующий ему вариант названия в опубликованных документах.

Наконец, в рецензируемом сборнике опубликованы два небольших очерка, представляющие собой своего рода предисловие и заключение к документам, позволяющие сформировать представление о взглядах составителей на проблемы, связанные с внешнеполитическими аспектами советско-финского конфликта.

В предисловии авторы отмечают, что в межвоенный период «усилия советской дипломатии выстроить региональную систему безопасности неизменно наталкивались на довольно сплоченное сопротивление остальных ее возможных участников – Польши, Литвы, Латвии, Эстонии, Финляндии», испытывавших опасения попасть в сферу советского влияния (С. 6 – 7). При этом подчёркивается постоянная готовность СССР к внешнеполитическому диалогу, эвентуально способствовавшая нормализации отношений между Советской Россией и Финляндией. Несколько раз авторы повторяют: «советская дипломатия попыталась предпринять ряд шагов, которые, в принципе, могли бы способствовать «расчищению атмосферы» [между СССР и Финляндией]» (С. 10); «Москва изыскивала дополнительные возможности для улучшения двусторонних отношений» (С. 11).

При этом, по мнению авторов, финская сторона упорно отказывалась от конструктивного диалога с Москвой. Авторы указывают: «особая заслуга в том, что к середине десятилетия [30-х гг.] отношения оказались в тупике, принадлежит [министру иностранных дел Финляндии] А. Хацелю» (С. 8); что из-за роста влияния Германии в Финляндии в конце 1930-х гг. «реальных подвижек в советско-финляндских отношениях так и не произошло» (С. 11); что, наконец, «на уступки на московских переговорах осенью 1939 г. финская сторона идти отказывалась» (С. 13).

Не ставя под сомнения эти наблюдения, нельзя, однако, не выразить удивление тем, что авторы ни едином словом не упоминают ни советско-германский пакт о ненападении, заключённый в августе 1939 г., ни советско-германский договор «о дружбе и границах», заключённый месяцем позже (единственный намек на эти события – глухая констатация: «события лета-осени 1939 гг. …достаточно хорошо отражены в научной и популярной литературе»). Очевидно, что столь значимые события должны быть вписаны в общую картину советско-финляндских взаимоотношений и умалчивать о них странно.

По нашему глубокому убеждению продуктивное и плодотворное изучение советско-финской войны 1939 – 1940 гг. возможно лишь в условиях постоянно развивающегося и углубляющегося диалога между отечественными и финскими историками. Не вызывает сомнения, что опубликованные документы вызовут интерес не только у российских, но и у финских специалистов.

---

[1] Из последних публикаций следует отметить: **Иринчеев Б.** Забытый фронт Сталина. М.: Эксмо; Яуза, 2008; **Иринчеев Б.** Оболганная победа Сталина: Штурм линии Маннергейма. М.: Эксмо; Яуза, 2009; Зимняя война 1939 – 1940 гг.: Исследования, документы, комментарии. М.: Институт российской истории РАН, 2009.

ARTICLES PUBLICATIONS REVIEWS

ARTICLES

Alexandr Shubin

Role of the Ukrainian Factor in the Development of the Situation in the World in 1938-1939

The author draws readers' attention to the significance of the 'Ukrainian question' that was underestimated in post-war and modern historiography and that was very important for understanding the tactics of the main diplomatic players in Europe before the beginning of the Second World War. During the earthshattering events of 1938-1939 Ukraine was not a subject of international relations, though Ukrainian factor 'played a very important and sometimes even the key role in the relations between the USSR and the West which decided the fate of the world for the first but not last time during these years'.

Mikhail Meltyuhov

'Sanitary Cordon': Strategic Problem and Its Solution

The author says that since the second half of 1920s the foreign policy of the USSR was strategically aimed at global reorganization of Versailles-Washington system of international relations, and because of this England, France and their allies became its key enemies. 'Sanitary Cordon' against the Soviet Russia was an important tool of this system. But the situation became more complicated due to the fact that Nazi came to power in Germany and strengthened very quickly their positions in Europe in the middle and second half of 1930s. It gave the Soviet leaders more possibilities, though also much more risky, to solve the strategic tasks.

Mikhail Meltuhov gives a deep coverage of the preconditions for elimination of 'Sanitary Cordon' and of the efforts that were taken to do it. He also focuses on the fact that in autumn 1939 – in summer 1940 territories with a total area of 457 thousand square kilometers and with a population of 23 million of people became a part of the USSR. Thus successfully maneuvering between two alliances at war the Soviet leaders managed to greatly expand the territories of the USSR and gain back the control over the strategically important regions most of which were earlier a part of the Russian Empire that was lost during the years of the Civil War as a result of outside aggression. So the events of 1939-1940 were a kind of revanche of the USSR for the defeat during the time of the Civil War.

Oksana Petrovskaya

Forming of the Borders of Western Byelorussia in 1939-1940

The article written by Oksana Petrovskaya is devoted to the problem of 'implementation of the Soviet project that implies the formation of Byelorussian nation and its statehood'. The author says: 'By expanding the USSR to the West the Soviet leaders fed Byelorussian nationalism, united an ethnos in one state, strengthened its national consciousness as well as protected the Byelorussian people from German threat.

A purposeful personnel, national and sociocultural Soviet policy was aimed at giving the Western region of the republic the ethnic Byelorussian image. But due to the isolation of the region it was difficult to unify the life style and way of thinking of the people in Eastern and Western Byelorussia, which was the goal of sovietization'. The USSR decided where its borders will be in compliance with the strategic, political and economic goals and 'ideological and historical formulas' were chosen according to the tasks set and were not always supported by reliable data. It contributed to a large extent to the fact that after the end of the Second World War the borders of Western Byelorussia were again a subject to transformation.

Sergey Nazariya

Annexation of Bessarabia to the USSR: diplomatic and legal aspects

The article covers different aspects of how the Moldavian people got their statehood when Moldavia was a part of the USSR. Though since 1918 the Soviet Union had never recognized the annexation of Bessarabia by Rumania, approach of the new world war demanded the practical solution of the Bessarabian problem. The Molotov–Ribbentrop Pact dated 23d of August, 1939 became the first real signal of preparation for solving the 'Bessarabian problem' and provoked embarrassment in Bucharest. The Soviet leaders were interested in Bessarabia only as far as its inclusion back in the Soviet Union was concerned. The author also pays attention to the following circumstances and appraisals: 'Considering the different evaluations of the events we must admit that the inclusion of Bessarabia in the Soviet Union had a positive impact on the Moldavian people that made them free from 22-year alien enslavement as well as created the conditions for restoration of Moldavian statehood. The Moldavian SSR was created on the 2nd of August, 1940 and the modern Republic of Moldova is its successor'.

Vladimir Komar

Polish Plans of Solving the Ukrainian Problem before the Second World War

In this research the author analyses the peculiarities of policy of Polish authorities concerning the Ukrainian problem and the mechanism of its implementation. Basing on the records and archival materials the author tried to amend the view of this problem paying attention to the fact that there were two political conceptions in Polish policy in an interwar period competing with each other. The first one – 'the conception of federalism' – was offered by marshal J. Pilsudsky and its surroundings. The second one – 'the conception of incorporation' – was created by R. Dmovsky, the main ideologist and the most influential person among Polish national democrats, a political opponent of J. Pilsudsky. The Second World War interfered with the implementation of the Polish governmental plans in the Western Ukraine which should have been implemented until the end of 1941 by making the Poles ethnically dominating in this region. It is ironic that after the war the communist party in Poland in its own way implemented the plans of the leaders of the time of J. Pilsudsky by evicting the Ukrainians from the frontier regions of Poland inland.

Valdemar Ryezmer

National changes in Volhynia and Eastern Galicia during the Second World War in the light of the work of international historical seminar 'Poland-Ukrainian: difficult questions'

In post-communist period in Poland it was not very difficult to conceal massacres more similar to ethnic cleansing and having features of genocide in Volhynia and Eastern Galicia because Ukrainian nationalists mostly killed the families of Polish peasants who were poorly educated, had no influence in the country or abroad and had no public, national or spiritual leaders. Most of these people are still nameless. The author is concerned about the fact that many representatives of the Ukrainian business and scientific leaders either kept silent about the tragic Polish-Ukrainian conflict in 1939-1947 and massacres of the Poles committed then or claimed that there are two truthful points of views of those events: Polish and Ukrainian. However there are also positive features in teamwork of the scientists. As a main result of the seminars organized in 1996 – 2008 there were 11 collections published called 'Poland-Ukraine: difficult problems'.

Igor Ilyushin

Resettlement-Deportation Actions in 1944-1947 at the Ukrainian-Polish Frontier: Debatable Questions in the Modern Ukrainian Historiography

In this article the author gives a deep historiographic analysis of this range of problems, evaluates the source and idea basis of the debatable questions in the history of Ukraine (including its regional centres), and in Ukrainian emigrant communities in the West. The author draws the readers' attention to the fact that representatives of different historiographic schools find this problem very urgent, be-

cause it has political and economic hidden motives, as it is still unclear if the moral and material losses incurred by the deported population will be paid. Ukrainian researchers also pay a lot of attention to how deep this range of problems is studied by their Polish colleagues. Igor Ilyushin is absolutely sure that in the next few years resettlement-deportation actions in 1944-1947 at the Ukrainian-Polish frontier will stay in the centre of attention of both Polish and Ukrainian historiography.

Petr Shornikov

Reunion of Bessarabia with Russia/USSR and Mass Resettlement of the Population

Reunion of Bessarabia with Russia/USSR in 1940 caused two opposite streams of migration. Workers and craftsmen wanted to come home from Rumania as well as peasants who left Bessarabia because of unemployment, young people called up for military service in Rumanian army and intellectuals who had no opportunity to do professional job at home, that's why re-emigration to Bessarabia turned out to be much more massive. On the contrary, there were people who had to leave Bessarabia for political reasons: those who worked in occupational machinery, such as officers of the Rumanian army, their families, gendarmes, policemen, civil officials and so on as well as former Whites and emigrants who were afraid of Soviet repressions for their political activity in the past. However, Rumanian government did not want to help most of the people who were politically connected with the Rumanian state. Order # 6100 dated 28th of June, 1940, read that first of all it would be allowed to the Romanians from the Old Kingdom to evacuate, and then to the Bessarabian and Bukovinian Romanians, what the Jews and Ukrainians concerns, they could not leave the country at all. Thus Bucharest gave Russian, Ukrainian and Jewish opponents of bolshevism directly to NKVD.

Alexandr Dyukov

From Ethnic Exile to Deportation of the 'Dangerous Element': Lithuanian and Soviet deportation actions in Lithuania, 1939-1941

The author says that forcible resettlement of certain 'disloyal' groups of population took place not only in the USSR, but also in small Eastern-European states, in particular in Lithuania. For Lithuanian authorities the most obvious marker of potential 'disloyalty' was ethnic origin and the Soviet authorities considered membership of 'counter-revolutionary' categories to be such a marker. After Lithuania joined the USSR local Soviet authorities were quite independent while preparing the repressive actions, but if the regional government offered a plan that included too many people their number was reduced by Moscow. Both Lithuanian and Soviet authorities explained their repressive actions by increasing activity of 'disloyal' and 'hostile' element. Alexandr Dyukov says that 'this activity was not mythic, but it is necessary to make a thorough scientific analysis of commensurateness of the repressive measures taken against hostile activists'.

Vladimir Makarchuk

Deportations and Transfers of the Population: Evil or Necessary Evil

The author says that modern Ukrainian historiography and legal history see deportations and transfers of the population only in a negative light as they are considered to be the cruelest example of the communist and totalitarian policy. Deportations during the World War II were considered to be 'punishment for ethnic minorities' for 'disloyalty' to Soviet power. What the population exchange between Ukrainian SSR and Poland concerns, here again we see forcible exiles. But Vladimir Makarchuk thinks that the idea of explanation of deportations and forcible transfers as 'punishment' for civilians for military crimes of their titular state, anticommunism and resistance to regimes (or as a variant as 'deterrent' for them) is quite a weak spot.

Ivan Terlyuk

World War II and ethnodemographic changes in the Western regions of Ukraine

World War II caused great demographic changes in Ukraine, in particular in its Western parts. The author shows a shocking statistics according to which in 5 years (1940 – 1945) the population in the Western regions of Ukraine decreased by 2320.7 thousand people or by 31.8%. But partially the

loss of the population in the Western regions of Ukraine is not absolute: migration of the population (political during the prewar and war time and compulsory during the war) played also a very important role in the decrease of the population. Ethnic image of the Western regions of Ukraine dramatically changed due to forcible exchange of population between Poland and Ukraine during the postwar period, exit of Czechs from Volhynia and resettlement to Poland of a lot of Galician and Volhynian Jews which managed to survive during the war – the region practically lost its ethnic minorities. A lot of Russians came together with the Ukrainians from the East to the Western Ukrainian region, their quantity becoming bigger and them getting more and more significance. The author says that in general ethnic processes in the Western regions of Ukraine in postwar period became more homogeneous than before the war.

Aron Shneer

Are they now Letts? Or... Germans? Social aspects of the fate of children from Russia and Byelorussia deported to Latvia in 1942-1944

The fate of children who were deported to Latvia in 1941-1944 is one of the historical subjects that is practically not studied. We know that Jewish children were killed together with their parents in 1941-1942. For example, only in Riga there were 8 thousand Jewish people killed. But the author says that the fate of the children who were not Jewish but lived in Byelorussia, Pskov, Kalinin and even Kursk and Smolensk regions that bordered Latvia was also tragic. As a result of anti-partisan operations organized by Nazi on these territories men were mostly killed and women and children were deported to Latvia and lived there in horrible conditions in concentration camps: Salaspils, Rezekne, Daugavpils. Many of these children who were orphans or were forcibly separated from their mothers were given to Lettish peasants and partially deported to Germany. Aron Shneer says: 'There is no doubt that thousands of Russian and Byelorussian children in 1943-1944 were intentionally and forcibly assimilated in an environment that was alien to them'.

Sebastian Shonemann

Changing the citizenship: Displaced Persons from Eastern Europe on their way to emigration

At the beginning of 1947 the policy concerning displaced persons underwent significant changes. Before 1947 the main sphere of work of the United Commissions Dealing with Displaced Persons was repatriation. After 1947 those who still lived in the camps for displaced persons and did not want to be repatriated started to think more and more often about an opportunity to emigrate. Bigger part of these displaced persons was from Eastern Europe, and emigration was for them the only way to avoid camps. The author says that elimination of the United Nations Relief and Rehabilitation Administration (UNRRA) and establishment of its successor, The International Refugee Organization (IRO), and its Preparation Committee (PCIRO) 'provided an opportunity to practically implement these changes in politics, as a possibility to emigrate was now mentioned in the regulations of IRO, though repatriation was still used as a main approach'.

Viktor Kondrashin

Hunger of 1946–1947 in Russia and Ukraine: Common and Specific

The problem of hunger of 1946–1947 in Russia and Ukraine was concealed up to 1988 in the USSR, because Stalin and his authorities and then other leaders did not admit that it happened at all. The situation changed after disintegration of the USSR and collapse of the Soviet system. In the last twenty years there have been formed two approaches to this problem. Supporters of the first one including the author of this article think that hunger of 1946–1947 differs greatly from the first hunger that happened in the time when Stalin was in power in 1932–1933, because considering objective and subjective reasons it was mostly caused by drought and consequences of war, that means by objective factors, and only then by actions of the authorities (that means by a subjective factor). Supporters of the second approach to the reasons of hunger of 1946–1947 in the USSR (which is present in the Russian history and dominates in the Ukrainian one) argue that this hunger was directly caused by the actions of the authorities who provoked it by a policy of excessive grain procurements which left

out of account the drought and the condition of starving people, and who gave priority to geopolitical interests of the country and to the conditions of ruling bureaucrats. Considering the problem of different approaches in Russian-Ukrainian historiography the author tried to make a comparative analysis of hunger of 1946–1947 in Russia (the RSFSR) and Ukraine (the USSR) and to find common and specific reasons, scales and consequences of this tragedy.

Documents

Lithuanian Activist Front's "Instructions on Lithuania's Liberation" of 24 March 1941.

Lithuanian Activist Front of LAF (established in 1940 and banned in 1941) was a clandestine nationalist organization in close connection with German secret service. LAF's top-secret documents containing it's directives were intercepted by NKVD. It's a good source of information on LAF's ideolody and policy which surprisingly reminds the ideas and the practice of another unit collaborating with Nazi - Organisation of Ukrainian nationalists (OUN). But if the OUN's activity was often an object of interests in academic research in Russia, Poland, Western Europe and USA, this is not the case of LAF's one. There is no research in Russian on it's activity and ideology. There are few publications In English regarding some aspects of crimes commited by LAF (about it's participation in extermination of Jews in the main). The most part of ducuments of LAF and affiliated organisations are published in Lithuanian, consequently are not available for researchers beyond Lithuania. Therefore the publication of the "Instruction" in Russian (translated from Lithuanian by V. Šharas), predeared by Alexander Dyukov, may by an important contribution in historical reseaches on tangled and complicated events on Baltic region in 1940-1941.

Reviews

Traverso E. L'histoire comme champ de bataille: Interpréter les violences du XXe siècle. Paris: "La Découvert", 2011. 299 p.

The monograph of E. Traverso 'History as a battlefield' is a very deep historiographic and historic-philosophical work rich in facts and theoretical material. It is a collection of articles and essays written or published earlier, that has one common subject: study of a difficult and diverse problem of political and military violence in the past 20th century. The author says that he has worked on it for 15 years. Olesya Orlenko, his reviewer, thinks that this book deserves to become 'a part of the list of mandatory literature for all the researchers of modern and contemporary history. Despite the fact that the author used mostly Western European material, he made successful and interesting comparisons with the situation in Eastern Europe. The work is notable for conceptual integrity and is a wonderful example of an application of comparative analysis method.

Atrocities on Trial. Historical Perspectives on the Politics of Prosecuting War Crimes / Ed. by Patricia Heberer and Jurgen Matteus. Lincoln-London: University of Nebraska Press, 2008. 327 p.

Despite the fact that the authors of the reviewed collection decided not to publish the general conclusion, Yelena Braun decided to single out, if we can put it like this, their points of contact. Unlike many Western historians, the researchers represented in the collection do not overestimate the importance of the Nuremberg Trials and the following efforts to condemn military criminals. On the contrary, most of the authors concentrate on the shortcomings and mistakes of the so-called Nuremberg justice. The researchers say that the Nuremberg Trials were not continued in the necessary way also because of the Cold War. Besides, almost immediately after they were over, many states including Austria and France were in a hurry to forget that among their citizens there were quite a lot of Nazis. Claiming that they were victims of the Third Reich these countries practically did not prosecute mili-

tary criminals. In general the authors come to a poor conclusion that most of the Nazis did not suffer deserved punishment and due to political factors criminal trials on the military criminals did not become really massive. Now that we are separated from these events with more and more years, Nazi crimes are considered in a more removed way that is sometimes closer to indulgence.

Pil'ko N.S. Sloveniya v gody okkupatsii. S. Peterburg: Aleteya; Moscow: Dr. France Pershern, 2009. 160 s.

Artem Kirpichenok, the reviewer of the monograph 'Slovenia in occupation years' written by N. Pilko, says that it is based mostly on the materials of Slovenian records and literature published on the territory of the former Yugoslavia. In the introduction there is a factful review of modern historiography devoted to the subject of work where the topic of revisionism is also touched. The author says that there are two approaches to the problem of occupation of Slovenia in the modern Slovenian historiography. The first one continues the tradition of historiography of SFRY and condemns the cooperation with occupants. The second one contains revisionist theses concerning the 'suitability of cooperation with Nazi occupants when we speak about the safety of people and their independence'. Together with this some authors try to show those who cooperated with German Nazi and Italian fascist regimes as fighters for 'safety of their country from the bigger threat – communism'. Pilko thinks that this point id view is untenable, and in the recent time you can see it mostly in journalistic materials that are based on different kinds of interview and memoirs and not on the records.

Puga A. Eiropa: Latvijas un Krievijas 1920. gada miera līgums. Dokumenti, liecības un atziņas. Rīga: Zvaigzne ABC, 2010. 208 lpp.

In his review Vladimir Simindey criticizes severely a book of Arturs Puga, the former Latvian diplomat, doctor of history 'Europe: Latvian-Russian Peace Treaty of 1920. Documents, Evidence and Conclusions' published in Riga in the Lettish language. He draws the readers' attention to the fact that this book prepared with a support of the Representative Office of the European Commission in Latvia contains too many flaws in scientific structurization and text design which claims to be historic. Vladimir Simindey is also surprised with the straightforward political judgments of the author, for example, about 'validity' of the Peace Treaty signed by Latvia and the Soviet Russia on the 11th of August, 1920, which really expired already on the 5th of August, 1940, because Latvian SSR was incorporated into the Soviet Union.

Partizanų teroro aukų atminimo knyga / Sud. P. Masilionis. Vilnius: Politika, 2011. 610 p.

In his review of the 'Book of Memory of Victims of Partisan Terror' (where 'national partisans' are meant) published at the end of 2011 in Vilnius Alexandr Dyukov focuses on its unique character as in the post-Soviet period the authorities and scientific society of Latvia were not interested in studying and covering thousands of fates of civilians killed in 1944 – 1956 by the 'Forest Brothers'. The book is edited by P. Masilenis and informs the readers about almost 9 thousand civilian victims. It is important to say that the writers managed to use the documents from the Special Archives of Lithuania that are now hardly available for researchers, as in 2007 the government of Lithuania confirmed the Rules of Limited Access and Use of the Special Part of the National Archival Fund. As a result the historians can not study some documents without a special written permission given by the State Security Department.

ОБ АВТОРАХ

Браун Елена Давыдовна
к.и.н., доцент кафедры всеобщей истории Российского государственного гуманитарного университета (Россия)

Вильнов Александр Дариевич
историк (Россия)

Дюков Александр Решидеович
директор фонда «Историческая память» (Россия)

Ильюшин Игорь Иванович
д.и.н., заведующий кафедрой международных отношений Киевского славистического университета (Украина)

Кирпиченок Артем Иванович
PhD, преподаватель кафедры русской и славянской истории и литературы Иерусалимского университета (Израиль)

Комар Владимир Леонович
к.и.н., заведующий кафедрой истории славян Прикарпатского национального университета им. В. Стефаника (Украина)

Кондрашин Виктор Викторович
д.и.н., заведующий кафедрой отечественной истории и методики преподавания истории Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского (Россия)

Макарчук Владимир Степанович
д.ю.н., к.и.н., профессор Национального университета «Львовская политехника» (Украина)

Мельтюхов Михаил Иванович
д.и.н., старший научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела (Россия)

Назария Сергей Михайлович
к.и.н., д.п.н., доцент Государственного института международных отношений Молдовы (Молдавия)

Орленко Олеся Евгеньевна
руководитель международных программ фонда «Историческая память» (Россия)

Петровская Оксана Васильевна
д.и.н., ведущий научный сотрудник Российского института стратегических исследований (Россия)

Прусин Александр
PhD, профессор истории Горно-технологического университета Нью-Мексико (США)

Резмер Вальдемар
PhD, профессор, декан факультета военной истории Института истории и военных наук (Польша)

Симиндей Владимир Владимирович
руководитель исследовательских программ фонда «Историческая память» (Россия)

Терлюк Иван Ярославович
к.и.н., профессор кафедры теории и истории государства и права Львовского государственного университета внутренних дел МВД Украины (Украина)

Толочко Дмитрий Михайлович
к.и.н., доцент Гомельского государственного университа им. Ф. Скорины (Белоруссия)

Шенманн Себастьян
PhD,научный сотрудник международной информационной службы ITS (Германия)

Шнеер Арон
PhD, сотрудник Мемориала Яд-Вашем в Иерусалиме (Израиль)

Шорников Петр Михайлович
к.и.н., доцент Приднестровского университета (Приднестровская Молдавская Республика)
Шубин Александр Владиленович, д.и.н., руководитель Центра изучения России, Украины и Белоруссии Института всеобщей истории РАН (Россия)